

Джейн Йолен
КНИГИ ВЕЛИКОЙ
АЛТЫ

Джейн Йолен
Книги Великой Альты
Серия «Великая Альта»

Сканирование – Бульвенорг, spellcheck – Helen, Дмитрий Миронов
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157327

Книги Великой Альты: АСТ; 2000

ISBN 5-17-000492-3

Оригинал: Jane Yolen, “The Books of Great Alta”

Перевод:

Н. И. Виленская

Аннотация

Эта легенда пришла из времен дальних – времен чужедальних, из времен, когда миром правил закон меча и магии. Легенда о днях мужества, бесстрашия, верности. Легенда о днях войны, крови, гибели. Легенда о женщине, взявшей в руки оружие, дабы исполнить великий и скорбный жребий, предначертанный древним пророчеством. О той, которую называли по-разному – Дженной и Анной, убийцей и святой. Об отважнейшей из отважных. О любимой из дочерей Великой Альты.

Читайте “Книги Великой Альты” – самый культовый роман-фэнтези последних лет!

Содержание

ПРОРОЧЕСТВО И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ	8
Книга первая	10
МИФ	10
ЛЕГЕНДА	11
ПОВЕСТЬ	12
ПЕСНЯ	20
ПОВЕСТЬ	21
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	23
ПОВЕСТЬ	25
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	36
ПОВЕСТЬ	39
ЛЕГЕНДА	45
ПОВЕСТЬ	46
БАЛЛАДА	49
ПОВЕСТЬ	52
МИФ	55
Книга вторая	56
МИФ	56
ЛЕГЕНДА	57
ПОВЕСТЬ	58
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	77
ПЕСНЯ	81
ПОВЕСТЬ	82

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	99
ПОВЕСТЬ	102
БАСНЯ	107
ПОВЕСТЬ	109
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	124
ПОВЕСТЬ	127
Книга третья	143
МИФ	143
ЛЕГЕНДА	144
ПОВЕСТЬ	145
ПЕСНЯ	153
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	154
ПОВЕСТЬ	157
БАЛЛАДА	174
ПОВЕСТЬ	176
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	193
ПОВЕСТЬ	197
ПЕСНЯ	226
ПОВЕСТЬ	227
ЛЕГЕНДА	252
ПОВЕСТЬ	253
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	273
ПОВЕСТЬ	275
Книга четвертая	298
МИФ	298
МИФ	299

ЛЕГЕНДА	300
ПОВЕСТЬ	301
ПЕСНЯ	315
ПОВЕСТЬ	317
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	324
ПОВЕСТЬ	327
Белая Дженна	340
МИФ	340
Книга первая	341
ЛЕГЕНДА	341
МИФ	341
ПОВЕСТЬ	342
ПЕСНЯ	345
ПОВЕСТЬ	346
ПЕСНЯ	358
ПОВЕСТЬ	360
ЛЕГЕНДА	375
ПОВЕСТЬ	377
МИФ	380
Книга вторая	381
МИФ	381
ЛЕГЕНДА	381
ПОВЕСТЬ	382
ПЕСНЯ	385
ПОВЕСТЬ	385
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	393

ПОВЕСТЬ	394
СКАЗКА	405
ПОВЕСТЬ	407
МИФ	427
Книга третья	428
МИФ	428
ЛЕГЕНДА	428
ПОВЕСТЬ	429
ПЕСНЯ	432
ПОВЕСТЬ	433
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	447
ПОВЕСТЬ	451
БАЛЛАДА	461
ПОВЕСТЬ	464
СКАЗКА	483
ПОВЕСТЬ	484
БАЛЛАДА	493
ПОВЕСТЬ	494
Книга четвертая	499
МИФ	499
МИФ	499
ЛЕГЕНДА	500
ПОВЕСТЬ	502
ПЕСНЯ	515
ПОВЕСТЬ	516
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	522

ПОВЕСТЬ	525
СКАЗКА	570
МИФ	572
Книга пятая	573
МИФ	573
ЛЕГЕНДА	573
ПОВЕСТЬ	575
ПЕСНЯ	584
ПОВЕСТЬ	584
ПЕСНЯ	627
ПОВЕСТЬ	629
ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	632
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	634
ЛЕГЕНДА	640
МИФ	641
МУДРОСТЬ ДОЛИН	641

Джейн Йолен

Книги Великой Альты

ПРОРОЧЕСТВО И ЕГО ТОЛКОВАНИЕ

«И сказал пророк: „Белое дитя с черными глазами родится от девы в зимнюю пору. Бык в поле, гончая у огня, медведь в берлоге, кошка на дереве – все склонятся перед нею и воспоют: «Славься, славься, славнейшая из сестер, ты, что бела и черна, ты, что свет и тьма, ты, чье пришествие – начало и конец. Трижды ее мать будет умирать, и трижды она осиротеет, и будет она отделена от других, дабы все могли узнать ее“.

Так начинается гарунийское пророчество о магическом рождении Белой Девы, лежащее в основе всех фольклорных сюжетов и изречений, трактующих о королеве-воительнице. Все истории о «рождении героя», возникающие долгое время спустя после самого события, не случайно похожи одна на другую. (См. о рождении альтианской Анны, или Белой Девы, мотив 275ф в «Словаре фольклорных мотивов Долин» Хиатта.) Данный сюжет трактует о пришествии Белой Дженны, королевы амазонок, фигуры, неизменно при-

существующей в мифах раннего гарунийского периода во время и после печально известных Межполовых войн.

Книга первая БЕЛОЕ ДИТЯ

МИФ

Тогда Великая Альта заплела левую сторону своих волос, золотую, и опустила косу в колодезь ночи, и достала оттуда царицу тьмы. Заплела она правую сторону своих волос, темную, и поймала темной косой царицу света, и поставила обеих рядом.

«Быть вам сестрами, – молвила Великая Альта. – Одна будет как зеркальное отражение другой. Я связала вас моими волосами, и да будет так».

И она окутала и обвила их своими косами, и они стали как одна.

ЛЕГЕНДА

Случилось это в городе Слипскине. Под самый конец зимы родилось там чудесное дитя. Когда ее мать, сама еще дитя, опустилась на колени между грудами овчин, чтобы вырыть ямку в земляном полу, из чрева ее опустилась пуповина, словно веревка, и по ней ногами вперед спустился ребенок. Как только ножки девочки коснулись пола, она перегрызла пуповину зубами, махнула ручонкой пораженной повитухе и вышла в дверь.

Повитуха повалилась без чувств, а когда очнулась, то увидела, что дитя ушло, а мать скончалась от потери крови. Женщина рассказала своей старшей дочери о том, что случилось. Поначалу они хотели это скрыть, но чудеса обладают свойством объявлять о себе сами. Дочь рассказала сестре, та подруге, и весть об этом разнеслась повсюду.

В Слипскине и посейчас рассказывают об этом чудесном рождении. Говорят, будто это было Белое Дитя, Дженна, Светлая Сестра великого похода, Анна.

ПОВЕСТЬ

Роды шли, как обычно, до самого конца, но когда дитя с криком показалось из чрева, стало видно, что вокруг рученок обмотана пуповина. Повитуха закричала вместе с младенцем. Она приняла множество родов и видела немало чудес – и детей, рождавшихся в сорочке, и сросшихся близнецов, но такого не видывала никогда. Она сделала правой рукой знак Богини, соединив большой и указательный пальцы в кольцо, и воскликнула: «Великая Альта, помилуй нас».

Как только она произнесла это имя, дитя утихло.

Повитуха, вздохнув, взяла дитя со шкуры, посланной поверх ямки в полу.

– Девочка, – сказала она, – дитя Богини. Да благословит тебя Альта. – Повитуха обернулась к родильнице и тут увидела, что та мертва.

Женщине ничего не осталось, как перерезать пуповину и заняться сначала живой. Мертвая может подождать, пока ее обмоют и оплачут – у нее впереди вечность. Но чтобы призрак умершей не преследовал ее до конца дней, повитуха между делом произнесла молитву:

Во имя пещеры горной.

Во имя могилы черной.

Во имя всех, что упорно брели

К свету от света в муках,
О Альта, молитве моей внемли!
Женщину эту
Прими под свою руку.
Одень в свои косы, как в день и в ночь.
Тенью смежи ей веки.
Чтоб стала младенцем она вновь.
Отныне – навеки.

– Это ее успокоит, – пробормотала про себя повитуха.
Вновь стать младенцем, лежать у груди Вечной Альты – это ли не цель всякой жизни?

Женщина надеялась, что ее скорая молитва утешит страдальицу хотя бы до тех пор, пока не зажгут свечи – по одной за каждый прожитый год и еще одну за упокой души, в ногах. Прежде всего ребенок – к счастью, это девочка, и живая. В последние тяжкие годы исход не всегда бывал столь благополучным. Но этому мужчине повезло – ему придется оплакивать только одну.

Обтерев девочку, повитуха увидела, что дитя светлокочее, с белым пушком на голове и ручонках. На тельце не было ни единого изъяна, а темные глазки смотрели так, как будто уже видят – они следовали за пальцем повитухи влево и вправо, вверх и вниз. И как будто этого мало, малютка еще ухватила повитуху ручонкой за палец, да так крепко, что не разжать. Даже когда женщина свернула тряпичную соску и обмакнула в козье молоко, девочка все держалась за палец,

хотя тряпицу сосала исправно.

Когда отец ребенка вернулся с поля и его, наконец, удалось оторвать от тела жены, чтобы он взглянул на малютку, та по-прежнему держала повитуху за палец.

– Боевая девка, – сказала женщина, протягивая отцу свою ношу.

Но он не взял крошку на руки. Белая плачущая кроха показалась ему плохой заменой рыжеволосой, страстно любимой жене. Он потрогал мягкое темечко, где под кожей билась жилка, и сказал:

– Раз уж она такая боевая, снеси ее к воительницам, что живут в горах. Я не могу принять ее, пока оплакиваю ее мать. Ведь это она – причина моей потери. Я не могу любить, когда горе так велико. – Он сказал это тихо и без гнева, поскольку всегда был человеком ровного и спокойного нрава, но повитуха различила камень под этими тихими словами. К чему малютке биться об этот камень снова и снова без всякой пользы. И женщина сказала то, что сочла правильным:

– Жительницы гор примут ее и будут любить так, как не можешь ты. Они славятся своими материнскими чувствами. И клянусь – они возрастят ее для еще более чудесной доли, чем пророчат ее крепкий кулачок и рано прозревшие глазки.

Если мужчина и воспринял ее слова, то не показал виду – его плечи уже сгорбились под бременем горя, которому, хотя он этого и не знал, предстояло вскорости свести его в могилу. Ведь не зря говорят в Слипскине: «Сердце не колено, оно не

гнется».

Тогда повитуха взяла дитя и ушла. Задержалась она только, чтобы оповестить могильщиков и позвать двух женщин, чтобы обмыли покойницу и одели в саван, пока та еще не совсем окоченела. Она рассказала им о чудесной малютке – изумление от виденного еще не оставило ее.

Поскольку она слыла упрямой женщиной – что, бывало, втемяшится ей в голову, на том она и стоит, точно игла в воде, что указывает на север, – никто не стал отговаривать ее от похода в горы. Никто, даже она сама, не ведал всей меры ее страха – она боялась и ребенка, и своего путешествия. Отчасти она надеялась, что горожане остановят ее, но другая ее часть, упрямая, все равно настояла бы на своем – и люди, чувствуя это, приберегли дыхание для того, чтобы передать ее рассказ другим. Не зря говорят в Слипскине: «Лучше рассказать историю, чем пережить ее».

И вот повитуха отправилась в горы, где никогда прежде не бывала, в надежде, что часовые Великой Альты заметят ее, не дав ей зайти слишком далеко. Дитя она прижала к груди, словно амулет.

К счастью, ранняя оттепель растопила снег, очистив горные тропы, иначе повитуха не добралась бы и до того места, куда пришла. Она была городской женщиной, чьи обязанности гоняли ее из дома в дом, словно побирושку. Она не знала ничего об опасностях леса и о больших желтых диких кошках, что живут в горах. С запеленутым ребенком у

груди она пустилась в путь бодро и дошла до подножия горы на удивление удачно, ни разу не оступившись и без единой царапины. Даже сильные мужчины-охотники не всегда бывали столь удачливы. Правду, видно, говорят: «Не рыба всех в реке умнее».

Первую ночь женщина провела меж вывороченных корней сожженного молнией дерева, дав ребенку пососать из рожка, заткнутого тряпицей. Сама она поела черного хлеба с сыром и согрелась сладким вином, полмеха которого несла с собой. Ела она вдосталь, поскольку думала, что придется переночевать только раз, прежде чем она доберется до горных кланов. А там, она была уверена, женщины гор, которых она давно хотела посетить – она думала о них всегда с завистью и страхом, – накормят ее, напоят и одарят золотом за то, что она им принесет. Она привыкла думать, как все городские жители: ты – мне, я – тебе. Она не понимала ни гор, ни живущих там людей, не знала, что голодного там накормят всегда, а золота не держат вовсе, ибо не видят в нем нужды.

Второй день выдался ясным. Облака виднелись лишь на самом краю неба. Женщина выбрала дорогу вдоль берега быстрого ручья – это казалось ей проще, чем прокладывать новую тропу. Если бы она заметила помет и знала, кому он принадлежит, она поняла бы, что это излюбленное место горных кошек – в ручье водилась в изобилии форель, особенно глупая по вечерам, когда в воздухе кишит мошкара. Но повитуха была городской женщиной и умела читать толь-

ко по книге, а не на земле. Она не слышала кошек и не замечала следов от когтей на деревьях.

На вторую ночь она положила малютку в развилку дерева, полагая, что там дитя в безопасности, а сама спустилась к ручью, чтобы искупаться при луне. Будучи городской женщиной и повитухой, чистоту она ставила превыше всего.

И когда она нагнулась, полоща волосы в холодной воде и сетуя вслух на затянувшееся путешествие, кошка прыгнула на нее – быстро, бесшумно и уверенно. Женщина мучилась не больше мгновения – но дитя в миг ее гибели издало высокий, тонкий писк. Испуганная кошка бросила добычу и стала тревожно оглядываться.

Стрела вонзилась ей в глаз, и она мучилась чуть дольше, чем повитуха. Кошка корчилась и выла, пока одна из охотниц из жалости не перерезала ей глотку.

Дитя на дереве раскричалось опять – громко, на весь лес.
– Что это? – сказала более плотная из двух охотниц, та, что перерезала кошке горло. Обе стали на колени у мертвой женщины, тщетно отыскивая признаки жизни.

– Может, это голодные котята этого зверя?

– Полно тебе, Марджо, – в такую раннюю пору года?

Более хрупкая охотница пожала плечами.

Дитя в своей неудобной колыбели снова подало голос. Охотницы встали.

– Это не котенок, – сказала Марджо.

– Но все равно детеныш, – сказала другая.

Они без ошибки направились к дереву и нашли дитя.

– Волосы Альты! – сказала первая охотница. Она сняла дитя с дерева, развернула и осмотрела белое тельце.

– Это девочка, Сельна, – кивнула Марджо.

– Будь благословенна, – шепнула Сельна – то ли Марджо, то ли мертвой повитухе, то ли далекой Альте.

Они похоронили мертвую – это был долгий, тяжелый труд, ибо земля еще не совсем оттаяла. Потом освежевали кошку и завернули дитя в теплую шкуру. Малютка тут же пригrelась и уснула.

– Наша будет, охотница, – сказала Сельна. – Даже не поморщилась от кошачьего запаха.

– Она еще не умеет морщиться.

Сельна, не отвечая ей, глядела на ребенка.

– Верно, стало быть, говорят жители селений: «Сухое дерево, падая, увлекает за собой живое».

– Ты слишком часто говоришь чужими словами, – сказала Марджо. – Притом словами поселян.

– А ты говоришь моими.

Тут обе умолкли и зашагали по знакомой тропе в горы, к своему дому.

* * *

Они не ожидали торжественной встречи, и никто их не встречал, хотя многочисленные караульщицы заметили их

из засады. Охотницы в известных им местах передавали знаками свои тайные имена, и караульщицы снова исчезали в лесу либо уходили в гладкую на вид скалу.

Сами охотницы получали вести в виде птичьего щебета или волчьего воя, хотя поблизости не было ни птиц, ни волков. Эти звуки говорили о том, что их признали, а в одном из посланий им предлагалось поскорее доставить свою ношу в Большой Зал. Они поняли и все без единого человеческого слова.

Но не успели они дойти до дома, как луна скрылась за горами на западе, и Марджо, простившись с подругой, исчезла.

Сельна, держа завернутое в шкуру дитя, шепнула: «До вечера», но так тихо, что малютка даже не шевельнулась.

ПЕСНЯ

Колыбельная горному котенку

Спи мирно, малютка-кошка,
В берлоге твоей темно,
А мать твоя Дженну-крошку
Оденет своим теплом.
Мехом своим, мой котик,
Мать Дженну оденет.
В плоти твоей плоти
Будет уютно Дженне.
Спи, киска, не плачь непрестанно.
Увидишь во сне лето.
Увидишь – летят фазаны.
Форели плещутся в реках.
Но Дженне приснится другое —
Тьма да слепящий свет.
И мать твоя нынче укроет
Малютку от ночи и бед.

ПОВЕСТЬ

В Большом Зале стояли колыбели – одни из дуба, с прожилками, словно реки, бегущие к морю, другие из белой сосны, такой мягкой, что в изголовье виднелись, словно руны, следы от ребячьих ноготков. Но Сельна почему-то не положила ребенка ни в одну из них. Она весь день носила дитя у груди, думая, что ровное биение ее сердца успокоит малютку.

Новых приемышей нередко носили на руках. Их нянчили все женщины хейма, хотя Сельна прежде не проявляла особой нежности к детям. Запах младенцев и их нытье ее отталкивали. Но эта малютка была совсем другая. От нее пахло не кислым молоком и слюнями, а горной кошкой, лунным светом и терном – как раз на этом дереве спрятала ее мать, убитая кошкой. Она плакала только дважды, каждый раз в миг чьей-то смерти, и Сельна сочла это особым знаком. Дитя, конечно, могло вот-вот почувствовать голод, страх, холод и запищать. Сельна приготовилась сразу же отделаться от младенца, как только тот завопит. Но дитя лишь смотрело на нее глазами цвета весенней ночи, как будто читала в ее душе, и Сельна продолжала носить его на руках. Все успели заметить это и обсудить, и Сельна уже не могла, из опасения, что ее пристыдят, сбить с рук свою легкую ношу. Сельна не боялась боли и лишений. Она гордилась тем, что может тер-

петь самые суровые наказания, она первая бросалась в бой, первая входила в холодный ручей и последняя садилась к огню. Но терпеть насмешки подруг по хейму она не умела.

К позднему утру, однако, малютка проголодалась и стала попискивать тихо, как цыпленок. Сельна покормила ее, как умела, из маленькой бутылочки – стряпухи очень дорожили ими. Обе порядком перепачкались во время кормления, поэтому Сельна понесла девочку в баню, согрела воду не так горячо, как обычно, и вошла в бассейн с голеньким тельцем на плече.

В теплой воде дитя довольно заворковало и уснуло. Сельна села на третью ступеньку так, что только их головы виднелись над водой, и сидела, пока кожа на пальцах не сморщилась, вода не начала остывать и рука, державшая дитя, не затекла. Тогда она неохотно встала, вытерла спящего ребенка, завернулась в полотенце сама и отправилась к себе. Идти было долго, и по пути ей встретилось немало женщин, но теперь уж никто не делал никаких замечаний. Девочка стала ее приемышем, хотелось Сельне этого или нет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Женщины воинственных горных кланов относились к материнству весьма серьезно. Та, что удочеряла ребенка, брала на себя полную ответственность за него. Дитя стряпухи росло среди кухонных котлов, делало первые шаги на мощеном полу кухни, ело, спало и болело детскими хворями в особом детском уголке.

Ребенка же, удочеренного одной из охотниц-воительниц, приемная мать носила повсюду с собой в специальном мешке. Ловентраут нашел свидетельство этому на знаменитых Барьярдских гобеленах (см. «Переноска детей в западных поселениях». Природа и история, т. 39). В широко известном Аррундейлском кургане был обнаружен кожаный мешок, чье предварительное исследование позволяет предположить, что именно такие использовались амазонками для переноски младенцев. (Подробнее об этих раскопках см. в фильме Зигеля и Залмона «Грабительство могил в Долинах».) Ноша, по утверждению Ловентраута, не мешала воительницам ни в бою, ни на охоте, что подтверждается текстами. В трех свитках, происходящих предположительно из архивов Г'руна Дальнострела, имеется графическое изображение битвы с участием горных кланов. В тексте говорится о «двухголовых воительницах», а также имеются слова: «Драгоценная ноша (у них) за плечами». Более всего

убедительна следующая цитата: «Она встречала врага грудью, дабы не выдать ту, что у нее за спиной». Варго утверждает, что выражение «за спиной» относится к боевой соратнице, так как позиция спиной к спине была обычной в рукопашном сражении. Если бы речь шла о младенце, замечает далее она, скорее следовало бы выразиться «на спине». Однако Доил в своей ценной, только что опубликованной работе по алтунской лингвистике указывает, что в древнем языке предлоги «на», «за» и «у» были взаимозаменяемыми.

ПОВЕСТЬ

– А ведь тебе придется дать ей имя, – сказала Марджо в ту ночь, лежа в глубине кровати. Лампа над ними бросала тени на стену и пол.

Сельна осторожно потрогала пальцем мягкую щечку спящего между ними ребенка.

– Если я назову ее, она и правда станет моей навсегда.

– Ну уж и навсегда! Мы с тобой столько не проживем. – Марджо потрогала другую щечку.

– Ребенок дает бессмертие, – тихо промолвила Сельна. – Это мостик в будущее, хотя она и не моей крови.

– Будет, если ты признаешь ее своей.

– Да разве могу я не признать ее – теперь? – Сельна села, и Марджо тоже. – Она смотрит только на меня, кто бы ни взял ее на руки. Она мне доверяет. Когда я пришла с ней в кухню на обед, и все захотели ее понянчить, она только и вертела головенкой, высматривая меня.

– Эко ты расчувствовалась, – со смехом сказала Марджо. – Новорожденные не могут вертеть головенкой. Они и смотреть-то еще не умеют.

– Она умеет. Дженна умеет.

– Ну, вот ты ее и назвала. Не дожидаясь меня.

– Ты мне сестра, а не наставница, – сердито бросила Сельна. Ребенок, слыша сварливые нотки, зашевелился. Сельна

улыбнулась. – И потом, Дженна – это детское имя. Я хочу назвать ее Джо-ан-энна.

– Джо – «любимая», ан – «белая», энна – «дерево». Это имеет смысл, ведь ее нашли на дереве, а волосы у нее, сколько их там ни есть, белые... А «Джо», полагаю, потому, что ты ее любишь, хотя и не знаю, как это ты привязалась к ней так скоро. Любовь не так легко возникает в твоём сердце в отличие от ненависти.

– Не будь дурой, Марджо. «Джо» – это в твою честь, и ты прекрасно это знаешь. – Сельна, протянув руку поверх ребенка, коснулась подруги.

Рука Марджо встретила ее на полпути, и обе улыбнулись, а дитя заворковало.

* * *

Утром Сельна отнесла Дженну лекарке Кадрин, и та осмотрела малышку с ног до головы.

– Крепкая девочка, – сказала Кадрин без улыбки. Улыбалась она редко. Говорили, что она зашила слишком много ран и срастила слишком много костей, чтобы находить в жизни хоть что-то веселое. Но Сельна знала, что Кадрин была неулыбчивой еще смолоду, когда только вступила на свое поприще. Быть может, она избрала это поприще как раз поэтому. – Хватка у нее удивительно сильная для новорожденной. И она следит глазами за движениями моей руки – это

редкость. Я хлопнула в ладоши, чтобы проверить ее слух, и она сразу вздрогнула. Она будет хорошей помощницей в лесу.

Сельна кивнула.

– Корми ее в одно и то же время, и по прошествии одной луны она будет спокойно спать всю ночь.

– Прошлой ночью она и так спала спокойно.

– Не надейся, что так будет всегда.

Но Дженна, вопреки словам лекарки, крепко спала и в эту ночь, и в следующую. Сельна, правда, старалась кормить ее точно в срок по совету Кадрин, опытной в обращении с детьми, но из-за ее многочисленных обязанностей ей это не всегда удавалось. Впрочем, дитя прекрасно переносило беспорядок в кормлении, а в лесу, привязанное к груди или спине Сельны, вело себя тихо, как заправская охотница.

Сельна хвалилась своей питомицей при каждом удобном случае и порядком надоела всем, кроме Марджо.

– Смотри, как бы от тебя не стали бегать, – сказала Дония, главная стряпуха, когда Сельна после двухдневной охоты свалила на кухонный пол косулю и семь кроликов. – Она чудесная малышка, спору нет. Крепкая и для глаз приятная. Но она еще не Великая Альта. Она не может пройти по Озеру Вздохов, не катается верхом на летней радуге и не танцует между каплями дождя.

– Никто и не говорит, что она Богиня, – буркнула Сельна. Малютка залилась веселым смехом, когда ей пощекотали

шейку кроличьей лапкой. – И никто от меня не бегаёт, – запальчиво добавила охотница.

– Я не сказала «бегают». Я сказала «будут бегать», – спокойно ответила Дония. – Спроси кого хочешь.

Сельна обвела кухню сердитым взором, но все девочки опустили глаза, и сделалось тихо – только и слышно было, как стучат ножи. Дониины девчонки знали, что с воительницами лучше не связываться. Сельна особенно была известна своим вспыльчивым нравом, хотя в отличие от многих редко помнила зло. И когда этот нрав давал о себе знать, ее приемышу никто не завидовал.

Сельна, все еще сердитая, тряхнула головой и сказала Доний:

– Кроличьи шкурки понадобятся мне, чтобы сделать в мешке мягкую подкладку. У Дженны очень нежная кожа.

– Кожица у нее детская, – невозмутимо ответила Дония, – и мех, конечно же, будет твой. Я и оленью шкуру тебе отдам. Выкроишь из нее пару штанишек и много башмачков.

– Башмачки ей понадобятся, – просияла Сельна.

– Но не теперь еще, – засмеялась Дония. Ее собственные приемные дочери прыснули в ответ.

– Это почему? – снова разгневалась Сельна.

Дония отставила тяжелую фаянсовую миску, отложила деревянную ложку, вытерла руки о передник и протянула их к Сельне. Та неохотно отвязала девочку и подала стряпухе.

– Она младенец, Сельна, – улыбнулась Дония, качая ре-

бенка на руках. – Малое дитя. Посмотри на моих семерых. Когда-то они все были такие же, и все начали ходить в год, только одна чуть пораньше. Не жди от своей слишком многого, и она вырастет в любви. Когда придет ее лунный срок, она от тебя не отвернется. Когда она прочтет Книгу Света и вызовет свою сестру в этот мир, она тебя не покинет. Но если ты будешь слишком напирать на нее, ты ее оттолкнешь. Она твоя питомица, но не твоя собственность. Быть может, она не станет такой, как хочешь ты, но станет такой, как ей суждено. Помни пословицу: «Дерево может пролежать двадцать лет в воде и все-таки не сделается рыбой».

– Ну, и кто же из нас надоеда? – устало бросила Сельна, забрала веселую Дженну у стряпухи и вышла вон.

В ту ночь светила полная луна, и все темные сестры явились. В большом открытом амфитеатре собрались все женщины хейма со своими детьми.

Сельна стояла в середине круга у алтаря, обсаженного тремя рябинами, Марджо рядом с ней. Прошел почти год с тех пор, как здесь нарекали дитя, хотя не так давно две садовницы и одна воительница родили каждая по ребенку. Этих девочек уже посвятили Богине – теперь настал черед Дженны.

Жрица молча сидела на вершине алтаря, где стоял ее трон без спинки, а рядом занимала место ее темная сестра. С мелкими белыми цветками в черных косах, с губами, подкрашенными красным ягодным соком, они ждали, когда собрав-

шиеся угомонятся. Дождавшись тишины, они подались вперед, упершись руками в колени, и устремили взор на Сельну и Марджо, но заговорила только одна – жрица:

– Кто приносит дитя?

– Я, о Мать, – сказала Сельна, подняв Дженну на уровень глаз. Для нее слово «мать» имело двойное значение, ибо жрица когда-то взяла ее к себе в дочери и очень печалилась, когда Сельна избрала путь воительницы.

– И я, – сказала Марджо.

Вместе они взошли на первую ступень алтаря.

– Кто дал ей жизнь? – спросила жрица.

– Женщина из города, о Мать, – ответила Сельна. – Та, что погибла в лесу, – добавила Марджо.

Они взошли на вторую ступень.

– Кто даст ей кровь? – спросила жрица.

– Она получит мою кровь, – сказала Сельна.

– И мою – тихим эхом откликнулась Марджо.

Они взошли на третью ступень, и жрица со своей темной сестрой встали. Жрица взяла тихую Дженну из рук Сельны и положила на трон. Марджо и Сельна стали рядом с ребенком.

Тогда жрица опустилась на колени и обвила свою длинную черную косу вокруг Дженны. Ее сестра по ту сторону трона сделала то же самое. Сельна и Марджо, тоже преклонив колени, протянули им свои руки ладонями вверх.

Жрица взяла серебряную булавку из ларца, приделанного к подлокотнику трона, и уколола запястье Сельны там, где

пролегла голубая жилка. Сестра жрицы проделала то же самое с Марджо. Запястья воительниц соединили так, чтобы их кровь смешалась.

Затем жрица легонько уколола Дженну повыше пупка, сделав свободной рукой знак Сельне и Марджо, и они возложили соединенные руки на тельце ребенка.

Жрица и ее сестра прикрыли их руки своими косами.

– Кровь к крови, – нараспев произнесла жрица. – Жизнь к жизни.

Жительницы хейма отозвались ей раскатистым эхом.

– Как зовут дитя?

– Джо-ан-энна, – не сдержав улыбки, ответила Сельна.

Жрица громко повторила имя, а после нарекла ребенка другим, тайным именем на древнем языке – именем, которое будут знать только они четверо и сама Джо-ан-энна со временем.

– Аннуанна, – молвила жрица. Белая береза, вечно светлое дерево Богини.

– Аннуанна, – шепотом повторили все четверо.

Затем жрица и ее сестра распустили волосы и, соединив руки над коленопреклоненными приемными матерями и ребенком, произнесли заключительную молитву:

Во имя Той, что нас хранит,
Молитвам нашим внемля.
Во имя Той, что как гранит,
Тверда на наших землях.

Во имя Той, что на века —
От века – будет свята.
Во имя Той, кого рука
Касалась Книги Света,
На жизненный свой путь
Благословенна будь.

Собравшиеся женщины повторили молитву звучным хором.

Сельна и Марджо встали рядом, и Сельна подняла ребенка высоко, чтобы все видели. От радостных криков женщин Дженна проснулась и расплакалась. Сельна не стала ее унимать, несмотря на сердитый взгляд жрицы. Воительница должна знать сызмала, что плачем ничего не добьешься.

* * *

В доме, во время пышного пира, девочку пустили вокруг стола, чтобы все могли ее рассмотреть. Из рук жрицы она перешла в объятия дородной Донии, взявшей ее привычно, «точно баранью ножку с вертела», как сердито проворчала Сельна на ухо Марджо. Дония передала девочку в крепкие руки воительниц. Они, смеясь, щекотали Дженне шейку, а одна из темных сестер подбросила ребенка в воздух. Дженна восторженно завизжала, но Сельна, гневно растолкав подруг, поймала ее сама.

– Ты что, ополоумела? – крикнула Сельна. – А если бы свет погас? Чьи руки поймали бы ее тогда?

Темная сестра Саммор со смехом пожала плечами.

– Это позднее материнство вконец задурило тебе голову, Сельна. Мы же в доме, и здесь нет облаков, которые могут закрыть луну. В хейме огни никогда не гаснут.

Сельна, держа Дженну одной рукой, другой замахнулась на Саммор, но кто-то сзади удержал ее руку.

– Она права, Сельна, а ты нет, – сказала Марджо. – Ребенку ничего не грозит. Давайте выпьем вместе, помиримся и будем играть в прутья.

Но гнев Сельны не прошел, что было ей несвойственно, и она не заняла места в кругу сестер, когда они начали передавать друг другу прутья особым порядком – эта игра обучала навыкам владения мечом.

Поскольку Сельна не участвовала, Марджо тоже не могла играть – она сидела поодаль от сестры и дулась. Игра делалась все сложнее – по кругу пошел второй, третий и, наконец, четвертый пучок прутьев. Гибкие ивовые ветви так и мелькали в воздухе, переходя из рук в руки, и в трапезной настала полная тишина, только прутья щелкали по ладоням.

– Свет! – крикнул кто-то, и зрительницы за кругом весело подхватили этот крик. Сестра Саммор Амальда кивнула, и две стряпухи, сестры недавние и потому неразлучные, встали у факелов, освещающих круг.

Игра между тем шла без передышки, и прутья мелькали

все быстрее. С самого начала никто еще ни разу не промахнулся. Свист прутьев в воздухе перемежался хлесткими ударами о ладони.

Тут оба факела внезапно сунули в ведра с водой, и темные сестры исчезли из круга. Круг уменьшился наполовину, и прутья со стуком попадали на пол. Кроме Марджо, сидевшей поодаль от погашенных факелов, в зале остались только те темные сестры, что следили за игрой, – на них падал свет из кухни.

Голос Амальды перечислил тех, кто упустил прутья.

– Домина, Катрона, Марна. – Потом она обернулась и сделала знак зажечь факелы заново.

Темные сестры вновь появились в освещенном кругу. Проигравшие Домина, Катрона и Марна со своими темными половинками отправились на кухню, чтобы выпить. Игра в прутья вызывала сильную жажду. Но тут Сельна, встав с ребенком у груди, сказала во всеуслышание:

– День был утомительный, милая Дженна, – пора нам на покой. Нынче ночью я не стану зажигать свет.

По кругу прошел тихий ропот. Не зажигать света значило отправить свою сестру обратно во тьму, а говорить об этом вслух и вовсе не пристало.

Марджо поджала губы, но промолчала и вышла из комнаты вслед за Сельной. Но Саммор сказала им вдогонку:

– Вспомни пословицу, Сельна: «Если твой язык обращается в нож, он может порезать тебе губы». – Ответа она не

ждала, да и не получила его.

– Ты опозорила меня, – сказала тихо Марджо, когда они пришли к себе. – Такого у нас еще не было. В чем дело, Сельна?

– Ни в чем. – Сельна уложила ребенка в люльку, оправив одеяльце, потрогала пальцем белые волосики и замурлыкала старую колыбельную песню. – Смотри, она уже спит.

– Я спрашиваю – что у нас с тобой не так? – Марджо склонилась над спящей малюткой. – Она и правда душечка.

– Вот видишь – у нас с тобой все хорошо. Мы обе ее любим.

– Как ты могла полюбить ее за такой короткий срок? Она пока что всего лишь воркующий кусочек мяса. Другое дело, когда она подрастет и станет сильной или слабой, веселой или печальной, умелой или красноречивой. А теперь за что... – Марджо умолкла на полуслове, потому что Сельна задула свечу у кровати.

– Вот теперь у нас все совсем хорошо, сестра, – прошептала Сельна во тьму.

Она легла, остро чувствуя отсутствие Марджо – ведь с сестрой всегда можно было поболтать, посмеяться и пошутить перед сном. Повернувшись на бок, она задержала дыхание, слушая, как дышит дитя. Когда Сельна убедилась, что у девочки все благополучно, она испустила долгий прерывистый вздох и уснула сама.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Игра в прутья» дошла до нас в сильно искаженном виде. Сегодня в нее играют только девочки Верхних Долин, в то время как зрители за кругом, обычно мальчики, хором подпевают:

*Эй, в кругу, шевелись, не зевай,
Ивовый меч лови-успевай!*

Два концентрических круга играющих садятся на землю лицом друг к другу, с прутьями в руках. Путья, некогда ивовые (это дерево больше не растет в Верхних Долинах, хотя остатки древней флоры доказывают, что тысячу лет назад ива произрастала там в изобилии), ныне делаются из пластика, гибкого и прочного одновременно. Под барабанный бой прутья передаются из рук в руки – семь раз по часовой стрелке и семь обратно. Затем ими обмениваются из круга в круг, также на счет «семь». И, наконец, под все ускоряющуюся дробь и пение зрителей прутья передаются крест-накрест: сначала партнеру-визави, затем игроку справа от партнера. Путья полагается ловить рукой, в которой держат меч, что сильно затрудняет игру для левшей. Девочка, уронившая прут, выбывает.

Ловентраут ссылается на знаменитую «недостающую»

часть» Барьярдских гобеленов, найденную тридцать лет назад в склепе восточного владыки Ахмеда Мубарека, как на неоспоримое доказательство того, что «игра в прутья», которой увлекались воительницы горных кланов, идентична современной детской игре. На «недостающем» гобелене (многократно чиненном неумелыми руками на Востоке, не менее тридцати раз, судя по цвету нитей) действительно изображены два concentрических круга воительниц, но в руках у них мечи, а не прутья. Одна из «играющих» лежит на спине с мечом в груди, явно мертвая. Прочие игроки не обращают на нее внимания. Кован настаивает на том, что гобелен подвергся слишком большим переменам, чтобы можно было достоверно судить о его содержании, но что на нем, скорее всего, представлена специфическая форма казни, поскольку «недостающая часть» принадлежит к разделу, трактующему о предателях и шпионах. Возможно, истинное значение «недостающей части» никогда не будет разгадано. Вздорная гипотеза Мэгана о том, что внутренний круг состоит из «темных сестер» или «теневых сестер», которых можно увидеть при свете луны или толстых салных свечей, все еще популярных в Нижних и Верхних Долинах, а внешний круг – из «светлых сестер», отдает прошлым столетием, когда люксофистки пытались воскресить обряды из Книги Света. Упомянутые обряды были запрещены на протяжении не менее чем семи поколений, а Дюан в своем

блестящем труде «Das Volklichtet nicht»¹ столь бесповоротно развенчивает Книгу Света, что мне незачем приводить здесь ее аргументы.

Все еще не утихают споры вокруг серебряных колец со сложной гравировкой, найденных в Аррундейлском кургане. Зигель и Залмон называют их «держателями прутьев», поддерживая тем шаткую теорию Мэгона, но факты скорее доказывают, что это кольца для салфеток либо для перевозки посуды на большие расстояния, о чем убедительно рассказывает Кован в своей работе «Клановые кольца».

Природа и история, т. 51.

¹ «Народ не проливает света»

ПОВЕСТЬ

Скоро весь хейм заговорил о постыдном поведении Сельны. Бывало, что и раньше сестры ссорились – их бурные свары вспыхивали ярким огнем, не оставляя после себя даже угольков, – но о таком здесь еще не слыхивали. Даже в летописях жрицы не упоминалось о подобных вещах, а хейм существовал уже семнадцать поколений и насчитывал восемь больших гобеленов.

Сельна вместе с малюткой весь день проводила на ярком солнце, а вечером, привязав Дженну к груди или спине, избегала освещенных комнат хейма. Раз или два, когда Сельне пришлось-таки выйти на свет факелов, Марджо возникала рядом с ней – бледная и истощенная. Исчез без следа залихватый смех темной сестры и ее звонкий голос.

– Сельна, – вздыхала она за спиной сестры, словно тростник на ветру, – что произошло между нами? – Это был голос призрака, глухой и угасающий. – Сельна...

Однажды, зайдя на кухню за молоком для ребенка, Сельна обернулась и увидела Марджо. Сельна зажала руками уши девочки, чтоб заглушить голос своей сестры, хотя он стал уже так слаб, что нужды в этом не было. Дония со своей сестрой Дойи и две старшие девочки взирали на это в ужасе. В тающей фигуре Марджо им виделась собственная медленная смерть.

Марджо, с глазами как два синяка, плакала черными слезами.

– Сестра, почему ты так поступаешь со мной? Я делила бы дитя с тобой и никогда не стала бы между вами.

Но Сельна медленно и решительно отвернулась от молящей тени. Увидев пораженные лица Доний, Дойи и девочек, она склонила голову, согнула плечи, как будто ожидая удара, и вышла, так и не взяв молока, в темные сени.

На тринадцатый день ее позора жрица изгнала ее из хейма.

– Дочь моя, – сурово сказала жрица, – ты сама навлекла это на себя. Мы не можем помешать тому, что ты творишь со своей темной сестрой. После того как ты познала Книгу Света, нам нечему больше учить тебя. Что происходит между вами двумя – дело ваше. Но хейм ропщет. Мы не в силах больше смотреть на это. Ты должна покинуть нас и одна завершить свое злое дело.

– Одна? – повторила Сельна, и впервые голос ее дрогнул. Она еще ни разу не оставалась одна с тех пор, как себя помнила. Она прижала к себе малютку Дженну.

– Ты оттолкнула от себя свою темную сестру и покрыла позором всех нас, – сказала жрица. – Дитя останется здесь.

– Нет! – вскричала Сельна, обернувшись назад, и серая тень, еще недавно бывшая Марджо, обернулась вместе с ней. Но позади стояли шесть крепких воительниц – они оттеснили обеих к стене и отобрали дитя, несмотря на вопли и моль-

бы Сельны.

Сельну вывели на яркий свет дня, означавший ее полное одиночество. Она ушла, в чем была, а ее лук, меч и охотничий нож швырнули ей вслед в мешке, который ей пришлось развязывать не меньше часа. Никто не сказал ей ни слова на прощание – так распорядилась жрица.

Сельна ушла из хейма днем, но вернулась ночью, тень среди теней, и выкрала дитя.

У колыбели Дженны не было часовых, и Сельна знала, что их не будет. Женщинам не пришло бы в голову, что она, изгнанная с таким позором, может вернуться. Часовые стояли у ворот, но Сельна была воительница, лучшая из лучших, и они с Марджо часто играли в потайных ходах. И вот она тихо, тише, чем тень, прокралась назад. Она погасила три факела в проходе, чтобы глухой голос Марджо не потревожил спящих.

Дженна проснулась, узнав запах приемной матери, проворковала что-то и уснула опять. Лепет ребенка утвердил Сельну в ее решимости. Она пробежала назад по тайному ходу и очутилась в лесу еще до рассвета.

Птицы приветствовали ее пением на старой тропе, где камень истерся под множеством ног. Сельна нашла большой валун, под которым спрятала свое оружие. Она, хоть и опозоренная, ни за что не подняла бы меч или лук против подруг по хейму. Устроившись в углублении валуна, как будто для нее вырубленного, Сельна растянула свой камзол. Раз

она теперь настоящая мать, она должна и кормить малютку. Она дала ребенку грудь. Дженна несколько мгновений жадно сосала, но, не найдя молока, отвернула головку и расхныкалась.

– Тихо! – рывкнула Сельна, сжав пальцами личико ребенка. – Воительницы не плачут.

Но дитя, голодное и напуганное, раскричалось еще пуще. Сельна свирепо встряхнула девочку, не замечая, что и по ее собственным щекам текут слезы. Дженна от страха умолкла, а Сельна встала и огляделась, опасаясь, не потревожил ли кого-нибудь плач. Но все было тихо, и Сельна снова села, прислонившись к камню, и уснула с ребенком на руках.

Но голодная Дженна не спала. Она ловила ручонками пылинки, пляшущие в солнечных лучах, что пробивались сквозь кроны берез и осин, а после принялась сосать свой пальчик.

Когда Сельна проснулась, солнце уже стояло высоко над головой и на краю поляны высунула мордочку из кустов любопытная лиса. При пробуждении Сельны лиса насторожила уши и скрылась в лесу.

Сельна потянулась, глядя на ребенка, спящего у нее на коленях, и с улыбкой потрогала белые волосенки Дженны. На солнце под ними просвечивала розовая кожа и видно было, как бьется жилка.

– Ты моя, – свирепо прошептала Сельна. – Я позабочусь о тебе. Я буду беречь тебя. Буду тебя кормить. Я – и никто

другой.

Слыша ее голос, Дженна проснулась и залилась тоненьким плачем.

– Ты голодна – я тоже. Сейчас я добуду еду нам обеим.

Сельна застегнула камзол и привязала ребенка на спину, пропустив лямки под мышками – достаточно туго, чтобы дитя не упало, и достаточно свободно, чтоб не мешать им обеим двигаться. Держа лук и меч левой рукой, она вдела кинжал в ножны у правого плеча, чтобы метнуть его в случае надобности, и устремилась вперед по лесной тропе.

Ей посчастливилось. Она нашла кроличьи следы, с легкостью выследила добычу и сбила с первого же выстрела. Боясь разводить костер так близко от хейма, она все же не пожелала есть сырое мясо, выкопала яму и развела небольшой огонек там. Кое-как поджарив крольчатину, она стала жевать мясо, а сок пускать Дженне в ротик. Со второй попытки малютка распробовала и стала жадно сосать у Сельны изо рта.

– Как только смогу, достану тебе молока, – пообещала Сельна вытирая девочке ротик и щекоча ей шейку. – Я наймусь охранять один из пограничных городков или вступлю в армию короля. Они охотно принимают воительниц Альты.

Дженна улыбнулась ей в ответ, размахивая ручонками. Сельна поцеловала ее в лобик, ткнувшись носом в белые волосики, нежные, как крыло мотылька, и снова привязала девочку себе на спину.

– Ночью нам нужно будет пройти еще много миль, прежде

чем я почувствую себя в безопасности. – Сельна не упомянула о том, что хочет провести ночь в лесу, потому что теперь полнолуние и ей невыносимо видеть свою бледную тень и объясняться с нею.

ЛЕГЕНДА

В темном лесу близ хейма Альты есть поляна. Там под сенью белых берез растет ирис с красными по краям лепестками. Люди, живущие в Селкирке, к западу от леса, говорят, что каждый год во время второй луны три призрака являются там. Один из них – воительница с темным ожерельем на шее. Вторая – ее теневой двойник. А третий – белая как снег птица, которая летает над ними, крича, как ребенок. Перед рассветом обе женщины пронзают друг друга мечами, и там, где пролилась их кровь, вырастает ирис – белый как птица, красный как кровь. Живущие к востоку от леса называют его «снежный ирис», живущие южнее – «холодное сердце». Но жители Селкирка называют этот цветок «сестрина кровь» и никогда его не рвут. Хотя сок из сердцевины ириса помогает женщине в ее трудное время и унимает жар приливов, жители Селкирка даже пальцем его не трогают и не ходят на ту поляну, когда наступает ночь.

ПОВЕСТЬ

На краю небольшой поляны, неподалеку от города Селкирка, Сельна остановилась отдохнуть. Прислонясь спиной к молодому дубку, заслонявшему ее от полной луны, она отдышалась и бросила наземь лук и меч. Из-за собственного дыхания, шумного поначалу, она не услышала шороха, а когда услышала, было уже поздно. Сильные мозолистые руки схватили ее сзади и приставили ей нож к подбородку.

Она сдержалась и не вскрикнула, хотя ей было больно, а нож скользнул вниз, обведя ее горло кровавым полукружием, словно ожерельем.

– Такие украшения должны носить все Альтины потаскушки, – произнес грубый голос. – Далеко же ты забрела от дома, девушка.

Сельна упала на колени, стараясь повернуться спиной, чтобы защитить дитя, и мужчина, испуганный этим движением, вогнал ей нож в горло. Она хотела крикнуть, но не смогла издать ни звука.

Мужчина с хриплым смехом разодрал на ней камзол, обнажив груди и живот.

– Сложена, как мальчишка, – брезгливо бросил он. – Ваша сестра хороша только дохлой или издыхающей. – Он взял ее за ногу и поволок на освещенную луной поляну, где трава была помягче. Там он попытался перевернуть ее на спину.

Сельна не могла кричать, но еще могла драться. И тут позади раздался другой женский крик, странный и булькающий.

Мужчина, испуганно оглянувшись через плечо, увидел двойника первой женщины, с такой же черной чертой вокруг горла. Обернувшись назад, он понял, что совершил ошибку, ибо Сельна успела достать нож. Из последних сил она метнула клинок в лицо врагу, и нож вошел прямо меж глаз. Но Сельна уже не видела этого – она повалилась ничком и умерла, кончиками пальцев коснувшись руки Марджо.

Мужчина попытался встать, но сумел приподняться только на колени и упал на Сельну так, что рукоятка ножа оказалась в ручонке Дженны. Девочка вцепилась в рукоять и залилась плачем.

Утром их нашел пастух, всегда гонявший своих овец на эту поляну, где весной трава была слаще всего. Он явился туда перед самым рассветом и увидел у опушки три мертвых тела. Когда он, растолкав своих овец, подошел к ним, то понял, что ошибся и мертвых всего двое: женщина с перерезанным горлом и мужчина с ножом между глаз. Дитя за спиной у женщины держалось за рукоять ножа, словно это оно направило смертельный удар.

Пастух опрометью бросился обратно в Селкирк, бросив овец, которые блеяли над убитыми. Когда он вернулся с шестью крепкими пахарями и шерифом, на поляне остался только мужчина. Женщина, ребенок и нож исчезли, а с ними

Одна из молочных маток.

БАЛЛАДА

Баллада о Селденской малютке

О девы златовласые.
Одетые в парчу.
От страшного несчастья
Вас упредить хочу:
Близ града Селдена леса —
Опасные, глухие,
Листва там глушит голоса,
А люди там лихие.
Однажды в город Селден шла
Охотница младая.
Малютку за спиной несла.
Без страха напевая.
В сукно зеленое одет
Был стан красотки тонкий.
Малютка же была – как свет.
Прекраснейшим ребенком.
Деревья шелестят листвой.
До города – далеко...
Убийца вышел из кустов
И преградил дорогу.
«Чего желаешь ты, злодей.

Лихой полночный тать?
Мой хладный труп оставить здесь,
А мой кошель забрать?
Иль хочешь с плеч моих сорвать
Зеленое сукно?
Иль хочешь девственность отнять —
Так нет ее давно!»
Злодей ни слова не сказал.
Ни имени его,
Ни прозвища ей не назвал,
Ни рода своего.
Как звали мать его с отцом,
Откуда он. Бог весть!
Злодей мечтал лишь об одном —
Отнять красоты честь.
Но лишь охотницу схватил,
Так руки и разжал —
Достало у малютки сил
В ручонку взять кинжал.
И раз, и два сверкнула сталь,
А лезвие остро...
И раз, и два скользнул кинжал
Убийце под ребро.
Где ж колыбель из серебра
Малютке, что смела?
Где злато – той, что так храбра
И мать свою спасла?
Молю, Господь, – мольбе внимли
И милостью своей

Ты каждой матери пошли
Отважных дочерей!

ПОВЕСТЬ

Жрица отменила свой приговор, ибо четыре охотницы нашли мертвую Сельну рука об руку с Марджо. Охотницы скрылись в лесу, когда явился пастух со стадом, дождались, когда он уйдет, и забрали Сельну, ребенка и овцу обратно в хейм.

– Наши сестры снова вернулись к нам, – сказала жрица, встретив охотниц с их скорбной ношей у ворот, и начертала знак Альты – круг и крест – на лбу Сельны. – Несите ее в дом, и ребенка тоже. Теперь это дитя будет дочерью нам всем, а не одной из нас.

– Вспомни пророчество, Мать, – воскликнула Амальда, и многие поддержали ее. – Не об этом ли ребенку говорится в нем?

Жрица покачала головой.

– В Книге сказано о трижды осиротевшем ребенке, а эта крошка потеряла только двух матерей – родную мать и Сельну.

– Ну а Марджо? – не уступала Амальда. – Разве она не была ей матерью тоже?

Жрица поджала губы.

– Мы не должны подгонять события под пророчества, сестра. Вспомни, что сказано: «Чудеса приходят лишь к тем, кто их не ждет». Я сказала свое слово. У малытки в нашем

хейме будет не одна мать, но много. – И жрица провела пальцами по своей длинной косе.

Женщины долго переговаривались, но, наконец, согласились с ней. Тело Сельны уложили в ивовую погребальную корзину и отнесли в комнату лекарки. Там покойницу обмыли и одели, до блеска расчесали ей волосы, а после заплели корзину наглухо.

Вшестером, по одной у каждого угла и по одной в голове и в ногах, женщины поднялись со своей ношей на Священный Холм, к огромной, с извилистыми ходами Пещере Альты, где уже многие поколения при свете факелов покоились тела сестер.

Они взошли к пещере в полдень, но дождались ночи, поели лишь плодов, которые взяли с собой. Тихими голосами они поминали Сельну, ее охотничье мастерство и ее бесстрашие, ее скорый гнев и еще более скорую улыбку. А с ней поминали и Марджо, не бледную тень, но веселую и смеющуюся.

Кадрин заметила, что сама Альта помогла им найти тело Сельны.

– Нет, сестра, нам помогло искусство – моих сестер и мое. Мы выслеживали ее несколько ночей, и не лишись она разума, мы нипочем не напали бы на ее след, ведь она была лучшей из нас, – сказала Амальда.

Кадрин положила руку ей на плечо.

– Я хотела сказать, сестра, что Альта своей милостью позволила принести ее сюда, на Священный Холм – ведь столь-

ко наших лежит в безымянных могилах!

Когда вошла луна, число собравшихся на Холме увеличилось почти вдвое – только к детям не присоединились темные сестры.

Около Сельны в собственной корзине появилось тело Марджо – прутья ее гроба были заплетены столь же искусно, как и у сестры.

И жрица заговорила прерывающимся от горя голосом:

– Мир нашим сестрам, единым даже в смерти, – сказала она и шепотом добавила слова, не предусмотренные обрядом: – Теперь у вас все хорошо.

Дония испустила глубокий, стонущий вздох, и обе стряпухи залилась слезами.

Жрица пропела первое из семи восхвалений, и все прочие подхватили слова, знакомые им с детства:

Во имя пещеры горной.

Во имя могилы черной...

Когда был пропет седьмой стих и последние мелодичные отзвуки затихли в воздухе, женщины подняли корзины и внесли Сельну с Марджо в пещеру.

Дония и ее темная сестра шли последними. Дония несла на руках белоголовую малютку, которая, вдосталь напившись овечьего молока, мирно спала у пышной груди стряпухи.

МИФ

И сказала Великая Альта: «И будет среди вас моя единственная дочь, что трижды родится и трижды осиротеет. Трижды будет она лежать у тела мертвой матери, но останется жива. Она будет владычицей всего сущего, но не будет властвовать. Она родит дитя за каждую из своих матерей, но не будет им матерью. Эти трое будут едины и положат начало новому миру. Так я сказала, и так будет».

И Великая Альта извлекла из света плачущее дитя, белое как снег, красное как кровь, черное как ночь, и кормила его грудью, пока дитя не утихло.

Книга вторая

КНИГА СВЕТА

МИФ

Когда Великая Альта говорила, ее слова были как осколки стекла. Когда же солнце осветило их, они стали как озера чистейшего света. Слова, орошенные слезами ее дочерей, отливали радугой. Но каждый раз слова Великой Альты отражали мысли того, кто внимал им: образ в образ, тень в тень, свет в свет.

ЛЕГЕНДА

Был некогда великий учитель – он пришел в Долины с востока, вместе с солнцем. Слова его были столь чудесны, что всем, кто слышал их, они казались прекраснейшими кристаллами, издающими высокий, сладостный звон.

Учитель прожил меж обитателей Долин год и один день, а после ушел на запад вместе с солнцем. Никто не мог сказать потом, был ли он мужчиной или женщиной, высоким или низким, белокожим или смуглым. Но все слова, которые изрек учитель при свете луны – ибо он был нем и мог говорить лишь в полнолуние, – его ученики собрали и составили из них книгу. Все были удивлены тем, сколь маленькой и легкой вышла она, и назвали ее Книгой Света.

ПОВЕСТЬ

Дженне исполнилось семь лет, когда она впервые коснулась Книги Света. Она стояла в ряд с тремя другими девочками своего возраста – так ровно, как только сумели их выстроить Марна, учительница, и Зо, ее темная сестра.

Селинда все время ерзала, Альна же, которой весной было трудно дышать, громко сопела. Только Марга, прозванная Пинтой за свой малый рост, и Дженна стояли смирно.

Жрица улыбнулась, глядя на них, но в ее улыбке не было тепла – она просто приподняла уголки губ. Она напомнила Дженне волчицу в лесу около Селкирка – волки тоже скалятся так, когда их испугнешь и им приходится бросать добычу. Дженна видела их стаю однажды. Темная сестра жрицы тоже улыбалась, но ее улыбка казалась куда более приветливой.

Дженна слегка повернула голову так, чтобы видеть только ее, но следила за жрицей краем глаза – так, как в лесу. Видит Альта, она всегда старалась угодить Матери – но той, как видно, ничем не угодишь.

Полная весенняя луна освещала каменный алтарь. Рябины при дуновении ветерка шелестели новыми листочками. Облако на миг закрыло луну, и темная сестра жрицы исчезла со своего трона. Никто не шелохнулся, пока луна не вышла опять, и все темные не вернулись. И тихий, удовлетворенный вздох сорвался с восьмидесяти пар губ в амфитеатре, когда

это случилось.

Жрица слегка вскинула голову, посмотрев на небо. Облаков поблизости больше не было, и она начала, раскрыв на коленях большую книгу в кожаном переплете и отчеркивая острым ногтем каждое слово.

Дженна не могла оторвать глаз от этого ногтя. Никому больше не разрешалось носить такие, да никто бы и не захотел. Такие ногти, как у жрицы, все время ломались бы на кухне или в кузнице, мешали бы натягивать тетиву или управляться с ножом. Дженна украдкой покосилась на свою руку, думая, как оно было бы, если бы отрастить такие, – и решила, что ничего хорошего в этом нет.

Голос жрицы, тихий и ясный, обволакивал девочек.

– И та, которой минет семь лет, и та, которой минет семь осеней, и та, которой минет семь зим, и та, которой минет семь весен, придет к алтарю и избрет свой путь. Избравши же его, она будет следовать им еще семь лет, не колеблясь ни сердцем, ни разумом. И тогда Избранный Путь станет Верным Путем.

Жрица подняла глаза от книги, где буквы словно светились при луне, и обернула ее раскрытой стороной к себе, так что искорки заплясали на платье.

– Избрали ли вы свой путь, дети мои? – спросила она. Ее темная сестра подняла глаза заодно с ней, ожидая их ответа.

– Да, – ответили девочки хором, как их учили, только Селинда запоздала – она, как всегда, витала в облаках, и Марне

с Зо пришлось дать ей тычка сзади.

Затем девочки одна за другой стали всходить по ступеням, чтобы коснуться книги у жрицы на коленях, – Селинда первая, поскольку была старше на девять месяцев, а Дженна последняя. Коснуться книги, произнести обет, назвать свой выбор. Так просто – и совсем не просто. Дженна вздрогнула.

Она знала, что Селинда будет работать в саду со своей родной матерью. Там она сможет беспрепятственно тарашиться в никуда, предаваясь тому, что Марна и Зо называли грезами наяву.

Альна, тоже дочь садовницы, выберет кухню, где ее одышка не так сильна и где она сможет, как полагают все, нарастить немного мяса на свои хилые косточки. Дженна знала, что Альне не по душе этот выбор – она гораздо охотнее осталась бы с матерью и ее темной сестрой, которые нянчились с ней в тяжкие ночи, когда Альну одолевало удушье. Но обе сестры сошлись на том, что девочку нужно убрать подальше от весенней пыльцы и осенних паутинок. Лекарка Кадрин предупреждала снова и снова, что однажды промежуток между вдохами затянется слишком надолго и Альна умрет прямо в саду. Эти слова и заставили всех принять окончательное решение. Всех, кроме Альны, – последний месяц она плакала каждую ночь, думая о своем грядущем изгнании, она сама сказала об этом Дженне. Но она послушная девочка и в ночь Выбора скажет то, что нужно.

Черненькая Пинта, родная дочь воительницы, решила из-

брать стезю своей матери, хотя была маленькой и хрупкой, в отца. Если бы кто-то стал отговаривать Пинту, она полезла бы в драку. Она непоколебима – преданность у нее в крови.

А что же сама Дженна? Общая и ничья дочь, она перебирала в уме разные возможности. Сад наводил на нее тоску своими ровными посадками. Кухня была и того хуже – все на своем месте. Она даже провела несколько месяцев около жрицы и обкусала себе все ногти – верный знак, что это выбор неправильный. Лучше всего ей было в лесу или во время воинских игр, в прутья, скажем, хотя женщины очень редко допускали детей в свой круг. И потом, они с Пинтой были дружны, как светлая и темная сестры. У Дженны в лесу даже зрение становилось острее – а на будущий год, когда она сделает выбор, ее научат обращаться с луком и ножом.

Дженна смотрела, как сперва мышка Селинда, потом сопящая Альна, потом решительная Пинта всходят по трем ступеням к алтарю, где жрица и ее темная сестра сидели на своих тронах без спинок. Каждая возлагала правую руку на Книгу, а левой касалась четырех мест, посвященных Альте: лба, сердца, пупка и лона. Затем девочки повторяли за жрицей слова клятвы и называли ей свой выбор. И как они сказали, так и будет, столь сильны эти слова: Селинда пойдет в сад, Альна на кухню, Пинта в лес.

Пинта сошла вниз с широкой ухмылкой на лице и дернула Дженну за руку, шепнув:

– У нее изо рта плохо пахнет.

После этого Дженне трудно было сохранить серьезность, делая первый шаг. Губы так и разъезжались, хотя она долго училась плотно сжимать их. Но на второй ступени все изменилось. Дженна приближалась к своему выбору. Когда она поднялась на третью, ее охватила дрожь. Не из страха перед жрицей или трепета перед Книгой – такую дрожь лисенок, подобранный и выращенный Амальдой, испытывал при виде кур. Даже не будучи голодным, он дрожал от предвкушения – то же чувствовала и Дженна.

Положив руку на Книгу Света, она удивилась холоду, который ощутила. Буквы были выпуклыми, и ей казалось, что они отпечатываются у нее на ладони. Лево́й рукой она коснулась лба, холодного и сухого. Сердце придало ей уверенности своим ровным биением, и она быстро завершила обряд.

Жрица заговорила – от нее пахло не столько плохо, сколько чуждо: возрастом, достоинством, обязанностями ее сана.

– Повторяй за мной, Джо-ан-энна, общая наша дочь.

– Хорошо, Мать Альта, – прошептала Дженна внезапно надломившимся голосом.

– Я, дитя семи весен... – начала жрица.

– Я, дитя семи весен...

– Я выбираю, и я избрана.

Дженна перевела дух.

– Я выбираю, и я избрана.

Жрица улыбнулась, и Дженна увидела, что улыбка у нее не столько холодная, сколько печальная, и что жрица не при-

выкла улыбаться.

– Путь, который я избираю, это...

– Путь, который я избираю, это... – повторила Дженна.

Жрица кивнула. Она смотрела странно-выжидающе.

Дженна снова перевела дух. Сколько дорог открывалось перед ней в этот миг. Она закрыла глаза, чтобы осознать это, открыла их снова, и хищный взгляд жрицы поразил ее. Дженна слегка повернула голову и, обращаясь к темной сестре, сказала громче, чем намеревалась:

– Путь воительницы. Охотницы. Хранительницы леса. – И она вздохнула, радуясь, что все позади.

Жрица помолчала немного с почти сердитым видом. Потом она и ее сестра наклонились и обняли Дженну, шепча ей:

– Ты хорошо выбрала, воительница. – В этих словах не было тепла.

Дженна сошла вниз, еще слыша эхо слов, которые шепнула ей одна только жрица. Вот бы знать, говорила это жрица другим девочкам или нет. Дженне почему-то казалось, что нет – жрица добавила, одолеваемая странной дрожью: «Избранное дитя самой Альты».

На следующее утро уроки начались всерьез. Лес и раньше не был местом для игр, но настоящее учение – вопросы, ответы, запоминание и, наконец, игра – начиналось только после Выбора.

– Вот это наперстянка, – сказала мать Пинты Амальда, опускаясь на колени около тускло-зеленого растения. – Ско-

ро она зацветет маленькими пурпурными колокольчиками.

– Почему бы ее тогда не назвать колокольчиком? – пробурчала Дженна, но Амальда только улыбнулась в ответ.

– Она красивая! – сказала Пинта и хотела погладить листок, но Амальда шлепнула ее по руке и сказала, видя, что Пинта обиделась:

– Запомни, дитя: «Лучше воду пролить, чем кувшин разбить». Не трогай ничего, если не знаешь твердо, что можешь это сделать. Чертополох и шиповник колются, крапива жалит, а есть и более хитрые растения, вред от которых сказывается долгое время спустя.

Пинта поднесла неосторожную руку ко рту.

По знаку Амальды обе девочки опустились на колени рядом с ней – Дженна близко, а все еще обиженная Пинта чуть подальше. Но солнечный нрав скоро победил обиду, и Пинта пододвинулась к Дженне.

– Понюхайте сперва, – сказала Амальда, указывая на листья растения.

Девочки вдохнули едва ощутимый терпкий запах.

– Если бы я дала вам попробовать эти листья, вы бы их тут же выплюнули. – Амальда передернулась, и девочки повторили за ней, Пинта с улыбкой до ушей. – Но если тело наливается водой, которая не находит выхода, или сердце начинает стучать слишком часто и громко, то Кадрин сделает отвар из этих листьев, и больной полегчает. Однако... – Амальда предостерегающе вскинула руку. Девочки уже усвоили, что

этот знак гласит «молчи и слушай», – однако остерегайтесь этой «красивой» травы. В малых количествах она полезна, но если сделать со злым умыслом слишком крепкий настой, выпивший его умрет.

Дженна вздрогнула, а Пинта кивнула.

– Заметьте хорошенько это место, – сказала Амальда. – Ее листья рвут, только когда цветы распускаются, но Кадрин порадует, что мы нашли для нее целую лошину наперстянки.

Девочки осмотрелись.

– Какие приметы назовешь ты, Дженна?

Дженна поразмыслила.

– Большое белое дерево с двумя ветками, отходящими от ствола.

– Хорошо. А ты, Пинта?

– Третий поворот тропы, а потом направо, Ама. – Пинта в волнении назвала мать так, как звала в раннем детстве.

– Прекрасно! – улыбнулась Амальда. – У вас обеих острые глазки – но в лесу нужны не только они. Пошли. – Она поднялась и зашагала дальше. Девочки последовали за ней вприпрыжку, держась за руки.

Второй урок не замедлил прийти за первым. Вскоре Амальда вскинула руку, и девочки тут же замерли на месте. Амальда задрала подбородок, и они сделали то же самое. Она дотронулась до своего правого уха, и они стали прислушиваться. Сначала они не слышали ничего, кроме ветра в

листве, но потом раздался какой-то странный треск и стрекот.

Амальда указала на поваленное дерево – девочки тихо подошли к нему и посмотрели.

– Ну, что это за зверь? – спросила Амальда наконец.

Пинта пожала плечами, а Дженна отважилась на догадку:

– Заяц?

– Умей слушать, дитя. Уши не менее важны, чем глаза.

Разве вы не слышали этот сердитый цокот? Вот так. – Амальда запрокинула голову и воспроизвела звук языком.

Девочки в восторге расхохотались, и Амальда показала им, как это делается. Обе попробовали, и первой получилось у Пинты.

– Этот звук издает белка, – сказала Амальда.

– Я знаю! – воскликнула Дженна и сама удивилась – когда имя было названо, она вдруг поняла, что и правда это знает.

– Я тоже! – сказала Пинта.

– Раз белка цокочет, значит, она видит нас и сердится за то, что мы вторглись в ее владения. – Амальда огляделась вокруг, и девочки последовали ее примеру. – Ну-ка, поищем, где тут ее излюбленные местечки. Чаще всего это поваленные стволы, вот как этот.

Девочки поглядели на пенёк и увидели вокруг него шелуху от шишек и орехов.

– Белка здесь ест, – сказала Амальда, – и оставляет за собой следы, сама того не зная. Попробуйте теперь найти ее

кладовые – она любит делать запасы.

Девочки разошлись так тихо, как это только доступно семилетним, и скоро каждая напала на свою ямку. Дженна нашла желудь, а Пинта – только шапочку от него. Амальда похвалила их за внимательность и показала им легкие царапины на деревьях – белки гонялись там друг за дружкой и оставили на коре немного своей шерсти. Амальда ловко отцепила клочок и положила в сумку у пояса.

– Сада и Лина воткнут это в свои ковры.

Девочки принялись лазить по деревьям, собирая беличью шерсть. Дженна нашла царапины поглубже и спросила:

– Белка?

Амальда погладила ее по голове.

– Молодец, что заметила, но это не белка.

Пинта потрясла своими черными кудряшками и важно сказала:

– Слишком большие следы. Слишком глубокие.

– Лиса? – прошептали вместе Пинта и Дженна, а Дженна добавила: – Енот?

– Горная кошка, – улыбнулась Амальда.

На этом урок закончился – все понимали, как это опасно. Амальда не видела свежего помета и сомневалась, что кошка находится где-то поблизости, но решила, что научить девочек предосторожности будет полезно, и увела их домой.

За обеденным столом, уставленным витыми булками и дымящимися мисками с беличьим жарким, Амальда не мог-

ла не похвастаться своими ученицами.

– Расскажите сестрам о том, что узнали сегодня, – велела она.

– Мы узнали, что наперстянка может приносить пользу, – сказала Пинта.

– И вред тоже, – добавила Дженна.

– Она помогает от сердца и... – Пинта умолкла, забыв, от чего же еще.

– И от воды, – подхватила Дженна, удивившись смешку, пробежавшему вокруг стола.

– А белки цокают вот так. – Пинта показала как и была вознаграждена рукоплесканиями. Она радостно заулыбалась – не зря они с Дженной упражнялись в этом искусстве всю дорогу до дома.

Дженна тоже похлопала подружке, а когда шум утих, выпалила, стремясь получить свою долю похвал:

– Мы нашли следы от кошачьих когтей. – Рукоплесканий не последовало, и она добавила: – Горная кошка убила мою первую мать.

За столом внезапно воцарилась тишина. Жрица окинула Амальду взглядом с ног до головы.

– Кто рассказал девочке эту... эту басню?

– Не я, Мать, – поспешно молвила Амальда.

– И не я. И не я, – понеслось вокруг стола.

Жрица, встав, сказала властно и гневно:

– Это дитя – наша общая дочь. Не было никакой первой

матери, да и второй тоже. Все поняли? – Приняв всеобщее молчание за знак согласия, она повернулась и вышла.

Тишина затянулась еще на несколько минут, только дети продолжали есть, громко стуча ложками.

– Что тут у вас такое? – осведомилась Дония, выглянув из кухни.

– То, что она начинает выживать из ума, – буркнула Катрона, утирая влажный от вина рот тыльной стороной ладони. – Ей жарко даже в самые холодные дни. Она смотрит в зеркало и видит лицо своей матери.

– Она никого из детей не может склонить на свой путь, – добавила Домина, – как ни старается каждую весну. Придется нам посылать в другой хейм, когда ее не станет.

Из девочек одна только Дженна не ела – она смотрела в свою миску, чувствуя, как ее бросает то в жар, то в холод. Своими словами она и правда хотела привлечь к себе внимание, но не такого рода. Она водила подошвой сандалии о ножку стула, и этот шорох, слышный только ей, успокаивал ее.

– Тише ты! – сказала Амальда, для пущей убедительности положив ладонь на руку Домины.

– Верно, Домина, помолчи лучше, и ты тоже, Катрона, – сказала Кадрин в своей ровной, не улыбочивой манере и кивнула на тот конец стола, где сидели садовницы. Все прекрасно поняли, что она хочет сказать: то, что здесь говорится, не замедлит дойти до ушей Матери Альты. Работницы всегда

стоят за ту, что благословляет их урожай, и преданы ей безоговорочно. Самой Кадрин до жрицы дела нет: она знает лечит переломы да зашивает раны, но не упустит случая предостеречь других. – А ты, Катрона, помни, что говорят в селениях: «От ненависти лекарства нет». И это правда. Я уже остерегала тебя против этого чувства. Не прошло и месяца с тех пор, как твой желудок опять занемог и ты слегла с кровавым поносом. Пей козье молоко, как я тебе велела, вместо этих плодовых выжимок, и применяй дыхание «латани», чтобы успокоиться. Я не хочу возиться с тобой опять.

Катрона фыркнула и снова принялась за еду, всем напоказ отодвинув от себя жаркое и вино и налегая на хлеб, который щедро сдабривала медом из горшка.

Дженна, набравшись духу, пропищала тонким голоском: – Да что я такого сказала? Почему все так разозлились?

Амальда легонько стукнула ее по макушке палочками для еды.

– Ты не виновата, дитя. Просто взрослые сестры иногда говорят, не подумав.

– Говори за себя, Амальда, – проворчала Катрона. Она перестала жевать, отодвинула стул и встала. – Я сказала именно то, что думала. Кроме того, дитя имеет право знать...

– Нечего тут знать, – перебила Кадрин.

Катрона снова фыркнула и вышла вон.

– О чем это вы? – выскочила Пинта, и ей досталось палочками чуть покрепче, чем Дженне.

Дженна молча встала из-за стола и, даже не спросив позволения, направилась к двери. На пороге она обернулась и сказала:

– Я все равно узнаю. И если никто из вас не скажет мне, я спрошу у самой Матери Альты.

– Ну, уж эта, – сказала Дония своим девушкам на кухне, – и самой Великой Богини не побоится, помяните мое слово. – Но никто не запомнил этого, потому что Дония изрекала нечто подобное, то и дело.

* * *

Дженна направилась напрямиком в покои жрицы, но чем ближе она к ним подходила, тем сильнее стучало у нее сердце. Кадрин, наверное, дала бы ей настой из наперстянки – и если бы настой оказался слишком крепок, она, Дженна, умерла бы. Умереть сразу после того, как избрала свой путь, было бы ужасно грустно. Эти мысли заставляли ноги ступать еще быстрее, и она пришла к жрице даже скорее, чем намеревалась.

Дверь была открыта. Мать Альта сидела за своим громадным станком и ткала гобелен для хейма, совершая один из бесконечных трудов своего сана, которые Дженна находила такими нудными. Клик-кляк – щелкали ее ногти о челнок; щелк-щелк – ходил челнок между нитями основы. Мать Альта, должно быть, заметила девочку краем глаза и сказала:

– Входи, Джо-ан-энна.

Делать было нечего, и Дженна вошла.

– Ты пришла попросить у меня прощения? – Жрица улыбнулась, но не глазами, одними губами.

– Я пришла спросить, почему ты говоришь, будто кошка не убивала мою первую мать, когда все другие говорят иначе. – При этом Дженна невольно теребила свою правую кошечку, завязанную кожаной тесемкой. – Все говорят, что моя мать погибла, пытаюсь спасти меня.

– Кто это – все? – спросила жрица тихим, нарочито ровным голосом. Правая ее рука при этом вертела большой агатовый перстень на пальце левой. Дженна не могла отвести глаз от этого перстня. – Кто все, Джо-ан-энна? – снова спросила Мать Альта.

Дженна подняла глаза, пытаюсь выдавить из себя улыбку.

– Я это слышу с тех пор, как себя помню. Но не странно ли, Матушка, – я не могу вспомнить, кто первый сказал об этом. – Дженна перевела дух. Это была не совсем ложь. Она помнила, как об этом говорила Амальда, и Домина, и даже Катрона, а девочки повторяли за ними. Но Дженна не хотела вредить им – особенно Амальде, матери Пинты, которую часто и себе желала в матери. Ночью Дженна тайно, в подушку, шептала ее ласкательное имя – Ама. – Об этом даже песня есть, – сказала девочка.

– Нашла чему верить – песням, – бросила жрица. Она оставила кольцо и стала играть тяжелым ожерельем из ме-

таллических полумесяцев и лунных камней вокруг шеи. – Этак ты скоро уверуешь в болтовню деревенских священников и в бредни бродячих рифмоплетов.

– Во что же мне тогда верить? – спросила Дженна. – И кому?

– Верь мне. Верь Книге Света. Скоро ты познакомишься с ней. Верь также в то, что Великая Альта все слышит. – Палец с длинным блестящим ногтем для пущей убедительности устремился в потолок.

– Слышала ли она, что мою мать убила кошка? – Дженна сама поразилась тому, как быстро ее язык произнес это, не дав ей поразмыслить.

– Ступай прочь, дитя, ты утомляешь меня, – сказала жрица и махнула рукой на Дженну. Дженна с большим облегчением вышла за дверь.

Дождавшись этого, Мать Альта встала, отодвинула свой тяжелый станок и подошла к большому отполированному зеркалу в резной деревянной раме. Она часто говорила с ним, как будто со своей темной сестрой, когда нуждалась в совете днем, и не видела особой разницы – ее отражение отличалось от сестры только цветом волос и кожи да тем, что не могло ей ответить. «Порой, – устало подумала Мать Альта, – я даже предпочитаю молчание зеркала ответам, которые получаю от моего темного двойника».

– Помнишь того мужчину из города, – прошептала она, – слипскинского землепашца? Руки у него были грубые, а

язык еще грубее. Мы с тобой тогда были моложе на семь лет, но куда старше его. Но он этого так и не понял – да и как он мог, он, привыкший к неотесанным бабам своего селеньица? – Жрица криво улыбнулась при этом воспоминании, и зеркало улыбнулось ей в ответ. – Мы поразили его как громом, сестра, когда сняли свои одежды. Пораженный видом нашей шелковистой кожи, он выболтал всю правду о своем единственном дитяти, которое, само того не ведая, убило свою мать, и о повитухе, которая ушла с малюткой в горы и больше не вернулась. Потом наша встреча, наверное, вспоминалась ему как сон, ибо мы пришли к нему тайно, в полночь. Все же прочие, кого мы расспрашивали, знали только одну из нас – они видели ее днем, да и то в виде дряхлой старухи. – На сей раз, жрица не улыбнулась, и отражение молча взирало на нее из зеркала. – Он, конечно же, рассказал нам правду. Ни один мужчина не станет плакать в объятиях женщины, если говорит неправду. Мы были первыми, кто согрел его постель после смерти жены. С тех пор прошло уже девять месяцев, но его раны еще не зажили. Итак, их и, правда, было трое: родная мать, повитуха и охотница. Три, как одна. И они умерли, умерли все до одной. – Жрица закусил губу, глядя в зеленые глаза своего отражения. – О Великая Альта, поговори со мной. Тебя молит об этом одна из твоих жриц. – Она воздела руки, и голубые знаки Альты стали видны на ее ладонях. – Вот она я, мать твоих детей, направляющая их твоим именем в этом маленьком хейме. Нет у меня ни по-

мощницы, ни дочери, есть только темная сестра, и не с кем мне поговорить, кроме тебя. О Великая Альта, сеятельница и жница, та, в ком начало и конец, услышь меня. – Жрица коснулась лба, левой груди, пупка и лона. – Правильно ли я поступила, о Великая, или я заблуждаюсь? Это дитя осиротело трижды, так, как это сказано в пророчестве. Но до нее были и другие. Один слух пришел из хейма близ Калласфорда, другую не так давно удочерили в Ниллском хейме. Но потом эти девочки оказались самыми обыкновенными.

Что же тогда это дитя, Аннуанна? Она отмечена волосами цвета свежего снега, о которых сказано в пророчестве, но она смеется и плачет, как всякое другое дитя. Она быстра и на язык, и на ногу, но в играх порой уступает своей названной сестре Марге. Много раз я наводила ее на свой путь, путь твоей служительницы, но она выбрала лес, охоту и тому подобные глупости. Как может она быть той, кого мы ждем?

О Великая Альта, я знаю, что ты говоришь со мной лучами солнца и луны, что обновляется каждый месяц. Я знаю, что твой голос звучит в струях дождя и в каплях росы. Так написано, и я верю писанию. Но мне нужен более явный знак, чтобы я смогла открыть это чудо всем и каждой. Не просто едкие речи завистливых женщин, не просто покаянные, слезливые признания злосчастного мужчины, и не одно мое трепещущее сердце. Истинный знак.

Ноша моя тяжела, о Великая. Я так одинока. Эта тайна состарила меня до срока. Взгляни сюда и сюда. – Жрица рас-

пахнула платье, показав свои увядшие груди, и коснулась обвисшей кожи у подбородка. Глаза ее наполнились слезами, и она со вздохом опустилась перед зеркалом на колени.

– И еще одно. Великая Альта, хотя ты и без меня это знаешь. Но я должна покаяться перед тобой вслух. Рассказать тебе о самом большом моем страхе. Без моего сана я ничто. В нем вся моя жизнь. Обещай мне, Великая Альта, обещай, что если она – Аннуанна, Джо-ан-энна, Дженна – и вправду та, о ком сказано, светлая сестра, трижды рожденная и трижды осиротевшая, та, что станет владычицей над всеми и изменит наш мир, – так вот, обещай, что я и тогда буду служить тебе, как прежде. Что место во главе стола останется за мной. Что я буду сидеть на своем троне при луне и призывать твое имя, чтобы сестры слышали меня и творили молитву. Обещай мне это, Великая Альта, и я все открою.

Лицо в зеркале внезапно вспыхнуло, и жрица поднесла руки к своим пылающим щекам. Но иного знака ей не было послано. Жрица тяжело поднялась с колен.

– Я должна подумать еще. – И она вышла в другую дверь, потайную, завешенную старым чиненым гобеленом, на котором темные и светлые сестры играли в прутья.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

До наших дней не дошло ни одного экземпляра Книги Света, знаменитого текста, посвященного лунной Матери-Богине, хотя, как полагают, в каждом хейме, или сообществе альтианок, имелась своя, рукописная и раскрашенная Книга. Все эти фолианты исчезли во время Межполовых войн. Либо они – если верить выводам Зигеля и Залмона – были спрятаны в подземных хранилищах, специально созданных для этой цели, либо, если полагаться на расшифровку жреческой тайнописи, сделанную Варго, сгорели на ритуальных кострах.

Однако суть Книги и ее афористические учения все еще сохраняются в богатом фольклоре поселений, по-прежнему здравствующих близ древних хеймов. В монументальном труде Блисса и Би «Так говорит народ» находит сильную поддержку теория о том, что альтийские хеймы (или альтийские вертепы, как все еще именуют их священники Нижних Долин) были всего лишь продолжением граничивших с ними городов и селений, собственно пригородами, по крайней мере, в отношении языка и народных верований.

Альтийская религия, разумеется, становится понятной лишь в свете раннегарунийской истории. Г'руны, старинный, разветвленный род с Континента, вторгся на острова в 800-е годы. Почитатели мужского троебожия – Хар-

го, бога огня, Вендре, бога воды, и Креса, мрачного владыки царства мертвых, они осели вдоль побережья. Постепенно они начали просачиваться в верховные органы полуматриархальной цивилизации, существовавшей на Островах. Пытаясь поначалу подорвать древние устои, они впоследствии пошли на компромисс и приняли наследование по материнской линии – и это после того, как опустошительные Межполовые войны уничтожили и древние хеймы, и знаменитый дворец Г'руна Дальнострела.

Религия, которую Г'Руны пытались вытеснить, действительно была сильной помехой для пришельцев – ведь она посвящалась беловолосой богине, размножавшейся без участия супруга мужского пола. Религия эта возникла отчасти из-за численного перевеса женщин, ставшего следствием гораздо более ранних войн четырехсотлетней давности. По причине численного несоответствия между полами, после междоусобных боев вошло в обычай уносить лишних, нежеланных младенцев женского пола в горы и оставлять их там. Однако в поздние 600-е годы в горах появилась некая женщина по имени Альта, будто бы очень высокого роста и с длинными развевающимися белыми волосами (возможно, альбиноска, хотя, скорее всего, просто старая). Она обходила селения, осуждая жестокий обычай, и подбирала всех живых младенцев, которых могла найти. Спасенных детей она возила за собой на сцепленных вместе салазках. Постепенно к Альте стали присоединяться единомышленницы,

либо незамужние (в то время из-за несоответствия между полами существовало множество одиноких женщин, так называемых ненайденных сокровищ), либо вдовы, либо жены из полигамных семейств. (В Нижних Долинах особенно были приняты столь радикальные формы брака, хотя наследниками могли считаться только дети от первой жены.) Так возник первый из семнадцати хеймов, ставший пристанищем для нежеланных детей и лишних женщин. Эта реконструкция событий, впервые предпринятая покойным профессором Дэвисом Темплом из Хофбридерского университета в его классическом труде «Альтианки», столь общепринята, что не нуждается в дальнейших комментариях.

Сообщества приемных матерей, нуждаясь в некоей религиозной подкладке, стали поклоняться Белой Богине по имени Великая Альта. Так была вознаграждена настоящая Альта за свой человеческий подвиг. С годами Альта и ее приемница, странствующая проповедница, называемая Гендра, Хендра, Ханна, Анна и Темная Дева, слились в единый образ богини с волосами светлыми с одной стороны и темными с другой, странное гермафродитическое существо, рождающее детей без участия мужчины. Эта религия переняла многие аспекты от соседних патриархальных племен, а позднее даже кое-какие гарунийские верования. (Так, например, обычай хоронить умерших в пещерах, возникший в более позднее время, заимствован у Г'рунов, ведущих свой род из маленькой долины в изобилующих пещерами горах, где па-

хотная земля была слишком ценной, чтобы отдавать ее мертвым. Ранние альтианки хоронили своих покойниц в высоких курганах.)

После того как беловолосая Альта стала спасительницей для множества девочек, брошенных в горах, появились слухи о пришествии другой спасительницы. Эти слухи стали религией и вошли – если опять верить Варго – в самую Книгу Света. Спасительницей должна была стать дочь мертвой матери. Эта легко объяснимая психологически подмена – мертвая мать вместо мертвого ребенка – является одним из основных фольклорных мотивов. Мертвых матерей, собственно, полагалось, что было три – магическое число. Следы этих верований еще сохраняются в некоторых народных песнях и пословицах Верхних Долин.

ПЕСНЯ

Песня Альты

Когда нерожденным ребенком была.
Огонь да вода – на пути,
Я в чреве у матери мирно спала.
О Альта, меня защити!
Будь прокляты те, кто отнял мою мать.
Огонь да вода – на пути.
Кто бросил меня на холме умирать.
О Альта, меня защити!
Но я не сдавалась, кричала, жила.
Огонь да вода – на пути,
И дева на плач мой склонилась с седла.
О Альта, меня защити!
Два дня мы скакали, скок конский был спор.
Огонь да вода – на пути,
На третий – примчались к селенью сестер.
О Альта, меня защити!
И каждая – каждая! – стала мне мать,
Огонь да вода – на пути.
Вот так мне случилось свободно стать.
О Альта, меня защити!

ПОВЕСТЬ

– Что она сказала? А ты? – жадно выпрашивала Пинта, запустив пальцы в свои темные кудряшки. Она сидела на полу под окном в их общей комнате. Здесь было темновато, как и во всех комнатах хейма, поэтому девочки всегда играли поблизости от узких окошек, и летом, и зимой. – Она тебя побила?

Дженна задумалась над ответом. Она почти жалела о том, что Мать Альта и вправду не побила ее. Амальда была скорой на руку и недавно отстегала их обоих ивовым прутом: Пинту – за дерзкий язык, а Дженну за то, что ее защищала. Но наказание было недолгим, и за ним, как всегда, следовали объятия, слезы и поцелуи. Если бы жрица вела себя так же, Дженна не притаилась бы у нее за дверь, как лесная мышка. Неужели она – то дитя, которое, не ведая того, убило свою мать, да не один раз, а целых три? Эта мысль так напугала Дженну, что она не стала больше слушать, а убежала и спряталась в подвале, среди больших бочек с темно-красным вином. Там, в темноте, ее стали душить рыдания – ведь если она то дитя, тогда нечего и притворяться, нечего и надеяться, будто Ама ее мать. Но потом Дженна принудила себя уняться и перестала плакать. Она отыщет Пинту и спросит у нее.

И вот теперь, стоя около Пинты, Дженна вдруг поняла, что ее ноша слишком тяжела, чтобы делить ее с кем-то.

– Она спросила, кто мне об этом рассказал, а я сказала, что не помню, кто была первая. – Дженна опустилась на пол рядом с Пинтой.

– Первая была Ама. Я помню. Это было точно сказка. Нам позволили лечь в большой кровати, между Амой и Саммор, и...

– А может, и нет, – перебила Дженна, радуясь тому, что самое трудное позади. – Может, первая была Катрона. Или Дония. Она слишком много болтает, и уж точно рассказывала это...

– ...не меньше трех раз. – Пинта засмеялась. В хейме все повторяли эту шутку, даже дети.

– Домина тоже об этом говорила. И про мою вторую мать тоже. Они были подруги. – Не вступает ли она на зыбкую почву? У Дженны задрожали пальцы, но Пинта как будто ничего не заметила.

Пинта уперла локти в колени и положила подбородок на руки.

– Но не Кадрин. Она бы никогда тебе не рассказала. – Обе важно покивали головами. Кадрин никогда не сплетничала и не говорила лишнего.

– Мне нравится Кадрин, – сказала Дженна, – хотя она и Одиночка и улыбки от нее не дождешься. – Одиночки, женщины без темных сестер, были редкостью в хеймах, и Дженна теперь чувствовала себя так же, как, по ее мнению, и они: покинутой и не имеющей подруги, которая знает каждую

ТВОЮ МЫСЛЬ.

– Я видела раз, как она улыбнулась. Это было, когда Альна перестала дышать, а потом опять начала, с кашлем и такими пузырями изо рта. Мы тогда еще в саду охотились на кролика – понарошку, конечно, как все малыши. А ты побежала за Кадрин, потому что бегаешь быстрее всех, и она приложила ухо к Альниной груди, а потом ка-ак стукнет!

– И Альна семь дней ходила с синяком величиной с кулак.

– Восемь – и всем его показывала.

– Но Кадрин тогда не улыбнулась.

– А вот и да.

– А вот и нет.

– Да.

– Нет.

– Да. И Ама дала мне вот это. – Пинта вынула руки из-за спины, держа в одной две новые куколки из кукурузы, а в другой – две тростниковые котомки. – Они с Саммор сплели это, чтобы отпраздновать наш Выбор.

– Да они красивее, чем у Альны.

– Конечно, красивее.

– И на котомках знак хейма.

– Ну вот, теперь мы с тобой настоящие сестры и все делим пополам. Ты возьми светлую котомку и светлую куколку, а я возьму темные.

Дженна виновато взяла подарки, вспомнив, что так ничем и не поделилась с Пинтой. Еще она вспомнила, как Мать

Альта стояла перед своим большим зеркалом и говорила слова, так напугавшие ее, Дженну. Смогут ли они с Пинтой снова стать «настоящими» сестрами?

Но кукла быстро отвлекла ее от столь черных мыслей – она уложила свое дитя в коробок, повесила коробок за спину, и они с Пинтой стали играть в темную и светлую сестру, пока колокол не позвал их на уроки.

– Сегодня, – объявила Катрона, – я научу вас игре «Духовный Глаз».

Девочки заулыбались, и Пинта пихнула Дженну локтем. Обе они слышали об этой игре. Девочки постарше потихоньку шептались о ней за столом, но ничего не объясняли младшим, потому что это было одно из Таинств, открываемых только после Выбора.

Пинта стрельнула глазами по сторонам – не видит ли их кто-нибудь. На воинском дворе были трое старших, но все они занимались своим делом: рыжая Мина целилась из лука в узкую мишень, вгоняя туда стрелы одну за другой, а Варса и маленькая Домина нападали друг на дружку с ивовыми мечами под окрики большой Домины.

– Пинта, смотри на меня! – велела Катрона, но не сердито, а даже весело. – Я знаю, тут есть на что посмотреть, но вы должны научиться сосредоточиваться, а потом рассеиваться.

– Как это – «рассеиваться»? – спросила Пинта.

Катрона снова засмеялась.

– Это значит – замечать много вещей зараз. Но, прежде

всего ты должна уметь слушать, Марга. – Катрона больше не смеялась, и девочки стали слушать.

Катрона повернулась к деревянному столику с порядком ободранными ножками, прикрытому старой скатеркой, под которой виднелись какие-то бугры.

– Прежде всего – что вы здесь видите? – спросила она.

– Стол, – тут же выпалила Пинта. – И старую скатерть.

– Под которой лежат какие-то вещи, – добавила Дженна.

– Вы обе правы. Но запомните: самое главное в лесу и в бою – это внимание. Все часто обстоит не так, как нам кажется. – Катрона сдернула скатерть, и девочки увидели, что столешница представляет собой подобие горной страны с пиками и долинами. – Здесь мы учимся находить дорогу в горах, где расположен наш хейм. И обдумываем военные действия.

Пинта восторженно хлопнула в ладоши, а Дженна наклонилась, задумчиво водя пальцем по горам и долам.

– А тут что вы видите? – спросила Катрона, подведя их к нише, где стоял другой стол, накрытый такой же скатертью, под которой виднелось еще больше ям и бугров.

– Снова горы, – сказала Пинта, стремясь, как всегда, быть первой.

– Будь внимательна, – напомнила Катрона.

– По-моему, это не горы, – заметила Дженна. – Они не такие высокие, как те. Тут есть что-то круглое, вроде... вроде...

– Вроде яблока! – ввернула Пинта.

– Давайте посмотрим. – Катрона сняла скатерть, взяв ее за середину. На столе лежало множество разных предметов.

– Ага, ты обманула меня! – ухмыльнулась Пинта.

– Взгляни еще раз, дитя, – только внимательно.

Пинта взглянула, и Катрона снова накрыла стол скатертью.

– А теперь начинается Игра. Начнем с тебя, Марга. Ты любишь быть первой, вот и назови какую-нибудь вещь со стола. Потом Дженна, потом опять ты – так и говорите, сколько сможете вспомнить. Та, кто запомнила больше, получит леденец.

Пинта хлопнула в ладоши – она любила сладости.

– Ложка. Там была ложка.

Дженна кивнула.

– И еще яблоко – это и было то, круглое.

– И палочки для еды, – сказала Пинта.

– Только одна палочка, – поправила Дженна.

– Верно, одна, – согласилась Катрона.

– Игральная карта.

– Пряжка, как у Амы – Амальды.

– Я такую не помню, – удивилась Пинта.

Дженна пожала плечами.

– Есть пряжка, – подтвердила Катрона. – Продолжай, Марга.

Пиита наморщила лоб, уперлась кулаком в щеку, подумала и улыбнулась.

– Еще одно яблоко!

– Молодец, – похвалила Катрона.

– На тарелке, – добавила Дженна.

– Тарелок тоже две? – неуверенно произнесла Пинта.

– Верно, две.

– Нож, – сказала Дженна.

Пинта, пораздумала еще и пожала плечами. – Больше ничего.

– Дженна? – Та теребила свои косички. Она знала, что вещей больше, и могла их назвать, но знала и то, как хочется Пинте выиграть леденец. Как Пинте нужно его выиграть.

Дженна вздохнула и сказала:

– Миска с водой. Булавка. Нитка.

– Нитка? Нитки там нет, Дженна.

– Нет, есть. И еще камешки или ягодки, две или три. А больше я не помню.

– Пять ягод, – улыбнулась Катрона, – две черные и три красные. И обе вы забыли кусочек гобелена, где выткана игра в прутья, и ленту, и палочку для письма, ковровую иглу – и сам леденец! Но и запомнили вы тоже немало. Я горжусь вами – ведь вы играете в эту Игру первый раз. – Она убрала скатерть. – Вот, посмотрите сами.

– Смотри, Катрона, – вот она, Дженнина нитка! – тут же заметила Пинта.

Длинная темная нить лежала рядом с гобеленом, но достаточно далеко, чтобы считаться отдельно.

– Ну и глаз у тебя, Джо-ан-энна! – рассмеялась Катрона. – А я, видно, к старости плоха становлюсь. Хороша учительница. Такая оплошность могла бы стоить мне жизни в лесу или в битве.

Девочки важно кивнули, а Катрона торжественно вручила леденец Дженне.

– Мы будем играть снова и снова, пока вы не научитесь запоминать все, что видели. Завтра под скатертью будут уже другие вещи. Овладев Игрой в совершенстве, вы сможете назвать с первого раза более тридцати предметов. Но это не просто игра, дети мои. Цель ее – научить вас видеть не только глазами, но и разумом. Вот почему она называется «Духовный Глаз». Учитесь повторять в голове то, что видели глазами – с той же ясностью.

– И в лесу тоже? – спросила Пинта.

Дженна и без того уже знала ответ. Конечно же, они должны делать это и в лесу, и в хейме, и в городе. Что за глупый вопрос – она просто удивлялась Пинте. Но Катрона не удивилась.

– Да, – сказала она спокойно. – Вы у меня умницы. – Она положила им руки на плечи и подтолкнула поближе к столу. – Посмотрите-ка еще раз.

Они посмотрели. Пинта шевелила губами, запоминая каждую вещь, а Дженну даже дрожь пробрала от старания.

Вечером четверо новых Выборщиц собрались в своей комнате, на кровати у Дженны. Каждой было что рассказать.

Пинта вздохнула и повествовала об Игре и о том, как Дженна поделилась с ней леденцом.

– Хотя она честно выиграла его. Но завтра я выиграю. Я, кажется, разгадала секрет. – Рассказывая, Пинта качала на руках новую куклу.

– Вечно ты со своими секретами, Пинта, – сказала Селинда. – И никакой пользы тебе от них нет.

– А вот и есть.

– А вот и нет.

– А вот и есть.

– Расскажи нам про кухню, Альна, – сказала Дженна, которой вдруг наскучил этот спор. Ну какая разница, любит Пинта секретничать или нет?

Альна сказала своим полушепотом:

– Никогда не думала, что на кухне столькому надо учиться. Меня поставили резать разные вещи. В саду мне никогда не давали в руки ножа. И я ни разу не порезалась. Еще там хорошо пахнет, но... – И Альна со вздохом умолкла.

– В саду бы тебе сегодня тоже не понравилось, – поспешно заверила Селинда. – Мы только и делали, что пололи. Да я этим занимаюсь с тех пор, как себя помню. Стоило это выбирать! Лучше бы я пошла на кухню, или в лес, или в ткацкую...

– А мне нравится полоть, – тихо сказала Альна.

– Ну уж нет, – заспорила Пинта. – Ты только и знала, что жаловаться на это.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– А вот и нет.

В комнату вошла Амальда.

– Пора спать, малышки. Вы должны быть как птички – они, как бы высоко ни летали, всегда возвращаются в гнездо. – Она поцеловала каждую, прежде чем уйти, и Дженна обняла ее в ответ крепко-крепко.

Потом забежала родная мать Селинды, чтобы укрыть дочку и пожелать всем девочкам спокойной ночи. А потом Дженна вылезла из постели и зажгла все лампы, потому что стемнело, и мать Альны пришла вместе с темной сестрой. Они приласкали всех, но слишком уж, по мнению Дженны, суетились над Альной, несмотря на ее уверения, что у нее все хорошо.

Наконец пришли Марна и Зо и, ко всеобщему восторгу, принесли с собой тембалы. Инструмент Марны звучал чудесно, а тембала Зо, как и ее голос, только вторили ему.

– Спойте «Послушайте, женщины», – попросила Пинта.

– И «Балладу о звонкой кузнице», – прошептала Альна.

– Нет, «Гоп-ля-ля», – вскричала Селинда, подпрыгивая на кровати.

Дженна одна промолчала, расплетая свои белые косы – волосы от них сделались волнистыми.

– А у тебя разве нет любимой песни, Джо-ан-энна? – спросила Марна мягко, следя за ее быстрыми пальцами.

Дженна ответила не сразу, но очень серьезно:

– А нельзя ли нам послушать новую песню? В честь нашего первого дня после Выбора? – Дженне хотелось бы, чтобы этот день был отмечен чем-то, и не только странной пустотой в груди, питаемой мелкими стычками с Пинтой и чувством какого-то отдаления от других девочек. Ей хотелось снова стать такой, как все, и близкой им, хотелось смыть чем-то память о Матери Альте перед ее большим зеркалом. – Таковую, которую мы еще ни разу не слышали.

– Конечно, можно, Дженна. Я спою тебе песню, которую выучила в прошлом году, когда к нам приходила певица из Калласфордского хейма. Это большой хейм, там около семисот сестер, поэтому одна из них может позволить себе быть просто певицей.

– А ты хотела бы быть просто певицей, милая Марна? – спросила Пинта, но ответила ей Зо:

– В большом хейме наш скромный дар едва ли признали бы.

– И нам было бы плохо везде, кроме нашего хейма, – добавила Марна.

– Но ведь ты побывала и в других местах, – задумчиво сказала Дженна. Ей стало любопытно, чувствовала бы она себя другой – непризнанной или такой же, как все – где-то еще.

– Конечно, побывала. Во время своих годовых странствий перед окончательным Выбором и перед тем, как вызвать

свою сестру из тьмы. Это и вам предстоит. Но всем хеймам, хотя тамошние сестры и хотели, чтобы я осталась, я предпочла наш Селденский хейм, самый маленький.

– Почему? – спросила Пинта.

– Да, почему? – подхватили три остальные.

– Потому что это наш хейм, – хором ответили Марна и Зо. – А теперь довольно вопросов, – добавила Марна, – иначе у нас не останется времени даже на одну песню.

Девочки устроились поуютнее в своих постелях.

– Сначала я спою новую песню, «Песню Альты», а потом и другие. После этого вы все должны крепко уснуть. Вы ведь уже не мои малышки, и с утра у вас будет много разных дел.

Она начала петь, и на третьей песне все девочки уснули. Только Дженна не спала, но Марна и Зо этого не заметили и на цыпочках вышли из комнаты.

В очаге большого зала весело потрескивал огонь, и две охотничьи собаки, дремлющие около, дергали лапами и скребли когтями по камню, преследуя кроликов даже во сне. Здесь приятно пахло камышом, дымом и сухими лепестками роз и вербены, лежавшими в больших мисках.

Когда вошли Марна и Зо, все кресла у огня оказались уже заняты, а три большие девочки лежали на животах на коврике перед очагом.

– Идите сюда, – позвала их Амальда, приберегавшая для них два места за большим круглым столом сбоку от огня. – Как там наши Выборщицы?

– Все еще взбудоражены? – добавила более спокойно ее темная сестра Саммор.

– Угомонились, наконец. Мы спели им четыре песни – хотя нет, только три. Они уснули, не дождавшись четвертой. Бедняжки, за день они совсем обессилели, и я пообещала им, что завтра будет еще труднее. – Марна тяжело опустилась на стул.

– Мы уже соскучились по этим бесенятам, – добавила Зо, садясь рядом с ней.

– Наш хейм не столь велик, чтобы вы не виделись с ними каждый день, – улыбнулась Катрона.

– Но ведь они целых семь лет находились на нашем попечении, – вздохнула Марна. – А теперь они выросли.

– Ты говоришь это каждую весну, при каждом Выборе, – улыбнулась Домина.

– Нет, не каждую. У нас ни разу не было Выбора после Варсы, а тому уже три года. И вот нынче сразу четверо. Это очень тяжело.

– Нам с Глон еще тяжелее, – сказала мать Альны, сидевшая напротив. – Нашу малютку забрали из сада и отдали под начало Донии. Тьфу.

– Что значит «забрали»? – вспыхнула Катрона. – Ты не меньше нашего боялась, что девочка когда-нибудь задохнется посреди твоих сорняков.

– Сорняков? Каких таких сорняков? Наш сад выполот не менее чисто, чем в любом большом хейме. Сорняки – тоже

выдумала! – Алинда поднялась с места, но Глон, сидевшая рядом, удержала ее, и Алинда села, все еще дрожа от гнева.

– Она просто хотела пожаловаться, как нам тяжело, – сказала Глон Катроне. – Ты прости ее. Мы сегодня обе не в себе.

Катрона фыркнула и отвернулась.

– Первый день после Выбора всегда труден, – сказала Кадрин, занимая место за столом. – И каждый раз мы говорим то же самое. Только у детей бывает такая короткая память. Посмотрите-ка друг на друга, сестры, и улыбнитесь. Это скоро пройдет. – Она обвела взглядом стол, сама оставаясь неулыбчивой, но все остальные скоро обрели свою обычную веселость. – Ну что, все собрались?

– Дония и Дойи, как всегда, опаздывают, – сказала Домина.

– Тогда подождем их. Дело касается новых Выборщиц, и все, кто имеет к ним отношение, должны присутствовать. – Кадрин сложила руки на столе, сплетя крепкие пальцы с коротко остриженными ногтями. – Может, вы тем временем споете нам, Марна и Зо? Что-нибудь веселое.

Те, не дожидаясь дальнейших просьб, взяли свои тембалы и, обменявшись едва заметным кивком, заиграли быстрый танец, чья мелодия словно перескакивала с одного инструмента на другой. За столом стало еще веселее. Как только мелодия завершилась четырьмя чередующимися аккордами на басовых струнах, вошли Дония и ее темная сестра Дойи, вытирая руки о грязные передники и торопясь оправдаться

за свое опоздание.

Катрона замахала на них руками, делая знак садиться, и стулья зашаркали по полу под утихающий звон тембал.

– Как все вы знаете, мы должны теперь поговорить о будущем наших новых Выборщиц. И о своем тоже – ведь дети и есть наше будущее. Начнем, пожалуй, с тебя, Марна. Что девочки знают и насколько быстро усваивают новое?

Марна и Зо кивнули.

– Вам и так уже известно то, что я скажу. Все эти годы я советовалась с их матерями и с тобой, Кадрин, когда они болели. Но повторить не помешает – при этом могут открыться истины, скрытые даже от Зо и меня. Все четыре девочки умненькие, быстро схватывают и уже выучили буквы. Дженна умеет даже складывать слова и скоро начнет первую из Малых Книжек, хотя сказки больше всех любит Альна.

Алинда согласно кивнула.

– Мы всегда рассказывали ей сказки, чтобы успокоить, когда ей трудно дышалось.

Марна улыбнулась и продолжила:

– Селинда – мечтательница, и ей то и дело приходится напоминать о ее обязанностях.

– Это она в отца, – засмеялась мать Селинды. – Трех мальчишек я родила, пробыв с их отцами всего неделю, а с этим проваландалась три месяца – так ему приходилось напоминать.

Женщины подхватили ее смех. Марна дождалась, когда

смех утихнет.

– Пинта – пожалуй, теперь ее следует называть Маргой, хотя про себя я все так же зову ее Пинтой – самая быстрая почти во всем...

– Но постоянно забывает об осторожности, – вставила Зо. – Мы опасаемся, как бы эта резвость не довела ее до беды.

– Это так, – кивнула Марна.

– Уже довела. – Катрона облокотилась на стол. – Она не получила леденца, который так хотела, при первом знакомстве с Игррой.

Марна рассмеялась, а Зо объяснила:

– Еще как получила – больше половины, во всяком случае, Дженна поделилась с ней.

Кадрин, расплетя пальцы, медленно произнесла:

– Они точно теневые сестры, Дженна и Пинта. Трудно им будет приспособиться к собственным темным близнецам, правда? – Кадрин задала свой вопрос с осторожностью, зная, что она, как Одиночка, почти не вправе обсуждать такие вещи. Она пришла в хейм уже взрослой, решив пожить вдали от шумных городов, где обучалась своему ремеслу. Возраст уже не позволял посвящать ее в Таинства хейма и учить, как вызывать сестру из вечного мрака Альты. – Я хочу сказать, что им тяжело будет расставаться...

– До этого им еще почти семь лет, Кадрин. И ты сама знаешь, что такое детская дружба, – сказала Марна.

– Нет, не знаю, – тихо промолвила та.

– Посмотрим, что будет, когда им придет время отправляться в странствия, – заметила Домина.

– В Книге говорится о благе преданности, – напомнила Кадрин. – Это даже мне известно. И Мать Альта поручила мне предостеречь вас всех, чтобы вы не слишком поощряли их дружбу. Дженна должна быть преданна не одной подруге, но всему хейму в равной степени. Учительница, мать, подруга – этого недостаточно. Мать Альта ясно дала это понять. – Кадрин высказала эти слова так, будто они оставляли дурной вкус у нее во рту.

– Да ведь она еще ребенок, Кадрин, – сказала Амальда. – Я давно уж взяла бы ее себе в дочери, если бы Мать позволила.

Все прочие закивали головами.

– Не простой ребенок, быть может, – пробормотала Кадрин, но больше ничего не добавила к этому.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Еще одна игра с долгой и запутанной историей – это «Я – мое», популярная в Нижних Долинах, которую Ловентраут в одном из своих блестящих, но эксцентрических полетов мысли объявляет «классической военно-обучающей игрой альтианок» (см. его «Письмо к редактору», журнал «Игры», т. 544). Его доказательства, весьма шаткие, основаны на, также весьма сомнительных, лингвистических изысканиях и расшифровках Варго, а не на кропотливой археологической работе, как у Кован и Темпла.

Игра в настоящем своем виде существует как настольная. Ее принадлежности – доска из шестидесяти четырех квадратов, тридцати двух темных и тридцати двух светлых, на которой расставляются шашки с картинками – тридцать две темные и тридцать две светлые.

Картинки парные, и их тоже тридцать две штуки. На них изображено следующее: нож, скрещенные палочки, бант, цветок, кружок (предположительно представляющий камень, поскольку называется именно так), яблоко, чаша, ложка, иголка с ниткой, виноград (или ягоды, можно называть и так, и так), треугольник, квадрат, полумесяц, солнце, корона, лук, стрела, собака, корова, птица, рука, нога, радуга, волнистая линия, называемая «рекой», дерево, кошка, повозка, дом, рыба, маска, стул и знак, именуе-

мый «Альтой», и служащий в Долинах древнейшим символом женского начала.

Цель игры – захватить как можно больше шашек противника. В начале все шашки переворачиваются картинкой книзу и перемещаются, а затем расставляются по квадратам в произвольном порядке, только светлые шашки ставятся на светлые квадраты, а темные на темные. Каждый игрок переворачивает по две шашки (обе свои либо одну свою, одну чужую). Затем открытые шашки снова ставятся картинкой вниз.

После этого каждый игрок поочередно переворачивает две шашки, по одной каждого цвета. Если картинки совпадают, он забирает шашку противника себе. Переворачивая свою шашку, игрок говорит «я», а если полагает, что шашка противника будет парной, говорит «мое». Если он полагает (или помнит точно), что шашки непарные, он говорит «твое». Если игрок говорит «мое», а шашки не совпадают, он теряет ход. Если он говорит «твое» в случае пары, шашка противника ему не достается, а противник переворачивает очередные две. Это простейший вариант – но на турнире и у взрослых игроков родственные картинки тоже считаются парными. Если игрок открывает такие пары, как рука-нога, река-рыба, лук-стрела, цветок-виноград, они считаются за две пары, а не за одну. Если с первой же попытки открывается лунная пара, игрок получает лишний ход. Если пара «Альт» открывается последней, она считается за три.

Поэтому игра требует не только памяти, но и стратегических навыков.

Если Ловентраут прав, еще одну загадку Долин можно считать раскрытой. Но если – что более вероятно – эта игра не имеет альтийских корней, а является скорее, как утверждает А. Баум, «импортом с Континента» (см. его наивную, но примечательную статью «Настольные игры в Долинах», Игры, т. 543), то нам следует искать более явные следы альтианства на Островах.

ПОВЕСТЬ

Годы после Выбора Дженна отмечала по своим достижениям. К исходу первого года она прочла все детские книжки, Книги Малого Света, хотя бы по разу, и в совершенстве изучила Игру. Она играла в нее с Пинтой и на воздухе, и ночью перед сном, пока обе не научились запоминать все предметы до одного, их цвет, количество и расположение.

На втором году Дженна освоила лук и метательный нож. Им с Пинтой разрешили переночевать в лесу с одной только маленькой Доминой, которая только что вернулась из странствий и должна была вызвать свою темную сестру. Маленькая Домина набралась в другом хейме рассказов о том, как некоторые девочки вместо сестер вызывали из мрака страшных чудовищ. Первая история напугала и Дженну и Пинту, особенно потому, что им казалось, будто поблизости скребется кошка. На второй раз испугалась только Пинта, да и то чуть-чуть. На третий раз Дженна придумала сыграть с маленькой Доминой шутку при помощи веревки, одеяла и старой тембалы, на которой уцелели только три струны. Старшая натерпелась такого страху, что впредь отказалась ночевать с ними, отговариваясь тем, что ей еще многое нужно выучить перед Сестринской Ночью. Дженна и Пинта лучше знали, в чем дело, но пришлось им довольствоваться Варсой, с которой было не так весело, — это была девушка се-

рзьяная, лишенная воображения и «малость туповатая», по словам Пинты.

Третий год Дженна назвала годом Меча и Брода. Она научилась владеть и широким коротким клинком, и длинным обоюдоострым, пользуясь учебными детскими мечами. Когда она заявила, что ростом стала почти с Варсу, Катрона, смеясь, вложила ей в руку взрослый меч. Поднять его Дженне удалось, но и только. Катрона думала, что Дженна смирится с тем, что взрослый меч ей пока не под силу, но та поклялась себе, что овладеет им к исходу года. Она упражнялась с деревяшками, все более и более тяжелыми, не ведая того, что растет куда быстрее, чем Пинта, Альна или Селинда. Когда Катрона в последний день года торжественно вручила ей большой меч, Дженна подивилась тому, какой он легкий – куда легче деревяшек, к которым она привыкла, да и держать его было куда удобнее. Он пел в воздухе, когда она показывала все семь приемов нападения и восемь защиты.

В тот же день река Селден вышла из берегов, что случилось лишь раз в сотню лет, и гонец из города явился в хейм с просьбой о помощи – нужно было прорыть канал, чтобы отвести в него гневные воды. Все воительницы и девочки отправились с ним, а также Кадрин, потому что в Селдене имелась только знахарка, да и той уже стукнуло восемьдесят пять. Мать Альта отрядила с ними и других, но не больше, чем считала нужным. Они сделали что могли, но семеро крестьян все-таки погибли в поле, пытаясь спасти свой урожай.

Сам город затопило по самые крыши. Когда альтианки собрались вернуться в горы, оказалось, что единственный мост смыло, и им пришлось переправляться через бурную еще реку, держась за веревку, которую Катрона привязала к метко пущенной стреле. Дженна и Пинта восхищались ее силой и умением. Обе они не любили холодной воды, но переправились в числе первых.

Меч и Брод.

На четвертый год они начали учиться по Книге.

У Дженны чесалось между пальцами ноги, но она терпела. Селинда устраивалась поудобнее, Альна хрипло дышала, и Пинта касалась Дженны коленкой. Но Дженна отрешилась от всех и сосредоточилась только на Матери Альте.

Жрица, с лицом как сыворotka и глазами как камень, сидела на своем стуле с высокой спинкой. С годами она скукожилась, но раскрыв Книгу, точно выросла на глазах, как будто одно только перевертывание страниц наделяло ее устрашающей властью.

Девочки сидели перед ней на полу, поджав ноги. Они смешили свою рабочую одежду – грубые кожи воительниц, кухонный затрапез, садовые штаны с грязью на коленках – на торжественный, белый с зеленым наряд юных Выборщиц, с пышными рукавами и собранными у лодыжек шароварами. Головы они повязали шарфами, как подобает девушкам в присутствии раскрытой Книги. Все прямо-таки блестили от недавнего мытья, и даже Селинда раз в жизни отчистила ног-

ти – Дженна заметила это краем глаза.

Мать Альта прочистила горло, чтобы привлечь к себе все внимание, сделала рукой несколько жестов, загадочных, но явно имеющих большую силу, и заговорила высоким гнусавым голосом:

– В начале ваших жизней была Книга Света – она же будет и в конце. – Ее пальцы продолжали двигаться в такт словам.

Девочки кивнули – Селинда чуть позже других. Мать Альта постучала ногтем по странице.

– Здесь знание. – Ее пальцы снова заплясали в воздухе. – Здесь мудрость. – Тук-тук-тук. – Итак, дети мои, мы начинаем.

Девочки кивали в такт ее словам.

– Теперь закройте глаза. Да, Селинда, и ты тоже. Хорошо. Призовем мрак, чтобы я могла научить вас дышать. Ибо дыхание лежит в основе всех слов, а слова – орудие знания, а знание – основа понимания, понимание же связывает одну сестру с другой.

«А любовь? – подумала Дженна, крепко зажмурив глаза. – Как же любовь?» – Но вслух она этого не сказала.

– Вот так вы должны дышать, когда внимаете словам Книги и... – Мать Альта многозначительно помолчала. – И когда вызываете свою сестру из тьмы.

После ее слов всякое дыхание в комнате как будто вовсе прекратилось, и только слабое эхо ее голоса отражалось от стен.

«Вот оно, – подумала Дженна. – Наконец-то!». В тишине снова раздался гнусавый голос Матери Альты – наставительный, сухой, лишенный теплых нот:

– Тело наше дышит бессознательно, но есть искусство дыхания, делающее каждую нашу мысль глубже, каждый наш дар богаче, каждый наш миг дольше. Без этого искусства, которому я обучу вас, ваши темные сестры не смогут ожить. Они будут обречены на прозябание в вечном мраке, вечном невежестве, вечном одиночестве. Только последовательницы Великой Альты владеют этим знанием. И если вы расскажете об этом чужим, вы умрете смертью Тысячи Стрел, – резко завершила жрица.

Дженна слышала об этой казни и могла представить, как это больно, хотя такое, наверное, случается только в сказках.

Когда Мать Альта умолкла, девочки, словно по сигналу, начали дышать вновь и открыли глаза. Альна не сдержала легкого кашля.

БАСНЯ

Однажды пятеро зверей поспорили, что в жизни важнее: глаза, уши, зубы, ум или дыхание.

– Испытаем это на себе, – сказал Кот. И все согласились, потому что он был самый сильный.

Итак, Черепаха вынула свои глаза и ослепла. Она не видела больше ни рассвета, ни заката. Не видела семи цветов радуги в своем пруду. Но она по-прежнему могла слышать, есть и думать. Поэтому звери решили, что глаза не столь уж важны.

Тогда Заяц отдал свои уши и перестал слышать, как трещит хворост около его норы и как шумит ветер в вереске. Вид у него стал чудной, но он по-прежнему видел, и мог есть досыта. Звери решили, что уши – тоже не главное.

Тогда Волк вырвал все свои зубы. Есть ему стало трудно, и он отощал, но сохранил слух и зрение, а его острый ум подсказал ему, как добыть еду помягче. Так решилось дело с зубами.

Тогда Паук расстался со своим разумом. Впрочем, умишко у него был маленький, и Паук, по словам Кота, стал не намного глупее. Мухи, будучи еще глупее его, попадали в его сети, хотя эти сети лишились былой красоты.

Кот рассмеялся и сказал:

– Ну вот, друзья, мы и убедились, что глаза, уши, зубы и

ум не столь уж важны, как я всегда и думал. Самое главное – это дыхание.

– Это еще надо доказать, – сказали другие звери. И пришлось Коту расстаться со своим дыханием.

Когда другие звери окончательно поняли, что он умер, они похоронили его. Вот так пятеро зверей доказали, что дыхание в жизни самое главное, ибо без него нет и самой жизни.

ПОВЕСТЬ

– В Книге сказано, что мы вдыхаем и выдыхаем около двадцати тысяч раз за день. Только представьте себе, дети мои, – мы проделываем это столько раз, даже не задумываясь об этом. – Мать Альта улыбнулась своей змеиной улыбкой – одними губами, не показывая зубов.

Девочки улыбнулись ей в ответ, кроме Дженны, которая спрашивала себя, сможет ли она теперь снова дышать, не думая об этом. Двадцать тысяч раз. Она и считать-то до такого числа не умела.

Жизни дыхание.
Жизни сияние.
Светом во тьме —
От меня к тебе,
Вечное жизни дыхание.

Они повторяли этот стих строку за строкой, пока не заучили наизусть. Тогда жрица заставила их твердить его нараспев снова и снова. Десять, двадцать, сто раз они повторили его, пока она не остановила их, махнув рукой.

– Каждое утро, когда вы будете приходите ко мне, мы будем повторять хором эти слова сто раз. А потом мы будем вместе дышать – да, дети мои, дышать. Мое дыхание станет вашим, а ваше – моим. Мы будем заниматься этим весь год,

ибо в Книге сказано: «И будут светлая сестра и темная сестра иметь одно дыхание». Мы будем проделывать это снова и снова, пока общее дыхание не станет для вас столь же естественным, как сама жизнь.

Дженна подумала о ссорах между сестрами, которые не раз наблюдала – и ей доводилось видеть, как одна сестра смеется, а другая плачет. Но она не успела додумать эту мысль до конца – Мать Альта велела им повторить заученное снова.

И они начали учиться дышать.

Вечером в их спальне, перед приходом матерей, Селинда разговорилась, как никогда. Дженна в жизни не видела ее такой оживленной.

– Я видела это! – говорила она, плавно водя руками по воздуху. – Амальда и Саммор за обедом дышали точно в лад, даже не глядя друг на дружку. Слитно и в лад.

– Я тоже видела. – Пинта запустила пальцы в свои кудряшки. – Только я следила за Марной и Зо.

– А я сидела у огня между Алиндой и Глон, – сказала Альна. – И все чувствовала. Они точно одни мехи – вдох и выдох. Странно, как это я не замечала этого раньше. Я попробовала дышать с ними в лад и почувствовала такую силу... Правда, правда! – добавила она на случай, если кто-то вздумает спорить.

Дженна молчала. Она тоже наблюдала за сестрами во время обеда, только смотрела на каждую пару по очереди. Не обошла она своим вниманием и Кадрин. Дыхание Одиночки

как будто сливалось то с одной, то с другой парой сестер, с которыми она сидела рядом, словно она, сама того не ведая, соблюдала такт их общего дыхания. Когда Дженна попыталась последить за собой, оказалось, что от одного этого она стала дышать по-другому. Нельзя следить и за другими, и за собой.

Остальные девочки, утомленные волнениями дня, заснули быстро – первая Альна, потом Пинта, потом Селинда, которая все время ворочалась во сне. Но Дженна еще долго лежала следя за своим дыханием и стараясь дышать в лад со спящими, пока не начала перелетать от одной к другой, почти без усилий

Весь год до зимних холодов Мать Альта учила их дышать. Каждое утро начиналось стократным повторением стихов и дыхательными упражнениями. Они постигли разницу между дыханием носом (альтаи) и дыханием ртом (алани), между дыханием грудью (ланаи) и дыханием животом (латани). Узнали, как преодолевать слабость, возникающую от частого дыхания. Узнали, как нужно дышать стоя, сидя, лежа, при ходьбе и даже во время бега. Узнали, что есть вид дыхания, который может погрузить человека в грезы наяву. Дженна, когда только могла, упражнялась в разных способах дыхания: кошачьем – для быстрых пробежек на короткие расстояния; волчьем – помогающем бежать без усталости много миль; паучьем – чтобы карабкаться вверх; черепашьем – для глубокого сна и в заячьем, помогающем прыгать. Теперь она по-

бивала Пинту во всяком состязании – и на силу, и на быстроту.

– Ты становишься все лучше, а я все хуже, – сказала Пинта, когда они, пробежав несколько миль, остановились передохнуть на перекрестке. Грудь ее тяжело вздымалась.

– Я ведь больше тебя, – заметила Дженна, которая в отличие от Пинты почти не запыхалась.

– Ты настоящая великанша, но дело не в этом. – Кудряшки Пинты от пота обвисли, как сосульки.

– Я, когда бегаю, пользуюсь альтаи, а ты алани, и ты никогда не упражнялась в волчьем дыхании – вот и пыхтишь, как чайник у Донии на огне. – Дженна скрестила руки на груди и стала медленно глубоко дышать через нос, пока голова не закружилась. Ей начинало нравиться это чувство.

– Я тоже пользуюсь альтаи – но только первую люблю. А волчье дыхание мне не помогает. Все это одни слова. Кроме того, альтаи придумано для вызова темной сестры, а нам до этого еще несколько лет. Единственная темная сестра, которую ты можешь вызвать сейчас, – это я. – Пинта усиленно обмахивалась руками.

– Зачем же тебя вызывать? – поддразнила Дженна. – Ты и так тут – обыкновенно позади. Ты не темная сестра, а тень. Так тебя все и зовут: «маленькая тень Дженны».

– Может, я и маленькая – но это потому, что мой отец тоже был мал, а твой, кто бы он ни был, настоящее чудовище. Но твоей тенью я быть не гожусь.

– Это почему же?

– Я не могу угнаться за тобой – что же это за тень такая?

– Знаешь, как говорят в Долинах? «Кролику за кошкой не угнаться».

– Не знаю я, как говорят в Долинах. Я там сроду не была, разве что во время потопа, а тогда там только и слышно было: «Держи это. Вычерпывай тут. Поскорее».

– И еще «Помогите!».

Обе засмеялись.

– Зато Дония говорит это...

– То и дело! – Они произнесли это хором и расхохотались уже не на шутку – Пинта привалилась к дереву, а из кустов шмыгнул испуганный крольчонок и поскакал по тропке.

– Ну-ка, кошка, поглядим, сумеешь ли ты поймать вот этого, – сказала Пинта.

Дженна, приняв вызов, припустилась за кроликом, и Пинта долго еще слышала ее топот. Вернулась Дженна с веточками вереска в волосах, свежей прорехой на штанах и длинной царапиной на правой руке, но прижимая к груди трепещущего крольчонка.

– Глазам своим не верю, – сказала Пинта. – Как это ты его поймала? Не подстрелила ли, часом?

– Дыхание у меня долгое, а рука скорая, – сказала Дженна высоким гнусавым голосом, перебирая пальцами в подражание жрице. – Он твой, маленькая тень.

– Да он совсем еще малыш. – Пинта взяла зверька от

Дженны, глядя его бархатные ушки. – Ты ничего ему не сделала?

– Я? Вот, гляди. – Дженна сунула ей под нос поцарапанную руку. – Это он мне разодрал задними ногами.

– Бедный испуганный малыш, – протянула Пинта, делая вид, что не слышит.

– Ладно, отпусти его.

– Я оставлю его себе.

– Отпусти. Если принесешь его домой, Дония пустит его в жаркое.

– Он мой.

– Твой-то твой, но Донии и Дойи этого не втолкуешь.

– И то. А знаешь, Альна становится точь-в-точь как они. Важной и болтливой.

– Знаю. Раньше, когда она все время кашляла и плакала, она мне как-то больше нравилась.

Пинта отпустила кролика, и они зашагали по тропе в хейм.

В жаркой бане царапина Дженны сильно покраснела, и Пинта забеспокоилась:

– Может, покажешь руку Кадрин?

– Ну и что я ей скажу? Что приобрела этот шрам благодаря своей тени? Пустяки. У нас с тобой и хуже бывало. – Дженна плеснула водой в Пинту, а та нырнула, схватила ее за ноги и утащила за собой. Обе вылезли, плескаясь, из горячего бассейна и сели обсохнуть на холодке.

– До обеда еще есть время... – начала Пинта.

– И тебе непременно хочется понынчиться с малышками.

Опять, – проворчала Дженна, однако отправилась вместе с Пинтой в большой зал. Три малютки спали там в своих колыбельках, а еще две едва встали на ножки – одну из них, двухлетнюю крошку, только что взяли в хейм приемышем.

За обедом Дженна сидела с Амальдой и Саммор, а Пинта помогала кормить малюток. У Дженны ненадолго хватало терпения с маленькими, которые всегда пачкались едой, – она предпочитала общество взрослых.

– Мать Альта говорит, что темные сестры живут в невежестве и одиночестве, покуда мы их не вызовем, – сказала она. – Правда это, Саммор?

В черных глазах Саммор проглянула настороженность.

– Так сказано в Книге, – сказала она уклончиво, глядя на Амальду.

– Я не спрашиваю, что сказано в Книге. Книгу нам читают каждый день. «Темные сестры пребывают в неве-е-жестве», – протянула Дженна в нос, подражая Матери Альте.

Саммор опустила глаза в тарелку, но Дженна не унималась:

– Но когда я задаю Матери Альте вопрос, она просто читает мне еще что-нибудь из Книги. Я думаю, там не вся правда. Я хочу знать больше.

– Дженна! – вскричала Амальда, шлепнув ее по руке. Саммор коснулась другой руки Дженны, но легонько, словно же-

лая что-то сказать.

– Погодите, дайте объяснить, – упорствовала Дженна. – Кое-что из того, чему учит нас Мать Альта, я могу видеть, чувствовать и осуществлять. Например, дыхание. Когда я дышу правильно, это в самом деле приносит мне пользу. Но темные сестры совсем не кажутся мне невежественными. И я видела, как Катрона плачет от одиночества, хотя у нее есть темная сестра. А вот Кадрин ее одиночество как будто ни-почем. Значит, Книга не все объясняет. А Мать Альта знает только то, что написано.

Саммор вздохнула.

– Книга говорит нам всю правду, Джо-ан-энна, только вот слышим мы по-разному.

– Как так?

Саммор и Амальда подышали в лад, и Саммор заговорила опять:

– Если тьма – это невежество, я и правда жила в нем, прежде чем увидела свет. Если ничего не знать значит быть невеждой, я и правда была ею. Если не иметь сестры, значит, быть одинокой, то я такой и была. Но я не знала, что я невежественна или одинока, пока не пришла сюда по зову Амы. Я просто была.

– Кем была?

– Была собой там, во тьме, но не сознавала этого.

Дженна поразмыслила немного.

– Но Кадрин не имеет сестры, однако не чувствует себя

одинокой.

– Есть много видов знания, дитя, – улыбнулась Саммор, – и Кадрин владеет только одним. Можно быть одной на разный лад и не всегда быть одинокой.

– Вместе тоже можно быть на разный лад, и для иных это не лучше, чем быть одной, – добавила Амальда.

– Вы говорите загадками, как будто я маленькая – а я уже не ребенок. – Дженна посмотрела в сторону, на маленький столик, где Пинта кормила с ложки двухлетнюю Кару, последнего приемыша Донии. Малютка смеялась, и они с Пинтой обе перемазались овсянкой. – Разве одиночество, ревность и гнев не покидают тебя, когда ты вызываешь сестру?

– Так учит нас Книга, – сказала Амальда.

Саммор фыркнула:

– Не старайся, Ама, – этого ребенка, который уже не ребенок, так просто не проведешь. Нынче вечером она слышала, как Дония честит Дойи за слегка пригоревший соус. Она видела, как Невара ходит за Марной по пятам. Она слышала о Сельне...

– Замолчи, Саммор! – резко оборвала Амальда.

– В чем дело? – Дженна обернулась к Саммор, плотно сжавшей губы, потом к Амальде. – Почему все сразу замолкают, когда я спрашиваю о Сельне? Как-никак, она была моей матерью. Второй, названной матерью. Но никто не хочет рассказать мне о ней. – Дженна говорила тихо, и никто, кроме двух сестер, не слышал ее. – Ну, хорошо же. Утром я

спрошу у Матери Альты.

Амальда и Саммор поднялись, как одна, и каждая протянула Дженне руку.

– Пойдем-ка выйдем, Дженна, – шепнула Амальда. – Луна теперь полная, и мы сможем погулять втроем. Не спрашивай Мать Альту ни о чем – она только причинит тебе боль своим молчанием и постарается подчинить тебя Книге. Мы сами расскажем тебе все, что ты хочешь знать.

Снаружи легкий ветерок шелестел листвой отдаленных деревьев. Дорожки хейма были вымощены темным камнем с блестящими вкраплениями, отражавшими лунный свет. Облака постоянно набегали на луну, пока собеседницы прохаживались вдоль стены, и Саммор то исчезала, то появлялась вновь.

– Существует история о трижды осиротевшем ребенке, Джо-ан-энна, – сказала Амальда.

– Я ее слышу сызмальства, – нетерпеливо бросила Дженна. – При чем здесь моя жизнь?

– Кое-кто думает, что этим ребенком можешь быть ты, – сказала Саммор, но тут облако закрыло луну, голос Саммор умолк, и рука перестала сжимать руку Дженны. Дженна дождалась, когда она появилась опять.

– Нет, это не я. У меня были только две матери. Одна погибла в лесу, а о другой я ничего не знаю. Мне никто не рассказывал.

– Будь моя воля, у тебя были бы три матери – я бы удоче-

рила тебя, – мягко сказала Амальда.

– Хотя ты и не называлась моей матерью, про себя я всегда звала, тебя так, Ама.

– Во сне тоже звала, – сказала Саммор. – И когда болела ветрянкой. Но это сон и лихорадка говорили за тебя.

– Вот видите – у меня нет третьей матери, а ты, Ама, жива и будешь жить еще долго, по воле Альты. – Дженна сделала знак Богини, соединив большой и указательный пальцы в круг. – Поэтому я не могу быть Той, о ком сказано.

Сестры обняли ее с двух сторон и произнесли хором:

– Но Мать Альта опасается, что ты – та самая, потому и не велела никому удочерять тебя.

– А как же моя мать Сельна?

– Она умерла, – сказала Саммор.

– Умерла, спасая тебя, – сказала Амальда и рассказала Дженне всю историю, не упомянув лишь о ноже в детской ручонке; она сама не знала, почему умолчала об этом, но и Саммор не стала ей напоминать.

Дженна вся обратилась в слух, дыша в лад с сестрами, и наконец покачала головой.

– Это еще не делает меня избранницей, Анной. Отчего же жрица насильно сделала меня сиротой? Это нечестно. Я буду ненавидеть ее всю жизнь. Она испугалась детской сказки и омрачила мою судьбу.

– Она сделала то, что считала правильным для тебя и для хейма. – сказала Саммор, глядя белую голову Дженны с од-

ной стороны, а Амальда гладила ее с другой.

– Она сделала это по своим собственным причинам, – сказала Дженна, вспомнив жрицу перед зеркалом. – И жрица, которая печется о словах больше, чем о своих детях, это... – Дженна не договорила – гнев жег ее и душил.

– Это неправда, дитя, и я запрещаю тебе говорить так, – сказала Амальда.

– Хорошо, Ама, я не буду. Но не могу тебе обещать, что не стану думать об этом. И я рада, что скоро настанет время моих странствий, рада, что уйду подальше от ее дурного запаха и холодных глаз.

– Дженна! – хором воскликнули Амальда и Саммор, явно ошарашенные. Саммор поспешно добавила: – В хеймах, которые ты будешь посещать, тоже есть свои Матери Альты.

– Как – свои? – в свой черед опешила Дженна.

– Как же ты еще юна, дитя мое, – сказала Амальда, держа ее за руку. – Наш хейм, может, и маленький, но устроен он так же, как и все остальные. Везде есть свои воительницы, стряпухи, садовницы и учительницы. И во главе каждого хейма стоит жрица с голубыми знаками Богини, выжженными на ладонях. Разве ты этого не знаешь?

– Но они не такие, как наша, – с надеждой произнесла Дженна. – Не такие, как эта черствая женщина, со змеиной улыбкой. Правда ведь? – Она обернулась к Саммор, но как раз набежало облако, и Саммор скрылась из глаз.

– Мы, охотницы и садовницы, может, и разные, – усмех-

нулась Амальда, – но сдаётся мне, милая моя Дженна, что, жрицы все на один покрой. – Она погладила Дженну по щеке. – Хотя я никогда не могла разгадать, изначально ли они такие или просто такими становятся. Однако, золотко, нам пора на покой, и потом... – Амальда посмотрела на небо, – раз луна скрылась так надолго, Саммор не сможет принять участие в нашей беседе. Простимся на ночь в доме, где горят лампы. Она разозлится на меня, если мы останемся тут. Она терпеть не может, когда что-то делается без нее.

Они поднялись по каменной лестнице к дому, и при первом же проблеске света Саммор вернулась. Дженна подала руки обеим.

– Я буду скучать по вас всем сердцем, когда уйду странствовать. Но со мной будет Пинта. И Селинда – она хорошая подруга, хотя и грезит наяву. И Альна.

– Это правда, дитя, – сказала Саммор. – Не всем выпадает такое счастье.

– Мы постараемся посетить как можно больше хеймов. Год – долгий срок. А когда мы вернемся, подрастут другие девочки, требующие забот Матери Альты. Я буду достаточно взрослая, чтобы вызвать свою темную сестру, а в сказке не говорится, что у трижды осиротевшей была такая! И потом, посмотрите на меня – разве похожа я на владычицу? – засмеялась Дженна.

– Та владычица не будет властвовать, – напомнила Саммор.

Но смех Дженны был так заразителен, что обе сестры присоединились к ней и так, смеясь, направились в спальню девочек.

Все девочки по очереди становились перед большим зеркалом Матери Альты, воздевали руки и вглядывались в свое отражение.

– Смотри ей в глаза, – наставляла Мать Альта. – Теперь дыши. Сначала альтаи. Хорошо. Алани. Только медленнее.

Дженна слышала только ее голос, видела только своего серебристого двойника. Дженне казалось, что ее темная сестра зовет ее – тихим, мелодичным голосом с нотками затаенного смеха. Но слов нельзя было разобрать – они были как вода, струящаяся по камню. Дженна так старалась расслышать, что только рука, легшая на плечо, привела ее в себя.

– Довольно, дитя, ты вся дрожишь. Теперь Марга.

Дженна неохотно отошла. Отражение сделало то же самое, и это, наконец, разбило чары. Пинта стала на ее место с широкой ухмылкой, тут же отразившейся в зеркале.

Так было положено начало пятому году. Дыхательные упражнения, в том числе и перед зеркалом, и чтение Книги, сопровождаемое длинными, многословными пояснениями Матери Альты. Селинда на уроках истории дремала с широко открытыми глазами, но Дженна видела по стеклянной голубизне этих глаз, что она спит. Альна с Пинтой, не вытерпев, начинали толкать друг дружку и хихикать, но ледя-

ной взгляд жрицы призывал их к порядку. Дженну же уроки захватывали целиком – она сама не знала почему. Она слушала и оспаривала услышанное про себя – когда она высказывалась вслух, Мать Альта обрывала ее, не давая при этом ответа, а просто повторяя то, что уже говорила. И Дженна спорила сама с собой, не находя никакого ответа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В музее Нижних Долин хранятся остатки зеркала, чья древность не подлежит сомнению. Его деревянная резная рама датируется двумя тысячами лет, и резьба изображает «золотой дождь», уже несколько столетий не растущий в этих краях. Эта рама, источенная червями и обгоревшая, представляет собой единственный уцелевший деревянный предмет, найденный при аррундейлских раскопках. Зеркало лежало не в самом кургане, но было захоронено метрах в ста от него. Завернутое в воцеленую ткань и уложенное в большой деревянный ящик, оно на редкость хорошо перенесло свое долгое погребение.

О том, что это было зеркало, говорят покрытые амальгамой большие куски стекла, найденные в обертке. Края осколков имеют фаски, амальгама же состоит из ртути и олова; подобное мастерство, неизвестное в Долинах, уже зародилось в крупных городах Островов во время Гарунийского периода.

Для чего же служило это зеркало, и отчего его захоронили столь тщательно? Существуют две сходные гипотезы, выдвинутые Кован и Темплом, а также третья, плод мысли неутомимого мифокультуриста Мэгона. Кован напоминает нам, что искусства были практически неизвестны в хеймах – за исключением ткачества гобеленов и резьбы, та-

кой как на зеркале, – и предполагает, что отражение живых существ в искусно обрамленных зеркалах и было своеобразным видом искусства в сообществах Альты. Не умеющие ни рисовать, ни ваять, альтианки видели отраженную в зеркале человеческую фигуру как нечто возвышенное. Захоронение же объясняется тем, продолжает Кован, что это зеркало принадлежало правительнице хейма и в нем, вероятно, разрешалось отражаться только ей. Все это остроумно и с хорошим стилем излагается в эссе «OrbisPictus – отраженный мир хеймов». Искусство, 99. Особенно интригует в теории Кован то, что никакая другая примитивная, не знающая искусств культура не имела в своих племенах зеркал, ни больших, ни малых.

Профессор Темпл в своей книге «Альтианки», в главе «Прикрасы», становится на более традиционную почву. Он полагает, что хеймы, будучи обиталищами женщин, естественно, располагали большим количеством зеркал. Однако причин отдельного захоронения аррундейлского зеркала он не объясняет. Хотя его позднейшие работы подверглись насмешкам со стороны феминисток-диалектологов, этой гипотезе нельзя отказать в здравом смысле.

Мэгон, по обыкновению воспарив в стратосферу, пытается доказать (монография «Сдвоенная вселенная», Изд-во Пасденского ун-та, № 417), что большое зеркало, найденное в Аррундейле, входило в ритуал, посредством которого молодые девушки учились вызывать своих темных сестер.

Оставим на время в стороне вздорную теорию о темных сестрах и увидим, что монография не предлагает нам никаких доказательств в пользу того, что зеркало служило каким-то иным целям, кроме светских. Мэгон ссылается на резьбу рамы, но, за исключением того, что каждый ее фрагмент имеет свою точную копию на противоположной стороне (подобная симметрия, вероятно, как раз и подчеркивает, что это зеркальная рама и ничего более), ему больше нечем подкрепить свои измышления.

ПОВЕСТЬ

Мать Альта со вздохом коснулась знака Богини на правой стороне зеркальной рамы. Теперь, когда четыре девочки ушли, в комнате опять стало тихо. Она стала все больше и больше ценить этот покой, гулкую тишину своих комнат, когда в них никого нет. Но вечером комнаты наполнятся снова – придет Варса со своей приемной матерью и все остальные взрослые сестры. Варса даст окончательный обет, вызвав свою сестру из мрака. В том случае, если вспомнит все слова и сумеет сосредоточиться достаточно надолго. С тугодумками всегда труднее, а Варса звезд с неба не хватает. И если, как уже случалось, темная сестра не появится в Сестринскую Ночь, несмотря на годы Верного учения и призывное пение остальных, будут слезы, и сетования, и горькие рыдания разочарованного ребенка. Несмотря на все уверения, что темная сестра придет потом (Мать Альта не знала случая, когда бы этого не случилось), это всегда жестокий удар для девочки, чьи надежды неразрывно связаны с этой церемонией.

Жрица снова вздохнула. Вечер не сулил ей ничего хорошего. Взявшись за раму обеими руками, она придвинулась к зеркалу так, что оно затуманилось от ее дыхания. На миг ее отражение стало моложе. Она закрыла глаза и заговорила, обращаясь к нему:

– Она ли это? Вернулась ли к нам Белая Богиня в облике Аннуанны, Джо-ан-энны? Возможно ли, чтобы было иначе? – Мать Альта открыла глаза и протерла зеркало своим длинным широким рукавом. Зеленые глаза отражения воззрились на нее. Она заметила новые морщины у него на лбу и нахмурилась, добавив к ним еще одну. – Это дитя бегаёт дальше, ныряет глубже и движется проворнее, чем все ее ровесницы. Она задает вопросы, на которые я не могу ответить. Не смею ответить. И все же нет в Селденском хейме таких, что не любили бы ее. Кроме меня. Кроме меня, о Великая Альта. Я боюсь ее. Боюсь того, что она может принести нам, сама того не ведая.

О Альта, ты, что танцуешь между каплями дождя и можешь ступить ногой на молнию, поговори со мной... – Жрица воздела руки перед зеркалом, отразив в нем голубые знаки у себя на ладонях. Как новы эти знаки на ее старых руках. – Если это Она, как сказать ей об этом? Если нет, то правильно ли я поступаю, отделяя ее от других? Ее нельзя не отделить, иначе она испортит их всех. – Голос жрицы превратился в молящий шепот.

Ответом ей была тишина, и Мать Альта, упершись ладонями в зеркало, отстранилась. На стекле остался влажный след от ее рук.

– Ты не отвечаешь рабе своей, Великая Альта. Или тебе все равно? Если бы ты только дала мне знак – какой угодно. Без него мне придется решать одной.

Она резко повернулась и вышла, и в тот же миг отпечатки ее ладоней исчезли со стекла.

Комнату заполнили сестры, светлые и темные – только Варса не имела пары. Кадрин, как Одиночка, не могла участвовать в церемонии, и младшие, конечно, не допускались тоже.

Лампы весело мерцали, и в очаге пылал жаркий огонь. Повсюду плясали тени. Свежий камыш на полу был перемешан с сухими лепестками роз, и в комнате сладостно пахло миновавшими веснами.

Варса, со свежими цветами в волосах, стояла спиной к очагу, как будто огонь мог согреть ее. Но Мать Альта знала, как ей холодно и страшно, хотя лицо девочки горело румянцем. Варса была нагая – такой будет и ее сестра, когда выйдет из тьмы впервые. Если выйдет, осторожно поправила себя жрица.

Мать Альта и ее темная сестра подошли к Варсе, воздев правую руку в благословении. Варса склонила голову. Благословив девочку, они сняли венок у нее с головы и бросили в огонь. Пламя пожрало цветы, наполнив воздух новым ароматом. В былые времена девочек раздевали прямо перед огнем и бросали в него одежду – но то были дни изобилия. В маленьком бедном хейме приходилось соблюдать бережливость во всем, даже во время церемоний. Мать Альта сама ввела эту перемену десять лет назад, и сестры почти не роптали.

Жрица и ее темная сестра протянули правую руку, и Варса ухватилась за них своими влажными холодными руками. Жрица с сестрой подвели ее к зеркалу между рядами одетых в белое женщин, каждая из которых держала в руке по одному красному цветку. В тишине шаги по хрустящему камышу казались раскатами грома. Варса не могла побороть сотрясающую ее дрожь.

Мать Альта с сестрой трижды медленно обернули Варсу перед зеркалом, а все остальные при этом произносили: «За рождение. За кровь. За смерть». Затем жрицы остановили кружение, положив девочке руки на плечи, чтобы она не упала. Многие девочки, снедаемые тревогой, почти ничего не ели перед церемонией, и обмороки были делом обычным. Но Варса, хотя и дрожала, не лишилась чувств. Она уставилась на себя в зеркале и подняла руки – от страха ее маленькие груди покрылись пятнами, и румянец перешел со щек на шею. Она закрыла глаза, замедлила дыхание и снова открыла их. Мать Альта с сестрой запели позади нее:

Из ночи в день
Гряди, о тень,
К мольбе склонись.
Ко мне явись.

Варса обратила ладони к груди и сделала медленный призывный жест, повторяя слова за двумя жрицами. Она повторяла снова и снова – наконец темная сестра жрицы отошла,

Мать Альта следом, и только тихий зов Варсы стал слышен.

Ожидание сгущалось. Все сестры дышали с Варсой в лад.

Легкий туман появился на зеркале, закрыв отражение Варсы. Варса, увидев это, задержала дыхание, проглотила слюну и сбилась с пения. Туман тут же стал таять по краям и ушел внутрь, оставив лишь белое, как снег, пятно против сердца.

Варса продолжала петь еще несколько минут, но глаза ее заволокло слезами – она, как и другие, знала, что толку не будет. Как только туман начал таять, всякая надежда на появление сестры в эту ночь исчезла.

Мать Альта с сестрой коснулись спины Варсы ниже лопаток, шепча:

– Довольно на сегодня, дитя.

Варса медленно опустила руки, потом спрятала в ладонях лицо и расплакалась навзрыд. Плечи ее тряслись, и она не могла остановиться, несмотря на тихие увещевания жриц. Мать с темной сестрой закутали ее в зеленый плащ и увели прочь.

– Такое случается, – сказала Мать Альта остальным. – Это ничего. Она вызовет свою сестру в другую ночь, не обременяя себя церемонией. Не все ли равно, в конце концов.

Перешептываясь между собой, женщины вышли и отправились на кухню, где их ждал торжественный ужин. Нынче они попируют, несмотря ни на что.

Но Катрона и ее темная сестра Катри остались.

– Нет, это не все равно, – гневно выпалила Катрона.

– Связь уже не столь крепка, – поддержала Катри.

– Вспомни Сельну, – добавила Катрона, взяв сестру за руку.

– Катрона и ты, Катри, – не вздумайте говорить это Варсе, – ответила Мать Альта, стиснув руки. – Девочка имеет право верить в свою сестру. И не смейте разуверять ее.

Катрона и Катри молча вышли из комнаты.

Варса и утром не перестала плакать – глаза ее покраснели, ногти были обкусаны до крови.

Дженна и Пинта, сидя за столом рядом с ней, гладили ее руки.

– Ты еще вызовешь ее, – шептала Пинта. – Она придет. Ничей призыв еще не оставался без ответа.

Варса шмыгнула носом и вытерла его тыльной стороной ладони.

– Хуже ничего и быть не может. Все смотрят, а сестра не приходит. Хуже в жизни ничего не бывает.

– Да нет же, бывает, – бодро заверила Пинта. – Скажи ей, Дженна, – ведь правда, бывает?

Дженна состроила Пинте гримасу и сказала одними губами:

– Хороша из тебя утешительница.

– Ну так скажи что-нибудь сама.

Дженна подумала немного.

– Ты могла бы потерять мать. Или подруг. Или свой хейм.

Да что там – ты могла бы жить в городе и слыхом не слышать о сестрах. Вот тогда тебе было бы хуже некуда.

Варса сердито забрала от них руки и встала.

– Вы-то почему знаете? Попробовали бы сами. Хуже ничего не бывает.

– Оставь ее, Дженна, – сказала Пинта, когда Дженна хотела пойти за Варсой. – Она ведь права. Хуже ничего не бывает.

– Хоть ты-то не дури, Пинта. Очень даже бывает. Но она права в одном. Нам пока еще не дано понять, что она чувствует.

– Ну, уж я-то так не оплошаю. Я вызову мою сестру с первого раза.

Селинда, сидевшая напротив, пожала плечами.

– Из-за чего столько шума? Когда-нибудь ее сестра да появится. – И она отправила в рот еще ложку овсянки.

Но лучше всех поняла Варсу Альна.

– Сейчас это ей больше всего, и ее не разубедишь. Мы ничем не сможем ее утешить. Со мной было то же самое, когда мне пришлось выбрать кухню. А теперь я лучшего места и представить себе не могу. – Альна довольно улыбнулась и встала из-за стола.

Когда она вышла, Селинда сказала:

– Как она может говорить такое? Уж ей ли не знать, что лучше сада и поля ничего нет. Как она может?

Пинта положила ладонь на руку Селинды, но Дженна со

смехом сказала:

– Как это там говорится? «Слова – это всего лишь прерванное дыхание». Вот так она и говорит – прерывая дыхание. Успокойся, Селинда.

Селинда молча встала и вышла вон. Пинта придвинулась к Дженне и горячо зашептала ей:

– А ты не думаешь, что Варса потерпела неудачу из-за нас?

– Из-за того, что мы подглядывали в щелку? Да ведь нас никто не видел и не слышал. Зато теперь мы знаем, как это происходит. Ничего плохого мы не сделали.

– Но все-таки...

– Варса медленно соображает и слишком многого боится. Вот что помешало ей – а не две лишние пары глаз и ушей. Ты же видела ее – и слышала, как она растерялась в тот миг, когда зеркало затуманилось. Она обретет свою сестру. И очень скоро.

– Я знаю – то, что случилось прошлой ночью с Варсой, затрагивает всех нас. Иногда бывает так, что в Сестринскую Ночь сестра не приходит на зов. Не часто, но бывает.

Дженна пихнула Пинту локтем.

– Но вот увидите, – продолжала Мать Альта, – все еще устроится к лучшему. – И она воздела руки, благословляя девочек.

Те склонили головы и закрыли глаза.

– Порой Великая Альта, которая ходит по водам рек и являет свою славу в одном-единственном листке, испытывает нас, мы же слишком ничтожны, чтобы постичь ее промысел. Все, что мы чувствуем, – это боль. Однако промысел существует, и вы должны верить в это.

Селинда промурлыкала что-то, соглашаясь, и Альна тоже кивнула, вспомнив, как видно, Ночь Выбора. Пинта потыкала пальцем Дженнину ногу, но Дженна не ответила ей, думая: «Тут есть что-то еще. Я чувствую. Она не все говорит». Ей почему-то стало холодно, и в животе возникла странная пустота, хотя они только что поели.

Жрица начала молитву во славу Альты – она произносила одну строку, а девочки следующую:

Великая Альта, что нас охраняет
От горя и бед черных.
Великая Альта, что нас укрывает
Волною волос непокорных,
Великая Альта, что нас поселила
В зеленых долинах укромных,
Великая Альта, что нас научила
Сестер вызывать темных.
Во имя Твоей материнской любви,
Альта Великая, благослови!

Завершив молитву, девочки обратили взоры к Матери Альте и стали дышать в лад с нею. Затем они стократно про-

пели дыхательный стих и в течение часа поочередно упражнялись перед зеркалом. После этого Мать Альта снова велела им сесть на пол перед ней, взяла Книгу с резного деревянного пюпитра и раскрыла ее на месте, заложенном золотой лентой.

– Сказано в Книге: «И прежде, чем дитя станет женщиной, оно должно посетить своих сестер по вере в каждом хейме, ибо дитя, не знающее света, пребывает в невежестве и страхе, подобно темным сестрам, еще не вышедшим на свет». – Жрица подняла глаза от Книги, улыбнувшись своей холодной улыбкой. – Как нам следует понимать эти слова, дети мои?

Дженна молчала. Она научилась не отвечать сразу, даже когда знала, какого ответа от них ждут, – жрица всегда гневалась, когда Дженна отвечала первой. Теперь девочка старалась высказываться последней, дополняя и уточняя ответы других.

– Здесь говорится о наших странствиях, – сказала Альна, откашлявшись даже во время этой короткой фразы, – верный признак, что весна настала.

Селинда, получив тычок от Альны, добавила:

– Мы будем обходить все хеймы по очереди.

– Хотя бы столько, сколько успеем за год, – подхватила

Пинта.

Мать Альта кивнула.

– А ты что скажешь, Джо-ан-энна?

Дженна взялась за правую косу, напоминая себе, что увлекаться нельзя.

– Мы в самом деле будем ходить из хейма в хейм, о Мать, но не только для того, чтобы погостить и развлечься. В своем странствии мы должны держать открытыми глаза и уши, сердце и разум. Мы должны учиться, сравнивать, размышлять и... и...

– И расти! – вставила Пинта.

– Очень хорошо, Марга, – сказала жрица. – И Мать каждого хейма должна заботиться о вашем росте. Иногда девочки растут лучше, когда путешествуют вместе, иногда же...

Дженне снова стало холодно, и она больно дернула себя за косу, чтобы сдержать дрожь. Мать Альта вдохнула полной грудью, и девочки невольно повторили это за ней – все, кроме Дженны.

– Иногда же их лучше разлучить. И я, как ваша наставница и Мать этого хейма, рассудила, что вам на время странствий лучше расстаться. Марга, Селинда и Альна отправятся в Калласфорд. Но ты, Джо-ан-энна...

– Нет! – вырвалось у Дженны, и другие девочки, вздрогнув, шарахнулись от нее. – Девочек никогда не разлучают, если в странствие отправляются больше одной.

– В Книге об этом ничего не сказано, – ответила Мать Альта медленно и отдельно, словно втолковывая малому ребенку. – А все, о чем там не сказано, есть всего лишь обычай, и оставляется на усмотрение Матери хейма. – Она рас-

крыла Книгу на другой странице – это место не было заложено, но к нему, видимо, часто обращались, ибо Книга раскрылась сама по себе. – Прочти это вслух, дитя.

Дженна встала и начала читать строки, отчеркнутые длинным ногтем Матери Альты. Губы ее шевелились, но не было слышно ни звука.

– Громче, Джо-ан-энна! – приказала жрица. Голос Дженны окреп, не выдавая ни гнева, ни горя:

– «Мудрость Матери сказывается во всем. Если холодно, она зажжет огонь. Если жарко, она впустит воздух в комнату. Но все, что бы она ни делала, делается для блага ее детей». – Дженна умолкла и села на место.

– Вот видишь, дитя мое, – сказала Мать Альта, и ее улыбка, тронув губы, впервые отразилась в глазах, – ты поступишь так, как я велю, ибо я Мать и знаю, что будет лучше и для тебя, Джо-ан-энна, и для других. Они как маленькие цветочки, а ты – как дерево. Они не могут расти в твоей тени.

Рука Пинты сжала руку Дженны, но та не ответила. Она запретила слезам заволакивать глаза, приказала сердцу не биться так бурно и медленно овладела своим дыханием. Она смотрела Матери Альте прямо в лицо, думая: «Этого я тебе никогда не прощу».

Мать Альта снова воздела руки, и девочки – Селинда, Альна и Пинта – покорно склонили головы, принимая ее благословение. Но Дженна не опустила головы, глядя своими черными глазами в зеленые глаза жрицы, и встретила благо-

словение Великой Альты с поднятым лицом.

Они собрались в дорогу на следующей неделе, и от птичьих трелей, которыми наполнилось утро, сердце Дженны ныло еще сильнее. Она ни с кем не обсуждала приказание жрицы, но весь хейм только и гудел об этом. Особенно безутешны были девочки, а Пинта всякий раз плакала перед сном. Дженна же носила свое горе в себе, не желая обременять им других, и не понимая, что ее молчание тревожит сестер больше, чем самые горячие слезы.

Только раз за всю неделю Дженна позволила себе заговорить. Когда девочки с их матерями отправились на вошедшую в обычай прогулку, которую совершали вокруг хейма в честь предстоящего странствия, она отвела Амальду в сторонку.

– Неужели я – дерево, которое всех затеняет? – спросила Дженна. – Правда ли, Ама, что вокруг меня ничего не растет?

Амальда с улыбкой обвила ее руками и повернула лицом к большому каштану у тропинки.

– Посмотри-ка на него.

Дженна посмотрела. У корней дерева цвели белые лилии и фиалки, качая головками на ветру.

– Твоих подружек цветочками не назовешь, – засмеялась Амальда, – а ты еще не доросла до дерева. Разве что через пару лет дорастешь. – Она крепко обняла Дженну, и всю остальную прогулку они проделали молча.

Дженна вспоминала об этом, пока укладывалась. Нарядные штанишки она положила на дно котомки, ночную сорочку – в середину. Сверху она поместит провизию, которую получит от Дони, и свою кукурузную куклу. Она завернула куклу и уже хотела уложить ее, но Пинта ее удержала.

– Отдай свою куклу мне, светлая сестрица, а сама возьми мою. Тогда мы как будто и не расстанемся.

Ее серьезность убедила Дженну, и они торжественно обменялись куклами. Пинта, прежде чем спрятать куклу Дженны в свою котомку, погладила шелковистые кукурузные волосики.

Селинда дала Дженне раковину лунной улитки, которую подарила ей мать в день Выбора, а Альна – букетик сухих цветов.

– Это из нашего сада. Я всегда держала их под подушкой, – сказала она застенчиво, словно открывая тайну, хотя все прекрасно знали этот ее секрет.

Дженна отрезала каждой по локону своих белых волос и сказала тихо:

– Это всего лишь год. Он пролетит быстро, а потом мы вернемся сюда и снова будем вместе.

Ей хотелось, чтобы это прозвучало бодро и весело, но Альна отвернулась, а Селинда прижала Дженну к себе и выбежала из комнаты. Только Пинта осталась на месте, пристально глядя на белый локон у себя в руке.

Катрона ждала их в воинском дворе у настольной кар-

ты. Она оглядела их, заметив покрасневшие глаза Альны, бледность Селинды и решительный вид Пинты. Только Дженна казалась спокойной.

Сложив руки на груди, Катрона сказала отрывисто:

– Повторим дорогу еще раз, а там и в путь. Помните. «Солнце катится медленно, но всю землю обходит». Нельзя терять лучшее время дня – путь и без того долог.

Девочки собрались у стола.

– Ну, показывайте дорогу, – сказала Катрона.

Пинта подалась вперед.

– Нет, не ты, Марга. Ты хорошо знаешь лес – пусть Альна или Селинда покажут, на всякий случай.

Рука Альны быстро двинулась сперва на запад, по тропе, ведущей в город Слипскин, и вдоль реки. У подножия горы она замешкалась, и Селинда направила ее руку на юг.

– На этом месте, Дженна, ты расстанешься с ними, – вмешалась Катрона, – и пойдешь на север, в Ниллский хейм. Ты запомнила приметы?

Дженна склонилась над картой, твердой рукой показывая путь.

– У реки две дороги. Я пойду к Высокому Старцу, горе, где есть утес, похожий на человеческое лицо, и буду идти, пока не выйду к Морю Колокольчиков – лугу, где цветут лилии.

– Хорошо. А вы трое?

– Мы повернемся к Высокому Старцу спиной и пойдем к

двойной вершине, что зовется Грудью Альты, – сказала Пинта.

Они обсудили дальнейшую дорогу, повторив все несколько раз, и Катрона наконец-то удовлетворилась. Она обняла каждую путницу, оставив Дженну напоследок.

Все женщины Селденского хейма собрались у ворот. Даже часовые на время покинули свои посты. Девочки в тишине опустились на колени перед жрицей, чтобы получить прощальное благословение.

– Веди их рукою своею, – произнесла нараспев Мать Альта. – Заслони их сердцем своим. Укрой их своими волосами на веки вечные.

– На веки вечные, – хором откликнулись женщины. Дженна, подняв голову, взглянула на жрицу, но та уже смотрела вдаль, на дорогу.

Девочки вскинули котомки на плечи и отправились в путь под переливчатые возгласы провожающих. Этот протяжный прощальный привет сопровождал их за первые три поворота, но и после того как он утих, девочки долго молчали, думая только о дороге, что лежала перед ними.

Книга третья СВЕТЛАЯ СЕСТРА, ТЕМНАЯ СЕСТРА

МИФ

И тогда Великая Альта коснулась своей дочери лучом света, и дитя упало вниз, на землю. Там, где ступало дитя, расцветали цветы, подобные колокольчикам, и звонили ей осанну. «О дитя света, – пели они, – о малютка сестра, о белая дочь, о грядущая владычица».

ЛЕГЕНДА

Однажды пастушка из Неверстона пригнала своих овец на склон Высокого Старца. Она впервые пришла на эту гору, утро только занималось, и тьма еще окутывала гранитный лик Старца. Юная пастушка, боясь сбиться с дороги, набрала белых камешков в карман своего передника и стала класть их на зеленые листья, чтобы отметить свой путь.

Весь день ее овечки и ягнята щипали сладкую траву в борде у Старца, пастушка же молилась о благополучном возвращении.

Тем временем камешки, оставленные ею, пустили корни и превратились в крошечные белые цветочки.

Когда настал вечер и солнце село за челом Высокого Старца, пастушка благополучно пригнала свое стадо домой, ведомая звоном белых колокольчиков. Так, по крайней мере, рассказывают в Неверстоне, где в изобилии растут овечьи колокольчики, или лилии Старца.

ПОВЕСТЬ

У воды было прохладнее, чем в хейме. Дойдя до слияния двух рек, девочки остановились, чтобы перекусить и немного смыть с себя дорожную пыль. Тут они распростились с Дженной. Селинда и Альна были безутешны, но Пинта только засмеялась и подмигнула Дженне. Удивленная Дженна моргнула ей в ответ и зашагала по извилистой северной тропе, все еще раздумывая над странным поведением Пинты.

На ходу она все время смотрела по сторонам, как учили ее Амальда и Катрона. Думы думами, а глаза и уши должны делать свое дело. Как любит говорить Амальда, «ставь ловушку до того, как крыса пробежит, а не после».

Дженна заметила пару белок, что перебранивались на дереве, помет крупной горной кошки и олений след. В совином помете под деревом виднелся мышинный череп. Тут было чем прокормиться в случае нужды. У Дженны оставалось еще немало еды в котомке, и все же она оглядывала лес внимательно, как стряпуха свою кладовую.

Остановившись ненадолго, чтобы послушать пение лесного дрозда, Дженна улыбнулась. Она опасалась остаться одна, но теперь, несмотря на то, что скучала по Альне, Селинде и особенно по Пинте, она с удивлением и радостью убедилась, что не чувствует себя одинокой. Это озадачивало ее. Ей не хотелось расставаться со своим гневом – ей казалось, что он

придает ей сил, – и она стала твердить про себя, как молитву: «Никогда ей не прощу. Буду ненавидеть Мать Альту всю свою жизнь». Но злая литания ненависти, произносимая в веселой разноголосице леса, не имела силы. Дженна потрясла головой и прошептала:

– Я – это лес. А лес – это я. – И засмеялась – не потому, что это было смешно, а потому, что это было правдой, и потому, что Мать Альта, сама того не ведая, послала ее навстречу ее истинной судьбе.

– А может быть, она знала? – задумчиво промолвила Дженна.

Лес не дал ей ответа – во всяком случае, внятного, – и Дженна, приложив пальцы ко рту, засвистала дроздом. Он тотчас же откликнулся ей.

* * *

Закат настал раньше, чем ожидала Дженна, – она все еще находилась в густом лесу, и тень от западного склона Высокого Старца падала на нее. Дженна надеялась еще дотемна добраться до поля белых лилий – со слов Катроны она поняла, что первую ночевку следует устроить там. Но они слишком много времени потеряли, пока прощались, да и потом она шла не спеша, наслаждаясь свободой. Делать нечего – придется провести ночь в лесу.

В густеющих сумерках Дженна выбрала дерево с высокой

развилкой – кошачий помет, который она видела, был свежий. Спать на дереве лучше, чем ночью увидеть над собой кошку. Это не слишком удобно, но Дженну учили ночевать на деревьях, и, как часто говаривала Катрона, «лучше кошка под ногами, нежели у горла».

Дженна развела под деревом костерок и обложила его камнями. Этот огонек не защитит ее, если кошка настроена серьезно, – но может отпугнуть зверя, который всего лишь любопытствует.

Потом она взобралась на дерево и пристроила котомку в нескольких футах над собой. Вынула из ножен меч и положила его на ветку у той развилки, где собиралась спать. И усмехнулась, вспомнив, как грубая кора отпечатывалась на них с Пинтой, и как они шутили над этим по утрам. Ей вдруг стало ужасно тоскливо без Пинты, и она, взяв котомку, достала куклу. Дженна прижала куклу к себе, и ей показалось, что от кукольной юбочки пахнет Пинтой. Глаза от этой мысли заволокло слезами, и Дженна, чтобы не расплакаться, стала смотреть сквозь ветви на звезды, вспоминая названия созвездий.

– Охотница, – шептала она в темноте. – Большая Гончая. – Дженна вздохнула. – Коса Альты.

Шум реки, журчащей по камням, быстро убаюкал Дженну – она уснула, так и не кончив считать звезды, и одна ее рука, соскользнув с колен, повисла в воздухе.

Утром Дженна проснулась еще до того, как солнце про-

никло в долину. Она вся застыла. Мурашки в свисающей вниз руке пропали, как только Дженна пошевелила ею, но размять затекшую правую ногу оказалось труднее. Дженна слезла с дерева, прихватив меч, слезила еще раз за котомкой, лениво потянулась и огляделась кругом.

Ранние птицы уже предвещали рассвет. Дженна узнала сухую дробь пестрого дрозда и отрывистое «тью-тью-тью» пары черных. Птичка цвета ржавчины могла быть соловьем, но он молчал, и уверенности у Дженны не было. Улыбаясь, она принялась стряпать себе завтрак, пустив в дело крупу из кожаного мешочка, козье молоко из фляги и сушеные вишни, которыми Дония наделила каждую путницу. Это был настоящий пир. В горле у Дженны начало что-то переливаться, словно у певчего дрозда, и она, осознав это, громко рассмеялась.

Прежде чем покинуть свою стоянку, она тщательно проверила, не осталось ли следов.

«Ничего, кроме запаха», – напоминала она себе, потому что Катрона всегда твердила: никто, кроме разве что кошки, не должен напасть на след одной из охотниц Альты.

Дженна опоясалась мечом, взвалила на плечи котомку, нащупала нож у бедра и зашагала вперед по тропе.

За поворотом дороги, следовавшей извивам реки, перед ней раскинулся луг, такой широкий, что края ему не было видно. От его нежданной красоты у Дженны перехватило дыхание. Зеленая гладь была усеяна крохотными белыми цве-

тами.

От восторга Дженна испустила тонкий крик, превратившийся в песню торжества. «Значит, ночью я была совсем близко от него, – подумала она. – Но выйти к нему днем, когда цветы раскрылись и солнце светит, гораздо, гораздо лучше».

Ее песня заглушала все прочие звуки, и рука, опустившаяся ей на плечо, застала ее врасплох. Дженна выхватила нож и в тот же миг обернулась, вскинув клинок быстрым, четким движением, в котором столь часто упражнялась.

Пинта не менее быстро отскочила назад, но руки у Дженны были длиннее, и нож распорол Пинте камзол над самым сердцем.

– Вот так встреча! – Пинта ощупала прореху и испустила вздох облегчения, убедившись, что рубашка осталась цела.

– Ты... ты напугала меня, – только и могла выговорить Дженна, роняя нож и обнимая подругу дрожащими руками. – Ох, Пинта, я ведь чуть тебя не убила.

– Никому не дано убить свою тень, – ответила Пинта дрогнувшим, чуть приглушенным голосом, зарывшись в волосы Дженны, и освободилась из ее объятий. – Это я виновата – не надо было к тебе так подкрадываться. Но я думала, ты знаешь, что я иду за тобой. Видит Альта, я достаточно на шумела. – Пинта широко усмехнулась. – Когда я тороплюсь, то все время наступаю на ветки.

– Что ты здесь делаешь? – с гневными нотками в голосе

спросила Дженна. – Опять твои секреты?

– А ты что ж, не ждала меня? – растерялась Пинта. – Я думала, ты согласна. Ведь ты же мигнула мне в ответ. Ты знала, что я нипочем не останусь с этими двумя и не брошу тебя одну. Селинда глядит в облака и через каждые два шага проваливается в кроличью норку, а Альна мелет языком точь-в-точь как Дония. Без тебя мне с ними стало невмоготу. И потом... – вздохнула Пинта, – не могла же я отпустить тебя одну.

– Ох, Пинта, да думай же ты головой! – взмолилась Дженна. – Им ни за что не найти дорогу без тебя. Селинда все еще полагает, что солнце встает на западе.

– Найдут, – заверила Пинта. – Тропа ведет прямо к Калласфорду, никуда не сворачивая. Им только и нужно, что идти вдоль реки. Ножамии они обе владеют, и ничего с ними не случится. Кроме того, их двое. Девочки часто отправляются странствовать и в одиночку за недостатком сверстниц.

– Я тоже вполне обошлась бы одна, Пинта.

– Так ты не хочешь, чтобы я осталась с тобой? – опешила та.

– Ну конечно, хочу – ты ведь мне дороже всех на свете.

– Я твоя тень, – с былым лукавством напомнила ей Пинта.

– Тень, которая наступает на ветки. – Дженна легонько толкнула Пинту в плечо. – Неужто ты задумала это с самого начала?

– Я задумала это с тех самых пор, как старая змеиха ска-

зала, что ты пойдешь одна.

– Змеиха? – Дженна запрокинула голову и покатилась со смеху.

Пинта присоединилась к ней, и обеих так разобрало, что им пришлось отстегнуть мечи и скинуть котомки. Они катались по луговой траве, сминая сотни белых колокольчиков. Как только одна переставала смеяться, другая тут же придумывала жрице новое имя, донельзя обидное и глупое, и хохот начинался сызнова. Наконец Дженна села, вытерла слезы с глаз и сделала глубокий вдох.

– Пинта, – сказала она серьезно и, поскольку та еще хихикала, добавила поостроже: – Марга!

Пинта села, оборвав смех.

– Ты никогда меня так не звала.

– Пинта – это детское имя, а мы уже взрослые, раз отправились в странствие.

– Слушаю тебя, Джо-ан-энна.

– Марга, я серьезно спрашиваю, заранее ты это задумала или нет. Как, по-твоему, что сделают с тобой – с нами, – когда узнают, что мы ослушались Матери Альты? Это тебе в голову не пришло?

– Не узнают, куда мы не вернемся, – а за год мы совершим столько славных подвигов и станем такими большими, Джо-ан-энна, что нас непременно простят. – Пинта улыбнулась Дженне и склонила головку набок, зная, что это делает ее неотразимой.

– Сил моих нет с тобой, Пинта, – покачала головой Дженна. Они встали, отряхнули друг дружку, и Пинта вынула три белых цветка из Дженниных волос. Они подобрали котомки, пристегнули мечи и двинулись через луг, весело распевая.

ПЕСНЯ

Послушайте, женщины

Послушайте, женщины Островов, —
Жесток у мужчин счет.
Для них, коль тринадцать тебе годков,
Не женщина ты еще.
А коли сорок сравнялось зим,
Недолго уж женщиной быть —
Вот так говорят мужчины, и им
Не смеее вы возразить.
Но каждая женщиной рождена,
Женщиной и почит —
Вот наша правда, и, верьте, она
Правдивей наветов мужчин.
Так знайте ж себя и не верьте лжи.
Подруги мои с Островов:
Быть женщиной – право длиною в жизнь,
И свет до могилы – любовь.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Музыка ранних альтианок почти не дошла до наших дней. Поскольку подавляющее большинство хеймов погибло в огне во время трагических Межполовых войн, самым ранним рукописным источником является Ковиллейнская книга шестнадцатого века. От более раннего периода нам остались пара колыбельных, несколько изуродованных баллад и один танец, написанный для тембалы, не существующего более инструмента. Судя по нотам, это родственница гитары с пятью мелодическими и двумя басовыми струнами». – Арне фон Тассль, «Словарь древней музыки», т. 1.

Из приведенной цитаты ясно, что д-р фон Тассль, крупнейший мировой авторитет в старинной музыке Островов, категорически уверен в том, что музыка альтианских хеймов до нас почти не дошла. Противоречащий ему Мэгон – охотно признавая, что в музыке он не знаток, – цитирует современные песни и баллады Долин как доказательство того, что в Верхних и Нижних Долинах сохранилось богатое музыкальное наследие. В очередной, не подкрепленной источниками монографии, («Музыка сфер», Природа и история, т. 47) Мэгон утверждает, что существовало четыре основные категории альтианской музыки: религиозные песнопения, колыбельные и бытовые песни, исторические баллады и потешки.

Более или менее логичной является, пожалуй, лишь одна его гипотеза – та, что касается религиозной музыки. Некоторые песни, цитируемые им, в том числе «Песня Альты» с ее жалобным припевом «О Альта, меня защити», возможно, действительно восходят к религиозным церемониям. Но сама песня является столь близкой родственницей «Погребального плача» семнадцатого века, происходящего из Северного графства, что, скорее всего, представляет собой его позднейший вариант.

Пытаясь связать широко известную и очень красивую «Колыбельную котенку», написанную от руки на форзаце сборника баллад шестнадцатого века, с хеймами раннего Гарунийского периода, Мэгон пускается в еще более опасные воды. Это почти наверняка авторская песня, хотя и сочинена, как многие мелодии того времени, на старьей, традиционный мотив. Мэгон, в частности, не отдает себе отчета, что слово «котенок» появляется в письменных источниках лишь с середины шестнадцатого века, что делает древность песни еще более сомнительной.

Баллады, которые приводит Мэгон в историческом разделе, малоинтересны с музыкальной точки зрения, поскольку являются производными от широко известных баллад позднейшего периода. Что же до их исторической ценности, Мэгон и тут не расстается со своей шаткой гипотезой о Белой Богине, девушке-альбиноске необычайного роста и силы, которая в одиночку уничтожила и одновременно спасла

культ Альты. Для подкрепления своей теории Мэгон ссыла-
ется только на сами баллады, в то время как всякий ученый
знает, сколь трудно на них опираться, учитывая изменчи-
вость фольклорных текстов. С тем же успехом мы могли
бы верить легендам.

Что до диалектических песен, таких, как пресловутая
«Послушайте, женичины» с ее ярко выраженным эротиче-
ским подтекстом, то фон Тассл, Темпл и другие давно уже
доказали, что это подделка, относящаяся к девятнадцато-
му веку, когда Острова переживали подъем феминистского
движения, чьи участницы связывали себя с люксофистками
Альты.

Итак, репутация Мэгона как ученого в очередной раз ока-
зывается шитой белыми нитками.

ПОВЕСТЬ

Идти через луг напрямик оказалось куда труднее, чем думали Дженна и Пинта. За ними оставался след из примятых белых колокольчиков, заметный даже ребенку, тогда как первым правилом Катроны в лесу было: «Нет следов, нет и хлопот». Кроме того, земля здесь была сырая и громко чмокала на каждом шагу, вызывая хихиканье Пинты. Поэтому они повернули назад и пошли вдоль деревьев, окружавших эту громадную поляну.

Когда солнце стало прямо над головой, они одолели только треть пути, и покрытый цветами зеленый ковер тянулся перед ними без конца и края.

– Никогда не видела океана, – проворчала Пинта, – но вряд ли он больше этого луга.

– Не зря же это место назвали Морем Колокольчиков.

– Я думала, это просто название, вроде как «Высокий Старец». Нужна уйма воображения, чтобы разглядеть человеческое лицо на этой скале.

– Почему ты знаешь? Мужчин ты в жизни не видела.

– Нет, видела.

– Это когда же?

– Когда в Селдене было наводнение, и нас позвали помогать. Они все волосатые.

– И неуклюжие, – добавила Дженна, нарочно шагая враз-

валку. Пинта хихикнула.

К вечеру они увидели на горизонте расплывчатую черту, которую Дженна приняла за деревья.

– Ну, кажется, лугу конец.

– Надеюсь.

– Мы можем заночевать здесь, а Море Колокольчиков одолеем завтра к полудню.

– Век бы больше не видеть этих белых лилий, – вздохнула

Пинта. – Белое так быстро надоедает.

– Ну спасибо. – Дженна смазала ее по лицу кончиком своей косы. Пинта ухватила за косу и дернула, дразня:

– Белая, белая, ягода незрелая.

Дженна откинулась назад, натянув косу до отказа, потом вдруг пригнулась и боднула Пинту в живот. Та хлопнулась наземь, но косу не выпустила и потянула Дженну за собой. Обе расхохотались.

– Теперь... я знаю, – между взрывами смеха выговорила Дженна, – почему все воительницы после окончательного Выбора первым делом стригут волосы.

– Косы можно заткнуть за ворот.

– Тогда они будут торчать из-под камзола, как хвостик! – Подружки опять залились смехом. Пинта попыталась принять серьезный вид, но ей это не удалось.

– Ты могла бы прославиться, как Белый Зверь из Селденского хейма.

Дженна сняла котомку, отстегнула меч, встала и согну-

лась, упершись руками в землю.

– Я зверь. Берегись, – прорычала она.

– Не трогай меня, Белый Зверь! – заверещала Пинта тоненько, будто лесная крыса. Она тоже освободилась от котомки и меча и принялась бегать кругами, крича: – Помогите! Помогите! Зверь! Зверь!

Дженна стала гоняться за ней, пока не настигла и не поваляла с хохотом. Потом подняла подружку на ноги и прижала к себе.

– Я рада, что ты со мной, Пинта. Правда рада.

Ночевать они устроились на земле, поскольку не встретили следов ни кошки, ни медведя, ни кого-либо крупнее кролика. Когда маленький костер разгорелся, и тонкий дымок нитью потянулся вверх, Пинта вдруг стала жаловаться на свою трусость, что было на нее совсем непохоже.

– Я боюсь, что могу струсить в настоящем бою, Дженна. Или начну смеяться в неподходящее время. Или...

– А я вот боюсь иногда, что ты никогда не замолчишь и не дашь мне спать.

– А я... – начала Пинта, но, увидев, что Дженна уже спит, вздохнула, повернулась спиной к костру и уснула сама.

Утром они проснулись в таком тумане, что не увидели луга, хотя спали не далее как в десяти футах от него. Им казалось, что туман проник и в них самих. Они говорили шепотом и двигались осторожно, словно маленькие зверьки в подлеске.

– Не вздумай наступать на ветки сегодня, – еле слышно сказала Дженна.

– Не буду.

Они собрали свои пожитки и засыпали костер землей так, чтобы не осталось и следа от их ночевки. Дженна переплела косы, а Пинта наскоро расчесала пальцами свои черные кудряшки. Они присели на корточки и стали совещаться.

– Идти придется медленно, пока туман не рассеется, – прошептала Дженна.

– Если он рассеется.

– Непременно рассеется, – заверила Дженна и добавила: – Когда-нибудь.

– А помнишь, что рассказывала нам маленькая Домина? Нам тогда было лет восемь или девять. Мы ночевали с ней в лесу, и ты так напугалась, что вытошнила весь свой обед.

– А ты намочила свое одеяло и всю ночь ревела.

– А вот и нет.

– А вот и да. Зато меня ни чуточки не тошнило.

– Тошнило, тошнило.

– Я помню – она рассказывала о Туманном Демоне. У него страшная морда и большие рога.

– И он душит бегущих, загоняя туман им в глотку.

– Скажи все это, – быстро ввернула Дженна. – Дурочки мы были, что так напугались. Мы, правда, были тогда совсем маленькие.

– Ну, раз это сказки, чего же мы тогда здесь сидим?

– Мы ведь пойдем обыкновенным шагом. Бежать не будем.

– Угу, – промычала Пинта.

– Это сказка, и больше ничего.

– Да и туман скоро рассеется. Так всегда бывает.

В это время в лесу раздался треск, как будто кто-то разом наступил на несколько веток.

– Что это? – всполошилась Пинта.

– Кролик, – неуверенно ответила Дженна.

– А может, Туманный Демон?

Позади раздался шорох. Никто из них не осмелился шевельнуться. Рыжая белка подбежала к Дженне, постояла на задних лапках, сердито вереща, и убежала, шмыгая между деревьями.

– Белка, – с нескрываемым облегчением сказала Дженна и встала. – Мы только сами себя пугаем. Ничего тут нет, кроме леса...

– И этого противного луга, – завершила Пинта, тоже вставая и пристегивая меч. – Знать бы еще, где он, луг-то...

– Вон там, – показала Дженна.

– Нет, там. – Пинта показала в противоположную сторону. Они все еще спорили, когда ветерок приподнял край тумана, как рука, приподнимающая одеяло, и они увидели край луга и белое призрачное солнце над краем горизонта.

– Сюда, – произнесли они хором, указывая в сторону, которую никто из них не угадал, – против солнца, на запад с

уклоном к северу.

Но туман не рассеялся. Наоборот, он еще плотнее подоткнул вокруг них свое одеяло. Но это не создавало уюта, а вызывало холодный, непроходящий страх. Девочки держались опушки леса и, останавливаясь даже на мгновение, укладывали свои мечи острием в ту сторону, куда шли. Больше им было не на что опереться.

Птицы молчали, а быть может, давно улетели за пределы тумана. Зверьки зарылись в землю. Тихий, неподвижный белый мир окружал путниц, и казалось, что никакой силой нельзя нарушить это безмолвие. Слышны были лишь шорох листьев под ногами да дыхание идущих. Девочки шли, соприкасаясь плечами, боясь потерять друг друга, и ни на миг не прерывали разговора.

– Не нравится мне это, – через каждые несколько шагов говорила Пинта.

Дженна после десятого раза перестала прислушиваться к ее жалобам и твердила свое – про жизнь в хейме и про то, как она сердита на Мать Альту. Пинта время от времени откликалась ей.

К обеду они все еще не дошли до своей цели – и сочли это время обеденным лишь потому, что у обеих в животе забурчало разом. В тумане этот звук казался жутковатым.

– У меня никакой еды не осталось, – сказала Дженна. – Только молоко во фляжке, да и то скисло.

– А у меня и того нет. Нынче я рассчитывала на папорот-

ник и грибы, а к вечеру думала добыть белку.

– В этом тумане мы ничего не найдем. Придется поголодать немного.

– Глядишь, к завтраму из твоего кислого молока получится сыр. – Пинта рассмеялась было над собственной нехитрой шуткой, но смех в тумане звучал глухо и невесело.

Они шли и шли, переговариваясь все реже, как будто Туманный Демон и впрямь закупорил им рты.

Однажды Пинта споткнулась о корень дерева и с размаху упала на коленки. Закатав правую штанину, она только языком поцокала при виде большого синяка. В другой раз Дженна налетела на толстый низкий сук, и перед глазами у нее замелькали черные мушки.

– Уж очень ты длинная, – шепнула Пинта. – Я под этой веткой прошла спокойно.

– А ты такая маленькая, что носом землю пашешь, – не осталась в долгу Дженна.

Это были первые слова, которыми они обменялись за час.

Они шли, и туман стал темнеть, как будто приближалась ночь. Их рубашки промокли насквозь, а кудри Пинты сосульками прилипли к спине. Кожаные куртки и штаны издавали сырой, неприятный запах.

– Неужто уже ночь? – прошептала Пинта. – Сколько же времени мы идем?

– Понятия не имею. И... погоди! – Дженна взяла Пинту за руку и привлекла к себе. – Слышишь?

Пинта насторожилась.

– Что я должна слышать?

Дженна помолчала, вертя головой и стараясь уловить звук как следует.

– Вот это!

Позади слышался тихий треск, сопровождаемый тонким улюлюкающим звуком.

– Кошка?

– Слишком шумно.

– Медведь?

– Недостаточно шумно.

– Нечего сказать, утешила.

– Я говорю то, что есть. Тише. – Звук отдалился, и Дженна повернулась кругом, пытаясь отыскать его. – Что бы это ни было, оно ушло.

– «Оно» было не одно, – заметила Пинта. – Их двое.

– Теперь ты меня утешаешь.

– Говорю то, что есть. – И они пошли дальше.

Звук послышался снова – теперь впереди них. А может быть, это они теперь шли в обратную сторону – кто знает.

– Вот оно, – прошептала Дженна, а Пинта в то же время произнесла:

– Вот они.

Треск стал громче, как будто неведомое существо без опаски ломилось сквозь сушняк, ежевику и вереск. Шум сопровождался тяжелым учащенным дыханием. Чуть подаль-

ше через лес продиралось что-то огромное, крича во всю глотку: «Кару-уу-ум! Кару-уу-ум!»

Дженна и Пинта, не сговариваясь, сбросили котомки и стали спиной к спине с мечами в одной руке и ножами в другой.

– Дженна, я ужасно боюсь, – шепнула Пинта.

– Тут только дурак бы не испугался, – шепнула в ответ Дженна.

– Тебе тоже страшно?

– Я же не дура.

Что-то крупнее кошки, но меньше медведя выкатилось из тумана и упало к их ногам, со всхлипами хватая воздух.

Дженна нагнулась, выставив вперед правую руку с ножом. Сердце так колотилось, что и Пинте, наверное, было слышно. Ее взгляд упал на перепачканное грязью лицо мальчишки не старше пятнадцати – шестнадцати лет.

– Кто... – начала она, но язык ее словно окостенел. На нее смотрели широко распахнутые, испуганные, невероятно голубые глаза.

– Mercí, – выкрикнул мальчик. – Сестры Альты, ich gríe mercí. Ich am thi mon. – Его охрипший голос прерывался.

– Что он говорил? – шепотом спросила Пинта. Дженна, преодолев свою немоту, оглянулась через плечо.

– Этот мальчик чуть постарше нас, и он говорит на древнем языке, не знаю почему.

Мальчик сел – любопытство пересилило в нем страх.

– А разве вы не на нем говорите? Меня так учили. Если, мол, я буду нуждаться в вашей помощи, мне стоит только сказать «Merci, ich gie merci, ich am thi mon», и ваш обет обяжет вас помочь мне.

– Мы еще не давали обета, – сказала Пинта. – Нам всего-то тринадцать лет.

– Только тринадцать? Но она, – он показал на Дженну, – она кажется старше. Хотя нет. Наверное, меня ввели в заблуждение ее белые волосы.

– Много ты знаешь, мальчишка, – плюнула Пинта.

– Много, – не уступил он. – И буду знать еще больше, если...

– На старом языке никто не говорит – только жрицы, – сказала Дженна. – Правда, наши молитвы написаны на нем и Книга тоже.

– Книга Света? – Юноша от волнения совсем забыл о страхе. – Вы ее видели? Держали ее в руках? Читали ее? – Он помедлил, потом пожал плечами и брякнул: – А может, вы и читать не умеете?

– Конечно умеем, – презрительно бросила Дженна. – Ты думаешь, мы совсем дикие?

Мальчик снова пожал плечами, как бы извиняясь, и встал. В тот же миг рядом раздался оглушительный шум, и двухголовое рогатое чудовище вырвалось из тумана, изрыгая проклятия.

– О-ох! – простонал юноша, попятился прочь и снова ис-

чез в тумане.

Но Дженна с Пинтой остались на месте.

– Спиной к спине! – крикнула Дженна, и Пинта тут же повиновалась.

Чудище при крике Дженны встало на дыбы и нависло над ними, черное в белых завихрениях тумана. Оно целило в них чем-то длинным и острым.

Пригнись! – завопила Пинта, проскочив под пахучим брюхом чудовища и вынырнув с другой стороны. Она подпрыгнула, целя мечом в рогатую голову, и врезалась в потное тулово.

От удара из нее вышибло дух, она отлетела назад и упала на свою котомку, раскидав все ее содержимое. Отчаянным усилием она перекувыркнулась, чтобы спастись от мелькающих ног зверя, и увидела, что ее меч пропал. Пинта не знала, остался ли он в шее чудовища или валяется где-то на земле.

Зверь лежал на боку, и Пинта могла разглядеть в тумане только то, что он пытается встать. Потом она услышала лязг стали о сталь и быстро обошла зверя, следуя этому звуку.

Дженна сражалась на мечах с другим рогатым существом. Пинту внезапно озарило, и она смекнула, что рогатый – это всадник, а поверженный зверь – животное, на котором он ехал.

Но Дженна, похоже, проигрывала бой, ибо демон был больше и сильнее ее. Забыв свой страх. Пинта забежала за спину рогатому, пригнулась и всей тяжестью подсекла

ему колени. Позади они были мягкие, но впереди твердые и негнушщиеся – как видно, демон носил кожаные доспехи. Пинта снова навалилась что есть мочи, и на сей раз он рухнул навзничь, придавив ее. В последний миг она успела пырнуть его ножом в бедро.

Дженна взгромоздилась наверх и вогнала меч прямо в шею врагу.

Демон содрогнулся, заскулил и затих.

– Что... что это за существо? – спросила Пинта, когда Дженна свалила с нее тяжелое тело. Руки у нее болели, а к ногам точно гири привязали. В боку кололо. – Туманный Демон?

Дженна тяжело дышала. Ее меч все еще торчал из горла чудовища. Она присела на корточки, закрыла лицо руками и расплакалась.

Пинта подползла к ней и обняла ее ноги.

– Почему ты плачешь? Ведь все уже позади.

– Это не то, что охотиться на кролика или белку, – прошептала Дженна. – Мне и взглянуть-то на него страшно.

Пинта встала и хотела перевернуть тело, чтобы не видеть мерзкой бурой морды и выпученных глаз. Но когда она потянула за меч, он рассек чудовищу подбородок, и стало видно, что морда – всего лишь кожаная маска. Пинта медленно стащила ее, и под ней открылось лицо – человеческое лицо, с рыжей седеющей бородой, желтыми поломанными зубами и крестообразным шрамом на правой щеке. Пинта сорвала

маску совсем, вместе с рогами, бывшими частью шлема.

– Дженна, гляди!

– Не могу.

– Это не демон, Дженна. Это мужчина.

– Я знаю, – шепнула Дженна. – Потому-то и не могу смотреть на него. На мертвого демона я смотрела бы спокойно.

– Его зовут Варну, – сказал вернувшийся к ним мальчик. – Но больше он известен как Гончий Пес. Теперь уж он не будет охотиться. – Он опустился на колени рядом с мертвецом, не дотрагиваясь, однако, до него. – Странно... он даже мертвый пугает меня. – Вздогнув, мальчик вытянул палец и осторожно потрогал руку Варну. – Холодная... быстро же он остыл. Не знал, что это происходит так скоро. Но в Гончем Псе и при жизни текла холодная кровь – как и в его братьях и в хозяине, которому они все служат. – Он встал. – Кажется, меня сейчас стошнит.

Дженна многозначительно перемигнулась с Пинтой. Мальчика долго и шумно рвало в кустах, и, наконец, он снова вылез к ним, порядком изнуренный, но успокоенный.

– Вот уж не думал, что это Гончий Пес расстанется с жизнью. Я думал, это буду я. Моей единственной слабой надеждой было сбить его со следа в тумане, но он славился как непревзойденный следопыт.

– Одно слово – Гончий Пес, – кивнула Пинта.

– Как ты узнал, что будет туман? – спросила Дженна.

– Все знают, что у Моря Колокольчиков туманы бывают

часто. Поэтому я, когда понял, что он меня выследил, направился напрямик сюда.

– Мы об этих туманах ничего не знали.

– О Гончем Псе мы тоже не знали. И о тебе, – со значением молвила Дженна. – Почему он за тобой охотился? Может, ты вор? Что-то непохоже. Или убийца?

– На убийцу он и того меньше похож, – заметила Пинта.

– Я... – Он замялся. – Я Карум. Я школяр – или был им, пока не пришлось спасаться бегством. Пока я жив, я представляю собой угрозу для лорда Каласа из Северных Земель. Для лорда Каласа, который хочет стать королем! – В голосе мальчика слышались печаль и горечь, как он ни пытался их скрыть. – Я всю весну нахожусь в бегах.

Пинта потянулась к нему, но в последний миг она убрала руку, а он отпрянул.

– Давайте-ка похороним его, – сказал мальчик. – Не то его братья найдут его, когда туман рассеется, и к длинному списку моих прегрешений добавится еще одно.

– А что, его братья такие же большие? – спросила Пинта.

– И такие же уроды, – кивнул Карум.

– Притом они живы и здоровы, – пробормотала Дженна.

Они стали рыть могилу, осторожно, чтобы не затупить ножи – задача долгая и тяжелая. Карум снял кинжал с пояса мертвеца и нашел за голенищем второй. Под мышкой Пса отыскался метательный, похожий на лопатку топорик, и его тоже пустили в ход. Выкопав яму, они скинули в нее тело

Гончего Пса. Она была бы коротка ему, но Гончий в предсмертной судороге скрючился, да так и застыл. В могилу он упал лицом вниз.

Дженна, видя это, вздохнула с облегчением и кинула следом его маску. Они забросали тело землей, все время слыша, как дышит, фыркает и топчется конь где-то в тумане.

Закончив утаптывать землю, Дженна шепнула:

– Не можем ли мы как-то ускорить его путь?

– Путь куда? – спросил Карум.

– В то место, куда он, по своей вере, должен отправиться после смерти.

– Я думаю, что никакого такого места нет.

– И в это верят все мужчины? – изумилась Пинта.

– В это верю я. И никакие книги, которые я прочел, меня в этом не разуверили. Но я могу прочесть краткую молитву по вере Гончего и его братьев, если хотите.

– Сделай это, – сказала Дженна. – Ведь я не могу пожелать ему, чтобы он упокоился в пещере Альты или на ее груди, где я сама надеюсь обрести приют после смерти.

Карум скривил рот, словно стараясь сдержать улыбку, набрал побольше воздуха и начал:

– Да примет тебя Бог Сражений владыка Крес, в чертоги своей Валгаллы, где ты вечно будешь пить его крепкие вина, есть мясо и кидать кости через плечо псам войны.

– Какая жуткая молитва, – сказала Пинта. – Кто же захочет отправиться в такое беспокойное место после смерти?

– В самом деле, кто? – пожал плечами Карум. – Потому-то я в это и не верю.

Конь издал странный тихий звук и подошел к ним.

– Что это? – прошептала Пинта.

– Ты разве никогда не видела лошадь?

– Конечно, видела, – незамедлительно ответила Пинта.

– Да ну? – насмешливо улыбнулся Карум.

– Ну, один раз точно видела. Только те были куда меньше.

Такой большой зверь не годится для наших горных троп.

Дженна, не слушая их перебранки, устремила взгляд в туман и вспомнила, как они помогли спасти двух жеребят из затопленного селденского амбара, где плавала, ударяясь о столбы, мертвая кобыла.

– А эта лошадь цела? – спросила она. – Не ранена? На ней можно ехать?

– Раз на ногах стоит, значит, можно, – откликнулся Карум. – У Каласа кони крепкие. Мой дядюшка знает толк в скотине. – Голос Карума снова наполнился горечью.

– Ты можешь поймать ее? – спросила Дженна.

– Возьми его за узду, и он тебя послушается. Он хорошо вышколен, как все боевые кони Каласа.

– Возьми его за эту самую узду сам, и мы пойдем дальше, – сказала Дженна, подбирая меч и котомку.

– Дальше? Куда же это?

Дженна завертела головой, вглядываясь в туман.

Пинта ползала, собирая свои разбросанные пожитки, и

ничем не могла ей помочь. Затолкав все, что нашла, в котомку, Пинта отыскала меч и присоединилась к двум другим.

Образуя маленький островок в море тумана, они спорили, в какую сторону идти. Наконец Карум отчаялся и сел. Только лошадь, мотая своей влажной мордой и спокойно глядя темными глазами, не выказывала признаков тревоги.

– Может, останемся здесь до утра? – предложила Дженна.

– Без еды-то? – отозвался Карум.

– Что ж, отправляйся в этот туман сам – может, наберешь грибов, – подзадорила Пинта.

– Но костер хотя бы мы можем развести?

– Возьмемся за руки и поищем хворост, – сказала Дженна.

Они набрали немного сушняка и развели костер, отойдя как можно дальше от могилы Варну. Конь всю ночь тихо просто-ял над свежим холмиком, боясь от него отдалиться.

Трое ребят уснули, когда костер еще не угас, но конь бодрствовал еще долго.

БАЛЛАДА Лорд Горум

Где был ты, лорд Горум, мой сын дорогой?
Гончая, кот, бык и медведь.
Искал ли кого, о единственный мой?
Четверо братьев сулили мне смерть.

Бродил я лесами, скакал я в поля.
Гончая, кот, бык и медведь,
Скитался по землям отца-короля.
Четверо братьев сулили мне смерть.

Искал я на дне, и в огне, и во мгле,
Гончая, кот, бык и медведь.
Томился по той, что томилась по мне.
Четверо братьев сулили мне смерть.

Ты ел ли, лорд Горум, мой сын дорогой?
Гончая, кот, бык и медведь.
Испил ли вина, о единственный мой?
Четверо братьев сулили мне смерть.

Любимая дева прижалась ко мне,
Гончая, кот, бык и медведь —
Забыл я о хлебе, забыл о вине.

Четверо братьев сулили мне смерть.

Что ж дашь ты любимой, мой сын дорогой?

Гончая, кот, бык и медведь.

Взамен что получишь, единственный мой?

Четверо братьев сулили мне смерть.

На трон свой любимую я посажу,

Гончая, кот, бык и медведь.

Корону на кудри ее возложу.

Четверо братьев сулили мне смерть.

Она ж мне подарит любви своей свет.

Гончая, кот, бык и медведь.

И место в пещере, где гибели нет.

Четверо братьев сулили мне смерть.

ПОВЕСТЬ

Они проснулись от пения птиц и увидели над собой жемчужное небо. Пинта поднялась со смехом, но Дженна бросила смущенный взгляд на Карума – он свернулся клубком у нее в ногах и этим светлым утром показался ей и юным, и взрослым. Длинные темные ресницы бросали тень на щеки, и рука с точеными пальцами прикрывала лицо. Дженна потянулась осторожно, стараясь не потревожить его.

– А я думала... – начала Пинта, тоже глядя на него, но Дженна поднесла палец к губам, и она продолжила шепотом: – Я думала, все мужчины волосатые и неуклюжие.

– Так ведь он еще мальчик, – шепнула в ответ Дженна и отправилась в лес, но сердце говорило ей совсем другое. Скоро она набрела на кучку грибов, которые особенно любила Пинта, к порадовалась своей находке – их можно было есть как жареными, так и сырыми.

Позади хрустнула ветка, и Дженна, обернувшись, сказала Пинте:

– Гляди – твои любимые.

– А я нашла папоротник, – сказала та. – Будь у нас вода, мы могли бы его сварить.

– Огонь разводить нельзя, да и некогда, – потрясла головой Дженна. – Туман разошелся, и если братья Гончего Пса правда идут по его следу, нам надо убираться из этого места

с его призраками как можно скорее.

Пинта кивнула в знак согласия, и они стали собирать грибы. Набрыв полные руки и карманы, они вернулись на место ночлега, но Карума там не было.

Земля показалась им слегка взрыхленной. Что это – следы борьбы?

– Братья Гончего? – прошептала Пинта. – Или лорд Калас? Их не могло быть много.

– Не надо было бросать его одного, – прошептала Дженна и стиснула кулаки, искрошив грибы. Они ссыпали свою добычу на траву у костра. – Он не мог уйти далеко. Уж школяра-то мы как-нибудь отыщем в лесу. И смотри – лошадь осталась тут. – Дженна нагнулась и скоро нашла след – поломанные ветки и примятые лилии.

Пройдя совсем немного, девочки услышали какой-то звук, припали к земле и увидели затылок Карума со спутанными каштановыми волосами. Одной рукой он чесал в голове, а другой...

– Волосы Альты! – с отвращением бросила Дженна. Пинта села и прыснула со смеху.

Карум повернул голову, увидел их и покраснел.

– Вы что, никогда не видели, как мужчина справляет нужду? – И он засмеялся вместе с Пинтой. – Хотя откуда...

– Мы думали... – начала Пинта.

– Не надо ничего объяснять, – прервала ее Дженна. Она посмотрела в спину Каруму прищуренными глазами и заша-

гала обратно в лагерь. – Пошли, Марга.

Пинта последовала за ней.

После скудного завтрака они опять двинулись вдоль опушки леса к краю большого луга. Верхом они ехали поочередно. Девочкам было больно сидеть на широкой конской спине, тяжелое кожаное седло натирало им ляжки, и они вскоре отказались от своих попыток. Но Карум сидел в седле так, будто в нем и родился – казалось даже, что верховая езда прибавляет ему отваги.

– Расскажи мне об этих братьях, – попросила Дженна, когда Пинта заняла место в седле, а они с Карумом шагали рядом. Карум вел коня под уздцы. – Я должна узнать их, когда увижу. – Она уже простила Каруму свой утренний испуг и смущение, благо он об этом не упоминал.

– Они, в самом деле, братья, дети одной матери, хотя, как говорят, от разных отцов. И это понятно, когда видишь их вместе, – они совсем непохожи во всем, кроме одного. Преданность лорду Каласу – вот что роднит их. Их зовут Бык, Медведь, Кот и Гончий Пес.

– Гончего Пса я видела, – сказала Дженна спокойно, стараясь отогнать от себя воспоминание о мертвце, скрюченном в своей могиле. – Что скажешь об остальных?

– Бык очень силен, как и положено быку, и столь же туп. Руки ему заменяют голову. Он может работать весь день без усталости. Я видел, как он вращал мельничный жернов вместо настоящего вола.

– А Медведь?

– Он волосатый и такой же здоровый, как Бык, но поумнее, Ненамного, впрочем. Волосы у него до плеч, а спина и грудь поросли шерстью.

– Красавец, да и только, – краем рта усмехнулась Дженна.

– Кот – вот кого следует опасаться. Он мал ростом и легок на ногу. Однажды он перескочил через пропасть, а стая королевских гончих, которые гнались за ним, разбилась насмерть. Они ужасно выли, падая вниз, – я несколько недель слышал их во сне. – Карум щурил глаза против солнца, и Дженна не видела, что в них. – И хотя он вполовину меньше своих братьев, я боюсь его больше всех.

– Больше, чем лорда Каласа?

Карум только плечами пожал – видимо, этих двоих он боялся одинаково.

– Так расскажи же мне об этом страшном лорде Каласе, чтобы я и его узнала, когда встречу.

– Лучше тебе с ним не встречаться. Он высок и до того худ, что, как говорят, и тени-то не отбрасывает. Его дыхание отдает сладкой гнилью пиджи.

– Пиджи?

– Это дурманное зелье, неведомое беднякам.

– Мы не бедные, – заметила Дженна.

– Значит, бедные, раз не знаете, что такое пиджи.

– Если ученые прибегают к таким доводам, то я рада, что прочла всего одну книгу! – Дженна рассмеялась и ущипнула

Карума за руку. – Что еще ты можешь сказать о Каласе?

– О лорде Каласе, – поправил Карум, сделав вид, что не заметил щипка, хотя его щеки слегка порозовели. – Тем, кто урезает его титул, он урезает головы.

– Милый же он человек. Что еще?

– Он рыжий, и борода у него рыжая.

– У Гончего тоже была рыжая борода, – вспомнила Дженна. – У вас что, все негодяи рыжие?

– Рыжие волосы встречаются у нас не чаще, чем у вас в хеймах – белые.

– Ты прав. У меня одной такие волосы. И мне очень неприятно так отличаться от других. Я хочу быть такой же, как все – а меня обзывают деревом, затеняющим цветы внизу.

– Ты и правда высокая. Но мне это нравится. А твои волосы – просто чудо. Обещай, что никогда не острижешь их.

– Придется, когда я приму обет. Воительница не может идти в бой с длинными волосами.

Карум на некоторое время задумался и затем заговорил, будто припоминая:

– Было одно племя – воинами в нем были мужчины, а не женщины – на востоке, за морем, около... – Он прикусил губу и улыбнулся. – Около семи веков назад. Они убрали свои длинные волосы в косы и вплетали туда скальпы, снятые с убитых врагов. Когда требовалось действовать в тишине, они душили этими косами своих противников. Так пи-

шет историк Локутус, добавляя: «Таким образом, они никогда не бывали безоружны». Они назывались... – Карум снова умолк. – Забыл. Но я еще вспомню.

– Как много ты натолкал в свою голову, отправляясь в путь, – улыбнулась Дженна.

– Вот, госпожа моя, – Карум склонился в поклоне, помавав рукою перед собой, – превосходное определение ученого мужа: мешок познаний, плотно упакованный в дорогу.

Они расхохотались, и Пинта со своей вышины осведомилась:

– Чего это вы?

– Просто так, Пинта. – Дженна с улыбкой смотрела на Карума и не видела, какое выражение мелькнуло на лице подруги.

– Не хочу больше ехать верхом, – спешившись, заявила Пинта.

– Тогда я поеду. – Карум положил руки на луку седла и легко вскочил в него.

– Как ему это удастся? – с восхищением воскликнула Дженна.

– И охота ему? – буркнула Пинта.

Они дошли до края луга к тому времени, как солнце стало прямо над головой. Оглянувшись на Море Колокольчиков, Дженна вздохнула.

– Надо бы подкрепиться, прежде чем идти дальше.

– Хорошо, поищем еду, – поддержала Пинта.

– И объясним моему желудку, что мне покуда еще не перерезали глотку. – Карум слез с коня и пустил его на луг пастись. Пинта и Дженна тем временем заспорили, и Карум услышал, как Пинта сказала:

– А я тебе говорю, его надо бросить.

Карум заставил себя улыбнуться и сказал весело:

– Не надо меня бросать: я знаю короткую дорогу в Ниллский хейм.

– Откуда ты знаешь, что мы идем туда? – спросила Пинта.

– Не будь дурочкой, Пинта. Разве тут поблизости есть другие хеймы? – Дженна повернулась к Каруму, теребя свою коосу. – Спасибо. Карум, но мы знаем дорогу. Она у меня в голове. Тебе все равно не позволят войти в хейм. Мужчин туда не пускают.

– Знаю – но мне с вами по пути. Я иду в место, куда пускают только мужчин. Это святилище, куда даже Братья и Калас...

– Лорд Калас, – поправила Дженна, проведя пальцем по горлу. – Помни о своей голове!

– Куда даже лорд Калас не смеет вторгаться силой, – усмехнулся Карум. – Там я буду в безопасности. Вот провожу вас и...

– И воспользуешься нашей охраной! – вставила Пинта.

– «В опасности трое лучше, чем один», – беззлобно ответил Карум. – Так, во всяком случае, говорят у нас.

– У нас тоже, – сказала Дженна. – Странно, правда?

– Значит, я могу идти с вами? – нетерпеливо спросил он.

– Сначала поедим. Только не оставляй лошадь на виду.

Если мы не заметили Братьев, это еще не значит, что они потеряли наш след. – Карум кивнул, – Теперь разойдемся в разные стороны, но так, чтобы слышать друг друга, и поищем съестное.

Когда Карум привязал коня к невысокому дубку, девочки уже скрылись в лесу. Он огляделся, нашел широкую оленью тропу и пошел по ней так тихо, как только мог.

Не прошло и часа, как они все снова сошлись около лошади и высыпали свою добычу на разостланный Дженной платок. Пинта набрала несколько дюжин грибов – не больших дождевиков, которые так любила, а темных, имевших ореховый вкус. Дженна нашла орехи, припрятанные белкой, и набрела на заросли папоротника, но не стала его рвать: папоротник надо варить, а дым от костра при ясной погоде сразу выдал бы их. Карум набил карманы ягодами.

– Ягоды! – фыркнула Пинта.

– «Ягоды по весне либо красят, либо в гроб кладут», – пояснила Дженна. – Так говорят у нас в хейме. Съедобные ягоды еще не поспели, а эти все ядовитые. Хотя если вот эту, птичью, – Дженна коснулась черной, твердой, как камень, ягоды, – долго вымачивать в кипятке, получится сильное слабительное. А вот эта, – Дженна указала на большую ярко-красную, – называется у нас «не тронь меня», и она идет на мазь от ожогов.

– Ягоды, – снова засмеялась Пинта.

Карум потупился.

– Да тише ты, Пинта. Карум знает куда больше, чем мы с тобой, просто к лесу он непривычен.

– Что же он такое знает?

– К примеру, он знает про воинов, которые душили косами своих врагов, – именно так я и поступлю с тобой, если не замолчишь. – Дженна сложила свою белую косу петлей и бросила на Пинту злобный взгляд.

– Аластеры! – торжествующе усмехнулся Карум.

– Чего? – резко повернулись к нему Дженна и Пинта.

– Так называлось это племя: аластеры. Я знал, что вспомню рано или поздно.

Дженна присела на корточки и запихнула в рот разом два гриба.

– Ты, главное, свои ягоды не ешь, ученый, – проговорила она с набитым ртом.

Наскоро поев, они уничтожили все следы своего завтрака. Карум отвязал коня.

– Веди-ка его сюда, – сказала Дженна.

Карум повиновался.

– Хочешь проехаться?

– Нет, больше мы на нем ехать не будем. Надо отправить его через луг – вон туда. – Дженна указала на юг. – Он оставит за собой широкий след и уведет наших преследователей в другую сторону.

Карум с тревогой оглянулся через плечо.

– Разве за нами гонятся?

– Если бы гнались, – засмеялась Пинта, – не торчали бы мы с тобой на открытом месте. Ты уж нам поверь.

– Но искать будут непременно – не тебя, так Гончего Пса. Сам знаешь. Я все утро думала, правильно ли мы поступили, взяв с собой коня, – наверное, и вы тоже. Но теперь, если Альта захочет, он поможет нам запутать следы. – И Дженна порывисто перекинула правую косу через плечо.

– Непохоже было, чтобы ты сильно тревожилась, – съязвила Пинта.

– И почему ты раньше не сказала? – помрачнел Карум. – Мне и в голову не пришло...

– Это потому, Карум, что достояние ученых – прошлое, а воины должны думать о будущем. Если мы оставим коня при себе, будущего у нас может не быть вовсе. Так что подумай, лошадиник, как прогнать его в ту сторону.

– Тут вы можете положиться на меня, – засмеялся Карум. Он отломил ветку с цветущего куста, оборвал с нее листья. Потом похлопал коня по храпу, пошептал ему что-то на ухо, повернул головой на юг, дважды сильно стегнул прутом по боку и крикнул: – Домой!

Конь взбрыкнул задними ногами, едва не задев Карума, и поскакал через луг, оставляя за собой дорогу, видную даже самому неискушенному следопыту. Он остановился лишь через несколько сот ярдов и начал щипать траву.

– Что это ты шептал ему на ухо? – спросила Дженна.

– Просил прощения за то, что ударю его.

– Не думаю, что он простил тебя, – молвила Пинта, – вон как примерился копытами. Если б он попал, новые школяры от тебя бы уже не родились.

Дженна прыснула со смеху, а Карум нахмурился.

– Я думал, вы, альтианки, ничего не смыслите в таких вещах.

– Мы знаем, что нас нашли не в цветах и не в капусте и птицы нас не принесли, – сказала Дженна. – Наши женщины тоже рожают, поэтому нам известно, откуда берутся дети – и как их делают. Мужчины для нас... – Дженна умолкла, видя, как покраснели у Карума уши, но Пинта не намерена была щадить его чувства.

– Мужчин мы используем, но не живем с ними. Иногда мы нанимаемся к ним в солдаты, но больше никак им не служим. – Это было сказано с убеждением, но походило на затверженный урок, и Карум заспорил:

– Так говорят твои уста, но... – Однако Дженна прервала его:

– А конь-то дальше не идет.

Карум прошел несколько шагов и крикнул:

– А ну, пошел домой, ты, отродье ослицы!

Конь вскинул голову и с пучком травы и лилий во рту поскакал на юг. Скоро он пропал из глаз.

– Молодец! – тут же съязвила Пинта. – Твой крик всполо-

шил всех недругов за многие мили отсюда.

Карум, намеренно не отвечая ей, сказал Дженне:

– Другого способа не было.

– Что это с вами такое? – спросила Дженна Пинту. – Ты глотку дерешь, то он. Ты говоришь с жаром, а он отвечает с холодом. Дальше так нельзя.

– Ну так прогони его, – не так уж тихо отрезала Пинта.

Карум перевел дух и сказал так, чтобы слышала только Дженна:

– Не обращай внимания. Скоро мы доберемся до хейма, и я уйду. За коня тоже не беспокойся. – Карум слегка повысил голос, чтобы и Пинта слышала: – Кони Каласа хорошо вышколены, и он найдет дорогу домой.

– А где его дом? – Любопытство пересилило в Пинте гнев и обиду.

– На севере, – сказала Дженна. – В северных Землях. Волосы Альты! Да ведь он пойдет за нами!

– Нет, Дженна. – Карум положил руку ей на плечо. – Лорд Калас больше там не живет – он перебрался во дворец короля, что в Южных Низинах. Винные погреба, столь дорогие моему... королю, он превратил в темницы. Весь год он сидит на троне, как жаба, и ждет коронации, которой, если будет на то воля богов, никогда не дождется.

– Я думала, ты не веришь ни в каких богов, – сказала Пинта.

– Поверю, если их служители его не коронуют. Хотя это

не столь уж важно. Когда человек сидит на троне достаточно долго, его начинают величать государем, даже если он носит не корону, а шлем. При жестком и несправедливом правителе народ недолго помнит прошлое. Боюсь, что Калас все-таки станет королем.

Девочки молча смотрели на него – пока он говорил, им показалось, что мантия величия легла на его плечи, но скорбное это было величие. Ветер взъерошил волосы Карума, и юноша как будто стал выше ростом и в то же время согнулся под тяжким бременем.

– О Карум, – сказала Дженна, откликаясь печалью на его печаль.

Карум внезапно пришел в себя и пожал плечами.

– Это ничего. Мы, ученые, любим изобретать звучные метафоры и порой говорим лишь ради того, чтобы послушать собственные слова.

Пинта после долгого молчания взглянула на небо.

– Ну, где твоя короткая дорога? Показывай.

Земля на краю луга была топкой, и ноги проваливались в нее. Дженна снова свернула в лес, чтобы не оставлять следов, и они пошли вдоль северной опушки, где большие березы и дубы уступили место более молодой поросли. Оленьи тропы сменились настоящей дорогой – широкая и торная, обсаженная кустарником и цветами, она говорила о близком присутствии человека: малина перемежалась с желтыми копиями льнянки, и задумчивые, синие с пурпуром анютины

глазки кивали на ветру.

Путники нашли родник и напились из него, а девочки вы-полоскали и наполнили свои кожаные фляги.

– По дороге идти нельзя, но надо держаться около нее, чтобы не сбиться, – сказала Дженна.

– Пусть по лесу идет Карум. Нас-то никто не ищет, – воз-разила Пинта.

– Нет. Он обратился к нам за помощью и теперь находится под нашей защитой. Вспомни один из семи обетов, которые мы принесем меньше чем через год.

– А не можем мы защищать его, идя по дороге? – провор-чала Пинта. Дженна мотнула головой. – Ну ладно. В лес так в лес. – И она свернула с дороги, не сломав ни единой ветки.

Карум последовал за ней, и Дженна, посмотрев в обе сто-роны, догнала их.

Они старались идти как можно тише, обмениваясь только знаками, принятыми у часовых хейма, поэтому Карум участ-вовать в беседе не мог. Дорога шла ярдах в пятидесяти пра-вее их, и он не возражал. Он шел, не обращая внимания по-чти ни на что, погруженный в собственные мысли.

Гуськом, с Пинтой впереди и Дженной позади, они шли так быстро, как только позволяла густая растительность. Дважды Карум упустил ветку, хлестнувшую Дженну по ли-цу, но, когда он оборачивался, чтобы извиниться, она только хмурилась и махала рукой. Пинта ступила в ямку и подвер-нула ногу, но несильно. Эти мелкие случайности послужили

им уроком, и они стали смотреть не только перед собой, но и под ноги, лишь изредка поглядывая вправо, на дорогу.

Колючки ежевики скользили по кожаной одежде Дженны и Пинты, но вовсе цеплялись за шерсть, в которую был одет Карум – не раз им приходилось останавливаться и выпутывать его. Но и это они делали молча – слишком близко пролегала дорога.

Молчание и спасло их – да еще то, что в тот миг они сбились в кучку, в очередной раз освобождая Карума из зарослей малины. Грохот скачущих копыт сотряс округу, и они безотчетно припали к земле, пока всадники не промчались на север, подняв облако пыли.

Как только они пронеслись, Пинта шепнула:

– Ты видела, сколько их?

– Не меньше дюжины, – прошептала в ответ Дженна, – а то и две.

– Их двадцать один человек, – сказал Карум.

– Почему ты знаешь? – спросили разом Дженна и Пинта.

– Я считал. И потом, в кавалерийской роте всегда двадцать один человек – двадцать солдат и капитан.

– А ты, часом, не заметил, кто у них капитан? – ехидно осведомилась Пинта.

– Заметил. Это Бык.

– Я не верю, – сказала Пинта громко, но Дженна дернула ее за руку, и она перешла на шепот: – Они проскакали слишком быстро, а мы лежали, скорчившись на земле.

– Это вы лежали, – заметил Карум. – Меня держали колючки.

– Это правда, – признала Дженна.

– И потом, одни только Братья ездят на больших черных в яблоках конях. А Бык такой великан, что возвышается над своими солдатами. Да и шлем его выдает.

– Шлем, – шепотом повторила Дженна, вспоминая другой шлем и стук, с которым он упал в могилу. Помолчав чуть дольше, чем было нужно, она зашептала с жаром: – Надо уйти еще глубже в лес. Если мы их видим, то...

Договаривать ей не пришлось. Карум и Пинта дружно кивнули – опасность примирила их. Пинта отцепила рубашку Карума от шипов, не заботясь о ее сохранности, и они углубились в лес, где стояли на страже высокие старые дубы.

Карум обещал им, что дорога в хейм займет не больше одного дня, и они надеялись добраться туда до вечера. Но лес, даже придорожный, сильно замедлил их путешествие. Еще дважды за день мимо них проносились рота конников – один раз с севера, другой с юга. В первый раз всадники молчали, стремясь к какой-то зловещей цели, во второй раз они перекрикивались, но слов было не разобрать за пылью и стуком копыт. Каждый раз путники уходили еще дальше в сумрак леса.

– Давайте-ка отдохнем, – сказала Дженна. – А идти будем ночью, даже если это и будет стоить нам лишней пары суток. Карума нужно сохранить.

– Да и нас тоже, – пробурчала Пинта.

Они нашли дерево с большим дуплом, где поместились все втроем, хоть и впритык, как котята в лукошке. Пинта напомнила Дженне сказку, которую они слышали в Селденском хейме, – о сестре, которая год прожила в таком вот дупле, и Дженна улыбнулась. Карум уснул между ними, тихонько похрапывая.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Об устройстве Гарунийской армии мы знаем больше, чем о прочих реалиях того периода, – следует воздать за это должное Книге Сражений. Книга Сражений (в дальнейшем КС) является единственным письменным документом тех лет. Доил перевела ее еще до своего монументального труда по альтианской лингвистике. Следует, однако, помнить, что работа над КС, как подчеркивает сама Доил, в своем предисловии, еще далеко не завершена. Многие слова не подлежат переводу, а идиомы представляют собой настоящую загадку. И все же КС проясняет для нас этот темный период в истории Островов успешнее всех прочих источников.

Книга посвящена двум богам: Кресу, владыке тьмы, и Альте, владычице света. Это самая ранняя литературная ссылка на Альту, безоговорочно помещающая ее в пантеон Гарунийских богов, где, как предполагает в своей книге профессор Темпл, «она почиталась как второстепенная богиня, ведающая деторождением и искусством пения». Тем загадочнее представляется данное посвящение, хотя и ошибочно было бы заключить, вслед за Мэгоном, что это «еще одно указание на воинственный статус Альты».

Книга начинается следующим воззванием (также, разумеется, переведенным Доил):

*Приди ко мне, друг моей правой руки.
Злобную смерть одолеть помоги.
Будь мне защитой, щитом и мечом,
Тенью скользи за моим плечом.
Будь мне опорой жестокой порой
И под плащом моим спи со мной.*

Любопытное обращение, и любопытнее всего в нем фраза «и под плащом моим спи со мной», которую Доил переводит буквально, не зная, как упоминает сама, ее идиоматического смысла. Она полагает, однако, что эта фраза имеет скорее отношение к гомосексуальным тенденциям долгой военной службы, чем собственно к войне или военному делу.

В КС названы три вида вооруженных сил. Первенство принадлежит воинской касте, легендарной гвардии, известной как Люди Короля, «едящие перед королем». (По мнению Доил, остается неясным, ели ли они в присутствии короля – то есть допускались к его столу – или же в их обязанности входило пробовать королевские блюда, иначе говоря, есть раньше, чем король.) Судя по Книге, сыновья Людей Короля могли выбирать, вступать им в гвардию или нет, но старший обязан был служить в ней под страхом смерти. («Подставить свою шею под королевский меч», – сказано в Книге.) Многочисленные дебаты велись относительно происхождения и степени древности этой касты. Баум в своей статье «Сила и право: титулы и привилегии в древних Долинах» (Природа и история, т. 58) утверждает, что дворяне

и Люди Короля – одно и то же, в то время как Кован, всегда стремящаяся к более сложному решению, выдвигает изящную теорию о том, что королевская гвардия воплощала собой мощь завоевателей, закрепостивших коренное население. (См. Примечание № 17 к статье «OrbisPictus», Искусство, т. 99.) Только гвардейцам позволялось ездить верхом. Они делились на роты из двадцати человек. Каждая рота разбивалась на пары (быть может, тех, что спали под одним плащом) и подчинялась своему командиру. Командиры назывались именами животных, такими, как Гончий Пес, Бык, Лис, Медведь. (В Книге перечислено двадцать семь таких имен.) Вместе командиры гвардии назывались Братьями, а рядовые – Сестрами (но только между собой). Эти наименования, как убедительно доказывает д-р Темпл, скорее всего и привели к ошибочному мнению, что в армии служили и женщины.

Второй вид вооруженных сил представляли провинциальные войска, подчинявшиеся губернатору, назначаемому королем. Эти войска назывались Людьями Королевы, возможно, в честь совсем недавно изжитой матриархальной системы, хотя командовала ими не королева, а губернатор провинции. Позволительно предположить, что это были опасные силы, представлявшие благодатную почву для мятежей. Не раз в период раннего Гарунийского правления, судя по Книге и фольклорным источникам, губернаторы (или лорды) восставали против короля, опираясь на Людей Коро-

левы. (См. Кован, «Восстание Калласа», Журнал Островов, сер. История, IV, 17.)

Третьим видом вооруженных сил были наемники, небольшая, но значительная составная часть. Боясь вооружать завоеванное население Островов, Г'аруны отказывались от массового набора в армию и прибегали к помощи наемных солдат с Континента. Эти солдаты удачи часто наживали себе огромные состояния, сражаясь на стороне короля, приобретали земли и заводили семьи. Родовые имена таких семей давали понять, что их родоначальником был наемник. В КС приводится несколько таких имен: Д'Уан, Х'Улан, М'Уроу – начальная буква обозначает роту, в которой служил наемник.

ПОВЕСТЬ

Дженна первой очнулась от чуткого сна и поняла, что это луна разбудила ее. Через пару дней полнолуние, и луна светила в ясном ночном небе, как маяк. Дуплистое дерево стояло на краю поляны, и ее заливал яркий свет. Что-то маленькое и темное шмыгнуло мимо дерева, увидело, что Дженна шевельнулась, и припустилось прочь.

Желудок настойчиво напомнил о себе. Последние дни они питались только грибами да орехами. Но о костре и горячей пище мечтать не приходилось – даже факел, и тот нельзя зажечь. Придется им поголодать еще немного, пока не дойдут до хейма.

Дженна тронула Пинту за плечо, и та сразу проснулась.

– Тихо. Пошли со мной, – шепнула Дженна.

Пинта осторожно, чтобы не разбудить Карума, выпростала из-под него ноги и вслед за Дженной вылезла на поляну.

– Мы что, оставим его тут? – спросила она.

– А ты как думаешь?

– Да я так просто.

– Пока он спит, мы поищем какую-нибудь еду.

– А ты знаешь, что у меня полон карман орехов?

– Нет.

– Это я тоже просто так, – прыснула Пинта.

– От голода ты делаешься смешливой.

– А ты – мрачной. Из-за одного этого надо скорей искать съестное.

Они разделились – Пинта двинулась к северу, в лес, а Дженна по краю поляны.

Пинта выдернула пять съедобных корешков – круглые луковки были острые на вкус, но приятные. Она сгрызла одну, продолжая искать. На чертополох она наткнулась обычным манером – задом – и тут же вспомнила стишок Катроны:

Коль стебель весь колючий,
а на маковке – пушок.
Значит, ешьте без опаски
сочный, свежий корешок

Это значило, что молодые нежные корни особенно вкусны. Пинта, стараясь не уколоться, выкопала корень и откусила кусочек. По вкусу он напоминал сельдерей.

Дженна тем временем нашла птичьи гнезда – все пустые, кроме одного. В этом лежали три яйца, и Дженна забрала их, уповая на то, что птенцы в них еще не развились. Пригоршня орехов, еще в зеленых обертках, дополнила ее долю добычи.

Девочки сошлись у дерева и разбудили Карума – он заворчал было, но мигом перестал, услышав о еде. Яйца, к счастью, оказались без зародышей. Показав Каруму, как проколоть скорлупу ножом, девочки взяли и себе по яйцу и жадно выпили содержимое. Карум, поколебавшись только миг, сделал то же самое.

– Вот никогда не думал, что это так вкусно, – сказал он. –

Отроду ничего лучше не едал.

Дженна улыбнулась, а Пинта сказала:

– В хейме говорят: «Голод – лучшая приправа». Но раньше я этого не понимала.

– Я тоже – а теперь понимаю, – засмеялся Карум. Он пожевал корень чертополоха и сказал задумчиво: – При луне вы точно сестры – светлая и темная.

Дженна захлопала в ладоши.

– Мы и есть сестры. Знаешь ли ты, что Пинту в хейме зовут «тенью», потому что...

– Пора идти, – прервала ее Пинта, высыпав свою долю орехов на траву. – Пока ты еще не выдала все наши тайны, Джо-ан-энна. – И Пинта сердито полезла в дупло за котомкой и мечом.

– Она устала, проголодалась, и... – начала Дженна.

– Она ревнует, – сказал Карум.

– Ревнует? К кому?

– К тебе. Ко мне. К нам обоим.

– К нам? – Дженна помолчала чуть-чуть, потом произнесла очень медленно: – Никаких «нас» нет. – И встала.

Карум хотел взять ее за руку, но она как будто не заметила этого, и он тоже встал.

– Дженна, я думал... Я чувствовал...

– Есть только женщина Альты и мужчина, воззавший к ней о защите. Больше ничего. – И Дженна отвернулась к

Пинте, которая молча ждала их у дерева.

Все так же молча, они шли по ночному лесу, с Пинтой во главе. На открытых местах они отбрасывали длинные тени, которые соприкасались друг с другом так, как не смели они. Лес, словно в насмешку над их молчанием, наполнился звуками. Таинственно шуршали листья, мелкие зверьки шмыгали в подлеске, с низко нависшей ветки неумолчно кричала ночная птица, и шелестели по земле ноги путников.

Несколько часов они прошли в полном безмолвии, обураваемые каждый своими чувствами. Дженна несколько раз порывалась сказать что-нибудь Пинте или Каруму – и понимала, что не может, что все сказанное ею будет неверным. И она продолжала идти, опустив голову, почти не замечая окружающего – пока ее не остановила переливчатая птичья трель.

Карум, продолжавший шагать как ни в чем не бывало, наткнулся на нее. Они отскочили в стороны, и Дженна повалилась на Пинту, обернувшуюся к ней.

Пинта подхватила ее, шепча:

– Для дрозда слишком рано. Солнце еще не согрело лес, да и света нет, кроме лунного.

Дженна кивнула, сделав Каруму знак молчать. Настойчивая трель прозвучала снова.

– Наши или чужие? – шепнула Пинта прямо в ухо Дженне. Та вместо ответа поднесла руку ко рту и испустила свой залихватый свист. – Славно у тебя получается! – одобрила

Пинта.

Позади них возникла тень и прошипела:

– Тише. Повернитесь медленно, чтобы я могла узнать вас.

Дженна с Пинтой подчинились, подняв руки и сложив пальцы в знак Богини, но Карум не шелохнулся.

Тень со смехом вышла на лунный свет и превратилась в высокую молодую женщину с бурым шрамом на правой щеке. Волосы ее были острижены высоким гребнем, и она носила кожаную одежду воительницы. Сняв стрелу с лука, женщина плавным движением вернула ее в колчан за спиной и стукнула себя кулаком в грудь:

– Я Армина, дочь Калиллы.

– А я ее темная сестра Дармина.

Карум оглянулся и увидел вторую женщину, почти двойника первой, с высоким гребнем черных волос и темным шрамом на левой щеке.

– Вы две, как я понимаю, странницы, – сказала Армина. – Но что это за пугало вы таскаете за собой? Мальчик не мальчик, мужчина не мужчина. Красавчик весь из себя.

– Для пугала неплох, – засмеялась Дармина.

– С ним, должно быть, недурно в темноте, – сказала Армина.

– Или когда у кровати горит свечка, – добавила темная сестра.

– Если он вам в тягость, мы могли бы... – Армина не договорила, но ее улыбка была красноречивее слов.

– В тягость, – тут же выпалила Пинта.

– Но мы взяли это бремя на себя по доброй воле, – быстро добавила Дженна.

Армина и Дармина кивнули. Пинта ударила себя в грудь, подражая Армине:

– Я Марга, именуемая также Пинтой, дочь Амальды.

– Я Джо-ан-энна, именуемая Дженной. Дочь... – Дженна запнулась и договорила: – Дочь женщины, убитой дикой кошкой, дочь Сельны.

– И Амальды тоже, – присовокупила Пинта.

– А это Карум, – кивнула на мальчика Дженна.

Армина и Дармина обошли вокруг него несколько раз, прищелкивая языками.

– Вблизи он еще лучше, сестра, – сказала Дармина.

– В хейме найдутся такие, что любят телков. Но, увы, его туда не пустят. Слишком мало времени до Выбора.

– А жаль.

– Жаль, мой красавчик, – согласилась Армина.

Дженна втиснулась между ними.

– Оставьте его в покое. Он воззвал к нам о защите.

– Да ведь они только шутят, Дженна, – засмеялся Карум. – Пускай. Никто еще не восхищался моим телом – разве что умом.

– О защите? – покачала головой Дармина.

– Вы ведь еще не принимали обетов – верно? – заметила Армина.

Пинта кивнула.

– Ну, тогда это просто детские игры. Но если хотите оставить его себе...

– Да, мы еще не приносили своих обетов, – с каменным лицом заявила Дженна, – но у нас в Селденском хейме воззвания к Альте не оставляют без ответа. Мы уже убили человека, защищая его.

– Человека Короля, – внезапно добавил Карум.

– Вы уверены? – Армина взъерошила свой гребень.

– Человека Короля? – эхом повторила Дармина.

– Если Карум так говорит, то так и есть, – подтвердила Дженна. – Он человек ученый и лгать не станет.

– Думаешь, ученые не лгут, сестричка? – усомнилась Дармина.

Армина хмыкнула.

– Солгать можно как словами, так и умолчанием. Расскажи-ка нам об этом человеке, мальчик.

Карум расправил плечи и сказал, не отводя глаз:

– Он носил шлем и ездил на сером в яблоках коне. При нем был меч и два кинжала: у седла и у колена. Довольно с вас?

Армина взглянула на Пинту:

– Это правда?

Та кивнула.

– А какой у него был шлем?

– С рогами, – сказала Пинта.

– С рогами? – удивилась Армина. – Не знаю ни одного гвардейцу, который носил бы рогатый шлем.

– Издали это и правда похоже на рога, – вмешалась Дженна, – но я держала шлем в руках и видела, что это не рога, а стоящие торчком уши, большие, как у гончей. А впереди была морда с ощеренными клыками.

– Гончий Пес! – хором воскликнули сестры.

– Он тоже так говорит. – Пинта мотнула головой на Карума.

– Вы убили Гончего Пса! – вполголоса проговорила Дармина.

– Да, Пинта и я, – кивнула Дженна. – Это было не слишком... приятно.

– Охотно верю, – сказала Армина и пожевала губами, так что шрам на щеке зашевелился. – Ну-ну, юные странницы. Хорошую же новость вы нам принесли. Надо немедленно возвращаться в хейм.

Дармина положила ладонь на руку сестры.

– А как же Выбор? Сможет ли мальчишка войти?

– Мы проведем его прямо к Матери Альте. Она будет знать, как поступить. – Сжав руку сестры, Армина сказала Дженне: – Хотела бы я знать, юная странница, какое зло ты приносишь к нашему порогу. И не усугубляем ли мы это зло, приводя вас в хейм. Пошли.

И Армина зашагала через лес, а Дармина, видимая только, когда луна светила сквозь листья, – за ней. Пинта устреми-

лась за ними. Дженна шла последней, ведя Карума за руку.

* * *

Когда они дошли до хейма, уже совсем рассвело и из провозятых осталась только Армина. Лес кончился, и перед ними открылась широкая поляна, обсаженная вишенником и ровными рядами различных трав. Широкая дорога вела к воротам, но она была пуста и пыль на ней лежала нетронутая.

У ворот Армина назвала секретное слово на древнем языке. Створки медленно распахнулись, но Дженна еще успела рассмотреть резьбу на них.

– А ведь на гобелене нашей Матери Альты выткано то же самое, – шепнула ей Пинта. – Смотри – вот игра в прутья, а вот Альта собирает детей, а вот...

Но тут им велели войти, и большие ворота замкнулись за ними. Они оказались в обширном пустынном дворе. Только одна сестра спешила через него с полной корзиной хлебов. Направо Дженна заметила краем глаза другой двор, поменьше, где три девочки ее возраста стояли в ряд с луками наготове. Слышалось тихое «пак-пак» стрел, попадающих в невидимую мишень, но Армина уже скрылась под аркой налево, и Пинта впихнула Дженну в ту же дверь. Карум последовал за ними.

Они шли за Арминой через путаницу ходов и комнат, которых было вчетверо больше, чем в Селденском хейме, и

им пришлось подняться по лестнице на целых два пролета. Дженна и Пинта, выросшие в одноэтажном доме, обменивались восхищенными взглядами, но Каруму это, как видно, было не в диковинку.

– Ишь ты, принц из замка, – пробурчала Пинта ему в спину, как будто это было ругательство.

Дженна все еще дивилась величию этого хейма, когда Армина внезапно остановилась перед какой-то дверью. Дверь была покрыта еще более густой резьбой, чем ворота, только вместо фигур на ней были знаки: яблоко, ложка, нож, игла, нить...

– Духовный Глаз! – сказала Дженна. – Смотри, Пинта, – все это предметы из Игры.

Пинта обвела пальцем изображение ножа.

– Войдемте, – сказала Армина, качнув своим хохолком. – Надо поговорить с Матерью.

Дженна глубоко вдохнула несколько раз, сменив паучье дыхание, с которым поднималась по лестнице, на более мерное латани. Это успокоило ее, и она заметила, что Пинта дышит с ней и лад.

– Боятесь? – улыбнулась Армина. – Нашей-то Матери? – Она толкнула дверь, вошла в темную комнату и так быстро припала на одно колено, что Карум налетел на нее. Девочки, все так же глубоко дыша, вошли неспешно и преклонили колени рядом с Арминой.

Дженна вглядывалась в тускло освещенную комнату.

Между двумя занавешенными оконными щелями стоял большой стул, и на нем что-то шевелилось.

– Мать, прости мне это вторжение, но я привела троих, чье присутствие может быть опасно для нас. Решай сама.

За этим последовало долгое молчание. Карум проглотил слюну, Пинта переступила с ноги на ногу. Фигура на стуле вздохнула.

– Зажги лампы, дитя мое. Я задремала. Твои сестры всегда гасят их, когда я сплю, – точно мне не все равно, день теперь или ночь. Я нюхом чувствую, что лампы потушены – и когда они горят, то тихонько шипят.

Армина зажгла лампы факелом, захваченным из сеней, и раздвинула занавески на окнах. На стуле стала видна темная фигурка, маленькая, как ребенок, но это была старушка. Дженна никогда еще не видела таких старых – личико коричневое и сморщенное, словно орех, на голове редкие белые волосы. Слепые глаза, серые и матовые, напоминали влажный мрамор.

– Ты прощаешь меня, Мать? – без особого трепета спросила Армина.

– Плутовка ты, Армина, – знаешь ведь, что я всегда прощаю и тебя, и твою темную сестру. Иди сюда, дай потрогать твою глупую голову.

Армина опустилась перед жрицей на колени, приподняв лицо.

– Вот я, Мать.

Пальцы жрицы, точно ветерок, облетели лицо Армины, потрогали шрам, коснулись стриженных волос.

– Кого ты мне привела? И в чем опасность?

– Двух девочек-странниц, Мать, и мальчика, который воззвал к ним о защите.

– Из какого вы хейма, девочки? – спросила старушка.

– Из Селденского, о Мать, – опередив Дженну, ответила Пинта.

– А, это тот маленький хейм в Пограничных Предгорьях. Сколько вас там? – Она смотрела так, как будто могла видеть.

– Сорок светлых сестер, о Мать, – сказала Дженна.

– И сорок темных, надо полагать, – усмехнулась Армина.

– Тридцать девять, – вклинилась Пинта, радуясь, что поймала Армину. – Наша лекарка Одиночка.

– Еще пять девочек и четыре странницы, – закончила Дженна.

– А нас четыреста, светлых и темных, – сказала Армина. – И много-много детей. Странниц тоже много, хотя вряд ли они навестят столь маленький хейм, как ваш.

– Мы видели странниц всего два или три раза, – призналась Дженна. – Но о странствиях мы знаем все. Мы знаем, что...

– Девочки! – прервала их Мать Альта, вскинув руки, до того скрытые в широких рукавах ее платья, и Дженна увидела, что у нее на каждой руке шесть пальцев – шестой торчал сбоку. Дженна глаз не могла оторвать от этих рук – ей

казалось, что они ткнут в воздухе колдовские узоры. – Армина, ты из них самая старшая – ведь твой год странствий истек пять лет назад. Будь же моими глазами. Если опасность есть, мы должны принять меры заранее. – Руки жрицы снова скрылись в рукавах.

Армина, получив выговор, на миг помрачнела, но озорная улыбка тут же вернулась на ее лицо.

– Та, что говорит потише, Мать, очень высокая. Она почти с меня ростом.

– Выше – ты ведь носишь гребешок, – сказала Пинта.

– Значит, сейчас говорит та, что пониже? – спросила жрица.

– Да, Мать, эта гораздо меньше, чего не скажешь о ее языке. Она худенькая и темная, как женщины Нижних Долин. Мальчик довольно хорош собой – и не мужлан, сразу видно. Они говорят, что он шибко ученый и что он в опасности, хотя какая опасность может грозить школяру, одной Альте ведомо. Не те книжки читал, что ли? Но сам по себе он опасен для нашего хейма. Девочки, защищая его, убили Гончего Пса.

Старушка вскинула голову, и ее руки снова выскочили из рукавов.

– Гончего Пса? Вы уверены?

– Мы... – начала Дженна, но Карум тронул ее за руку и твердым голосом сказал:

– Мать Альта, я полностью в этом уверен, ибо хорошо

знал Гончего Пса.

– Да ну? – проворчала Армина.

– Откуда ты его знал? – спросила Мать Альта.

– Я... – Карум замялся, метнув взгляд на Дженну. – Он искал меня, потому что я... – Карум набрал в грудь воздуха и выпалил: – Я Карум Длинный Лук, младший сын короля.

Дженна широко раскрыла глаза, а Пинта толкнула ее локтем. Дженна отодвинулась, не сводя глаз с Карума.

– Вот оно что! – сказала Армина.

– Гончий Пес исполнял приказ своего злого хозяина, – добавил Карум.

– Приказ Каласа, – кивнула Мать Альта.

– Так ты знаешь! – Карум сложил руки перед собой. – Мать, *ich crie merci!*

– Вижу, юный Карум, что и школяры знают не все. Ты уже воззвал к одной альтианке – этого довольно. Они убили Пса, который охотился за тобой, – чего же тебе еще?

– Девочки еще не приняли своих священных обетов, Мать, – напомнила Армина. – А для того чтобы дать обещание сыну короля....

– Мы не знали, что он сын короля, – резко прервала Дженна.

– А если бы и знали... – начала Пинта и не договорила, плохо представляя себе, что бы они сделали тогда.

Никто не упомянул о том, что Гончий Пес был убит потому, что первый напал на них.

– Что такое обет, дитя мое Армина, – сказала жрица, – как повторение устами того, в чем уже заручилось сердце? Два этих юных сердца не станут тверже через год, когда принесут обеты, а их уста – правдивее. Карум Длинный Лук воззвал к ним о помощи как их ближний, не как чей-то сын. И они убили ради него, потому что взялись его защищать. А что же вяжет крепче, чем кровь? И что может быть священнее этих уз? Богиня улыбается. – Армина молча потупилась. – Полно, бесенок, не дуйся. Я же слышу, как ты сопишь. Принеси нам еды, чтобы мы могли посидеть и посплетничать о разных хеймах. Вместе с тобой, Армина, дитя моей дочери.

– Но ведь угроза остается, Мать, – сказала Армина.

– Думаешь, люди Каласа будут искать мальчика здесь? Мы оденем этого петушка в куриные перышки, и если он такой хорошенький, как ты говоришь, и у него еще не растет борода...

– Не растет, Мать, – заверил Карум и вспыхнул – это походило на похвальбу.

Все дружно рассмеялись, и Карум тоже.

– Принеси же еды, Армина. Да прихвати сладкого вина и закусок. Но смотри: никому ни слова о наших гостях. Скажи только, что пришли странницы. Я не хочу пускать этого телка к телочкам в его теперешнем виде. Хочу выяснить все, что возможно, без лишних хлопот от досужей болтовни. Если и есть у нас в хейме плохое, так это то, что мы ничего не

можем удержать в секрете.

– Я ничего не скажу, Мать, – пообещала Армина, – а по-
есть сейчас принесу. Пирог с ревенем, твой любимый. – И
она вышла, насвистывая.

Мать Альта вздохнула.

– Если она сдержит свое обещание, то это будет в первый
раз. – Снова вынув руки из рукавов, она призывно взмахну-
ла ими. – Идите-ка, детки, поближе к моим старым ушам.
Расскажите, как вы встретились и что случилось потом.

Стряпухи принесли блюда, украшенные красными и зо-
лотистыми цветами, и составили их перед дверью. Пинта с
Дженной помогли Армине внести их и принялись уплетать
за обе щеки, почти не замечая украшений. А собственное
повествование так увлекло их, что сладкие хлебцы, пряное
кроличье жаркое и зеленый салат с молодыми луковками не
получили похвал. Жрица ела тихо и опрятно, почти не ше-
велилась.

Неожиданно для себя девочки выложили ей все – даже о
непослушании Пинты, даже об отвращении Дженны к убий-
ству, даже об их тревоге, когда Карум ушел в лес облегчить-
ся.

Когда Пинта в третий раз стала каяться в том, что бросила
Селинду и Альну, Мать Альта нетерпеливо вздохнула.

– Полно каяться, дитя. Ты уже не раз повторяла мне, что
ты тень Джо-ан-энны и что тень должна следовать за светом.

– Да, верно.

– Милое дитя, – Мать Альта подалась вперед, – преданность ценится высоко, но не зря Великая Альта говорит нам: «Глупая преданность – худшее из зол». Я тебя понимаю, но это не значит, что ты искупила свою вину. Мы не знаем еще, чего будет стоить твоя преданность.

– Она правда так сказала? – впервые за долгое время ввязался в разговор Карум. – То есть Великая Альта. Она правде сказала это? Или это только написано так?

– Если она даже не произносила этих слов сама, это хорошо сказано. – Мать Альта лукаво улыбнулась чему-то своему. – И записано черным по белому в Книге Света, глава тридцать седьмая, стих семнадцатый. – Жрица приподняла левую руку и пошевелила всеми пальцами, кроме шестого. – Вот этой, совсем не божественной, рукой.

– Обычной эту руку, во всяком случае, не назовешь, – сказал Карум.

– Обычная, необычная, – задумчиво произнесла Мать Альта, и в ее мраморных глазах появился блеск. – Разве вы все не чувствуете, что мы стоим сейчас на повороте, в месте, где обычное становится необычным. Я знаю, как это бывает. В этой комнате свет – великий свет.

– Но ведь ты же слепа, Мать, – возразила Пинта. – Как ты можешь видеть свет?

– Я не вижу – я чувствую.

– Как будто в лесу перед грозой? – спросила Дженна.

– Да, дитя, да. Ты верно сказала. Ты тоже чувствуешь это?

– Да. Хотя нет. Я не знаю.

– Ну, ничего. Вот оно и прошло, это чувство. Оно гаснет... пропадает... – Жрица склонила голову на грудь и уснула.

– Пойдемте, – сказала Армина, вставая, – ей нужно отдохнуть.

– Не больна ли она? – спросил Карум.

– Она стара, стара как мир, Длинный Лук, – и порой бывает не совсем в здравом разуме. Но сегодня она прямо-таки преобразилась. Гости ей всегда на пользу, а вы трое просто чудо сотворили. Давно уж я не видела ее такой оживленной. – Армина принялась составлять посуду на поднос. – Я знаю – она еще захочет поговорить с вами.

Они вынесли посуду, стараясь ступать как можно тише – но казалось, старушку ничто не может потревожить. Она сидела, закрыв глаза и приоткрыв рот, и спала крепким сном.

Когда они закрыли за собой дверь и составили подносы у стены, Дженна сказала:

– Не лучше ли перенести ее на кровать? Как бы она не упала со стула.

Армина отрицательно качнула своим гребешком.

– Не упадет. Она привязана.

– Привязана? Как это так? – опешила Пинта.

– Она сама так велела, – пояснила Армина. – Ведь если она упадет, то не сможет встать – ноги у нее не ходят.

Они прошли в комнату Армины по темной лестнице, ни-

кого не встретив на пути. Комната была уютная, просторная, с узким окошком, в которое лились лучи полуденного солнца. Почти все место занимала большая, порядком измятая кровать изголовьем к окну. С одной стороны от нее стоял дубовый платяной шкаф, с другой – стол с лампой. На полу лежала стопками разная одежда.

Армина извлекла из одной стопки пару мешковатых коричневых штанов, из другой – красную рубашку, понюхала ее и выкопала из третьей кучки просторную голубую рубашку и голубой шарф.

– Ну вот, это сгодится. Надевай.

– Где, здесь? – огляделся Карум. – У всех на виду?

– Надевай поверх своего. Я заберу одежду назад, когда ты уйдешь, – не бегать же тебе нагишом по коридорам. – Армина рассмеялась. – Хотя это мысль.

Карум натянул штаны, рубашку и беспомощно устоялся на шарфе. Армина ловко повязала им его голову. Голубое сделало его глаза еще ярче.

– Ну вот, – сказала она, отступив на шаг и любуясь своей работой. – Никто в жизни не догадается, что ты принц. – Армина взглянула на Дженну и Пинту, наблюдавших за ними с кровати. – И что он мужчина – тоже, с его-то глазами и ресницами.

– Ну, хватит! – Карум сорвал шарф с головы. – Довольно и того, что мне пришлось надеть эти тряпки – незачем насмехаться надо мной.

– Смех, милый мальчик, в этом хейме почитается даром Богини. Женщины, как известно, умеют смеяться над собой, а вот мужчины...

– Первое, чему учат в школе, – сказал Карум, – это остерегаться всего, что начинается со слов «как известно».

– А последнее, чему вас учат, – это понимать шутку, – ввернула Пинта.

– Довольно. Уймитесь, вы все, – сказала Дженна. – «Злой язык и жену делает злой». Эта мудрость происходит из Нижних Долин.

– Из Верхних, – поправил Карум.

– Если вы полагаете, что у меня злой язык, погодите до темноты. Дармина орудует им вдвое проворнее меня. – Армина умолкла, словно сообразив что-то, и вдруг залилась смехом. – Ой, не могу. Он у нее вдвое проворнее! – с трудом выговорила она, подмигнув Дженне и Пинте, но девочки только смотрели на нее во все глаза, ничего не понимая. Карум сощурил глаза и вскинул голову.

– Я не против вольной шутки в устах женщины, но...

– Волосы Альты! – Армина запустила пальцы в собственные волосы. – Он еще и скромник к тому же. То-то мы повеселимся.

– Но эти шутки, как и божба, могли хотя бы быть поновее, – закончил Карум. – Дженна, Пинта, пойдете отсюда.

– Куда это? – осведомилась Пинта.

Дженна встала и стащила с кровати ее.

– Карум прав. Пойдем к Матери Альте и скажем ей, что Карума нужно отправить в убежище. Гостеприимство вещь хорошая, но безопасность важнее.

– Он и здесь в безопасности, – заявила Армина.

– Он? А ваш хейм?

– В конце концов, это мы за него отвечаем, – выпятила подбородок Пинта. – Он к нам обратился за помощью. Пошли. Только возьмем какой-нибудь еды на дорогу, – ухмыльнулась она. – Пирог с ревенем был отменный.

– Не думала, что вы это заметили, – пожала плечами Армина. – Ладно, я провожу вас назад к Матери Альте. Сами вы нипочем не найдете дорогу.

– Ты говоришь с людьми, которые прошли через Море Колокольчиков в тумане, – заметила Пинта.

– Это детская игра по сравнению с устройством нашего хейма. Говорят, лет двадцать назад тут заблудилась одна юная странница из Калласфорда – и ее так и не нашли.

– Ты бываешь когда-нибудь серьезной или нет? – спросил Карум.

– А зачем? «Смейся больше – проживешь дольше», – так говорят здешние горцы. Но вот что, Длинный Лук, повяжи-ка снова шарф перед тем, как выйти. Это придаст тебе подобающий вид. И потом, – снова прыснула Армина, – он так идет к твоим глазам. – Она хохотала так беззлобно, что остальные невольно присоединились к ней – сперва Пинта, потом Дженна, а потом и Карум.

Они вышли и двинулись по извилистым коридорам, дружески кивая женщинам, которых встречали. Армина провела их через широкую лестницу и множество комнат, прежде чем остановиться снова перед резной дверью жрицы. Подносы с посудой, оставленные ими, уже забрали.

– Ну что, нашли бы дорогу без меня? – спросила Армина.

– Ты вела нас другой дорогой, – заметила Дженна. – Старую мы бы нашли.

– Ясное дело, – поддержала Пинта.

– Или потерялись бы, и нас бы не нашли никогда, – загробным шепотом в подражание Армине завершил Карум.

– Ну вот, – расплылась в улыбке она, – теперь Длинный Лук дольше проживет! – И уже серьезно добавила: – Но помните, вы должны сидеть тихо, пока она не проснется сама. Она сущее наказание, если разбудить ее раньше времени, – уж я-то знаю!

Но старая жрица уже не спала, когда они вошли, – две пожилые женщины суетились около нее, оправляя ей платье и расчесывая волосы, не без некоторого сопротивления с ее стороны.

– Оставьте меня, – приказала она, властно махнув рукой и показав голубой жреческий знак на ладони. – Я поговорю с этими тремя странницами наедине. Армина, посторожи у двери. Я не хочу, чтобы нас беспокоили. – Все три женщины тут же повиновались.

Когда резная дверь закрылась за ними, Мать Альта снова

спрятала руки в темных рукавах и сказала так же мягко, как в прошлый раз:

– Садитесь, детки. Нам нужно поговорить. Я много думала над вашими невзгодами.

– Так ведь ты же спала, Мать, – сказала Пинта.

– А разве не сказано: «Сон распутывает все узелки»? Только не спрашивай, где это сказано, молодой Карум. Я забыла. Но что верно, то верно – мне лучше всего думается, когда позади моих незрячих глаз загораются краски. Все для меня становится яснее, как страннику на чужбине яснее представляется родной дом.

Все трое сели у ее ног.

– Подышим, считая до ста, – сказала Мать Альта, – а ты, Длинный Лук, следуй за нами, как можешь. Это старое альтианское упражнение – оно успокаивает ум и обостряет чувства, подготавливая нас для новой работы. Богиня улыбается, когда мы это делаем.

Как только они начали дышать, Дженна ощутила странную легкость, точно ее истинная суть освободилась из тела и воспарила над ним. Счет дошел до двадцати, до тридцати, и Дженна кружила по комнате жрицы, не двигаясь с места, разглядывая то, чего не заметила раньше: кровать с двумя подушками, большой платяной шкаф, украшенный знаками Богини, Книгу Света на подставке, с выпуклыми буквами, бросающими странные тени в меркнувшем свете дня, и зеркало, покрытое красновато-коричневой тканью цвета засохшей

крови. Считающие внизу дошли до семидесяти и восьмидесяти, и прозрачные пальцы Дженны вдруг проникли каждому в голову, туда, где под кожей и черепом бился пульс. При этом прикосновении – которого, видимо, не заметил никто, кроме нее – Дженна поочередно оказалась в каждом из присутствующих. Мать Альта была холодна, как колодец, и столь же темна. Армина вся сверкала и потрескивала, словно угли костра. Пинта, как вихрь, веяла то зноем, то холодом, меняясь постоянно. Карум... Она погружалась в него все глубже, минуя пазухи покоя и тревоги и ярого чуждого жара, угрожавшего ее поглотить. Она вырвалась, убежала и опять оказалась в воздухе, перед собственным шевелящим губами лицом. Это было самое странное – следить за ничего не ведающей собой, словно из зеркала...

Счет закончился, и Дженна открыла глаза, почти удивившись тому, что она снова здесь, в своем теле.

– Мать, – сказала она охрипшим, чуть слышным голосом, – со мной сейчас случилось странное. Я освободилась от тела и стала летать по комнате, ища что-то или кого-то.

– Ах, Джо-ан-энна, – медленно проговорила Мать Альта, – это пробуждение женственности, начало истинного двуединства – хотя ты слишком молода для этого, раз только что отправилась странствовать. Такое просветление случается в Сестринскую Ночь, когда душа после недолгих мечтаний находит зеркало и погружается в образ, ожидающий там. Свет призывает тень, и две половинки одного существа соединя-

ются. Нашла ли ты зеркало, дитя?

– Оно... – Дженна оглядела комнату и увидела, что зеркало в самом деле завешено тканью. – Оно закрыто.

– Да, это странно, дитя мое, – странно, что это случилось с тобой в столь юном возрасте, при свете дня и при завешенном зеркале. – Жрица снова уронила подбородок на грудь и как будто задремала.

Армина встала и тихо вышла за дверь.

– Как это было, Дженна? – прошептала Пинта. – Ты испугалась? Или тебе было приятно?

Дженна хотела ответить, но Карум тронул ее за руку.

– Мать просыпается.

Жрица открыла свои матовые глаза.

– Я не сплю – но видения посещают меня.

– Армина сказала, – зашептала Пинта на ухо Дженне, – что иногда она бывает не в себе. Может, и сейчас тоже?

– Тише! – прошипела Дженна.

– Сейчас я мыслю ясно, как никогда, милая Пинта, – сказала старушка. – Помни, дитя: тот, кто лишен зрения, обладает необычайно острым слухом – так заведено в природе.

– Прости меня, Мать, – потупила голову Пинта. – Я не хотела...

Мать Альта, вынув руку из рукава, отмахнулась от ее извинений.

– Мы все должны подумать о том, что свело нас вместе.

– Мы вернулись сказать тебе, что Карума нужно увести

отсюда. – сказала Пинта.

– Боюсь, что я опасен для вашего хейма. Мы видели всадников... – сказал Карум.

– Этого мало, чтобы сложить головоломку, – сказала Мать Альта. – В Игре чего-то не хватает – никак не могу вспомнить чего. – И она забормотала: – Светлая сестра, темная сестраа, игла, ложка, нож, нитка...

Пинта пихнула Дженну локтем. Старушка вскинула голову.

– Поди ко мне, Пинта, и расскажи мне о себе. Не о том, что ты сделала, – это я уже знаю. Расскажи, кто ты.

Пинта нехотя, подталкиваемая Дженной, подошла к жрице и опустилась на колени так, чтобы шестипалые руки могли коснуться ее головы.

– Я Марга, именуемая Пинтой, дочь воительницы Амальды, чью темную сестру зовут Саммор. Я выбрала путь воительницы и охотницы. Я... – Пальцы жрицы коснулись ее лица, и Пинта хихикнула.

– Хорошо, дитя, хорошо. Пальцы – это мои глаза. Они говорит мне, что у тебя, Марга, именуемая Пинтой, темные кудрявые волосы и быстрая улыбка.

– Почему ты знаешь, что темные? Ведь цветов твои глаза не различают.

– По их жесткости. Темные волосы всегда жестче светлых. Светлые обычно тонкие, а рыжие часто путаются.

– Понятно.

– Кроме того, – улыбнулась жрица, – Армина сказала мне, что ты темненькая, как женщина Нижних Долин. Может, я и стара, но память мне пока не изменяет. Когда я в здравом уме, конечно.

Пинта вспыхнула, и старушка рассмеялась.

– Ты смущена, дитя, или просто разочарована, что мое колдовство имеет столь нехитрое объяснение? – Пинта промолчала. – Ну хорошо. Продолжай.

– На правой коленке у меня шрам – я получила его, борясь с Дженной, когда нам было семь лет, перед самым Выбором. Глаза у меня тоже темные.

– Почти лиловые, – вставила Дженна.

– И...

– И у тебя есть еще шрамик – на подбородке. Снова бо-ролась с кем-то, Пинта?

– Это я упала в кухне, когда мы играли в прятки. Ужас, сколько крови было – или это мне тогда так казалось?

– Хорошо. Вот пока и все, что мне нужно знать о тебе. Дженна?

Дженна заняла место Пинты, и та успела шепнуть ей:

– Щекотно.

– Я щекотки не боюсь.

Карум откашлялся, но не сказал ничего. Пальцы жрицы легли на лицо Дженны.

– Говори, дитя.

– Я Джо-ан-энна, именуемая Дженной, дочь женщины,

убитой дикой кошкой, удочеренная Сельной, первойшей воительницей Селденского хейма, и ее темной сестрой Марджо. В честь сестры меня, кажется, и назвали.

– Тебе кажется, но, наверное, ты не знаешь?

– Они умерли, когда я была еще младенцем.

– Кто же тогда удочерил тебя в хейме, дитя трех матерей?

– Никто, – упавшим голосом призналась Дженна.

– Наша Мать Альта запретила брать ее в дочери. Позор для Селденского хейма, – вмешалась Пинта. – Моя мать Амальда с радостью взяла бы ее. Но что-то ужасное было связано со смертью приемной матери Дженны – столь ужасное, что никому не разрешалось говорить об этом. И...

– Довольно, Пинта, – прервала Дженна.

– Пусть говорит, – возразила Мать Альта, но Пинта прикусила губу и умолкла.

Жрица вновь возложила руки на голову Дженны. Правая рука сложилась в знак Богини, и шестой палец запутался у Дженны в волосах.

– Ты тоже темная, Джо-ан-энна? Твои волосы недостаточно тонки для белокурых, но Пинта называет тебя своей светлой сестрой.

– А я зову ее Белой Дженной, – сказал Карум. – Про себя, во всяком случае.

– Белая Дженна? – Жрица вдруг умолкла, словно прислушиваясь к песне, не слышной больше никому, и наконец проговорила тихо с расстановкой: – Твои... волосы... совсем...

белые?

– Да, Мать.

– Вот она, недостающая частица Игры, – торжествующе улыбнулась жрица. – Если бы не моя слепота, я поняла бы это сразу. – И старушка тихим, но звонким голосом запела всем известную песенку.

ПЕСНЯ

Пророчество

И будет дева, как снег, бела,
С десницей твердой, точно скала.
Склонятся ниц, испытав эту твердь.
Гончая, бык, кот и медведь.

ПОВЕСТЬ

Когда песня отзвучала и даже эхо ее умолкло, Дженна вскочила на ноги.

– Я не Белая Дева. Наша Мать Альта полагала, что это так, но я это отрицаю. Посмотрите на меня. Посмотрите! – с мольбой обратилась она к друзьям. – Разве я похожа на ту, о ком говорится в пророчестве?

Карум встал и усадил ее рядом с собой.

– Тише, Дженна, – сказал он, глядя ее руку. – Тише. Это только старушечьи бредни. Позволь мне разобраться с этим. – И он обратился к жрице: – Это Гарунийское пророчество, Мать, – белая дева, поклонение животных и все остальное. Но ни один истинный ученый не принимает его всерьез.

– Ах, мой юный Длинный Лук, – думаешь, ты единственный истинный ученый на Островах?

– Конечно же, я так не думаю, – покраснел Карум. – Просто я не ожидал найти здесь свою сподвижницу.

– В этом захолустье, хочешь ты сказать? Среди женщин-воинов? Но мы здесь не все воительницы, как бы я ни походила на таковую. – Старушка добродушно посмеялась. – Одни из нас стряпают, другие убирают, третьи должны управлять всем, как и в вашем мире. Есть среди нас, – она подалась вперед, – и самые что ни на есть истинные ученые. – Откинувшись назад, она продолжила: – Кто знает, Ка-

рум, кем я могла бы стать в твоём мире – я ведь дочь Гарунийского лорда. Да, это правда. Но взгляни на мои руки, посмотри мне в глаза, и ты прочтёшь мою судьбу. Меня завернули в шитые золотом пеленки и оставили в вереске через много лет после того, как беловласая Альта подбирала младенцев в горах. Но женщины хеймов в её честь продолжали собирать этот, отвергнутый другими, урожай. Меня доставили в этот хейм и воспитали из меня правительницу. Годы спустя, когда род моего отца угас, был послан гонец – он обошёл все хеймы, спрашивая, нет ли у них слепой девочки с шестью пальцами на каждой руке. Но моя приемная мать и сестры не отдали меня, да я и сама не пошла бы. Я принесла обет Альте и остаюсь ей верна. – Жрица помолчала, приложив палец к губам.

– Всем было ясно, что я необычное дитя и мне не суждено умереть просто так на склоне холма. Но никто не знал, что суждено мне вместо этого. Я выбрала путь познания и, в числе всего прочего, изучала и то, что касалось мира, где жил мой отец. Мне помогали уши, сильные, надёжные дочери разума. За эти годы с помощью ушей, Карум, я узнала столько, сколько тебе вовек не узнать с помощью глаз.

– Прости меня, Мать, я говорил, не подумав, – сказал Карум, ударив себя кулаком в грудь.

– Бездумие – привилегия юности. Но и познание тоже. Думай же, Карум Длинный Лук. Быть может, мы с тобой родня по крови, но по душе уж верно родня. Мы оба ищем связу-

ющие звенья между вещами. Ты видишь – я знаю Гарунийское пророчество.

– Это просто песенка, Мать. Никто в него не верит.

– Думаешь, я только эту песенку и знаю? – засмеялась жрица. – Нет, дитя: я знаю пророчество целиком. Я знаю, что дитя должно родиться в разгар зимы от девы – хотя мы здесь в хейме полагаем, что под «девой» подразумевается юная женщина, почти ребенок. Знаю, что у дитяти должны быть три матери, и все прочее. А знаешь ли ты столь же хорошо альтианское пророчество?

– Я его совсем не знаю. Почти все, что касается Альты, скрыто от посторонних.

– Мы того и хотели. Но скажу тебе вот что: наше пророчество – светлая сестра, а ваше – темная. Мы верим в то, что родится дитя, белое как снег... какого цвета твои глаза, Дженна?

– Черные, Мать, – но...

– Белое как снег, черное как ночь, красное как кровь.

– Но что же в ней красного? – спросил Карум.

– Разве я все знаю? Пророчества говорят языком загадок и снов. Часто под одними словами подразумеваются другие. Часто понимание приходит к нам лишь тогда, когда предсказанное уже совершилось. Возможно, красное – это кровь Гончегго Пса. Или первая кровь самой Дженны. Но у нас, как и у Гарунов, ясно говорится, что она станет владычицей и положит начало новому миру. Первейший долг Матери каж-

дого хейма – ждать и искать ее, белое дитя, Анну.

– Анна, – задумчиво повторил Карум. – Белое дитя, великая белая богиня.

Мать Альта кивнула.

– Не раз я думала, что я и есть Анна – ведь мои волосы полностью побелели за одну ночь, когда мне было восемнадцать.

И стоило посмотреть на меня, чтобы понять, что Альта отметила меня своей тяжелой дланью. Мы ждали долго, но ничего так и не случилось, и, наконец, сестры стали жалеть меня как жалкую, уродливую калеку. Но меня никогда не оставляла надежда, что я окажусь как-то причастна к пророчеству. Пусть я не Анна – я могу быть ее предтечей, ее провозвестницей, той, что воспевает ей хвалу. И вот Анна здесь.

– Нет, Мать. Это не я, – вскричала Дженна: – Никакое я не белое дитя – я просто Дженна из Селденского хейма. Когда я простужаюсь, у меня течет из носа. Когда в жарком попадают бобы, я пускаю ветры. Я не Анна – я обыкновенная девочка.

– Знаменья налицо, дитя мое, как бы тебе ни хотелось, чтобы было иначе. Правда, что и раньше встречались девочки с тремя матерями, а также беляночки с волосами, как снег, и глазами, как разбавленное вино. Но Гончий Пес склонился перед тобой. Нельзя забывать об этом.

– Он не склонился, он умер – с моим мечом в глотке и ножом Пинты в бедре.

– Можно ли склониться ниже?

– Напророчить можно что угодно. К примеру, что у боги-ни будут рыжие волосы и что коза и конь склонятся перед ней.

– Это верно, – проворчала Пинта.

Мать Альта засмеялась тихо и ласково.

– Пророчества следует читать вприщурку, дитя.

– Читай их сама. Я не стану.

Карум, все это время сидевший с отсутствующим видом, обратился к жрице:

– Мать Альта, в пророчестве также сказано, что белое дитя положит начало новому миру. В этом вся суть и заключается, правда? Но чтобы сделать это, сначала нужно... сначала нужно...

– Смелее, мальчик!

– Сначала нужно уничтожить старый, а я не могу представить себе, как Дженна это совершит,

– Ах, Длинный Лук, смотри на мир вприщурку... – И жрица вдруг уснула с улыбкой на лице, словно малый ребенок.

Трое друзей переглянулись и разом, не сговариваясь, вышли в темный коридор.

За дверью караулила Армина.

– Ну, что она сказала? Она все еще спит?

– Она расспрашивала нас о нашей жизни, а потом уснула. Но успела сказать, что меня... нужно проводить в убежище, – сказал Карум.

Дженна и Пинта промолчали, как будто в знак согласия. Озадаченная Армина с шумом выдохнула воздух и улыбнулась.

– Убежище? Хорошо. Но сначала нам всем надо поесть – путь предстоит долгий. Я снова отведу вас в мою комнату и принесу еду туда. Никто больше не должен знать о наших намерениях. Выйдем, когда стемнеет, чтобы Дармина могла меня сопровождать. Нынче последняя ночь перед полнолунием.

Все последовали за ней вниз по лестнице. Светильник на стене отбрасывал тени. В полном молчании, чувствуя себя заговорщиками, трое друзей вошли в комнату Армины и пристроились на краешке кровати. Армина улыбнулась им с порога.

– Я скоро вернусь и принесу поесть. – Она закрыла дверь, и вслед за этим раздался странный скрежещущий звук.

Дженна, бросившись к двери, попыталась открыть ее и с пораженным видом повернулась к остальным.

– Она нас заперла. Дверь не открывается. – Дженна за молотила в дверь, крича: – Армина, что ты делаешь? Открой сейчас же.

Армина ответила глухо из-за дубовых досок:

– Вы сказали мне неправду, сестрички. Мать не отправила бы вас куда-то в убежище, не сказав об этом мне. Я поговорю с ней, когда она проснется – а до тех пор сидите тихо. Чем не убежище? Ничего худого с вами тут не случится.

Дженна прислонилась спиной к двери.

– Ну и что же нам теперь делать?

Они не стали делать ничего. Дверь была неприступна, а в окошко могла пролезть одна только Пинта. Кроме того, до земли было слишком высоко, даже если связать вместе все простыни Армины и несколько пар ее штанов. Второй этаж на поверку оказался четвертым, ибо задняя стена хейма выходила на утес, стоящий над бурной рекой. Плавать девочки не умели.

Армина вернулась затемно, когда луна уже заглядывала в оконную щель. Они с темной сестрой приоткрыли дверь, загородив ее мечами, и ногами затолкали в комнату поднос с едой. – Мать все еще спит, – сказала Армина. – Увидитесь с ней утром. Разговор с вами ее утомил – так что ешьте досыта и отдыхайте.

– В кровати хватит места для двоих, – улыбнулась им Дармина, – да и для троих тоже, если на то пошло.

Армина взглянула на окно, где еще висели связанные вместе простыни.

– Вижу, вы времени даром не теряли, – засмеялась она. – Когда я была моложе, то вылезала вот так из окна и раскачивалась над рекой. Мы все это проделывали до того, как нас допустили к игре в прутья. Тогда мы, правда, жили внизу, где было не так высоко...

– Но была у нас одна девочка Мара, – подхватила Дармина, – дурочка с вечно влажными руками и слабым сердцем...

– Таким же, как ее подбородок. Она сорвалась и долго летела вниз с криком, пока вода не накрыла ее с головой.

– Она не умела плавать, – добавила Дармина, и сестры завершили хором:

– И тела ее так и не нашли.

– Еще одна страшная сказка? – спросил Карум.

– Пусть она послужит вам уроком. Кроме того, там часовые.

– Зачем все это, Армина? – спросила Пинта. – Почему ты не хочешь нас отпустить?

– Дважды за этот вечер к нашим воротам приходили Люди Короля и спрашивали о Длинном Луке. Они называли его по имени и перечисляли все его родимые пятна.

Карум покраснел.

– Дважды мы отсылали их прочь, говоря, что ничего не знаем, – продолжала Армина. – Они не только к нам являлись – те же вопросы они задают во всех селениях. Но Длинный Лук обратился за помощью к нам, и наш долг его защитить.

– Он обратился к нам! – возразила Дженна.

– Это значит, что мы все за него в ответе, – сказала Дармина. – Разве Мать Альта вам этого не сказала?

– Но ведь... ведь тебя не было в комнате, когда она говорила с нами, – произнес Карум, глядя то на Дармину, то на Армину. – Это ведь была ты, да? – спросил он Армину, и она улыбнулась. Дармина повторила ее улыбку и ответила:

– Ты разве не понял еще, ученый, что все, что знает моя светлая сестра, знаю и я?

Армина чуть-чуть опустила свой меч.

– Подождем, когда Мать проснется. Она скажет нам, что делать. Моя мать Калилла говорит, что у нас есть потайной ход – он ведет из комнаты жрицы и тянется вдоль реки. Но только Мать Альта знает, как туда попасть.

– Так разбуди же ее – ради нас, ради Альты и ради хейма, – вскричал Карум.

Обе сестры дружно качнули головами.

– Нельзя, – сказала Дармина. – Мать сильно утомлена. Если разбудить ее раньше времени, она будет в помрачении, и мы ничего не добьемся. До утра недолго ждать. – Она указала мечом на окно, мимо которого луна уже прошла. – Спите спокойно – завтра у нас будет много дел.

С этими словами сестры захлопнули дверь и задвинули тяжелый засов.

– Что делать будем? – спросила Пинта.

– А что нам остается? – ответил вопросом Карум.

– Давайте поедим, – сказала Дженна. – А думать потом будем.

Они уселись вокруг подноса и не спеша воздали должное горячему пирогу с голубями, яйцам в маринаде и розовому вину. Вскоре от ужина остались только обглоданные кости да служивший украшением левкой.

Пинта, деликатно рыгнув, улеглась на кровать. Дженна

устроилась рядом с ней. Карум, с тоской посмотрев, на свободное место около, лег на полу под окном и укрылся краем входившего в связку одеяла. С кровати слышалось ровное, слитное дыхание девочек. На полу было жестко, и чувствовался даже какой-то торчащий гвоздь. Карум уже приготовился к бессонной ночи, но тут неожиданно для себя уснул. Ему приснилась Дженна, привязанная к стулу, – ее длинные белые волосы закрывали лицо, и их как будто шевелил ветер с моря. Дженна что-то кричала ему, но вместо слов слышался тонкий, отчаянный детский плач.

Проснулись они не от утреннего солнца, а от голоса Армины.

– Мать Альта проснулась и спрашивает вас. Она все помнит. Пошли.

Они быстро поднялись, и девочки по очереди причесались гребенкой Армины. Та принесла им воды в кувшине и таз. Ароматическая вода веяла прохладой. Все это время Карум стоял к ним спиной, а потом велел им выйти.

– Долго же мужчины моются, – заметила Пинта.

– Может, им надо мыть больше, чем нам? – предположила Дженна.

– Вижу, ночь у вас и правда прошла спокойно, – засмеялась Армина.

– Мы спали, – сказала Дженна.

Карум, умытый и причесанный, вышел к ним и сказал:

– Чего бы я только не дал за настоящую ванну.

– Это можно устроить, – сказала Армина. – Днем или ночью?

– Мне все равно – лишь бы горячей воды было вдосталь.

– Все равно? – фыркнула Армина. – Экая невинность.

Пинта с Дженной захихикали, а Карум побагровел.

– Но у нас нет времени на купание... и на все прочее тоже.

Мать требует нас к себе. – Армина быстро провела их по задней лестнице.

Дверь у жрицы была открыта, и Мать Альта ждала их.

– Входите, входите скорее. Нам нужно поговорить о будущем Дженны.

– Почему не о моем, Мать? – спросила Пинта, садясь у ее ног. – Или не о будущем Карума?

Рука жрицы потянулась к ней, и Пинта отпрянула.

– Дитя, если Дженна та, кто я думаю, то ее будущее неотделимо от нашего. Она как быстрая река, которая несет нас своим течением. А тебе, милое дитя, нужно научиться думать, прежде чем говорить, и не высказывать вперед. Пусть твоя голова идет впереди сердца – иначе тебе вовсе никакого будущего не видать.

Пинта поджала губы и насупилась.

– Не обижайся, – сказала ей Дженна. – Ама всегда твердила тебе то же самое.

– А ты, Анна, – сказала, повернувшись к ней, жрица, – должна больше прислушиваться к голосу сердца, и пусть твоя тень удлиняет твой рост. Лучше всего, когда сердце и

голова идут рука об руку.

– В последний раз говорю тебе, Мать: я не Анна. Я думала над этим всю ночь, я просила Альту дать мне знак. И...

– И что же? – подалась вперед старушка.

– И ничто не сказало мне о моем предназначении. Ничего не посетило меня, кроме обычных воспоминаний детства.

– Ты полагаешь, что рождение Анны должно сопровождаться громом и молнией? Или что ей следует расти в лесу, где звери бы ее нянчили?

– Но ведь хоть что-то должно быть, – взмолилась Дженна. – Хоть что-то необычное?

– А узнала бы ты это необычное, Джо-ан-энна, если бы оно случилось с тобой? Или истолковала бы его по-своему, чтобы втиснуть в рамки обыкновенной жизни? Будь спокойна. Когда мы с тобой давно уже будем в Пещере, поэты и сказочники придумают тебе самое необычайное рождение.

Дженна потупилась, не в силах смотреть в эти мраморные глаза. Она старалась вникнуть в слова жрицы, но живот у нее разболелся, словно от голода, и в ушах загудело. Потом она поняла, что гул идет из окна.

Мать Альта тоже прислушалась. Пинта подошла к окну, привстала на цыпочки и выглянула.

– Что там такое, дитя?

– Куча верховых за воротами. Они что-то кричат, но я не разбираю слов. Стражницы над воротами отвечают им. Один сидит на сером коне...

Карум метнулся к окну.

– О боги! Люди Короля! А это сам Бык. Теперь мы пропали.

– Бык грозит копьём стражницам, – сообщила Пинта.

– На конце копья что-то есть, – заметил Карум.

– Да, вижу. Ох! Глаза Альты! – Пинта отошла от окна со странным выражением на лице и прошла в угол, где они накануне оставили свои котомки. Вывалив содержимое своей на пол, Пинта перерыла все пожитки и вскрикнула в ужасе.

– В чем дело, Марга? – спросила Мать Альта. Дженна подбежала к окну сама и стала смотреть – при ее росте ей не нужно было вытягиваться.

– Вижу – вот он, Бык. Но что это? Ох, Пинта! Ведь это же моя светлая куколка – та, что я отдала тебе.

– Я не могу найти ее, Дженна, – с отчаянием ответила Пинта. – Наверное, она выпала у меня из котомки.

– Но когда, Пинта, когда?

– Не помню. Она была у меня, когда я пустилась вслед за тобой. Я спала, держа ее в руках.

Дженне живо вспомнилось, как она сама спала на дереве с куклой Пинты в руках.

– И больше я ее не вынимала – положила сверху, и все. Потом мы встретили Карума, и... – Пинта в ужасе осеклась, закрыла лицо руками и содрогнулась.

Мать Альта, не видя ее, верно разгадала это внезапное молчание.

– Ты вспомнила, дитя.

– Во время боя с Гончим Псом я упала на свою котомку, и из нее все высыпалось. Когда мы схоронили его, я все собрала – то есть это тогда я так думала. Выходит, я не заметила куклу в тумане.

– Эх ты, бестолочь! – в сердцах бросил Карум.

– Потихе, Длинный Лук, – вмешалась Армина. – Она сражалась за тебя.

– Мы не могли спать так близко к могиле, – тихо продолжила рассказ Дженна, – поэтому отошли немного, а утром уже не вернулись туда.

– Я понимаю теперь, как все было, – кивнула Мать Альта. – Эти мужчины, Люди Короля, пришли по следу Пса на место боя и нашли могилу, а рядом куклу. Кто же мог играть в куклы в глухом лесу, как не юная альтианка? Ведь не мальчик же, которого они искали. Самый ближний хейм здесь – это наш, Ниллский, и они, разумеется, явились сюда.

– Мать, я так сожалею... – начала Пинта.

– Я тебя не виню, дочка. Совсем не виню. Ты всего лишь исполнила свою долю пророчества, записанного задолго до твоего рождения.

Пинта расплакалась навзрыд.

– Слушайте же меня, дети мои, – теперь уже ясно, что будет бой. Этих мужчин не утихомиришь, и они не дураки. Надо попытаться выиграть время. Ночью наши силы удвоятся...

– Неужели ты вправду хочешь сказать, – прервал Карум, – что темные сестры бывают здесь только ночью?

– Ну почему мужчинам так трудно в это поверить? – засмеялась Армина.

– Это всего лишь суеверие. В одном племени Нижних Долин, к примеру, верят, что их женщины зачинают детей от бога реки и рожают прямо в воде. А безармийцы говорят, что сын их бога является им раз в месяц в виде пчелы, чтобы...

– Но Дармина никакое не суеверие. Она настоящая. Ты видел ее. Говорил с ней.

– Довольно, дети, времени нет. Пусть Карум верит, во что хочет. Так уж повелось испокон веков. Мужчины видят все, но не желают верить собственным глазам и ушам. Ступай вниз, Армина, и скажи Зиэне – пусть держит ворота на запоре, что бы там ни было. Да собери ко мне детвору. – Когда дверь за Арминой закрылась, Мать Альта вскричала: – Ох, до какой же беды довела нас моя слепота. Если б я догадалась раньше, я могла бы... могла бы... Я стара, дети мои. Стара, слепа и беспомощна. – Две большие слезы скатились у нее по щекам, и она подняла свои незрячие глаза. – Впрочем, не так уж и беспомощна. Ведь с нами Анна. Конец близок, но и начало тоже.

Дженна и Пинта переглянулись, качая головой, а Карум покрутил пальцем у виска.

– Поди сюда, Джо-ан-энна, – велела Мать Альта.

Дженна, снова переглянувшись со своими спутниками,

подошла к ней, и жрица взяла ее руки в свои.

– Слушай внимательно – ведь если это, в самом деле, конец, ты должна знать, что ждет тебя впереди. В пророчестве сказано, что ты будешь владычицей, но властвовать не будешь, и что ты родишь троих детей.

– Мать, но ведь мне всего тринадцать лет, – сказала Дженна.

– И твой женский срок, полагаю, еще не настал, – сказала жрица, склонив голову набок, словно желала услышать, как Дженна кивнет.

– Нет еще, – шепнула Дженна, покраснев до ушей.

– Но если ты станешь королевой, то должен быть и король. Я думаю, что твоя встреча с юным принцем Карумом – не совпадение, а еще одно предзнаменование.

– Мать, – зашептала Дженна, – ему тоже не больше пятнадцати. – Она высвободила руки из пальцев жрицы.

Карум откашлялся.

– Мне семнадцать, Дженна.

– Он сейчас смотрит на тебя?

Дженна смущенно молчала.

– Я вижу по твоему молчанию, что это так.

– Я принадлежу Альте.

– Я тоже, – хмыкнула старушка. – Как и все, кто живет здесь. Однако в наших колыбелях лежат младенцы, и не все они приемные. Наши девушки порой уходят в город и проводят там долгие ночи. Земля вертится, и солнце движется

с востока на запад. «Владычица, которая не будет властвовать». Что это может значить, как не то, что ты будешь рожать королю сыновей, но сама на трон не сядешь. Иногда пророчества легко поддаются разгадке.

– Но ведь впереди у нас бой, о Мать. Что же делать?

– Мальчика надо увести отсюда. Нельзя, чтобы Люди Короля нашли его у Альты, и нельзя, чтобы они заподозрили в тебе белое дитя из их же собственного пророчества – ту, перед которой должны склониться Гончая, Бык, Медведь и Кот. Уведите его отсюда, ты и твоя темная сестра.

– Пинта? Значит, о Пинте тоже сказано в пророчестве? – Дженна в порыве благодарности схватила старушку за руки, чуть не стащив ее со стула. Но Мать Альта отвернулась, словно прислушиваясь, и Дженна вслушалась тоже. Крики снаружи становились все громче и злее.

– Возьми вот это кольцо, дитя мое. – Жрица сняла большой агатовый перстень со своего тоненького, увенчанного птичьим когтем пальца. Дженне кольцо едва пришлось на мизинец. – Ты пойдешь из хейма в хейм, предостерегая сестер. Матери каждого хейма ты будешь говорить: «Близится последний срок». Матери поймут. Повтори.

– «Близится последний срок», – пролепетала Дженна. – Ох, Мать Альта, я не та, кто ты думаешь.

– Повтори еще раз!

– «Близится последний срок».

– Хорошо. У меня есть карта всех хеймов. Умеешь ты чи-

тать карты?

– Мы обе умеем, – сказала Пинта, но Мать Альта, не отвечая ей, сказала Дженне:

– Подойди к зеркалу. Поверни знак Богини влево. Откроется ящичек, и в нем будет карта. Хеймы на ней обведены красным.

Пинта подскочила к зеркалу первая, сорвала с него покрывало и отступила, испугавшись собственного мертвенно-бледного отражения. Найдя резной знак Богини, она повернула его влево. Раздался щелчок, и знак отошел, открыв темное отверстие. Просунув туда руку. Пинта извлекла пергаментный свиток и объявила:

– Готово, Мать.

– Отдай карту Анне.

Дженна развернула карту, где среди черных паутино-тонких линий выделялись красные названия семнадцати хеймов. Дженна снова свернула пергамент и спрятала за пазуху.

– Никому ее больше не показывай, – сказала Мать Альта. – Никому.

– Даже Пинте? Ты же сама назвала ее моей темной сестрой.

– Только если смерть к тебе придет. Не раньше.

– Если смерть придет, – прошептала Дженна, не в силах это осмыслить. Смерть? Возможно ли? Даже во время боя с Гончим Псом она не думала, что может умереть, – получить

рану другое дело. – Не раньше.

– Теперь ступайте.

– А как же ты, Мать?

– Мои дети позаботятся обо мне – а я о них. Ступайте.

Время не терпит.

Дженна пошла к двери и оглянулась на пороге.

– Да благословит тебя Альта, о Мать, – сказала она и поманила за собой остальных.

– погоди, – сказал Карум. – Армина говорила что-то про потайной ход. Мы могли бы уйти через него.

– Нет никакого хода, – сказала Мать Альта. – Это все сказки, которые выдумывает Армина.

– Мы так и думали, – сказал Карум.

– Увидимся ли мы еще, о Мать? – спросила Дженна.

– В Пещере увидимся непременно, – ответила старушка, и это было ее единственным благословением.

Спускаясь по лестнице, они еще некоторое время слышали дрожащий старушечий голос, поющий погребальную песнь:

Во имя пещеры горной.

Во имя могилы черной...

На середине лестницы они встретили Армину. Она несла на каждой руке по ребенку, и еще двое малюток цеплялись за ее камзол. Следом шли около дюжины девочек, уже мино-

вавших возраст Первого Выбора, и каждая несла младенца. Замыкали шествие пять девочек постарше, тоже с малыми детьми на руках.

Дженна, Пинта и Карум прижались к стене, пропуская их.

– Мать хочет благословить их, – улыбнулась Армина, проходя. – И убрать их подальше от боя.

Дети молча поднимались по ступенькам, и золотоволосая малютка на руках у предпоследней девочки помахала странникам ручонкой. Дженна махнула ей в ответ.

– Никогда не видел таких тихих детей, – заметил Карум.

– Дети Альты все такие, – сказала Пинта.

Они спустились в Большой Зал – светлый, с высокими деревянными сводами. Со стропил на длинных цепях свисали люстры.

Здесь готовилось к битве множество женщин. Несколько воительниц, усевшись в кружок, мерными взмахами точили ножи, помогая себе пением. В нише, увешанной луками, десять женщин натягивали тетивы и осматривали стрелы. Они тихо переговаривались, а одна смеялась, запрокинув голову. Другие, собравшись кучками у очага, плели веревки.

– На этот раз мы будем участвовать в настоящем бою, – сказала Пинта.

– Смерти Гончего Пса тебе недостаточно? – спросила Дженна.

– Ведь ты же понимаешь, о чем я.

– Что до меня, то я не понимаю, – сказал Карум. – Кровь

есть кровь.

– Невдомек тебе, значит? А я думала, ученые знают все. Тут сестры будут сражаться плечом к плечу, как поется в балладах. – И Пинта прочла первые строки «Скачки короля Крака»:

Будет песня стрелы звучать,
Звонким свистом сквозь тьму пролетев.
Будет острою песня меча,
И подхватят сестры напев...

– Ты как та стрела, – сказал Карум. – Не терпится тебе впиться в кого-то.

– Ну, тот, кто при виде мертвеца расстается со своим жалким обедом, мог бы и помолчать.

Дженна положила руку Пинте на плечо.

– Он прав, Пинта. Не надо так рваться в бой. Ведь убить могут и нас.

– Ну и что же? Тогда мы попадем прямо в пещеру Альты.

– Где будете бросать через плечо кости псам войны? – осведомился Карум.

– Молчи, умник. У нас все так говорят перед боем.

– Вы говорите так потому, что боитесь, а не потому, что находите счастье в бою.

– Конечно же, мы боимся, – сказала Дженна. – Не бояться было бы глупо. Нет нужды спорить из-за этого. Мы все равно сражаться не будем. Слышали, что сказала Мать? Мы

должны увести Карума отсюда, а после отправиться в долгий путь, чтобы предостеречь все хеймы.

Пинта понурила голову.

– Будь это наша Мать Альта, я бы снова не послушалась ее. Но эта Мать – не то, что наша Змеиха, правда?

– Правда, Пинта. И Карум воззвал к нам...

– ...о помощи. Но разве нельзя, проводив его в убежище, вернуться сюда опять?

Дженна покачала головой.

– Хорошо, сделаем так, как велела Мать Альта. Я все равно чувствую, что мы окажемся в самой гуще событий, и о нас будут петь даже после того, как нас не станет.

– Как же, как же! – фыркнул Карум. – «Битва Пинты и Белой Дженны», в сопровождении носовой флейты и тембалы.

– Нет, умник, это будет другая баллада: «Как темная воительница Марга спасла шкуру одного принца».

– Я сама напишу балладу, – сказала Дженна, – хотя и не умею слагать стихи, и она будет называться: «Как Дженна стукнула лбами двоих».

Карум рассмеялся, Пинта, к удивлению Дженны, тоже, и когда Карум протянул руку. Пинта ее пожалала.

– Но куда же нам идти? – спросила она после.

Пока они раздумывали над этим, к ним подошла высокая длинноносая женщина.

– Я Калилла, мать Армины. Тут есть задняя дверь, которую Мать Альта велела показать вам.

Армина повернулась и свистнула, остановив идущих за ней детей.

– Мать Альта сейчас будет говорить с вами, и вы должны слушать ее, не перебивая. И делать все, что она скажет – как всегда. Большие, позаботьтесь о малышках. Быть может, впереди нас ждут испытания и нам будет страшно. Но мы все дети Альты и не должны бояться.

Девочки серьезно закивали ей в ответ.

Армина распахнула резную дверь ногой, пропустила детей в комнату, вошла сама и закрыла дверь за собой.

– Мы пришли, Мать, – сказала она. Мать Альта улыбнулась.

– Садитесь, детки, и я расскажу вам одну историю. – Девочки расселись у ее ног. – Давным-давно, когда вас еще на свете не было, первая Мать Альта Ниллского хейма увидела сон о великой грядущей битве. Ей приснилось, что все дети спаслись, потому что спрятались в норке, как зверюшки. И она велела построить убежище. – Мать Альта опять улыбнулась и приложила палец к губам. Девчушки поменьше повторили это за ней. – Сегодня особый день, потому что мы с вами откроем это убежище. Армина проводит вас туда, и вы останетесь там. На полках вы найдете еду и будете есть, когда проголодаетесь, а все остальное время спать. Ну-ка, кто из вас будет крольчатами?

Семь девочек подняли руки.

– Хорошо, – сказала Мать Альта так, будто могла их ви-

деть. – А кто будет кротиками?

Поднялись еще две руки.

– А мышками-норушками? На этот раз рук было много.

– А вы, старшие, будете лисами и ежиками, которые следят за порядком. Все понятно?

Девочки закивали так дружно, что жрица почувствовала это движение.

– Когда еда кончится, лисички одна за другой будут выходить и смотреть, все ли спокойно. Если нет, возвращайтесь назад и сидите, пока вас не позовут. Свою спасительницу вы узнаете по белым волосам. Это будет Анна, посланная Великой Альтой.

– Но мы уже видели Анну, Мать, – пискнула четырехлетняя девочка с золотыми волосами. – На лестнице.

– Вы увидите ее снова. Она придет за вами с огненным мечом и пылающим сердцем.

– А ты тоже пойдешь с нами? – не унималось дитя. – Нет – укрытие годится только для маленьких.

– Так ведь и ты маленькая.

Армина зашипела на девочку, приказывая ей замолчать, но Мать Альта только улыбнулась.

– Я не пойду с вами в норку, зато буду вас сторожить.

Девочка довольно кивнула.

– Армина, – приказала Мать Альта, подавшись вперед, – постройте детей перед зеркалом.

Армина исполнила приказ, затратив на это не больше ми-

нуты.

– Теперь поверни знак Богини вправо.

Армина повиновалась. Раздался громкий скрежет, пол у резных ножек зеркала разошелся, и показались темные ступени.

– Взгляните каждая в зеркало Матери Альты, где когда-нибудь найдете своих темных сестер, и спускайтесь. Армина проводит вас и будет освещать вам дорогу.

Армина сняла со стены лампу, зажгла ее, посмотрелась в зеркало и повела детей вниз. Когда последняя девочка исчезла из виду, Мать Альта со вздохом смахнула слезы, собравшиеся в уголках ее мраморных глаз.

ЛЕГЕНДА

Жила-была одна старуха у Нилхаллского Перекрестка, и было у нее так много детей, что она держала их в погребе, словно кроликов или мышей. Никто не знал об этих детях, да никому и в голову не приходило, что у старухи они есть – до того она была страшна.

Однажды старуха умерла – то ли от хвори какой, то ли от собственной скупоности. Когда стражники пришли, чтобы вынести ее и похоронить, они увидели лаз в погреб и подняли большую деревянную крышку.

Оттуда вылезли тридцать семь изголодавшихся детишек разного возраста, но они так долго пробыли в подземелье, что ослепли все до одного, а их длинные нечесанные волосы побелели. С тех пор Нилхаллский Перекресток стал зваться Домом Белых Детей.

Это правдивая история. Ее рассказывала Салла, дочь Вильмы, чей прапрапрадед служил в те дни стражником и сам открывал подземелье.

ПОВЕСТЬ

Калилла провела их через зал на кухню, которая была втрое больше кухни Селденского хейма.

Пинта глазела по сторонам, Дженна не сводила глаз с Калиллы, Карум шел позади.

– Дженна, – шепнула Пинта, – они греют масло в котлах.

– И воду тоже, – сказала Дженна.

– Ты ж не смотрела.

– Я смотрю краем глаза, как в лесу. И тебе советую.

– Не учи меня, Джо-ан-энна.

– А ты не будь дурочкой, Марга.

– И дурочкой меня тоже не называй.

Калилла внезапно остановилась, и все сгрудились вокруг нее.

– Вот. Эта дверь выходит на крутую узкую тропку, ведущую к Халле.

– Халла – это река, – пояснил Карум.

– Да. Река быстрая и коварная, поэтому будьте осторожны.

– Я не умею плавать, – сказала Пинта.

– Я тоже, – созналась Дженна.

– Я умею, – заявил Карум.

– В Халле плавать нельзя, хотя всех наших девочек смолоду учат переходить ее в спокойных местах. Тропка хоть и крутая, но торная. Наши часовые проходят по ней каждый

день, а больше никто о ней не знает. Как спуститесь к реке, идите по течению, пока не придете к березовой роще. Там поверните на восток и за день доберетесь до Приюта Бертрама.

– Это и есть мое убежище, – добавил Карум.

– Будет ли он там в безопасности? – спросила Дженна.

– Бертрам – это великий святой их веры, воин, отказавшийся воевать. Гаруны никогда не нарушают его святилищ. Они странные люди, и боги у них кровавые, но при всем том они честны. Но женщин в эти святилища не допускают – придется вам оставить его там и продолжать свое странствие. Тяжек будет для вас этот год, если он так начинается.

– Теперь у нас есть великая цель, – сказала Пинта. Дженна тронула себя за грудь там, где шуршал пергамент, но промолчала.

– А как насчет еды? – спросил Карум.

– Найдете все, что нужно, в лесу. Нет времени собирать вам что-то в дорогу, кроме вот этого. – Калилла подняла с пола три винных меха. – И еще я нашла для вас немного хлеба с козьим сыром. – Она достала из глубокого кармана кожаный сверток и вручила Каруму. – Идти вам всего один день, не успеете проголодаться. Ну а если уж...

– Знаем, – сказал Карум. – Орехи, грибы и коренья. Только ягоды брать нельзя.

– Вот и ладно, – нехотя улыбнулась Калилла. – Стало быть, нужды у вас ни в чем не будет. – Она открыла дверь. – Да

благословит Альта ваши руки и ноги.

Девочки, кивнув, выскользнули наружу, но Карум задержался и произнес громким шепотом:

– Пусть смотрят на тебя глаза Темного Морги, и пусть его плавники пенят воду у тебя за спиной.

Калилла опешила.

– Так прощаются морганиане. Они живут на южном побережье Континента и едят только то, что находят на берегу в час отлива. Странные люди и питаются неведь чем, однако честные! – И Карум последовал за девочками, успев услышать короткий, лающий смех Калиллы.

Тропа начиналась от самой двери. Справа на отвесном утесе высился хейм, слева такой же отвесный обрыв падал к Халле. Путники шли осторожно, прислушиваясь к сердитому рокоту реки далеко внизу.

Пинта поскользнулась на осыпи и шлепнулась наземь, подвернув запястье, но тут же встала и отряхнулась, несмотря на боль.

Шум реки заглушил шорох маленького обвала.

Когда они миновали стену хейма, тропа чуть расширилась, хотя справа по-прежнему тянулась скала в половину человеческого роста. Потом стежка резко вильнула вправо, и показалась кривая ель, нависшая над ней. Корни вцепились в утес, как скрюченные пальцы, а ветви заслоняли дорогу впереди.

– Снизу полезем или сверху? – спросила Дженна.

– Снизу, – решила Пинта. – Места хватит.

Отстегнув свой меч, Пинта просунула его под дерево и последовала за ним, ползя на животе. Следом пролезла Дженна, за ними Карум, державший в руке сверток с едой. Он хотел встать, но Пинта предостерегающе выбросила руку.

– Тихо. Погодите. Я что-то слышу.

– Это только река, – сказал Карум.

– Я тоже слышу, – шепнула Дженна. – Ш-ш! – Она обнажила меч, на солнце вспыхнувший ярким огнем.

– Наверное, это часовые хейма, – прошептал в ответ Карум. – Калилла сказала, что больше эту тропу никто не знает. – Он встал и начал отряхиваться.

– Спрячься за меня, – тихо сказала Пинта.

– Я и так прячусь. Я прячусь за вас все... – Но тут раздался тихий свист, и стрела, пролетев мимо его плеча, вонзилась в дерево.

– Вон они! – послышался голос. – Еще трое Альтиных сук.

– Это не часовые, – сказал Карум. – Это...

Другая стрела, зацепив его рубашку, пригвоздила его к дереву.

– Проклятие! – вскричал юноша и отскочил, порвав рубашку.

– Назад! – завопила Пинта, толкнув Карума к дереву и чуть не сбросив его при этом с утеса. Он пролез под кривым стволом, обернулся и увидел руку Пинты с мечом – сама она застряла по ту сторону. Карум, остерегаясь меча, подтянул

Пинту к себе – она была на удивление тяжелая, и он увидел обломанную стрелу, торчащую у нее из спины.

– Пинта! – крикнул Карум. Она не отвечала. Он взял ее меч и стал над ней.

Под дерево просунулась еще чья-то рука с мечом. Карум хотел уже ударить, но вовремя понял, что это рука Дженны. Она пролезла к ним.

– Пинта ранена! – крикнул ей Карум. – У нее стрела под левой лопаткой.

– Волосы Альты! – Дженна склонилась над Пинтой. – Насколько это опасно?

– Не знаю. Но она не шевелится.

– Пинта, Пинта, скажи что-нибудь, – взмолилась Дженна.

Пинта застонала.

– Ей нужно дать воды, – сказал Карум. – И вынуть стрелу.

И...

– Надо отнести ее обратно в хейм.

– Я понесу. Она не тяжелая.

– Хорошо, носи. Я вас прикрою.

– Неси лучше ты – а я прикрою вас.

– Я лучше владею мечом.

– А я, по-твоему, лучше бегаю?

– Ну к чему этот спор? – воскликнула Дженна.

– Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

– Тропка узкая, и дерево мне поможет. Забирай Пинту.

Скорее. Если она умрет, я никогда тебе не прощу.

Карум взвалил Пинту на спину. Она вскрикнула только раз и затихла. Слыша мужские голоса по ту сторону дерева, он пустился назад по тропе так быстро, как только мог. Пинта с каждым шагом казалась все тяжелее, но он не замедлял бега. Мелкие камни сыпались в пропасть у него из-под ног. Карум добежал до двери хейма и принялся молотить в нее кулаками. В глазок кто-то выглянул, и дверь приоткрылась. Карум со своей ношей ввалился внутрь.

Кто-то взял у него Пинту, и он увидел, что дверь за ним закрылась.

– Там Дженна, – закричал он. – Откройте дверь. Никто не двинулся с места, и Карум бросился к двери сам, но она была заперта.

– Да откройте же!

Калилла отперла замок, и Дженна упала в объятия Карума, волоча за собой меч и сжимая в левой руке какой-то окровавленный предмет.

– Я не знаю... – заговорила она, с трудом переводя дух, – не знаю, та ли это рука, что пустила стрелу в спину Пинты, но дочерям Альты эта рука больше зла не причинит. – И она с безумным взором швырнула свою ношу на пол. – Он сдуру сунул ее под дерево, когда пытался пролезть.

Калилла пихнула руку сапогом.

– Не так уж и сдуру. Он мог бы и голову сунуть вперед!

Рука, поросшая темным волосом, со скрюченными пальцами, казалась трупом какого-то отдельного живого суще-

ства. На среднем пальце был перстень с большой буквой К. Карум ошеломленно посмотрел на Дженну.

– Да ведь это кольцо Быка, Дженна, и на нем эмблема Каласа. Мне частенько доставалось от этой руки – ведь Бык был моим учителем фехтования, пока не ушел к своим братьям, служившим Каласу. Понимаешь ли ты, что это значит? Гончая и Бык уже склонились перед тобой. Гончая и Бык. Мать Альта права, и пророчество не лжет. Ты и, правда, Белое Дитя – Анна.

Женщины начали перешептываться, но Дженна, не слыша ничего, опустилась на колени рядом с Пинтой. Коренастая, с проседью в волосах лекарка, озабоченно наморщив лоб, уже осматривала рану.

– Глубоко вошла, – сказала она, ни к кому не обращаясь. – И место плохое – рядом с сердцем.

– Она умрет? – дрогнувшим голосом спросила Дженна. Лекарка подняла глаза, словно удивившись, что рядом кто-то есть.

– Не могу сказать, наверное. Я должна забрать ее к себе наверх и промыть рану, а потом удалить стрелу. Только тогда что-то прояснится.

Пинта со стоном закашлялась и хотела сесть, но лекарка ласково, однако твердо удержала ее.

– Глупости говоришь, Дженна, – хрипло прошептала Пинта. – Как я могу умереть? Ты ж пропадешь без своей тени. – Ее глаза закатились, и она умолкла.

– Умерла? – вскрикнула Дженна.

– Нет, только чувств лишилась. Так природа облегчает наши страдания. Надо отнести ее наверх, и чтобы никто рядом с ней не толкся. Поверь мне, дитя, – сейчас ты ничем не сможешь ей помочь.

По знаку лекарки три молодые женщины подняли Пинту и унесли. Лекарка кивнула на руку, которая так и валялась на полу.

– Уберите это отсюда. Незачем, чтобы она сеяла здесь заразу и пугала детей. Дочери Альты не берут кровавых трофеев.

Карум снял кольцо с застывшего пальца.

– Я сохраню его, чтобы когда-нибудь швырнуть к ногам Каласа. Мы, Гаруны, любим такие памятки в отличие от альтианок. – Он сунул кольцо в карман и поспешно отвернулся, чтобы никто не видел, как он побелел, прикоснувшись к отрубленной руке.

Но Дженна заметила и тронула его за плечо, шепча:

– Не надо стыдиться. Если бы я не обезумела вконец, никогда не принесла бы сюда эту руку. Но жажда крови обуяла меня, и я не понимала, что делаю. А вот ты принимаешь все слишком близко к сердцу.

Карун обернулся, уже успокоившись, но не успел ответить – позади Дженны возникла Калилла:

– Нам надо поговорить, да поскорее, пока эти мужчины не собрались с духом и не начали ломиться в дверь.

– Дверь крепкая, – заметил Карум.

– Так-то оно так, вот только держать нам ее открытой для часовых или загородить?

– Мы часовых не видели, – ответила Дженна.

– И их тел тоже, – добавил Карум.

– Халла и раньше принимала к себе детей Альты, – угрюмо кивнула Калилла.

– Человек, который первым заметил нас, крикнул: «Вот еще трое...» – И Карум запнулся.

– «...Альтиных сук», – закончила Дженна.

Калилла обратилась к двум женщинам рядом с собой:

– Кто нес караул сегодня?

– Мона, – сказала одна.

– И Верна, – добавила другая.

– Да помилует их Альта, – прошептала Калилла. – Верне только-только минуло семнадцать весен. Надо сказать их матерям. Я опасаясь худшего.

Обе женщины, уныло кивнув, вышли.

– Сколько мужчин там было?

– Мы их не считали, – пожал плечами Карум.

– Не меньше трех, – сказала Дженна. – Но один теперь серьезно ранен.

– Притом вожак, – заметил Карум. – Это может задержать их.

– Или обозлит еще больше. Мы не можем знать, что у них на уме, поэтому надо приготовиться ко всему. Клея, Сари,

Бренна – ко мне.

Три молодые женщины поспешили на ее зов.

– Это правда, Калилла? Насчет Верны? – спросила одна. Она кивнула.

– Тише, Клея. Не спрашивай больше, – сказала старшая из трех.

– Вспомните мудрые слова, изреченные Великой Альтой, – тихо пожурила Калилла, – «Не знать плохо, но не желать знать еще хуже». – Девушки потупились. – Слушайте меня. Вы, Сари и Бренна, загородите дверь и стойте тут на страже, пока вас не сменят. Ты, Клея, предупреди у всех дверей, что бой вот-вот начнется. Все мы знаем, что делать тогда. – Калилла отпустила воительниц и сказала Дженне: – В Книге сказано: «Готовься заранее, чтобы нужда не застала врасплох». Этот хейм готов ко всему.

– Я вижу, – сказала Дженна.

– И запасной путь для вас двоих тоже готов. Я пришлю к вам Армину, когда она вернется от Матери Альты. Вечером вы покинете хейм, и никто из врагов не заметит этого. Темнота укроет вас.

– Но ведь луна почти полная, Калилла, – сказала через плечо Сари – они с Бренной волокли к двери большой сундук.

– Значит, им помогут и темные, и светлые сестры. А тем временем вы помогите нам укрепить хейм.

Дженна и Карум трудились весь день без отдыха, помо-

гая заваливать двери и заколачивать узкие окна первого этажа. Потом Карума посадили приделывать оперение к новым стрелам, а Дженна таскала воду из колодца на дворе.

– Если начнется пожар, – объяснила она Каруму, – хейм будет наготове.

Улучив время, они попытались навестить Пинту, но лекарка завернула их назад, заявив:

– Она спит. Я извлекла стрелу – к счастью, на ней не было яда. Девочка выпила мой отвар – он поможет ей пропотеть, если ее начнет лихорадить. К ране я приложила примочку из норичника, который называется у нас «от всякой хвори». Будьте уверены: я сделала для нее все, что в моих силах,

– То же самое лекари говорили про мою мать, – сказал Карум, – весь месяц, пока она умирала.

– И Пинта тоже умрет? – спросила Дженна.

– Все мы когда-нибудь умрем. Но не отмеряй саван, пока нет покойника. Твоя подруга в милосердных руках Альты – тех самых, что берегут малых птенчиков и оленят в лесу.

– Надеюсь, – шепнул Карум Дженне, уходя, – что ее лекарства будут похитрее ее речей. – Он крепко держал Дженну за руку, и это успокаивало их обоих.

На кухне подали ранний обед. Дженна и Карум обедали во вторую очередь, сидя рядом с Арминой и двумя ее подругами. Армина, обглодав как следует косточку, отстранила тарелку и скачали Дженне:

– Когда начнется бой или когда стемнеет – это все равно, –

я отведу вас наверх. Есть еще один путь – потруднее тропы, конечно, но там уж вас никто не найдет.

– Почему же мы сразу не пошли этим путем? – спросил Карум.

– Увидишь.

Дженна вертела на тарелке недоеденный кусочек птицы.

– Опасность не вызывает у тебя голода, – заметила Армина, – а вот я прямо быка бы съела.

– Я тебя понимаю. – Карум потянулся за вторым крылышком, но тут со двора раздался крики и грохот, словно чем-то били в ворота.

– Вот оно, началось, – сказала Армина, вставая. – Ну, это надолго их займет. Ворота у нас в фут толщиной, а верх стены защищен острыми пиками.

– Армина, ты идешь? – спросила одна из подруг.

– Пока что я займусь этими двумя.

– Тогда удачи вам.

– Вам тоже.

– Известно ли вам, – сказал Карум, – что у Людей Короля есть тараны? И большая метательная машина? Ваши ворота долго не продержатся.

– Известно, – сказала Армина. – Многие наши женщины служили в королевских войсках. Мы знаем, как вы воюете.

– Спящие под одним плащом! – сказал Карум.

– Моя мать Калилла тоже там побывала – и в итоге появилась я. Стены все-таки позволят нам выиграть время. И даже

если мужчины пробьют брешь, легко мы им не дадимся.

– Но как же дети? – спросил Карум. – И раненые?

– У нас есть, где их спрятать, не бойся. Пошли.

Выйдя из кухни, они пересекли зал и по широкой парадной лестнице поднялись на второй этаж. Армина свернула направо, потом налево, потом опять направо.

– Я опять сбился, – шепнул Карум Дженне, но она не ответила.

Армина открыла какую-то дверь и вошла. Карум и Дженна с удивлением увидели, что находятся в комнате вроде детской, с разбросанными по полу игрушками.

– У нас в Селденском хейме такого нет, – проговорила Дженна, разглядывая маленькие прутики, скакалки, обручи и мячики.

– Окна не заколочены, – заметил Карум. – Разве это не опасно? Люди Каласа могут пройти через них.

– Ты так думаешь? Выгляни-ка наружу!

Они выглянули. Стена обрывалась вниз, к Халле, текущей футах в ста под ними.

– О нет, – тут же воскликнула Дженна. – Я не умею плавать.

– Я умею, – сказал Карум.

– Я свяжу вас вместе, – заявила Армина, соединяя четыре прыгалки и испытывая узлы на прочность. – Крепко свяжу. И дам вам дощечки.

– Дощечки?

Армина открыла шкаф, порылась на верхней полке и достала два куска дерева наподобие лопат, только вдвое больше.

– Мы пользуемся ими, когда учим детвору плавать. Их надо держать вот так. – Взявшись за плоский конец, она подняла доску над головой. – И бить ногами что есть мочи. Дерево в воде не тонет, не потонете и вы, покуда держитесь.

– Я потону непременно, – сказала Дженна.

– Хотя бы и так – ты ведь будешь привязана к Длинному Луку, он умеет плавать.

– Не очень хорошо, – сознался Карум. – Я плавал в прудах и дворцовых бассейнах, не в быстрых и бурных реках.

– Делать нечего, – сказала Армина. – Иного пути нет.

– Все будет хорошо, Дженна, – заверил Карум. – В пророчестве не сказано, что Анна умрет молодой. Она должна стать королевой и...

– Ради Богини, не говори, что я Анна, – сердито ответила Дженна. – Но я воительница Альты и поклялась защищать тебя. – Дженна глубоко вздохнула и сказала Армине: – Хорошо, мы прыгнем.

– Сначала надо обвязаться веревкой. Ты, Карум, полезай на одно окошко, а я на другое. Я брошу тебе конец.

Карум влез на подоконник и через перекладину рамы высунулся наружу. Армина с другого окна бросила ему веревку. С третьей попытки Карум поймал конец и привязал его к раме. Армина проделала то же самое со своим и спрыгнула

на пол.

– Теперь привяжем меч тебе к боку, Дженна. Халла жадная река – она отнимет его у тебя, если сможет.

– Сейчас. – Дженна взяла другую прыгалку и закрепила меч.

Армина положила на каждое окно по дощечке.

– Не так уж это опасно. Страшно, конечно, но и только. Мы еще девчонками часто прыгали вот так в Халлу – и без дощечек.

– Рассказывай. А как же девочка, которую так и не нашли? – сказал Карум.

– Это я придумала, чтобы напугать вас.

– Тебе это удалось.

– Опасность лишь в том, что вы не сумеете выбраться на берег вовремя. Чуть ниже начинаются пороги.

– Пороги?

– Ну да – камни, водовороты, а потом будет водопад. Надо выплыть пораньше, притом на правый берег.

– А как мы узнаем, что эти самые пороги близко? – спросила Дженна

– Узнаете, можешь не сомневаться.

– Тогда пошли, – сказал Карум, и Дженна кивнула:

– Я готова – так мне кажется.

– Карум прав. Надо торопиться. Полезай первым, Карум, и обвяжи веревку вокруг пояса. Потом ты, Дженна. Я подам вам дощечки и сосчитаю до трех. Когда скажу «три», пры-

гайте разом, вместе – не то один потянет за собой другого. И еще одно.

– Да ну? Только одно? – сказал Карум.

– Прыгайте как можно дальше от окна, не то разобьетесь о камни.

– Что-нибудь еще? – Карум влез на окно и переступил через перекладину.

– Не кричите. Это может насторожить Людей Короля. Уже темнеет, и они слишком далеко, чтобы разглядеть, как вы прыгаете, но зачем рисковать? Да укроет вас Альта в своих волосах.

Дженна взобралась на свое окно.

– Тебя тоже, Армина, и всех женщин этого хейма. Сражайтесь храбро, чтобы мы могли увидеться снова. – Дженна перелезла через перекладину, отвязала веревку от рамы и обвязала двойным узлом вокруг пояса.

Армина подала каждому дощечку и начала считать:

– Раз... два...

У Дженны в животе сделалось горячо и твердо, во рту солоно. Женщина из пророчества никогда бы не стала так бояться.

– Три!

Дженна прыгнула чуть раньше Карума, но не настолько, чтобы веревка между ними натянулась. Ветер засвистал в ушах, и непрошенный крик вырвался изо рта. Дженна услышала слабое эхо и, уже врезавшись в ледяную воду, поня-

ла, что Карум тоже кричит. Одна надежда, что их никто не услышал.

Вода хлынула в ее открытый рот, и доска выскочила из рук, как живая. Барахтаясь, Дженна пыталась выплыть на поверхность, но с закрытыми глазами могла лишь гадать, куда плыть. Думая, что уже выбралась, она вздохнула и глотнула воды. Все вокруг почернело и наполнилось холодными пузырьками. Но тут ее голова выскочила наружу, и Карум сунул ей в руки дощечку. Словно издалека она услышала его крик: «Дыши, Дженна, прошу тебя, дыши». Она хлебнула воздуха, выкашляв воду, и налегла на доску, ощутив ее под собой, но слабость и ошеломление не позволяли ей работать ногами. Карум обхватил ее рукой, навалившись на нее сверху, и стал бултыхаться за них обоих.

Вскоре Дженна проморгалась и прозрела опять. Сердце, хотя и стучало вовсю, немного уняло свой бег, а страх, сжимавший горло и кишки, уже не грозил рвотой. Она хрипло крикнула Каруму, перекрывая шум реки:

– А мы... а мы живы!

– Конечно, живы, – крикнул он в ответ. – Говорил же я, что умею плавать. Теперь бей ногами, Дженна. – Он соскользнул с нее, и ей вдруг стало одиноко. – Бей, я сказал!

Дженна заработала ногами, и доска бесшумно двинулась вперед.

– Получилось! – крикнула она, повернув голову к Каруму. Он ворочался в воде с грацией плывущего борова, однако

держался вровень с ней. Река увлекала их за собой, и берега мелькали пугающе быстро. Не успевали они увидеть нечто похожее на примету, как их уже пронесло мимо.

– Откуда мы узнаем, что приближаемся к порогам? – прокричала Дженна.

– Армина сказала, что узнаем.

Река так ревела, что они едва различали одно слово из трех, но скоро они приспособились понимать друг друга. Они миновали поворот, и шум точно удвоился – вода кипела вокруг, взбивая белую пену.

– Вот оно, кажется, – крикнул Карум.

– Что?

– Вот оно.

– Что?

Карум с трудом подплыл поближе, ухватил Дженну за плечо и направил к правому берегу.

– Давай-ка гребь туда.

Левый берег был ближе, чем правый, восточный, но они изо всех сил пробивались к правому. Река неумолимо влекла их вперед. Карума внезапно отбросило от Дженны, и веревка между ними натянулась. Его закружило в глубоком водовороте, который сперва утащил Карума вниз, а после вытолкнул наружу, как пробку, и веревка рывком вернула юношу к Дженне.

Едва он уперся ногами в каменистое дно, как Дженну закружило в том же водовороте и доску вырвало у нее из рук.

Доска пролетела по воздуху и плюхнулась вниз, едва не задев голову Карума. Он пригнулся, чуть не лишившись опоры, утвердился на дне и вытащил Дженну. Она так обессиленна, что пришлось волоком тащить ее к берегу.

Отдуваясь, они рухнули на скользкий травянистый склон. Дженна, не поднимая головы, выкашливала воду. Потом она села, обернув к Каруму бледное с прозеленью лицо, и ее стошнило. Дженна снова легла, не в силах пошевелиться.

– Ну... – заговорил Карум, переводя дух. – Вот мы... и сквитались... за то, что меня... стошнило в лесу.

Прошло не меньше минуты, прежде чем Дженна ответила:

– Не... смешно.

– Я пытаюсь шутить, чтобы прожить подольше.

На этот раз она не потрудилась ответить.

Карум медленно сел, огляделся и вполз повыше. Перед ним расстился луг, усеянный синими, пурпурными и желтыми личиками анютиных глазок. Справа стояла рощица красивых белых деревьев, почти призрачная в предвечернем свете.

– Березовая роща! – сказал Карум. – Та самая, о которой упоминала Калилла.

Дженна с трудом села и попыталась выжать воду из косы, но в руках еще не было силы.

– Мы могли проплыть мимо сотни таких рощ, – заметила она.

– Может, ты лучше меня рассудишь, где мы находимся?

– Понятия не имею.

– Тогда будем считать, что до Приюта Бертрама всего день пути – так мы уснем спокойнее.

– Можно ли спать спокойно, зная, что Пинта может умереть, что хейм в опасности, что мы неизвестно где находимся и в любой миг можем оказаться в руках у Людей Короля?

– Не знаю, возможно ли это, Дженна, – но я попробую. Она кивнула, слишком утомленная, чтобы спорить, и они уснули прямо на берегу, где любой мог их увидеть.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Обряды Гарунийской религии документированы лучше, чем любой другой аспект жизни Долин того периода. Богатый материал для исследований представляет в первую очередь континентальное прошлое Г'арумов. В Долинах было обнаружено всего два гарунийских документа, тогда как д-р Аллисен Дж. Карвер за два десятилетия раскопок на побережье Континента нашел не менее двадцати таковых, включая книгу афористических изречений. Далее, один из источников, найденных в Долинах, представляет собой знаменитые «Туманные пророчества» (или, как весьма просторечно, снижая тем самым их ценность, именует их Мэгон, «Пророчества вприщурку»), принадлежавшие перу короля-ученого Добродруга II. Там мы находим упоминание о системе убежищ, или Приютов.

Эти укрепленные монастыри, частично культовые строения, частично убежища, частично тюрьмы, почитались у Г'арумов священными местами, и разыскиваемые преступники, по-видимому, часто скрывались в них, возможно даже годами. Добродруг приводит несколько пословиц – некоторые из них слишком туманны для расшифровки, но две представляются достаточно ясными: «Пришла беда – ступай в Приют» и «В Приюте лучше, чем в бою». Мэгон и Темпл, для разнообразия, сходятся в том, что в Приютах скрывались и

дезертиры, и уклоняющиеся от воинской повинности. Мэгон далее предполагает – несколько вольно, если учесть, что в документе всего три страницы – что человек, оказавшийся в Приюте, часто оставался там на всю жизнь.

ПОВЕСТЬ

На поверку оказалось, что до Приюта даже меньше суток. Дженна и Карум, проспав семь часов, вышли в дорогу еще при луне. Они шли не по тропе, но вдоль нее, памятуя об осторожности.

Чуть позже полудня, когда солнце стояло прямо над головой, они взошли на невысокий холм и увидели в долине под собой Приют Бертрама. Он представлял собой кучку низких каменных строений в виде ломаного креста. В промежутках между домами росли фруктовые деревья, и все это опоясывала двойная стена. Меньше, чем Ниллский хейм, Приют был, однако, покрупнее Селденского.

– Это он! – сказал Карум. – Все приюты строятся вот так, в виде кривого креста. – Он хотел встать, но Дженна удержала его за рубаху.

– Погоди-ка! У нас говорят: «Кто вперед ума забегает, непременно споткнется». Подождем еще немного.

Карум снова опустился на колени, а вскоре из леса на западе появились верховые и подскакали к воротам Приюта. Потоптавшись там, они некоторое время спустя повернули коней и помчались прямо к холму, где прятались беглецы.

Дженна схватила Карума за руку и увлекла в густой кустарник, стараясь не оставлять за собой следов.

Пройдя сквозь кусты, они выбрались к скале, где был ма-

ленький грот, едва вместивший их обоих. В гроте было полно звериного помета и дурно пахло, но они оставались в нем, пока вечерняя тьма не окутала лес и всадники, кем бы они ни были, не уехали прочь.

Полная луна вошла на небо, ярко осветив долину.

– Светло, как днем, – сказал Карум, – можно было и не ждать до ночи.

Но облаков не было, и пришлось им волей-неволей пуститься через луг при свете луны. Удача сопутствовала им – дозорные, если они и были, спали крепким сном.

Стены Приюта были выше, чем казались с холма, – на них можно было взобраться разве что по лестнице. Наверху торчали грозные на вид пики.

– Приветливое местечко, нечего сказать, – заметила Дженна.

– Не забывай – оно должно не только укрывать, но и отражать неприятеля.

– Я думала, у вас уважают такие убежища.

– Мы – это еще не весь мир.

Скрепленные железом ворота были добротны и ничем не украшены – только глазок виднелся посередине.

Карум застучал в них кулаками, а Дженна, обнажив меч, стояла на страже. На стук долго никто не отвечал.

– Не очень-то они стремятся помочь тем, кто в беде, раз так долго не открывают, – сказала Дженна.

– Дженна, теперь глухая ночь. Они, должно быть, спят.

– Все? И даже часовые?

– К чему им часовые? Никто в Долинах не осмелится вторгнуться в Приют.

– Я думала, что и в хейм, где живут только женщины и дети, никто не посмеет вторгнуться, однако Пинта получила стрелу в спину, сестры, несшие дозор, пропали, а нам с тобой пришлось прыгать в бурную реку.

– Хейм одно дело, а Приют – другое.

– И ты, королевский сын, ищешь у меня защиты от своих же подданных.

– Прости меня, Дженна, – потупился Карум. – Ты права, а я брякнул несусветную глупость. Но должен же там хоть кто-то бодрствовать – а нет, так мы его разбудим. – И он снова замолотил в ворота.

Наконец раздался скрип, и глазок приоткрылся. Карум заклонил собой Дженну и крикнул:

– Мы ищем убежища: я на долгий срок, а мой спутник на ночь.

Ворота слегка приотворились, и вышел старик с морщинистым лицом.

– Кто просит убежища?

– Я Карум Длинный Лук, королевский...

– А-а, Длинный Лук. Мы так и думали, что ты придешь сюда.

– Почему? – опешил Карум.

Старик покачал головой, как заводной болванчик.

– Твой брат Пайк, который лежит у нас, надеялся на это. А несколько часов назад о тебе спрашивали Люди Короля. Мы, разумеется, отослали их прочь.

– Пайк здесь? Ты сказал, он лежит? Что он – спит или ранен?

– Ранен, но опасности нет.

Дженна выступила вперед.

– Пожалуйста,пусти его. Вы можете поговорить и за воротами.

– Это и есть твой спутник? – прищурился старик.

– Да.

– Так ведь это женщина.

– Это воительница Альты, которая обязалась защищать меня.

Старик поцокал языком.

– Сам знаешь, пресветлый принц, – мы не допускаем сюда женщин.

– Она останется. Это говорю я, сын короля.

– Но ты еще не король и не станешь им, покуда твой брат жив. Только король может отдать такой приказ. Ей нельзя здесь оставаться. Таков закон. – Старик снова качнул головой, словно параличный.

Дженна положила руку на плечо Карума.

– Ступай скорее. Я выполнила свой долг, Карум Длинный Лук. Ты спасен, и нас более ничто не связывает.

– Ты освободилась от обета, Дженна, но не от меня.

– Полно, Карум. Каждого из нас зовет иной долг – я должна идти к моим сестрам, а ты к своему брату. У меня своя жизнь, у тебя своя. Мы были спутниками лишь в час опасности – она связывала нас столь же крепко, как та веревка в Халле.

– Я не отпущу тебя так скоро.

– Карум...

– Поцелуй меня хотя бы на прощание.

– Зачем?

– Просто так.

– Но я... я никогда еще не целовала мужчину.

– Ты сама сказала – я еще мальчик.

– Мальчиков я тоже не целовала.

– Так что же из этого? Я тоже не ел горьких кореньев до встречи с тобой. А тебе никогда прежде не приходилось плавать. – Карум улыбнулся и протянул руки.

Дженна оказалась в его объятиях, и его губы коснулись ее губ. Она хотела уже отстраниться, но он удержал ее, и она невольно прижалась к нему еще крепче. Дженну охватила дрожь, и она прервала поцелуй.

– Что же это такое? – прошептала она.

– Мне думается, это любовь, – с грустной улыбкой ответил Карум.

– Это вывод ученого, Карум?

– Это догадка. Я еще никогда не целовался с девушкой.

Но из того, что я читал...

– А что ты читал? – все так же шепотом спросила Дженна.

– Каролийцы, которые молятся под открытым небом, говорят, что «любовь» было первым словом, которое изрек бог.

– Странный же у них бог.

– Не страннее, чем это. – Карум снова коснулся губами ее губ. – Я знаю – мы еще увидимся с тобой, моя Белая Дженна.

– О-о, – только и могла выговорить Дженна, а когда за Карумом закрылись ворота, прошептала его имя.

Вернувшись на край леса, Дженна развернула карту – и убедилась, что та безнадежно испорчена водой. Дженна не знала другой дороги в хейм, кроме реки, – значит, возвращаться придется тем же путем, по берегу. В Ниллском хейме ей дадут другую карту или хотя бы покажут, как пройти к ближайшему селению Альты.

Без Карума она не видела нужды прятаться и шла прямо по тропе. Говорить ей теперь не с кем – она услышит врага загодя. И успеет скрыться в лесу.

Она шла быстро и останавливалась, лишь когда вдоль дороги попадалось что-то съедобное. Короткий сон почти не принес ей отдыха – ей снился Карум, который стоял на коленях и пел «Славься, славься», не желая обнять ее.

К позднему утру, она оказалась у кривой ели, загораживавшей тропу. Под деревом темнело пятно величиной с тарелку – единственная память о разыгравшемся здесь сражении. Затаив дыхание. Дженна пролезла под стволом, но не

увидела ничего из ряда вон выходящего.

Вокруг стояла странная тишина, нарушаемая только шумом реки, но в памяти Дженны все еще звучали крики, слышанные ею перед побегом. Они преследовали ее, и она бегом устремилась к задней двери хейма. Дверь не уступила, и Дженна благодарно вздохнула, поняв, что враг здесь не прошел, – но не стала стучать на случай, что Люди Короля внутри.

Она вернулась назад, снова пролезла под елью и дошла до места, где скала была ниже всего. Дженна взобралась наверх – это было нелегко, поскольку меч бил ее по ногам, и ей пришлось полежать в траве, чтобы отдышаться. Она медленно поползла к хейму, зная, что ее в любой миг могут увидеть со стены.

Вокруг было тихо – только трава шевелилась при ее продвижении. Слишком тихо. В такую безветренную погоду до нее непременно должны были донестись голоса, крики стряпух или блеянье коз. Дженну охватил страх, и она замерла на месте.

Чтобы успокоиться, она сделала несколько глубоких вдохов латани – нелегко было это делать, лежа на животе, – и приподнялась на колени. Согнувшись, Дженна добежала до стены, приложила к ней руку, и прочность камня вселила в нее мужество.

Она выглянула из-за угла и ахнула – желудок свело, и странный металлический вкус наполнил рот. Резные воро-

та были разбиты в щепки, стены проломлены. Камни валялись вокруг, словно раскатившиеся плоды, обратив потаенную прежде сторону к солнцу.

Дженна ждала, едва смея дышать, – ждала минуту за минутой, но по-прежнему не слышала ни звука. Еще три вдоха латани – и она наконец двинулась вперед, осторожно переступая через камни.

На дворе повсюду лежали тела: мужчины в боевых доспехах, женщины в кожаной воинской одежде. Дженна перешагивала через мертвых, отмахиваясь от мух. Должен же хоть кто-то остаться в живых!

Женщин, лежавших ничком, она переворачивала, ища знакомых – Армину, Калиллу или жрицу.

У колодца, закрыв лицо рукой, словно заслоняясь от солнца, лежала молодая женщина с едва заметным отверстием в горле.

«Такая маленькая дырочка – но все же смерть вошла в нее, а жизнь вышла», – подумала Дженна.

Отведя руку, она узнала Бренну, хотя видела ее только раз.

– Да помилует тебя Альта, – шепнула Дженна, спрашивая себя, где же была эта милость несколько часов назад. – Клянись, Бренна, я похороню тебя, если кто-нибудь покажет мне вашу Пещеру.

Продолжая поиски, Дженна по судорожному движению своей тени заметила, что и сама движется рывками. Тогда

она поняла, что не может больше выносить этого ужаса, этой царящей повсюду смерти. И ей стало страшно входить в дом.

Она заставила себя сесть на корточки и глубоко подышать, хотя в воздухе стоял тошнотворно-сладкий запах. Солнце палило, и Дженна начала считать до ста, готовя себя к предстоящим ужасам. Считая, она снова ощутила странную легкость, освободилась из тела и повисла над двором. С высоты она смотрела на поющую, раскачивающуюся фигурку среди множества мертвых тел. Она слетела вниз, но, соприкасаясь с телами, не смогла проникнуть ни в одно. И на счет «сто» вернулась в свое поющее тело.

Встав, она решительно направилась к выломанной двери хейма.

Калиллу она нашла на кухне с перерезанным горлом, а вокруг лежали пятеро мертвых мужчин. Армина упала на главной лестнице со стрелой в спине и сломанным мечом у ног. Рядом лежали трое мужчин с исцарапанными лицами и глотками, раскроенными ножом.

Дженна села в головах у Армины и погладила хохолок ее волос.

– Смейся больше – проживешь дольше, – проговорила Дженна хриплым шепотом, и слезы хлынули у нее из глаз, а из груди вырвались рыдания. Дженна плакала, не в силах остановиться, – не только по Армине, но по всем незнакомым ей сестрам, которые погибли, обороняясь от Людей Короля. От мужчин, которые разыскивали Дженну за убийство

Гончего Пса, а Карума... Дженна впервые поняла, что не знает даже, зачем они разыскивали Карума. Но он им нужен, так нужен, что они целый хейм перебили, ища его – и ее, Дженну. Значит, весь этот ужас произошел по их вине. Верно сказала Мать Альта: она, Дженна, предвестница конца. Весь хейм погиб.

Весь хейм! И Пинта тоже? Дженна вскочила и понеслась наверх через две ступеньки, отчаянно пытаясь вспомнить, где находится комната лекарки. Где-то на втором этаже, это точно. Дженне не верилось в то, что мужчины способны убить раненую девочку.

Она открывала дверь за дверью, переступая через тела женщин и их врагов – сестры Ниллского хейма не уходили, не взяв с собой в Пещеру двух или более мужчин.

Высокий бородатый воин с изрытым морщинами лицом и окровавленным горлом лежал, загораживая закрытую дверь. Дженна пинком отшвырнула его прочь.

– Бросаешь кости своим злобным псам? – крикнула она. – Пусть они перервут тебе глотку еще раз. – Дженна открыла дверь и увидела, что это и есть лазарет. Три мертвые женщины лежали на койках, а одна, с завязанными глазами, под столом. Пинты среди них не было.

– Пинта! – вскричала Дженна, вызвав гулкое эхо, но ответа не получила.

Она выскочила наружу, перепрыгнув через мертвеца, и побежала по коридору, распахивая двери и призывая Пинту.

Одна дверь стояла приоткрытой, и за ней была детская, откуда Дженна и Карум два дня назад прыгнули в ледяную реку. Халла бежала под окнами, и раскиданные игрушки тоже казались мертвыми.

Какая-то мысль не давала Дженне покоя, пробиваясь сквозь ужас и кровь.

– Дети! – прошептала она. – Я не видела здесь мертвых детей!

Прислонившись к окну, она попыталась вспомнить, что говорила им Армина о детях, но все заслонял образ мертвой Армины, распростертой на ступенях.

– Мне нужно подумать, – сказала Дженна вслух. – Я обязана вспомнить. – Она вызвала у себя в памяти обед, когда раздался стук в ворота. Именно тогда Армина сказала что-то о детях. Но что?

И тут Дженна вспомнила: «У нас есть где их спрятать, не бойся». Она говорила о детях и о раненых тоже. Дженна прикусила губу. Раненых перебили на койках – лазарет не был надежным убежищем.

– Но ведь не все же это раненые, – сказала она, рассуждая вслух. – Такой бой уж верно длился не меньше нескольких часов. Должны быть другие, которых успели где-то укрыть. В том месте, о котором говорила Армина. Если бы она только сказала, где это! – «И Пинта, наверное, тоже там», – невольно подумалось Дженне.

Боясь верить в это слишком сильно, Дженна все же поз-

волила себе чуть-чуть надеяться. Она обшарила весь второй этаж и по задней лестнице поднялась на третий.

Здесь было меньше мертвых тел – то ли бой сюда не дошел, то ли, как мрачно подумала Дженна, защитниц осталась только горстка. Резные двери Матери Альты были разбиты вдребезги. Дженна осторожно вошла.

Здесь, как видно, состоялась последняя схватка. Несколько женщин сгрудилось у ног Матери Альты – повязки на их ранах пятнала свежая кровь. Лекарка с перевязанной головой лежали поперек колен жрицы. Пальцы Матери Альты сплелись с пальцами лекарки, и только шестой торчал наружу. Открытые мраморные глаза жрицы смотрели в пространство.

Но ни Пинты, ни детей не было. Мужчины, должно быть, забрали их с собой, внезапно подумала Дженна, забрали отчаянно кричащих детей и... Но воображение отказывалось служить ей. Она не могла себе представить, на что взрослым мужчинам нужно столько детей, в том числе и грудных.

Весь остаток дня Дженна сносила тела женщин на кухню и в Большой Зал. Она делала это бережно, словно надеялась искупить этим свою вину, и укладывала их бок о бок, оставляя место для темных сестер. Последней она снесла вниз Мать Альту – маленькое скрюченное тельце, весившее не больше детского.

Дженна знала, что не сможет перенести их всех в Пещеру, знай, она даже, где эта Пещера находится. Вместо этого

она подождет хейм. Это будет достойным завершением отважной битвы.

Была уже глубокая ночь, когда Дженна уложила Мать Альту на кухонном столе, выровняла ее поджатые ноги и перещеловала все пальцы на шестипалых руках, прежде чем сложить их на груди. Глаза Дженны уже привыкли к полумраку. Она зажгла лампы только на самом верху лестницы, иначе ей пришлось бы носить и темных сестер, не только светлых. Но теперь она зажгла свечу в головах у жрицы и со спокойным удовлетворением увидела, как появилось рядом с Матерью Альтой тело ее темной сестры и шестые пальцы обрисовались в мерцающем свете.

– Вот и все сестры, одна за одной, – прошептала Дженна, зажигая все лампы на кухне. Потом вышла в зал и осветила все его углы, кивая по мере того, как темные сестры появлялись рядом со светлыми. Слова погребальной молитвы сами пришли ей на уста:

Во имя пещеры горной.

Во имя могилы черной...

Мертвые сестры не будут одиноки в эту ночь. В последний раз она слышала эти слова, когда они втроем спускались по лестнице, а дрожащий голос Матери Альты следовал за ними.

Поднявшись напоследок по этой лестнице, Дженна поня-

ла вдруг, как она устала. Она решила снести вниз два главных сокровища Ниллского хейма – Книгу Света и зеркало. Глубоко переведя дух перед разбитой дверью, Дженна вошла.

Она сняла с зеркала покров и на миг испугалась своего отражения. В волосах у нее запутались травинки, и косу давно следовало переплести. Под глазами легли черные круги. За эти дни она то ли похудела, то ли сильно выросла. Она перепачкала одежду в крови, даже на правой щеке остался след. Это чудо, что Каруму захотелось ее поцеловать.

Подумав об этом, она приложила пальцы к губам, как будто на них еще сохранился след поцелуя. «Вот и его больше нет, – подумала она. – Он там, куда я прийти не могу».

Она воздела руки перед зеркалом, словно в молитве, и прошептала хрипло:

– Приди ко мне. Приди ко мне, – единственное, что она помнила из обряда Сестринской Ночи. – Приди ко мне.

Она звала Карума, и Пинту, и детей, и всех погибших сестер хейма. Звала свою названую мать Аму, и свою приемную мать Сельну, и свою родную мать, убитую дикой кошкой. И даже Мать Альту из Селдена. Всех, кто был частью ее жизни и теперь покинул ее.

– Приди ко мне. – Она знала, что они либо мертвы, либо далеко и не слышат ее, и все же звала. – Приди ко мне. – Слезы бежали у нее по щекам, смывая кровь павших. – Приди ко мне. Приди ко мне.

Луна серебрилась в окне, и ветерок шевелил волосы на лбу и на затылке. Туман лег на зеркало, словно оно запотело, но Дженна из-за слез не разглядела этого.

– Приди ко мне, – горячечно шептала она.

Туман заволок ее отражение, сгущаясь от краев к середине, а рука Дженны все манила и голос выговаривал, словно сам по себе:

– Приди ко мне.

– Иду к тебе, – шепнуло в ответ отражение.

Дженна как замороженная приблизилась и прижала ладони к зеркалу. Вместо гладкого стекла они коснулись таких же теплых рук. Дженна переплелась пальцами со своим двойником и вывела его из зеркала.

– Долго же ты собиралась, – сказало отражение. – Я давно уж могла бы быть здесь.

– Кто ты? – спросила Дженна.

– Кто же, как не твоя темная сестра Скада?

– Скада?

– На древнем языке это значит «тень».

– Моя тень – Пинта. – Это имя обожгло Дженне горло.

– Пинта была твоей тенью – теперь ею буду я. И стану тебе гораздо ближе, чем Пинта.

– Не можешь ты быть моей сестрой. Ты совсем на меня не похожа. Я не такая тощая, и скулы у меня не так торчат. И... – Дженна провела рукой по косе.

Скада с улыбкой потрогала свою, черную.

– Мы никогда не видим себя со стороны. В нашем мире первым делом учат тому, что сестры бывают слепы. У меня черные волосы, и я, правда, немного потоньше тебя – но это мы поправим.

– Как?

– В вашем мире едят сытнее, чем у нас.

– Разве ваш мир отличается от нашего?

– Он – его зеркальное отражение. Но ведь отражение нематериально. Поэтому нам и приходится ждать вашего зова.

– Я совсем не того ожидала, – покачала головой Дженна. – И ты совсем не такая, как я думала.

Скада тоже покачала головой, словно передразнивая Дженну.

– Чего же ты ожидала?

– Не знаю. Я думала, ты будешь... помягче. Более уступчивой, более покорной.

– Но, Дженна, разве ты сама мягкая, уступчивая или покорная? Во мне не может быть того, чего нет в тебе. Я – это ты. Только ты себе не позволяешь быть такой. – Она улыбнулась, и Дженна улыбнулась ей в ответ. – Я бы не стала так тянуть с поцелуем.

– Так ты видела? – вспыхнула Дженна.

– Не то чтобы «видела». Но это случилось ночью, при луне – и я запомнила то же, что и ты.

Дженна коснулась пальцами губ, вспоминая, и Скада сле-

лала то же самое.

– Есть и другое, что я сделала бы по-своему, – сказала она.

– Что же это?

– Я не поколебалась бы признать себя Анной. А значит, какая-то часть твоей души желает того же.

– Нет! – сказала Дженна.

– Да! – сказала Скада.

– Почему я должна тебе верить? Может, ты просто одна из женщин этого хейма?

– Сказать тебе, что сказал Карум, когда вытащил тебя из Халлы? Тогда тоже была ночь. Лунные ночи я делю с тобой, Дженна, – и буду делить всегда.

– Всегда? – прошептала Дженна. – Так ты не уйдешь?

– Я не могу, – прошептала в ответ Скада. – Ты вызвала меня, и я пришла – теперь все. Сестра воззвала к сестре, нужда к нужде.

Дженна присела на корточки, глядя в пол. Скада повторила это за ней.

– Нужда... – промолвила Дженна и посмотрела на Скаду, встретившись с ней взглядом. – Мне нужно узнать, куда увели детей. И Пинту.

– Я помогу тебе, лишь бы луна светила.

– Тогда для начала помоги мне снести вниз это зеркало. И Книгу. Я хочу положить Книгу в изголовье Матери Альте, а зеркало поставить в ногах. Только сначала разобью его на всякий случай. Ни один мужчина не должен проникнуть в

тайну нашего двуединства. – Дженна кивнула Скаде, а Скада ей.

– Начинай, сестра, и мне ничего не останется, как поступить так же.

– Я забыла, – улыбнулась Дженна.

– К этому нужно привыкнуть. Как тебе, так и мне. В своем мире я действовала самостоятельно – кроме тех случаев, когда оказывалась у зеркала или пруда.

– Ты сердишься на меня за это?

– На тебя? Да ведь ты даешь мне жизнь. Без тебя я, и правда, только тень.

Дженна встала и взялась за левую сторону зеркала, а Скада – за правую.

– Когда скажу, поднимай его, – сказала Дженна.

У Скады на губах мелькнула улыбка.

– Поднимай со своей стороны, а говорить ничего не надо.

– Ну да, конечно. Не странно ли – я всю жизнь провела среди темных сестер, но как-то не задумывалась над этим.

– Скоро ты и ко мне привыкнешь. Ну, поднимай же зеркало, хватит болтать.

Дженна расставила пошире ноги, и Скада напряглась вместе с ней, но зеркало не сдвинулось с места, словно было приделано к полу.

– Странно – сказала Скада.

– Странно, – согласилась Дженна. Она выпрямилась и нагнулась опять. Скада повторяла каждое ее движение. – Давай

еще попробуем. – Стараясь поднять зеркало, Дженна взялась за знак Богини и немного сдвинула его вправо. Раздался громкий скрежет, и пол под ногами у Дженны начал перемещаться. Она отскочила прочь от зеркала, Скада за ней. Дженна вынула свой меч из ножен и вздрогнула, когда сверкнул меч Скады. При луне оба клинка как будто зажглись холодным огнем.

Часть пола со скрипом отошла в сторону, и открылась лестница. Кто-то тоненько вскрикнул, и маленькая девочка вылезла из люка, щурясь на лунный свет.

– Анна, – сказала она. – Мать Альта говорила, что ты придешь.

Девочка громко свистнула, склонившись вниз, и бросилась Дженне на шею.

Дети вылезали из подземелья, как мышата из норы, и старались говорить все разом. Даже младенцы громко пищали. Дженна со Скадой всех обняли, приласкали и, наконец, собрали вокруг себя.

– Все ли вы здесь? – спросила Дженна. – Внизу никого не осталось?

– Одна осталась, Анна, – сказала старшая девочка, – но она слишком больна, чтобы подняться.

– Очень больна, – подтвердила другая, чумазая, со спутанными каштановыми волосами.

– Почему же вы ее не принесли?

– Она слишком большая, нам ее не поднять.

– Большая! – Дженна встала, не смея надеяться. – Скада, пошли.

– Тогда нужно зажечь лампу.

Старшая девочка, двенадцатилетняя, с темными косами и ямочками на щеках, подала им лампу. Они спустились вниз и прошли через несколько темных, но сухих помещений с койками вдоль стен. Повсюду валялись объедки, и запах стоял удушающий.

– Младенцев полно, а купать их негде, – шепнула Скада. Дженна, не отвечая, сморщила нос. В последней комнате девочка с лампой воскликнула:

– Вот она.

На койке спиной к ним лежала фигурка с темными волосами.

– Пинта, – прошептала Дженна. – Пинта, это ты?

Девочка на койке пошевелилась, но повернуться, как видно, не могла. Дженна бросилась к ней и с помощью Скады повернула к себе кровать.

– Здравствуй, Дженна, – сказала Пинта. Ее глаза были как темные ямы.

Дженна не сдержала слез.

– Я же сказала, что вернусь за тобой. Я пообещала это тебе в своем сердце.

– Я знала, что ты придешь.

– Пинта, это... – начала Дженна, видя, что Пинта смотрит на Скаду.

– Твоя темная сестра. Ну конечно. Я рада за тебя, Дженна. Плохо быть одной, а я какое-то время не смогу быть твоей тенью. Недолгое время. – Пинта закрыла глаза и умолкла.

– Она... она не умерла? – шепотом спросила Дженна у Скады.

– «Сон – младшая сестра смерти», – улыбнулась Скада. – Неудивительно, что ты перепутала.

– А, так она спит! – усмехнулась Дженна.

Они подняли койку и внесли ее вверх по лестнице.

– Но где же Мать Альта? – спросила девочка с темными косами.

Дженна присела, чтобы быть вровень с детьми, и Скада присела рядом с ней.

– Послушайте, малютки, – то, что вы увидите внизу, будет очень тяжело для вас. Но помните, что ваши матери теперь у Великой Альты и они ждут того дня, когда все мы придем к ним.

Четырехлетняя девочка начала всхлипывать, еще две заплакали, а у темнокосой вырвался протяжный стон.

– Не может быть, чтобы все они...

– Все, – как можно мягче, словно утешая, сказала Дженна. Одна из малюток, растревоженная светом и общим плачем, раскричалась в голос.

Пинта открыла глаза и, едва шевеля губами, заговорила на удивление сильным голосом:

– Тише! Тише! Вы – молодые воительницы Альты. Дети

нашей Матери. Вы что же, хотите потревожить своих матерей в пещере Альты? Им там хорошо, они играют с Богиней в прутья и сосут ее грудь. Хотите, чтобы они промахнулись из-за ваших криков? Или упустили сладкий сосок? Ну нет, дети мои. Мы должны быть сильными. Мы всегда должны помнить, кто мы такие.

Плач прекратился – даже дитя унялось, успокоенное ее голосом.

– Больше они не станут плакать, – шепнула Пинта Дженне. – В подземелье не плакал никто, даже когда свечи погасли. И теперь не станут. Веди нас, Белая Дженна. Веди, Анна. Веди, и мы все пойдем за тобой, как тени.

* * *

Они разбили зеркало рукояткой Дженнинного меча, а после подожгли кухню и Большой Зал. Дженна взяла в помощь только старших. Она не хотела, чтобы маленькие видели мертвых, и дети ждали у задней двери.

Когда дым повалил вверх, Дженна и Скада подняли койку Пинты, а остальные потянулись за ними.

Они срубили кривую ель, загораживающую тропу. Вскарбкались на скалу, веревками подняли наверх носилки и во главе с Дженной направились к Морю Колокольчиков, за которым лежал Селденский хейм. Это было единственное известное Дженне место, где она могла пристроить столько де-

тей. Она поклялась себе, что, поместив их там, добудет новую карту и обойдет все остальные хеймы.

Книга четвертая

АННА

МИФ

И создала Великая Альта Анну, Белую Деву, – из огня и воды, из земли и воздуха.

– Та, которую создала я, – сказала Великая Альта, – от меча не погибнет, и в воде не утонет, и в огне не сгорит, и в земле и воздухе не сгинет. И будет она концом и началом всего сущего.

МИФ

И Великая Альта взяла ножницы и отрезала косу, которая связывала светлую и темную сестру, и коса упала между ними в колодец ночи.

– Как я сделала, так сделайте и вы, – сказала Великая Альта. – Ибо дитя, которое кутается в волосы своей матери, носит одежду своей матери, живет в доме своей матери, навсегда остается ребенком.

Тогда царица света и царица тени расстались, но прежде они взяли по волоску из косы и обвязали себе запястья в знак своей любви.

ЛЕГЕНДА

Однажды Майри Магорен, играя в шашки, подняла голову и увидела: идет по дороге старуха и качает головой, ток-ток, ток-ток. А за ней поспешает вереница грязных, оборванных детей.

– Старуха, старуха, – сказала Майри, – куда ты так спешишь? – Майри хотела напоить странницу и дать ей отдохнуть, а дети пусть бы себе шли мимо.

Но старуха молча шла дальше, качая седой головой, ток-ток, ток-ток, и тень ее на земле тоже качала головой, а дети следовали за ней.

Тогда Майри увидела, что дети связаны волосяными веревками и что сквозь них видны придорожные деревья.

И поняла Майри, что это Ханна-Бука, которая крадет непослушных детей из их кроваток и водит за собой, пока их одежда не износится, и башмаки не изорвутся, и матери не упокоятся в своих могилах.

ПОВЕСТЬ

Они шли по ночам, но не потому, что так было безопаснее. Даже Дженна при всем своем искусстве не сумела бы скрыть следы тридцати трех детей от нескольких месяцев до двенадцати лет. Они шли по ночам, при луне, чтобы Скада могла помочь Дженне нести Пинту. Но в густом лесу Скада пропадала, и ее сменяла темнокошая Петра.

Петра была необычайно разумна для девочки, не достигшей еще возраста странствий, и Дженна не удивилась, узнав, что она выбрала путь жрицы. Дженна пыталась вспомнить себя год назад, но память сохранила только хлопанье дверьми, скрежет сердито отодвигаемых стульев и вечное копание в себе. Петра же равно спокойно чувствовала себя с детьми и с Пинтой, которую все еще лихорадило. У нее имелся неисчерпаемый запас сказок и песен, а голос ее все больше напоминал Дженне шестипалую Мать Альту.

Из хейма они захватили столько еды, сколько могли унести. Каждая из старших тащила мешок или корзину с хлебами, сырами и сушеными фруктами. На младших надели кожаные сумочки с «бродом», твердым печеньем, которым славился Ниллский хейм. Дженна повесила себе за спину с полдюжины винных мехов, чтобы наполнять их водой из встречных ручьев.

– Даже если мы никогда не дойдем до Селдена, – заметила

Скада, – с голоду мы не умрем.

И дети подняли радостный крик впервые с тех пор, как покинули хейм, но Дженна мигом их утихомирила.

* * *

Море Колокольчиков под луной казалось бескрайним со своими белыми цветами среди темной травы. Дженна благодарила судьбу за то, что теперь нет тумана.

Они со Скадой повели детей напрямик через луг, махнув рукой на примятую траву, которая оставалась за ними. Главное – поскорее добраться до цели. Дети нуждались в материнской заботе. Пинта в уходе, и, что бы там ни говорила Скада, еды им хватит всего на несколько дней. Кроме того, в памяти Дженны постоянно звучал голос Матери Альты: «Ты пойдешь из хейма в хейм, предостерегая сестер. Ты будешь говорить: „Близится последний срок“. И каждый раз, повторяя эти слова, Дженна вспоминала страшное зрелище Ниллского хейма, трупы во дворе и на лестнице, а после – тонкую струю дыма, поднимающуюся в небеса, словно нить из клубка душ.

В первое утро они сделали привал у восточного края луга. Малютки, проспавшие всю ночь на руках у своих носильщиц, пробудились, но остальные так притомились, что тут же уснули на траве под веселое воркование самых маленьких.

Дженна и Петра весь день караулили, сменяя друг друга, но, к счастью, не видели никого, кроме лисьей семейки, игравшей неподалеку от спящих, да диких гусей, летевших клином на север.

Вечером все поели хлеба и сыра, запивая ужин водой, а Дженна во время одного из бдений Петры нашла беличий тайник с орехами. Фрукты приберегли на остаток пути.

После еды Дженна подняла всех на ноги.

– Вперед, мои отважные воительницы. Вперед, мои путешественницы. Петра расскажет нам сказку, и мы отправимся в дорогу.

Петра спела вечно волнующую балладу «Скачка короля Крака». Все подхватывали за ней припев:

Вот скачет король под полной луной,
И сестры следом – одна за одной.

И даже младенцы махали ручонками в такт. Вспомнив, как Пинта прочла им перед боем первые строки этой баллады, Дженна опустилась на колени рядом с носилками.

– Ну, как дела, тень моя?

Пинта приподняла голову.

– Кажется, я иду на поправку, Дженна. Кто бы мог подумать? Я болталась между тобой и Скадой, точно в маслбойке, однако лихорадка ночью прошла, а рана ноет еле-еле, как больной зуб.

Дженна положила руку Пинте на лоб – он был прохладный и влажный – и укутала Пинту в одеяло, а Петра тем временем допела балладу. Пинта шепотом повторила припев:

– «И сестры следом – одна за одной». Хорошие слова, Дженна. С ними дети будут идти быстро и без страха.

– Она того и хотела, – сказала Скада, возникнув рядом с Дженной.

Дженна увидела, как луна взошла над горизонтом, и сказала тихо, словно про себя:

– Ага, вот и ты. Значит, можно отправляться.

Луна уже пошла на ущерб и таяла по краям, но Скада оставалась все такой же бодрой, и ее смех рассеивал тоску Дженны. Дженна попробовала было унять ее, но Скада воспротивилась:

– Если я умолкну, Дженна, ты будешь твердить про себя одно и то же, а это совсем не весело, согласишься.

– Тише, Скада, – я что-то слышу. – И Дженна остановилась, склонив голову набок. Скада застыла в том же положении.

– Одной Великой Альте известно, что ты могла расслышать за топотом шестидесяти шести маленьких ног, – сказала она, продолжая, однако, прислушиваться.

– Замолчишь ты или нет?

– Я молчу – это ты языком мелешь.

Дети, идущие за ними, остановились тоже, и из леса донесся едва слышный хруст.

– Кошка? – шепнула с носилок Пинта.

– Слишком шумно.

– Медведь?

– Недостаточно шумно.

– Нечего сказать, утешила.

– Ох, Пинта, у нас ведь уже был как-то такой разговор.

Пинта усмехнулась, несмотря на страх.

– Нашла время для веселья!

Пинта приподнялась на локте.

– Дженна, ты всегда твердишь мне: думай, думай – вот и подумай сама. Вспомни, что было, когда мы слышали этот звук в тумане.

– Это был Карум, – внезапно смягчившимся голосом сказала Дженна.

– Теперь это не Карум, но это человек – и он один. Нас гораздо больше, кто бы он ни был.

Дженна кивнула и вынула меч. Скада последовала ее примеру.

– Спрячь меч, Джо-ан-энна, – сказал чей-то голос. – Если бы я захотела застать вас врасплох, ты бы меня в жизни не услышала.

Пинта села на носилках и улыбнулась, преодолевая боль.

– Ама!

Амальда вышла из мрака, и рядом с ней тут же возникла ее темная сестра Саммор.

Дженна и Скада разом убрали мечи и отошли, пропуская

Амальду и Саммор к носилкам.

– Что с тобой, дитя мое? – воскликнула Амальда.

– Я говорила, не подумав, и вылезала вперед. Не ты ли меня от этого предостерегала? Ну, на этот раз я, кажется, усвоила урок. Но ты-то как здесь оказалась, Ама?

Саммор взяла Пинту за правую руку, Амальда за левую.

– Из-за тебя, бесенок, – хором сказали они.

– Когда из Калласфорда пришла посланница и сказала, что тебя не было с двумя другими... – начала Амальда.

– Вот видишь, Дженна, – перебила Пинта, – говорила я тебе, что они доберутся сами.

Амальда продолжила:

– Мы не смогли оставаться дома, узнав, какую глупость ты совершила, – мы боялись, как бы ты не подвергла опасности себя и других. Марга, ты открыто ослушалась Матери.

– Да, ослушалась, потому что она распорядилась неправильно, всем во вред.

– Приказ есть приказ, что бы ни говорило тебе твое сердце. В Долинах говорят: «Сердце бывает жестоким хозяином». И посмотри, как жестоко обошлось оно с тобой. – Амальда Саммор огорченно рассматривали повязку Пинты.

– Еще более жестокая судьба постигла женщин Ниллского хейма, – шепотом сказала Дженна и обвела рукой детей, которые стояли тихо, ожидая дальнейших приказаний.

Пинта потупилась, прикусив губу.

– А мы-то ума не приложим, кто это такие, – сказала Сам-

мор. – Какие тихие – настоящие Альтины детки.

– Знатный урожай собрала ты в горах, Дженна, – добавила Амальда. Дженна кивнула. – А где же их матери?

– Они мертвы.

– Все?

Дженна молчала.

– Все до единой, – впервые подала голос Скада. Амальда и Саммор уставились на нее.

– Да ведь ты же...

Скада и Дженна кивнули обе и стали рядом, соприкасаясь плечами. Теперь их сходства нельзя было отрицать.

– Ничего не понимаю, – сказала Амальда, став перед ними. – Тебе ведь еще целый год до Сестринской Ночи. Не могли же в Ниллском хейме подготовить тебя так скоро, а сама ты ни разу не видела, как проходит обряд.

– Это случилось само собой, – пожала плечами Дженна.

У Скады этот жест вышел еще более красноречивым.

– Нужда позвала нужду, – сказала она, – и я пришла.

Настала долгая тишина, но вот четырехлетняя девчушка протолкалась к взрослым и дернула Дженну за рукав.

– Анна, – зашептала она, – тут поблизости кашляет кошка. Малышки боятся.

– А ты разве не боишься? – Дженна стала на колени рядом с девочкой, Скада тоже.

– Нет, Анна, – ведь ты же здесь.

– Почему она зовет тебя Анной? – спросила Саммор.

– Анна – это... – начала Амальда.

– Я знаю, кто такая Анна, – сказала Дженна, – но больше уже не знаю, кто такая я. – Она обняла девочку с одной стороны, Скада с другой. – Так что вы слышали, солнышко?

– Кошку в лесу. Она кашляла вот так. – Девочка очень похоже воспроизвела рык зверя.

– Рассказ может и подождать, – сказала Саммор, – а вот кошка ждать не будет. Мы с Амальдой убьем ее, и кто-то из ваших малюток нынче будет спать в шкурке потеплее своей. – И обе охотницы неслышно скрылись в лесу.

– Скажи всем остальным, – сказала Дженна девочке, – что мы подождем их здесь. А кошки можете больше не бояться. У нас в хейме говорят: «Кошка, которая подала голос однажды, сделала это на один раз больше, чем следовало».

– У нас тоже так говорят, Анна, – захлопала в ладоши девочка. Она обошла всех, и дети, усевшись на траву, стали ждать.

– Кошка – еще не беда, – сказала Дженна.

– Как и необходимость рассказать обо всем, – добавила Скада.

– Беда в том, – отозвалась с носилок Пинта, – что луна вот-вот зайдет.

– Об этом можно больше не беспокоиться, – сказала Скада. – Ама поможет нести тебя. Вы можете идти и днем, если захотите.

– Будь с Пинтой только Амальда и я, мы шли бы и днем

и ночью. Но детям это не под силу. Они у нас и так плохо едят и мало спят.

– Они быстро все наверстают, – сказала Скада.

Дженна посмотрела через ее плечо на лес, темный и грозный при луне.

– Скорей бы уйти с этого места. Оно навевает дурные воспоминания.

– И где-то близко могила, – добавила Пинта.

Меньше чем через час, когда луна еще не достигла зенита, Амальда и Саммор вернулись, неся кошачью шкуру.

– Быстро управились, – с легкой улыбкой сказала Дженна.

– Кошка была не из крупных. Да и ободрали мы ее кое-как. Шкура будет плохо пахнуть, но дома мы отскоблим ее как следует. Надо спешить.

– Мы того же мнения, – сказала Пинта.

Шкуру бросили Пинте на ноги, и все дети стали трогать ее, отпихивая друг дружку – своих грудных сестричек они на время оставили в траве.

– Пусть каждая потрогает разок, и все, – распорядилась Петра. – Пора идти.

Девочки, тихо и серьезно совершив этот обряд, выбрали малюток и построились двумя ровными рядами.

– Пойдем на юг, – сказала Амальда. – Так короче, да и мимо одного нехорошего места идти не придется.

– Что за место? – спросила Дженна.

– Могила со сломанным крестом наверху, а на кресте

шлем в виде оскаленной собачьей головы.

– Так ведь я этот шлем бросила в могилу, – брякнула Дженна.

– Ну а тот, кто нашел могилу первым, похоронил покойника заново, как требуется по их обряду.

– Тот, кто нашел первым? – повторила Пинта.

– Мы были вторыми, – пояснила Саммор. – На ваш след мы напали сразу – это не делает нам чести, как наставницам. Вы топтались кругами на одном месте.

– Так ведь туман был, – сказала Дженна, но Амальда и Саммор пропустили это оправдание мимо ушей.

– Когда мы вышли на ту изрытую поляну и увидели свежую могилу, то испугались худшего. Но оказалось, что в могиле лежит здоровенный мужик, – сказала Саммор.

– Убитый дважды, судя по его ранам, – добавила Амальда. – Один раз в бедро, а другой...

Дженна судорожно вздохнула.

– Прошу вас, – сказала Скада, – Дженна не может об этом слышать. Не знаю уж, как у нее достало духу сделать это.

– Я сделала то, что должна была. Но радости мне это не доставило, как не доставляет и теперь. Дети ждут – не пора ли двигаться?

В пути они поделили между детьми остатки «брода» и фруктов, а малюток напоили водой с медом, который Амальда и Саммор имели при себе.

Пинта и Скада поведали об ужасах Ниллского хейма, ста-

раясь не слишком сгущать краски, – бледность Дженны пугала их. Амальда и Саммор выслушали рассказ, не прерывая, и все пятеро надолго умолкли – что можно было сказать в утешение? Они позаботились о том, чтобы дети ничего не услышали, а Петра всю щебетала, развлекая малышкой.

В конце концов, южная дорога свернула в лес, и Саммор со Скадой исчезли, а Дженна и Амальда понесли Пинту дальше. Они молчали и утром, собрав детвору под скалой и поместив Пинту посередине. Все улеглись спать у подножия Высокого Старца, чей бородатый лик смотрел на них сверху дотемна.

Дети проголодались, и некоторые стали жаловаться, несмотря на уговоры и нескончаемые песни Петры. Девочки обессилели от долгого перехода, и Амальда с Дженной стали брать самых маленький себе на плечи, а на носилках у Пинты лежало сразу по несколько младенцев. Таким-то образом маленький отряд из тридцати шести человек утром пятого дня подошел к воротам Селденского хейма, сопровождаемый двумя молчаливыми дозорными, – те не задавали вопросов, чтобы не задерживать путниц еще больше.

Ворота открылись сразу – детей в хейм пускали без промедления, – и женщины сгрудились вокруг, принимая девочек в теплые объятия. Затем путешественниц повели на кухню – кормить.

Дженна знала, что бани в хейме топят чуть ли не весь день, и уже предвкушала прикосновение горячей воды к сво-

ему усталому телу. Она обняла Петру за плечи.

– Пошли, моя правая рука, – надо подкрепиться горячим жарким и искупаться, прежде чем предстать перед Матерью. – Она сказала это шутливо, хотя при этой мысли у нее свело живот, и с удивлением увидела слезы на глазах Петры.

– Ведь теперь все хорошо, Анна? – шепотом спросила девочка.

– Да, все кончилось хорошо, благодаря твоим заботам.

– Богиня улыбается, – сказала Петра, словно эхо шестипалой жрицы.

Дженна отвернулась и прошептала тихо, чтобы Петра не слышала:

– Богиня смеется, и я не знаю, нравится ли мне этот смех.

– Что ты сказала?

Дженна вместо ответа повела Петру в кухню, где Дония поставила перед ними две миски дымящегося жаркого и толсто нарезанный хлеб с маслом и вареньем из морошки.

* * *

Амальда никому не позволяла расспрашивать их, пока они ели, а потом отнесла Пинту к лекарке. Кадрин осмотрела плечо и спину Пинты, пока та поглощала вторую порцию жаркого.

– Хорошая работа, – сказала Кадрин, по обыкновению плотно сжав губы. – Рука не откажет тебе, что часто случает-

ется при повреждении мышц. Только начинай упражнять ее как можно раньше.

– Когда? – спросила Пинта.

– Я скажу когда – и это будет раньше, чем захочется тебе или твоей руке. Будем работать над ней вместе. – Пинта кивнула. – Но шрам останется большой, – предупредила Кадрин.

– Я буду вести счет твоим рубцам, Марга, – улыбнулась Амальда. – Шрамы воительницы – это лицо ее памяти, карта ее мужества.

Пинта, поколебавшись, сказала матери:

– Я больше не воительница, Ама. Я видела столько смертей, что достало бы на двадцать воинов, хотя моя рука поразила лишь одного, да и того только в бедро. И все же я принесла ему смерть, как если бы во мне таилась какая-то зараза.

– Но как же... – побледнела Амальда.

– Я приняла решение, Ама. Не принимай это как укор, но в Сестринскую Ночь я скажу, что хочу воспитывать детей, как Марна и Зо. У меня это хорошо получается, и мои услуги не будут лишними, раз в хейме появилось столько новой ребятни.

Амальда хотела сказать что-то, но Кадрин удержала ее:

– Не надо, Амальда. Есть шрамы, которых мы не видим, и заживают они медленно, а то и вовсе не заживают. Я знаю. У меня самой есть такие.

– Ты устала, дитя, – кивнув, сказала Пинте Амальда.

– Да, матушка, устала, но не поэтому так говорю. Видела бы ты их, всех этих красивых, сильных женщин Ниллского хейма – сестер, что лежали плечом к плечу. Дженна поставила мою койку между кухней и залом, чтобы я могла проститься с ними. Она сказала – и эти слова навсегда останутся со мной, – что мы должны запомнить их. Ведь если мы забудем, то будет так, ровно они погибли напрасно. Сестры, плечом к плечу. – Пинта отвернулась, глядя в стену, словно видела что-то на ней, отстранила от себя миску и заплакала.

Амальда села к ней на постель, глядя ее кудрявую голову.

– Как скажешь, сердце мое. Как скажешь, дитя, которое я носила под сердцем. Ты всегда была упрямецей. Успокойся и усни. Все хорошо.

Пинта обратила к ней полные слез глаза.

– Нет, Ама, ты не понимаешь. Никогда мне уже не будет хорошо – вот в чем беда. Но я посвящу свою жизнь тому, чтобы оберегать маленьких, – пусть они не испытают того, что испытала я. Ох, Ама... – Пинта села и обняла мать, несмотря на боль в спине, – крепко, словно навеки.

ПЕСНЯ

Баллада о Белой Дженне

Волны стонали, ревел прибой,
Тридцать и три отправились в бой.
Стрелы остры, а рука легка —
Сестры пошли против злого врага.
Светлой ведомые Дженной.
Сияла луна, пылали костры,
Духом крепились тридцать и три.

Дженна вскочила на груды камней,
«Сестры, – вскричала, – бейтесь смелей.
Во имя Великой Альты!»
Кровь перед битвой – жарче вина.
Тридцать и три стоят, как одна.
Дженна клянется: «В последнем бою
Я отвоюю землю свою.
Во имя Великой Альты!»

К морю, где бьется волна в берега,
Сестры ушли, чтобы встретить врага.
Но стрелы летят, и недели летят —
Тридцать и три не вернулись назад.

Светлой ведомые Дженной.
Но в новолунье приходит срок.
Вновь слышится клич тридцати и трех,
И кони храпят, и звенят мечи,
И пламенем белым горят в ночи
Светлые косы Дженны.

ПОВЕСТЬ

Ванна успокаивала – Дженна даже заснула ненадолго в горячей ароматной воде. Ее распущенные белые волосы плавали вокруг нее, словно блеклые водоросли.

Петра, зажав в руке прядку, легшую ей на грудь, ждала, когда же Дженна заговорит, и, наконец, не выдержала:

– Какая она, ваша Мать Альта? Я ведь буду учиться у нее.

Дженна открыла глаза, обращенные к стропилам крыши. Она долго не отвечала, и молчание натянулось между ними туго, как веревка.

– Твердая, – сказала она, наконец. – Непреклонная. Точно камень.

– Хейм нуждается в прочном камне, чтобы стоять на нем, – заметила Петра. Дженна не ответила. – Но о камень можно и ушибиться. Наша Мать всегда говорила, что жрица должна быть не камнем, но водой, которая набегает и отступает. Наша Мать Альта...

– ...Мертва, – завершила Дженна. – И я тому виной.

– Нет, нет, Джо-ан-энна. Ничьей вины тут нет. «Нет вины, нет и кары», – всегда говорила Мать Альта. И об Анне она мне рассказывала. Жрица должна знать наизусть все пророчества. Если Анна – это ты...

– А так ли это?

– Я верю, что да.

– Верись, но не знаешь наверное?

– Я буду знать лет через сто. Буду знать завтра.

– Это еще что такое? Все жрицы вечно говорят так, что ничего не поймешь. – Дженна плеснула водой на Петру. Та протерла глаза.

– Так Мать Альта говорила. Это значит, что мы должны заботиться о настоящем и предоставить отвечать на вопросы тем, кто придет после нас. И я в это верю.

Дженна встала. Вода доходила ей только до бедер, и тело, окутанное тонкими белыми волосами, точно светилось в полумраке.

– Хотела бы я верить так, как ты. Хотела бы знать, во что мне верить.

Петра встала тоже, по пояс в воде.

– Дженна, пророчество только намекает, оно не говорит ясно. Его можно будет разгадать лишь долгое время спустя. Мы, ныне живущие, должны читать его вприщурку.

– Так говорила Мать Альта.

– Не просто говорила, Дженна, – она произносила это не устами, но сердцем. Если ты вправду Анна, тебе предстоит совершить многое. Но если ты не она, ты все равно должна это делать – ведь то, что суждено, случится, верись ты в это или нет. Хеймы нужно предостеречь, и твой хейм в том числе.

Дженна сильными руками выжала воду из волос, быстро заплела их, перевязала косу лентой и перекинула через пле-

чо.

– А я-то надеялась отложить это.

– Что отложить?

– Разговор с камнем.

– Я ведь тоже буду там, Дженна, – и стану водой, которая точит камень. Вот увидишь.

– Вода, которая точит камень? Это хорошо.

Они переоделись в чистое и рука об руку вышли в зал. Но горячая вода отняла у них последние силы, и они, едва успев добраться до Дженниной кровати, повалились на нее и уснули. Дженна проснулась только раз за весь день, когда Амальда пришла будить их, но не стала и только перенесла Петру на кровать Пинты

Амальда беспокойно ерзала, ожидая, когда заговорит Мать Альта, и жалея, что теперь не ночь и Саммор нет с нею. Она объяснила жрице, что девочки устали, и рассказала обо всем вместо них. Рассказ ее был краток. Амальда не все знала и не все понимала, а то, что знала, изложила без обычных воинских прикрас, полагая, что сейчас главное правда, а не сочинительство. Мать Альта выслушала ее с закрытыми глазами – дурной знак – и то кивала, то качала головой по одной ей ведомым причинам. Амальда не могла сказать, прогневана жрица, опечалена или довольна, – ясно было только, что она судит о рассказанном по-своему. Мать Альта всегда судила по-своему, и решения, которые она выносила после, были все равно, что высечены на камне. Амальда этих реше-

ний никогда не оспаривала – не в пример таким, как Катрона, которые частенько пререкались со жрицей.

Дыша в лад с Матерью Альтой, Амальда пыталась припомнить заветный стих, чтобы успокоиться, – но в памяти возникали только строчки из «Скачки короля Крака» да страдающее лицо Пинты.

– Амальда! – Голос жрицы, резкий и властный, вернул ее к настоящему. – Вечером мы выслушаем этот рассказ снова, но уже из уст очевидцев: Джо-ан-энны, Марги и юной Петры. Надо узнать всю правду, в том числе и то, что ты – неумышленно, я уверена – опустила.

Амальда кивнула с несчастным видом, недоумевая, что же она такое могла опустить – и не вспомнила ни слова из того, что рассказывала.

– Прочие дети, – продолжала Мать Альта, – лягут спать, и старшие присмотрят за младшими, пока мы будем говорить. Все сестры должны узнать о позоре и ужасе произошедшего. Все.

Лицо Матери Альты приобрело хищное выражение, напомнившее Амальде лисицу в курятнике, и охотнице сделалось не по себе. Она хотела возразить, но чувствовала, что без Саммор ей со жрицей не сладить, и ждала только знака, чтобы уйти.

Мать Альта махнула рукой, отпуская ее, и Амальда поспешила покинуть эти гнетущие ее стены.

Как только дверь за Амальдой закрылась, Мать Альта

встала, оправила свою длинную шерстяную юбку, сняла покров с зеркала и воззрилась на знакомое отражение.

– Верю ли я ей? – спросила жрица, обращаясь к зеркалу. – Но зачем ей было лгать? – Мать Альта задумалась, качая головой. – Нет, Амальда не лжет. Она недостаточно умна для этого. Она передаст лишь ту постыдную повесть, что рассказала ей Дженна. Но что, если эта повесть лжет или о чем-то умалчивает? В Книге ясно сказано: «Одна ложь может осквернить тысячу истин». – Жрица помолчала, словно ожидая от зеркала ответа, и приложила к нему ладони. Синие знаки, отразившись, тут же пропали, и зеркало затуманилось вокруг ее рук. – О Великая Альта, танцующая от звезды к звезде, я и верю, и не верю. Я хотела бы быть Матерью Анны, но страшусь конца, который придет вслед за этим. Здесь мне было хорошо. Я была счастлива. «Лишь глупая стремится к концу – умная жаждет начала», – так сказано в твоей Книге.

Буду ли я неправа, отвергнув ее? Она всего лишь девчонка. Я видела, как она растет. Да, она была не совсем такой, как другие. Но где же корона, венчающая ее? Где голоса, поющие «Славься, славься»?

Сделать неверный выбор – значит, выставить себя душой. И надо мной посмеются, как над той душой из сказки, которая поняла правила игры, когда все уже разошлись по домам. Женщины, которыми я управляю, будут смеяться надо мной. Но ты-то, Великая, знаешь: я не дура. – Жрица отняла

ладони от зеркала и стала смотреть, как тают туманные отпечатки. Подняв глаза к потолку, она крикнула: – Четырнадцать лет я жду бесспорного знака от тебя. Дай же мне его – теперь или никогда.

Но день был ясен – гром не прогремел, не зажглась радуга и не раздался голос с небес. Если Богиня и ответила что-то, то шепотом. Мать Альта закрыла глаза руками и хотела заплакать, но слезы не пришли.

Петра, встав первая, расчесала свои длинные темные волосы, заплела их и уложила короной вокруг головы. Платье, в котором она спала, помялось, и на щеке остались следы от подушки, но у Петры от этого не убавилось бодрости.

Дженна, не в пример ей, чувствовала себя так, будто перед сном ее долго колотили по голове и плечам. Постель была в сталь же плачевном состоянии, и просыпаться совсем не хотелось.

– Амальда заходила, только ты не слышала, – сказала Петра, увидев, что Дженна зашевелилась. – Сегодня все соберутся за обедом, и мы должны будем рассказать свою историю.

– Мать Альта тоже будет там?

– Да. И Пинта. И все остальные.

– И дети тоже? Я не хочу рассказывать историю Ниллского хейма при них. Когда-нибудь они узнают ее – но не от меня.

– Нет, они пойдут спать. – Петра присела на край Дженниной кровати. – Но я буду на собрании – и мы расскажем сестрам все. Все, Дженна.

Дженна взглянула на свои руки – они сплетались и расплетались помимо ее воли.

– Не бойся своей судьбы, Анна, – сказала Петра, прикрыв ее руки своими.

– Я не судьбы своей боюсь, – отрезала Дженна, отстраняясь.

– Почему же ты сердишься?

– Я не сержусь.

– Взгляни на свои простыни. Взгляни на свой рот.

Дженна посмотрелась в умывальный таз. Черные глаза казались еще темнее из-за кругов под ними, щеки запали, рот сжался в тонкую линию. Дженна потрогала губы – казалось, они забыли все, даже поцелуй Карума.

– Я похожа на нашу Мать Альту, – сказала она.

– Вода камень точит, – напомнила ей Петра. Дженна улыбнулась, и отражение ответило ей улыбкой.

– Теперь я готова.

– Сестры, плечом к плечу, – сказала Петра, подавая ей руку.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Все религии мира изобилуют мифами и сказаниями о женищинах-воительницах, воплощающих либо почитаемую ими богиню, либо мужское божество. Геродот пишет о женищинах, живших на северном побережье Малой Азии в городе Темиссира. Известна также индийская принцесса Малайавати, мужененавистница, командовавшая своими единомышленницами. В племени бразильских макурапов с верховьев реки Гуапоре существует предание о селении женищин, куда мужчины не допускаются. (Для более подробного ознакомления с данной темой см. монографию Дж. Р. Р. Расса «Амазонский взрыв». Изд. Пасденского ун-та, № 347.)

Неудивительно поэтому, что население Верхних и Нижних Долин создало образ Белой Богини, Анны (что на древнем языке, по утверждению Доул, значит «белая»). Однако эта амазонка в некоторых отношениях разительно отличается от классических героинь.

Так, альтианской Анне не поклонялись в образе кобылы или чего-либо связанного с лошадью, как ее континентальным или восточным подобиям. Напротив, в немногих сохранившихся сказаниях, которые можно отнести к древнему циклу Анны (см. главу «Таинственное молчание» в кн. д-ра Темпла «Альтианки»), упоминается, что Анну лошади пугают или, во всяком случае, приводят в замешательство. В

одном из боев она принимает лошадь за чудовище («двухголовый демон из тумана», говорится в дошедшей до нас балладе, входившей, по мнению ученых, в цикл). В другой балладе Анна падает с серой в яблоках кобылы к ногам своего земного возлюбленного. В песнях об Анне, сохранившихся ныне в Долинах, ничего героического нет – они скорее являются комическими и даже антигероическими. Порой они откровенно юмористичны (см. «Кирков рог», «Битва Анны с кошкой», «Как Анна стукнула лбами двоих»).

Кроме того, альтианская Анна ни в коей мере не является мужененавистницей. Некоторые баллады о ней – это любовные песни, описывающие ее весьма пикантные похождения с самыми разными мужчинами, среди которых анахронизм помещает и короля Добродруга. Есть также одна гомоэротическая, весьма грустная песня о том, как лучшая подруга Анны Маргарет умирает от любви к ней, когда та вновь отправляется на войну.

Мы смело можем утверждать, что Анна из Долин – не историческая личность, а только популярный мифический персонаж. Предположение, что некая Анна, Дженна или Джо-ханна действительно существовала и сражалась за своих сестер (как пишет Мэгон в своем сентиментальном эссе «Анна через тысячу лет», *Природа и история*, т. 41), – это явный абсурд. Слово «история» имеет двоякое значение, но истинный ученый не должен путать одно с другим. Для того чтобы постичь истинное значение образа Анны

из Долин, не следует ограничиваться простым перечнем событий. Нужно проникнуть в самую душу Островов, чтобы понять, отчего народ создал мощную фигуру Белой Богини-амазонки в самый разгар опустошительных Межполовых войн.

ПОВЕСТЬ

За обедом в трапезной чувствовалось напряжение, которое не желало рассеиваться – даже детское щебетание не помогло. Все знали, что Дженна, Пинта и новая девочка Петра должны о чем-то рассказать, но от Матери Альты поступил приказ не начинать, пока обед не закончится, и детей не отправят спать. Пока не взойдет луна, и не явятся темные сестры. Между тем все уже слышали крайне любопытные вещи и от детей, и от Амальды.

Дония и ее подручные превзошли себя. На столе красовались хорошо отбитые ломти оленины, груды весеннего салата и вино, которое Дония приберегала с прошлого года. Но ни мясо, ни зелень, ни вино не оказали обычного магического действия. Напряженное ожидание было не менее зримо, чем туман над Морем Колокольчиков, а женщины вели себя так тихо, словно сам Демон Тумана закупорил им рты.

Дженна и Петра сидели за маленьким боковым столиком отдельно от остальных. Дженна играла с едой на тарелке, как кошка с мышью, а Петра к своей и не прикасалась – сидела, сложив руки на коленях, и молча смотрела, как волнуется Дженна.

Все прочие сестры собрались за тремя длинными столами, и только стук палочек о тарелки отмечал течение времени.

Наконец трапеза завершилась, и Дония, недовольная тем,

как мало было съедено, велела своим девочкам убрать посуду. Она ворчала по поводу напрасно переведенного добра и твердила: «Ешь, пока еда перед тобой, – не тохватишься, да поздно будет». Эту мудрую мысль она переняла у некоего мужчины из Долин и повторяла столько раз, что никто уже не слушал.

Мать Альта предпочла поесть у себя – она и раньше часто так поступала. Она знала, как обратить всеобщее ожидание себе на пользу, знала, когда войти в трапезную и когда выйти. На сей раз, она приурочила свой приход к восходу луны и постепенному появлению темных сестер.

Встав на пороге рядом со своей сестрой, с весенними цветами в волосах, Мать Альта подняла руки в знак благословения. Ее сестра сделала то же самое. Повинуясь этому властному движению, все склонили головы, кроме Дженны.

Глядя жрице в лицо, она открыла было рот, но тут рядом с ней явилась Скада – туманная, но быстро обретающая четкость при свете луны и мерцающих факелов.

По безграничному удивлению в глазах Матери Альты Дженна поняла, что Амальда в своем рассказе о Скаде не упомянула. Дженна улыбнулась, и ее сестра тоже.

Жрица отвела взгляд от Дженны и одеревеневшим от неожиданности голосом стала читать молитву. Все хором повторяли за ней:

Великая Альта, что нас охраняет

От горя и бед черных.
Великая Альта, что нас укрывает
Волною волос непокорных.
Великая Альта, что нас поселила
В зеленых долинах укромных
Великая Альта, что нас научила...

Тут голос жрицы прервался, но заметила это, как видно, одна Дженна, ибо сестры без запинки прочли следующую строку:

Сестер вызывать темных.

Мать Альта, взяв себя в руки, с чувством завершила:

Во имя Твоей материнской любви.
Альта Великая, благослови!

Хор, повторивший ее слова, эхом прокатился по залу, и сестры обратили к ней нетерпеливые взоры.

Скаду поначалу заметили немногие, но вскоре все уже шушукались на этот счет. Мать Альта медленно и величественно прошла к своему креслу у огня, как будто появление неизвестной сестры ничуть ее не трогало. Ее собственная сестра заняла чуть более низкое кресло рядом с ней, и обе сделали женщинам знак выйти из-за столов.

Отодвинув скамейки, сестры Селденского хейма собра-

лись полукругом у очага. Некоторые устроились на полу, другие, как Марна и Зо, прислонились к очагу по бокам. Дженна, ведя за собой Петру, стала прямо перед жрицей, Скада чуть позади них. Все ждали, когда Мать Альта заговорит.

Среди сестер снова возникло легкое волнение, когда в зал вошла Пинта в сопровождении Кадрин. Девочка тяжело опиралась на руку лекарки, однако шла сама. Увидев Дженну и Скаду, она подмигнула им. Кадрин подвела ее к огню, а Амальда и Саммор пододвинули мягкий стул, на который Пинта и плюхнулась.

Какой-то миг в тишине слышался лишь треск горящих поленьев. Дженна напряглась, чтобы различить тихое дыхание вокруг. Глядя на родные ей лица, она вдруг увидела вместо них черты сестер Ниллского хейма – чужие лица заслоняли знакомые, точно собачий шлем багровую личину Гончего Пса. Она нашла руку Скады, переплелась с ней пальцами и только благодаря этому удержалась от слез.

– Две недели прошло с тех пор, – тихо начала Мать Альта, – как наши юные сестры, четыре наши странницы, отправились в дорогу. И за этот срок произошли события, способные потрясти самые основы нашего уютного хейма. Однако рассказывать о них буду не я. О них расскажут те, кто видел их сам: Джо-ан-энна, Марга и Петра из Ниллского хейма. – Она улыбнулась своей змеиной улыбкой – она, кажется, старалась вложить в это толику тепла, но ей это, по мнению

Дженны, не удалось.

И Дженна начала свой рассказ, начав с того, как прости-лась у слияния двух рек с Альной, Селиндой и Пинтой. Она трогательно поведала о своих чувствах при расставании и о том, как лес после разлуки показался ей еще прекраснее. Когда она дошла до появления Пинты, та ее прервала:

– Я послушалась Матери, потому что почитала себя тем-ной сестрой Дженны. Вы же помните – меня всегда дразни-ли ее тенью, вот я и стала ею на самом деле. Я не могла от-пустить Дженну одну. Мне казалось, что Мать Альта потре-бовала от нее чересчур большой жертвы. И я пустилась за Дженной следом. Если и есть в этом вина, то только моя.

Мать Альта впервые улыбнулась чуть пошире, и Дженна увидела ее волчьи зубы. Петра слева шепнула:

– «Нет вины, нет и кары».

Дженна, словно подстегнутая этим замечанием, повела свой рассказ дальше. Она поведала о тумане и о странных криках, которые, как оказалось, издавал Гончий Пес, гнав-шийся за Карумом. Карума она не стала описывать подроб-но – сказала только, что он принц. Сестры если и заметили это упущение, то промолчали. Только Пинта сидела потупив взор, с дурацкой понимающим улыбкой.

Перейдя к рассказу о гибели Варну, Дженна запнулась, и Пинта снова пришла ей на помощь. Быстро, словно ножом орудуя, она передала все в простых словах. Дженна в это вре-мя смотрела в потолок, вспоминая тяжесть меча и жуткий

звук, с которым он рассек человеческую шею. Потом голос Пинты стал пресекаться, и Дженна, подхватив нить, рассказала, как они похоронили Гончего Пса.

Познакомив сестер с Арминой и Дарминой, она подвела их к воротам Ниллского хейма. Тут ее перебила Петра:

– Мы так гордились этими воротами. Они были из дуба и ясеня, а резьбой их сто лет назад украсила... украсила... – Петра закусила губы и стиснула одну руку другой так, что побелели костяшки.

Марна и Зо, стоящие рядом спиной к очагу, подошли к ней разом и обняли. Это совсем dokonало Петру, и она расплакалась навзрыд. Ее плач так взволновал воительниц, что они не знали, куда деть глаза, и смотрели то в сводчатый потолок, то на камыш, устилавший пол. Одна Мать Альта продолжала улыбаться.

Дженна решила продолжать рассказ – тогда все будут смотреть на нее и Петра получит возможность справиться со слезами. Поэтому она быстро описала Ниллский хейм. Те, кто побывал там во время собственных странствий, кивали головами, припоминая. Дженна перешла к описанию слепой шестипалой жрицы, стоявшей во главе хейма.

Она быстро развернула перед слушательницами дальнейшие события: ранение Пинты, отрубленную руку Быка и прыжок в Халлу, где они с Карумом едва не утонули. Она рассказала обо всем, кроме поцелуя, но невольно коснулась пальцами губ, повествуя о прощании с Карумом под стена-

ми Бертрамова Приюта. Пальцы Скады, как заметила Дженна краем глаза, задержались на губах несколько дольше, чем нужно.

И наконец, Дженна рассказала, как вернулась в Ниллский хейм и что нашла там. Когда она закончила, плакали даже некоторые воительницы, другие же сидели с каменными лицами или покачивали головой, словно сиюсь отречься от неопровержимого.

Дженна остановилась на том, как снесла вниз на руках маленькую Мать Альту, последнюю из убиенных. Глубокий вздох пронесся по комнате, но жрица в нем не участвовала. Она подалась вперед вместе со своей темной сестрой.

– Расскажи лучше, как ты сумела вызвать свою тень в столь юном возрасте. Я тебя понимаю: ты думала, что потеряла одну тень, и нуждалась в другой. Но мне нужно знать, как ты это сделала. Ведь если ты это смогла, то, возможно, смогут и другие. Нужно заполнить этот пробел.

Дженна растерялась. Она не задумывалась прежде о том, что, потеряв Пинту и Карума, нуждалась в какой-то замене. Неужели Скада – всего лишь замена, годящаяся на худой конец? Но Скада внезапно коснулась ее плечом, и Дженна слегка повернула к ней голову.

– Будь осторожна, – шепнула Скада, – не то разобьешься об это каменное сердце.

Дженна кивнула, и Скада повторила это за ней так легко, что никто больше не заметил.

– Я позвала, и она откликнулась, – сказала Дженна жрице.

– Я пришла бы и раньше, если бы она позвала, – поддержала Скада.

И Дженна рассказала о том, как нашла Пинту и детей в подземелье и как увела их прочь от побоища – через луга, мимо Высокого Старца, домой.

Петра, осушившая слезы, заговорила снова:

– Джо-ан-энна рассказала вам о том, что случилось, но не сказала, кто она. Однако моя Мать Альта открыла ей правду, и ваша Мать Альта должна это подтвердить.

Мать Альта повернулась всем телом, словно скала, и гневно воззрилась на Петру, но та не отвела глаз.

– О чем это ты? – спросила Дония.

– Ответь нам, о Мать, – подхватила Катрона со странным вызовом в голосе.

– Ответь, – хором отозвались другие.

Чувствуя, что она теряет над ними власть, Мать Альта медленно воздела руки, показав синие знаки Богини. Ее сестра сделала то же самое, и могущество знаков успокоило женщин.

Дождавшись полной тишины, жрица начала:

– Юная Петра намекает, – она сделала ударение на слове «юная», – на сказки об Анне, воплощении нашей Богини, о которой еще рассказывают порой в некоторых захолустных хеймах.

– Ниллский хейм – вовсе не захолустье, – возразила Пет-

ра. – И Анна – это не сказка, как тебе, о Мать, прекрасно известно. Это пророчество. – Она шагнула в круг, обвела взглядом женщин и прочла певучим голосом, приберегаемым жрицами для подобных okazji:

И будет дева, как снег, бела
С десницей твердой, точно скала.
Склонятся ниц, испытав эту твердь.
Гончая, бык, кот и медведь.

Никто не шелохнулся, и Петра продолжала:

– Разве Дженна не бела, как снег? И разве Гончая и Бык уже не пали перед ней?

Некоторые из женщин одобрительно зароптали, и Петра, не дав им умолкнуть, прочла:

Дева поднимет тогда народ.
Друга от друга она оторвет,
И сгинут братья во мгле без следа,
И мы сначала начнем тогда.

– Что это за стих? – спросила Мать Альта. – Я слышу его впервые.

– Ты полагаешь, я сама сочинила его? – осведомилась Петра. – В мои-то годы?

Женщины снова загудели.

Петра обращалась как будто к одной жрице, но ее голос

звонко разносился по всему залу:

– И мы видели это воочию в Ниллском хейме, где оторвали сестру от сестры и мать от дочери. И провозвестницей этого была Дженна.

– Я отрицаю это! – вскричала Мать Альта, заглушив женщин, которые спорили уже во весь голос. – Отрицаю полностью. Я просила Великую Альту дать мне знак, и она его не дала. Гром не грянул с небес, и земля не разверзлась, как было обещано в писании. – Она оглядела зал, воздев руки уже не властным, а молящим жестом. – Разве я сама не искала правды? Я сама четырнадцать лет назад пошла по следам Сельны и Марджо. Я, жрица, читала лесные приметы. В городе Слипскине я нашла крестьянина, который рассказал мне обо всем. Эта девочка, которую вы сочли воплощением Богини, – его дочь, и ее рождение стоило жизни матери. Да, Джо-ан-энна убила свою мать. Так ли должно родиться божественное дитя? А после этого она убила повитуху и стала причиной смерти своей приемной матери. Скажите мне, женщины, рожавшие или удочерявшие детей, Та ли это, за которой вы хотели бы последовать?

– Можно ли винить дитя в смерти матери? Можно ли карать невинных? «Нет вины, нет и кары» – так сказано в Книге. – Но голос Петры, еще детский, был слаб по сравнению со звучным голосом Матери Альты.

Жрица встала, и ее сестра поднялась вместе с ней.

– Разве стала бы я скрывать от вас такое чудо? Стала бы

скрывать спасительницу? – Видя, что женщины колеблются, она поднажала еще. – Кто она, вы спрашиваете? Я скажу вам, кто она. Это Джо-ан-энна, девочка из этого хейма. Вы видели, как она срыгивает молоко, и меняли ей грязные штанишки. Вы ходили за ней, когда она болела корью, и утирали ей нос. Ваша сестра, ваша дочь, ваша подруга – вот кто она. Чего вам еще?

Дженна оглядела волнующееся море лиц, не постигая, что на них написано. Уйдя в себя, она начала считать до ста и на десяти испытала знакомую легкость. Она вышла из тела и поднялась над теми, что спорили внизу. Сейчас она не слышала звуков и видела каждую насквозь, а яснее всех – себя. Внутри нее находилась прочная белая сердцевина, которой не было у других. Значит ли это, что она вправду спасительница, божество, Анна? Дженна не знала, но похоже было, что Петра права. События будут идти своим чередом, хочет она того или нет. Можно плыть по течению, как в Халле, и, возможно, утонуть – и можно прорыть канал, чтобы отвести воду, как сделали жители Селдена во время паводка. Очень просто.

Дженна вернулась обратно в тело и открыла глаза. Став в середине полукруга, она подняла правую руку, и Скада тоже. – Сестры, – дрожащим голосом начала Дженна. – Послушайте меня. Это правда – я Анна, правая рука Богини. Я иду предостеречь хеймы о том, что близится последний срок, когда старое кончится и начнется новое. Я Анна. Кто со мной?

Настало долгое молчание, и Дженна со страхом подумала, что жрица победила, и она навеки теперь оторвана от всего, что ей дорого.

Наконец Пинта сказала:

– Будь я достойна, я пошла бы с тобой, Анна. Но мое место здесь – я останусь и буду помогать растить детей, когда поправлюсь.

– Я пойду с тобой, Анна, – воскликнула Петра, – ибо я знаю толк в пророчествах, хотя и не умею владеть мечом.

– Мы с сестрой пойдем тоже, – отозвалась Катрона, а ее темная сестра кивнула.

– И мы с вами, – хором сказали Амальда и Саммор.

– Нет, – сказала им Дженна. – Нет, мои четвертые матери. Вы должны остаться. Селденский хейм должен быть готов к тому, что скоро настанет. К последнему сроку. Ваши руки понадобятся здесь. Я пойду с Петрой и Катроной, а в лунные ночи с нами будут наши темные сестры. Ведь вестницы не должны ходить толпой. Мы хотели бы уйти с твоим благословением, Мать, – сказала она жрице, – но если ты нам откажешь, мы уйдем и без него.

Мать Альта, прислонившаяся к креслу, стала вдруг совсем старой. Она слабо махнула рукой, что могло сойти за благословение, и темная сестра повторила ее жест. Ни одна не сказала ни слова.

– Я знаю дорогу почти во все хеймы, – сказала Катрона. – И знаю, где лежит карта.

– А я знаю все слова, которые нужно сказать, – добавила Петра.

– Чего еще может пожелать спасительница? – засмеялась Дженна.

– Разве что меча, – сказала Скада. – И умения посмеяться над собой.

На то, чтобы вооружить их и снабдить провизией, ушло не больше часа – Дония прямо с ног сбилась, таская свертки и мешочки. Можно было подумать, что она запасает еду на целое войско, но у путниц не хватало духу остановить ее.

Скада, наблюдая за приготовлениями, шепнула Петре:

– Не странно ли, что Мать Альта не знала второй части пророчества?

– Ничего странного, – улыбнулась в ответ Петра. – Это ведь я сочинила. В Ниллском хейме я славилась искусством складывать стихи на случай.

Когда они вышли из хейма, чтобы войти в историю, дорога блистала под убывающей луной, а в небе мерцали мириады звезд. Пять путниц уходили все дальше, а за ними несли высокий переливчатый крик женщин Селденского хейма – то ли молитва, то ли успокойная песнь, то ли прощание.

Белая Дженна

МИФ

Тогда Великая Альта поставила царицу света и царицу теней на землю и велела им идти.

– Вы обе будете носить мой лик, – сказала Великая Альта, – и говорить моими устами, и делать то, что я велю.

Где ступала одна, вспыхивало пламя и оставалась черная земля. Где ступала другая, шли благодатные дожди и земля расцветала. Так было, и так будет. Да благословит нас Богиня.

Книга первая

ВЕСТНИЦЫ

ЛЕГЕНДА

Случилось это в городе Слипскине. По весне въехали туда на большом сером коне три молодые женщины, и одна из них была Белая Дженна.

Спина у коня была широкая, как амбарная дверь, и холка неохватная. Копыта его высекали огонь из камня. Где он проходил, там кривые тропы распрямлялись и горы сглаживались, прямые же тропы покрывались выбоинами и холмы пересекались оврагами.

В Слипскине говорят, что не простой это был конь, а волшебный, посланный самой Альтой. На старой дороге, ведущей в город, до сих пор видны следы его копыт. А ниже по реке, в городе Селдене, висят над церковной дверью три ребра этого скакуна, чтобы люди смотрели на них и дивились.

МИФ

И посмотрела Великая Альта на своих вестниц, которых отделила от себя для того, чтобы они стали ей еще ближе. Посмотрела на светлую сестру и на темную, на молодую и на

старую.

– Я не стану говорить с вами так, чтобы вы могли услышать. И не покажусь вам, чтобы вы могли видеть меня. Ибо дитя должно быть свободным и найти свою судьбу, хотя бы мать определила эту судьбу заранее.

И сделала Великая Альта прямые тропы кривыми, а кривые – прямыми. И усеяла путь ямами и ловушками, чтобы сестры радовались, избегая их, и помнили о любящем сердце Великой Альты.

ПОВЕСТЬ

Дорога при луне серой лентой вилась между деревьев. Пять женщин стояли на ней, вслушиваясь в прощальный крик позади.

Две, Катрона и Катри, были уже пожилые, и морщины пролегли у них на челе, словно руны. Коротко остриженные, они носили свои мечи с привычной легкостью.

Самая младшая, Петра, стояла, расправив плечи и выпятив подбородок, но в глазах ее не было твердости, и язык беспокойно облизывал губы.

Дженна была необычайно высокой девушкой, еще не превратившейся в женщину, хотя ее волосы при луне белели, как снег. Вторая девушка, темноволосая Скада, была чуть-чуть пониже и чуть-чуть потоньше.

– Мне будет недоставать их голосов, – сказала Дженна.

– А мне – нет, – ответила Скада. – Власть голосов слишком сильна, и лучше, если мы будем смотреть вперед. Мы вестницы и не должны предаваться воспоминаниям.

– И путь наш далек, – сказала Катрона. – Хеймов впереди много. – Она извлекла из кармана карту и с помощью Катри разгладила хрустящий пергамент на земле. – Вот он, Селденский хейм. Кратчайшая дорога ведет вдоль реки и через мост – в город Селден. Так мы повернемся спиной к Высокому Старцу и снова пойдем вдоль реки, не сводя глаз вот с этих двух вершин. – Катрона показала их на карте.

– Груды Альты, – подсказала Скада.

– Ты хорошо заучила свой урок, – заметила Катри.

– Что знает Дженна, знаю и я.

Катрона вела пальцем все дальше.

– Дорога, никуда не сворачивая, ведет вот в этот хейм. – Она постучала пальцем по карте, и Катри тоже.

– Калласфорд, – сказала Дженна. – Оттуда начали свои странствия Селинда и Альна. Хорошо будет их повидать – я по ним соскучилась.

– Не так уж сильно, – проворчала Скада.

– Нам непременно нужно начинать с этого хейма? – спросила Дженна. – Не лучше ли будет пройти подальше, поближе к королевскому двору?

– Хеймы стоят большим кругом, – улыбнулась Катрона. – Вот смотри. – И она стала указывать один за другим, перечисляя их названия, словно в песне: – Селден, Каллас-

форд, Перекресток Вилмы, Джосс, Каламери, Карпентерс, Крисстон, Западная Долина, Аннвилл, Кримерси, Ларин Колодец, Саммитон, Восточный Хеймс, Джон-о-Милл, Картере, Северный Ручей и Нилл. Королевский двор находится как раз посередине.

– Поэтому никому не будет вреда, если мы первым делом пойдем в Калласфорд, как самый ближний, – сказала Катри, упершись, как и Катрона, пальцем в последний хейм.

– Притом там наши девочки, – добавила Катрона.

– Однако мы должны торопиться, – напомнила Дженна.

Катрона и Катри кивнули одновременно. Катрона сложила карту по старым сгибам, вложила в кожаный футляр и вручила Петре.

– Возьми, дитя, – на случай, если нам придется расстаться.

– Но ведь я из вас самая недостойная. Быть может, Дженна...

– Раз Дженна видела эту карту, она ее запомнила навсегда. Она обучена игре «Духовный Глаз» и может хоть сейчас сказать тебе, где что лежит. Верно я говорю, Дженна?

Дженна немного помедлила, припоминая карту, и медленно заговорила, притопывая в такт ногой:

– Селден, Калласфорд, Перекресток Вилмы, Джосс...

– Я верю тебе, – сказала Петра. – Хорошо, пусть карта будет у меня. – Она спрятала футляр и обвязала его тесемки вокруг пояса.

И они двинулись по дороге мерным шагом, одна на рас-

стоянии вытянутой руки от другой. Шума они почти не производили, и Катрона справа, а Дженна слева оглядывали всю дорогу. Юная Петра, идущая в середине, держалась спокойно и лишь пару раз оглянулась назад, где затихал прощальный привет Селденского хейма.

ПЕСНЯ

Анна на перекрестке

Трава под солнцем – зелена.
Сереет, как взойдет луна,
С зарею – розово-бледна,
А нет луны – лишь тьма видна.

О, Анна на перекрестке!
Весною зацветут луга,
Под осень – вымокнут слегка.
Зимой – оденутся в снега,
А летом – снега ни следа.

О, Анна на перекрестке!
Взгляни же на холмы, на берег,
На горных речек резвый бег.
На свет, что, как и прежде, бел.
И мирно пашет человек —

И ждет, когда Анна вернется!

ПОВЕСТЬ

Они остановились на ночлег под терновым деревом у быстрого ручья. Караулили поочередно – Петра меньше всех, да и то перед рассветом, когда все равно пора было вставать. Ведь при луне, как напомнила всем Катрона, все, кроме Петры, могли караулить парами.

Ничто не нарушало их покоя, кроме уханья сов над ручьем да неумолчного лепета воды. Однажды, когда караулили Дженна и Скада, из леса донесся шорох.

– Заяц, – шепнула Дженна своей темной сестре.

– Заяц, – согласилась та, и обе на время успокоились.

К вечеру следующего дня они прошли через пахотные земли Слипскина, очищенные от камней и кореньев многими поколениями крестьян. Каждая пядь здесь буйно зеленела, а на одном из лугов щипали синевато-зеленую траву двадцать лошадей.

– Здешний хозяин продает лошадей, – сказала Катрона, – быть может, даже королю. Если мы позаимствуем пару, он даже и не заметит.

– В нашем хейме держали и лошадей, и скотину – и уж поверь мне, наши пастушки знали каждое животное наперечет, – возразила Петра.

– Да ведь я это просто так, девочка, – фыркнула Катрона.

– Ни за что не сяду больше на лошадь, – заявила Дженна. –

Хватит с меня.

– Ну, трех все равно увести не получится, – сказала Катрона. – Но если взять одну, кто-то из нас мог бы поехать вперед. Ведь быстрота для нас главное.

Дженне волей-неволей пришлось с этим согласиться.

– Давай я поговорю с хозяином, – предложила Катрона. – Я много времени провела с мужчинами и знаю, как с ними обращаться.

– А я вот их совсем не знаю, – призналась Петра. Дженна промолчала, но ее пальцы невольно устремились к губам, и она порадовалась тому, что теперь день и Скада не напомним ей о том, что она сказала – и не сказала – Каруму, когда он ее поцеловал. Она знала двоих мужчин: одного она поцеловала, другого убила. Ей известно о них не больше, чем Петре.

– Хорошо, говори ты, – сказала она Катроне. – Мы будем держаться сзади.

– Только глазками не забывайте играть, – сказала Катрона.

– Как это? – опешила Дженна.

– Мужчинам это нравится. – Катрона запрокинула голову и звонко расхохоталась. Не совсем понимая, как можно играть глазами. Дженна с Петрой все-таки улыбнулись хозяину усадьбы, когда он открыл им дверь. Какой-то миг он смотрел на них, словно не веря собственным глазам, а после крикнул через плечо:

– Мартина, Мартина, поди-ка сюда.

– Что там такое? – спросил чей-то голос, и к ним вышла женщина, розовотелая великанша, на голову выше лысеющей макушки своего супруга.

– Погляди-ка вот на эту, большую. Погляди хорошенько, женщина.

Женщина поглядела.

– Мы – дочери Альты, – начала было Катрона, но умолкла, видя, что они и не смотрят на нее, а пялят глаза на Дженну. – Я Катрона из Селденского хейма, – снова заговорила она, уже погромче. – Мы с сестрами...

– Ей-ей, Гео, ведь ты прав. Больше и быть некому. – Щеки хозяйки покраснелись. – Кабы не волосы, точь-в-точь бы моя покойная бедняжка сестра.

Катрона внезапно поняла, о чем речь.

– Вы думаете, Дженну взяли из вашей семьи? И надо же нам было зайти именно к вам.

– Да-а. – Хозяин затряс головой, словно конь у него в загоне. – У жены одиннадцать сестер, и все-таки... Лет пятьдесят назад на горных склонах было полно таких малюток. Но теперь у нас тут девочек мало, и они ценятся. Если б вы захотели остаться, я нашел бы вам хороших мужей. Во всяком разе, племяннице и этой другой малышке. Нам нужны женщины, способные рожать – поэтому всех сестер Мартины рано разобрали. Славная порода. Нет такой усадьбы по эту сторону Слипа, где не жила бы одна из них. «Легче про-

пустить кого-то, чем найти», – как говорят про черных дроздов в стае...

Тут женщина отпихнула своего мужа и мимо Катроны прошла к Дженне. Вблизи их родство не вызывало сомнений.

– Ростом она в Дугала, а глаза как у Хиат: помнишь, Гео, когда мы женихались, ты говорил, что у меня глаза темные, как весенняя ночь? Притом у моей сестры Ардин волосы побелели, когда ей еще и пятнадцати не минуло, а у сестры Джарден – когда ей не было и двадцати. Обними свою тетку, девочка.

Ошеломленная Дженна не двинулась с места.

– Мать несла ее к нам, но в лесу женщину убила дикая кошка, – сказала Катрона. – Мои сестры похоронили твою сестру, как подобает, и произнесли над ней принятые у вас слова. Приемная мать девочки тоже умерла, не то я рассказывала бы ей о тебе.

– Нет, нет. Ее мать умерла в родах, и крови из нее выхлестало, как из резаной свиньи, а девочку забрала повитуха. И раз ее удочерила твоя сестра, тогда... – Мартина сосчитала – три. С нами благая сила! И Мартина вдруг упала на колени, зажав руками рот. – Белая Дева, трижды удочеренная, – моя собственная плоть и кровь. Кто бы мог подумать!

Ее муж опустился на колени рядом с ней, медленно, как в помрачении, и закрыл лицо руками.

Дженна закатила глаза и вздохнула. Петра позади нее произнесла голосом заправской жрицы:

О Дочь Трех Матерей, о Дженна,
Навеки будь благословенна.

– Перестань, – шикнула на нее Дженна.

Но коленопреклоненная Мартина услышала только стих и вскричала, сложив руки перед собой:

– Да, да, воистину. О Белая Дева, чем мы можем служить тебе? Какие слова сказать?

– Что до услуги, – быстро молвила Катрона, – вы могли бы дать нам трех добрых коней, ибо на нас лежит великий долг милосердия, и Белой Деве не подобает ходить пешком. Что же до слов – скажите нам «да», а всем мужчинам, которые о нас спросят, говорите «нет».

– О да, да, – снова вскричала Мартина, пихнув локтем мужа, который замешкался с ответом. Он встал, по-прежнему избегал смотреть на Дженну, и пробормотал:

– Конечно же, я дам вам лошадей – и хороших. Никто не скажет, что у Гео Хосфеттера лошади плохие. – Он шмыгнул за дверь и бегом припустился прочь.

– Пойду помогу ему выбрать, – сказала Катрона.

– Пусть Белая Дева останется здесь еще немного, – взмолилась Мартина. – Ведь она – моя плоть и кровь. Пусть расскажет что-нибудь о себе. У меня есть чай и лепешки. – И Мартина пригласила путниц в опрятную, ярко освещенную кухню.

Дженна открыла было рот, чтобы ответить согласием, но Петра шепнула ей на ухо:

– Туда явятся темные сестры. Позволь мне ответить. Дженна закрыла рот и приняла суровый вид.

– Белая Дева не делит хлеба с простыми смертными. Она спешит исполнить свой долг и дала обет молчания до тех пор, пока не исполнит его. Я Ее жрица и говорю Ее устами.

Дженна опять закатила глаза, но смолчала.

– Конечно, конечно, – пролепетала Мартина, вытирая руки о передник.

– Лучше ты расскажи Ей все, что знаешь, и пусть Она судит об этом сама.

– Конечно, конечно, – повторила Мартина. – Ну, что я могу рассказать? Моя сестра, мать Белой Девы, была высокая, с рыжими волосами, и мы думали, что она, как и все мы, создана, чтобы рожать детей. Но она взяла да и умерла в родах, а злая повитуха украла малютку, не успели мы на нее и поглядеть. Мы только и знали, что родилась девочка, потому что повитуха сказала своей дочке, что отнесет дитя... в ваш дом.

– В хейм, – непроизвольно поправила Петра.

– Ну да, в тот, что поближе. По дороге, ведущей в горы.

– В Селденский, – заметила Петра, но женщина продолжала рассказ по-своему:

– Она, поди, хотела продать дитя – за повитухами такое водится. – И Мартина, спохватившись, добавила: – Я не хочу

сказать, что женщины Альты скупают детей, вовсе нет.

– Мы собираем жатву на холмах, но не платим сеятелям, – сказала Петра.

– Ну да, я это самое и хотела сказать. – Мартина комкала передник.

– А что же отец?

– Он тоже умер, не прошло и года. От разбитого сердца – он ведь разом потерял жену и ребенка. И тронулся умом. Везде ему мерещились женщины Альты – в поле, у очага и в постели. Две зараз. Одно слово, свихнулся, бедняга.

– Бедняга, – эхом отозвалась Петра.

Дженна прикусила губу. Ее мать. Ее отец. Она не могла в это поверить. Неужто ее мать жила под такой же уютной соломенной кровлей и умерла в родовых муках, вся в крови? Нет, многочисленные матери Дженны жили в Селденском хейме, и она сделает все, чтобы они не умерли, залитые кровью. Дженна вышла за порог, предоставив Петре утешать Мартину, и направилась к амбару.

Небо отливало стальной синевой, и за амбаром и полем розовел закат. Скоро солнце уйдет за край земли, и останется еще час до сумерек. Потом взойдет луна, а с ней явятся темные сестры Скада и Катри. Петра поступила правильно, не дав ей войти в освещенную свечами кухню – свечи и пламя в очаге тоже вызвали бы темных сестер. К чему пугать этих бедных глупых чужих людей. Чужих людей? Дженна попыталась думать о них как о дяде и тетке, но не ощутила ника-

ких кровных уз с ними. Здесь какая-то ошибка, но благодаря этой ошибке они получают лошадей. Лошади! Век бы больше не садиться на эту широкоспинную, твердую, скалящую зубы скотину.

Стоило Дженне подумать о лошадях, как они тут же появились – Катрона вывела из-за амбара двух стройных красновато-гнедых кобылок и белого мерина. У хозяина, идущего следом, похоже, отлегло от сердца. Катрона, увидев Дженну, ухмыльнулась, но тут же придала лицу более почтительное выражение.

– Подойдут ли они тебе, Белая Дева? – спросила она.

Дженна кивнула, и белый мерин заржал, запрокинув голову.

– Белый будет твоим, Анна, – сказала Катрона. – Хозяин настаивает на этом. – Она подала Дженне поводья. – И платы с нас не берет.

Дженна перевела дух, принуждая себя проникнуться к лошади теплым чувством. Она потянула за поводья, и конь приблизился к ней. Она потрепала его по шее, и он ткнулся мордой ей в ухо. Дженна нерешительно улыбнулась.

– Вот видишь, Белая Дева, – сказал Гео Хосфеттер, все еще не глядя ей в лицо и кивая головой, – конь знает, что он твой. Его зовут...

– Нам не нужно знать, как его звали раньше, – внезапно сказала Петра сзади. – Он получит новое имя. Ибо сказано в Пророчестве:

Помчится Анна дорогой лесной,
И сестры за нею – одна за одной,
И будут у Анны косы, как свет,
И лошадь белее, чем выпавший снег.
И путь, что ляжет пред Анною, долог,
И лошадь ее назовут... ДОЛГ!

– Да-да, – воскликнула Мартина, поспешая к ним. – Я знаю. Конечно же, Долг.

– Долг! – со смехом повторила Дженна, как только они отъехали от усадьбы. – Ну что это за имя такое?

– И где ты взяла это пророчество? – спросила Катрона. – Я слышу его впервые.

– Это все, что я могла придумать в ту минуту, – созналась Петра. – Прощу прощения, если вышло малость коряво.

– Так ты что же, сама это сочинила? – изумилась Катрона. Петра с улыбкой закивала.

– Такой у нее талант, – сказала Дженна. – Она и в Ниллском хейме этим славилась – стихами на случай. Но Долг, Петра! Смилуйся!

– Ничего. Хозяева расскажут все соседям, история начнет передаваться из уст в уста, и скоро ты будешь ездить на Доле или Воле. А там мы услышим, что Белая Дева уехала с карманами, полными золота, а за ней следовали сто мужчин, сторающих от любви к ней.

– Или же Долг станет Чушкой, а это непременно случится,

потому что у нас не будет времени его чистить. – Дженна дернула себя за правую косу. – И зачем ты только выбрала мне белую лошадь, Катрона?

– Это он настоял. Белый конь для Белой Девы. А для ее служанок – пара гнедых, в масть.

– Служанок! – вскричала Петра. От ее крика гнедая кобылка шарахнулась, и потребовалось много усилий, чтобы ее унять. Петра виновато посмотрела на подруг.

– Этой лошади я бы в бою не доверилась, – заметила Дженна.

– Зато она резвая, – сказала Катрона. – Посмотри на ее ноги. Как говорят в Долинах, «дареный конь быстрее скачет».

– Ну так прищпорим их, – сказала Дженна. – У нас нет времени на болтовню.

Катрона кивнула, и они перевели лошадей на рысь.

Когда они пересекли город Селден с его опрятными домиками вдоль мощеных улиц и въехали на новый мост, взошла ущербная луна, и Скада с Катри заняли места позади своих светлых сестер.

Дженна поняла, что Скада здесь, по знакомому дыханию за спиной. Конь понял это еще раньше и приспособил свой шаг к удвоившейся тяжести, однако не дрогнул. – Хорошая лошадка, – шепнула Скада на ухо Дженне.

– Что ты понимаешь в лошадях, будь они хорошие или плохие?

– Может, и ничего, зато я не питаю к ним неприязни без

всякой причины.

– Без всякой причины? Спроси об этом мою задницу и ляжки. – Дженна умолкла и сосредоточила все внимание на длинном мосту, по которому они ехали.

На той стороне Катрона сделала знак остановиться. Они спешили и пустили лошадей щипать придорожную траву.

– Почему мы остановились? – спросила Петра. При луне ее лицо казалось вырубленным из дерева. Из кос, уложенных короной, выпали шпильки, и волосы упали вдоль спины. Под глазами легли темные круги – Дженна не знала, от усталости или от горя. Она обняла девочку за плечи, и Скада тоже – с другой стороны.

– Лошади, как и люди, нуждаются в отдыхе, – напомнила Дженна. – Негоже было бы уморить их в первый же день.

– Как и себя, – сказала, потягиваясь, Катрона. – Я уж давным-давно не ездил верхом. Это не те мускулы, которые я упражняю постоянно. – Она наклонилась, упершись ладонями в землю, и Катри сделала то же самое.

– Но моя лошадь не устала, – заметила Петра.

– Она несет одну тебя, а нашим в лунные ночи придется нести двоих, – сказала Скада. – Жаль, что лошадей никто не учил вызывать свои тени.

– А там, откуда ты пришла, есть лошади? – спросила Петра.

– У нас есть то же, что и у вас, – сказала Катри. – Но мы оставляем все это там, когда приходим сюда.

Катрона погладила свою лошадь по носу, и та в ответ ткнулась в нее мордой.

– Проедем еще несколько часов и ляжем спать. – Зажав морду лошади в ладонях, Катрона легонько подула ей в ноздри. – Сейчас мы остановились только ради передышки.

– И ради наших задниц, – хором сказали Дженна и Скада. Петра засмеялась, и Катрона и Катри посмотрели на небо. – Глядите, – сказала Катри. – Луна сидит прямо на лбу у Старца.

Они поглядели. Луна точно короной венчала зубчатые скалы, и облако как раз набегало на ее щербатый лик.

– Думаю, скоро она скроется, – сказала Катрона.

– Оно и к лучшему, – добавила Катри.

– Но ведь вы со Скадой... – начала Дженна.

– Да, они уйдут, – договорила Катрона. – Но мы ведь просто едем, а не сражаемся, и лошадям будет легче.

– Как и нам, – сказала Скада.

– Задницы целее будут, – засмеялась Дженна.

– Целее, – согласилась Скада, но тут облако закрыло луну, и она пропала.

– По коням, – скомандовала Катрона, садясь в седло.

Дженне с Петрой это далось не столь легко. Дженна держала гнедую под уздцы, пока Петра садилась, а потом передала Петре поводья своего коня, сказав:

– Подержи-ка.

– Это ты к служанке обращаешься? – осведомилась Петра

– Пожалуйста!

– Долг зовет, – пошутила Петра. – Вперед, Дженна!

– Ну, хватит. – Дженна наконец села в седло и взяла поводья. Катрона уже скрылась за поворотом, Петра ее догоняла. Дженна ударила каблуками по белым бокам Долга, и он поскакал вперед. Стиснув зубы, Дженна поддала еще – конь сорвался в галоп и поднял такую пыль, что даже Высокий Старец скрылся из виду.

ПЕСНЯ

Баллада о двенадцати сестрах

В деревне средь гор и спокойных озер,
Терновник и тис, розмарин и клен.
Росли-расцветали, двенадцать сестер.
Был этой ночью ребенок рожден.

Двенадцать сестер подрастали в горах.
Терновник и тис, розмарин и клен.
Влюбился в меньшую красивый моряк.
Был этой ночью ребенок рожден.

Назвал ее милой, с собою увез,
Терновник и тис, розмарин и клен,

И стало всем старшим завидно до слез.
Был этой ночью ребенок рожден.

И, зависти черной не в силах избыть.
Терновник и тис, розмарин и клен,
Сестрицы меньшую решили сгубить.
Был этой ночью ребенок рожден.

Пока ее милый скитался вдали.
Терновник и тис, розмарин и клен.
Сестрицы меньшую с собой увели.
Был этой ночью ребенок рожден.

Обманом отняли сыночка ее,
Терновник и тис, розмарин и клен,
А после в лощину столкнули живьем.
Был этой ночью ребенок рожден.

Меньшая ползла, пробивалась на свет,
Терновник и тис, розмарин и клен,
Ей крикнули сестры, что сына уж нет.
Был этой ночью ребенок рожден.

Меньшая поверила им – не снесла.
Терновник и тис, розмарин и клен,
И пала на камни, и вмиг умерла.
Был этой ночью ребенок рожден.

Когда же моряк воротился в свой дом.

Терновник и тис, розмарин и клен.
Жены и сыночка уж не было в нем.
Был этой ночью ребенок рожден.

И сердце печалью зажало в тиски.
Терновник и тис, розмарин и клен,
И сердце разбилось от горя-тоски.
Был этой ночью ребенок рожден.

Его схоронили в могиле одной,
Терновник и тис, розмарин и клен,
С убитой обманом любимой женой.
Был этой ночью ребенок рожден.

И ветками розы над ними сплелись,
Терновник и тис, розмарин и клен,
И рдеют кроваво, и тянутся ввысь.
Был этой ночью ребенок рожден.

ПОВЕСТЬ

– Я сожалею, – сказала Дженна. – Я скверно вела себя с тех пор, как мы покинули хейм. Как будто мой язык совсем не повинуется разуму. Не пойму, что это со мной.

Они остановились на ночлег в каких-то ста футах от дороги, на полянке чуть побольше комнаты. Лужок был будто ковер, и ветви дубов создавали над ним уютную кровлю. Но

Катрона не позволила разжечь костер, чтобы не всполошить случайного прохожего.

Они молча поужинали черным хлебом с остатками сыра. Лошади, спутанные плющом, мирно паслись. Спешившись, Катрона первым делом показала девочкам, как сплести зеленые лозы и связывать ими передние ноги лошадей – достаточно туго, чтобы те не убежали, и достаточно свободно, чтобы те не спотыкались.

Дженна, поразмыслив, решила, что тихое похрустывание, производимое лошадьми, скорее успокаивает, чем раздражает. Но ее собственное поведение в последние дни не было ни мирным, ни успокаивающим – Дженна чувствовала это, и ей хотелось повиниться.

– Не надо ни о чем сожалеть, – сказала Катрона. – За последние две недели ты мало спала и много пережила. Тебя оторвали от всего родного и вывернули наизнанку всю твою юную жизнь.

– Ты говоришь не обо мне, а о Петре. Между тем она остается ровной и приветливой.

– Как это говорят в Нижних Долинах? «Ворона не кошка, котят от нее не дождешься». Будь ты Петрой, ты бы тоже оставалась приветливой. Так уж она создана. Но ты Дженна из рода Сельны...

– Но ведь я не из рода Сельны. – Пораженная жалостными нотками в собственном голосе, Дженна закрыла лицо руками – столько же от стыда, как и от горя.

– Вон оно что, – хмыкнула Катрона. – Как, мол, могла Белая Дженна, Анна, могучая воительница, убившая Гончего Пса и отсекая руку Быку во исполнение пророчества, та, что отправилась спасать хеймы во главе своих подруг, – как могла она родиться от простой крестьянки? – Катрона мотнула головой в ту сторону, откуда они приехали. – Но главное не кровь, Дженна, а воспитание. Ты истинная дочь хеймов, как и я.

– А ты знаешь, кто твоя мать? – спросила Дженна.

– Мои матери насчитывают семнадцать поколений. Как и твои. Я помню, как ты перечисляла их, не сбившись ни разу.

– Я тоже могу назвать своих праматерей, Дженна, – подавала голос Петра, – хотя родная мать оставила меня у дверей хейма, еще не отлучив от груди, с запиской: «Моему мужу таких больше не надобно».

– Я все это знаю, – с несчастным видом ответила Дженна. – Как знаю и то, что половина девочек в хеймах – это брошенные дети. Но до сих пор я над этим как-то не задумывалась.

– Пока эта глупая женщина со своим еще более глупым мужем не вздумали набиваться тебе в родню, – сказала Петра, подсаживаясь к Дженне и глядя ее по голове. – Но их слова – вода, Дженна, а ты камень. Вода течет себе и течет, а камень стоит на месте.

– Она права, Дженна, – сказала Катрона. – И ты напрасно беспокоишь себя из-за такой чепухи. У тебя больше матерей,

чем ты можешь сосчитать, а тебе весь свет застит то, что ты нынче услышала.

– Больше уже не застит. – Дженна встала и потянулась, стряхнув с себя крошки хлеба и сыра. – Чур, я первая караулю. – Она посмотрела на клочок облачного неба, видневшийся в переплетении ветвей, и со вздохом опустила взор. Кольцо на мизинце, данное ей жрицей, напомнило Дженне о ее долге. Вот о чем надо думать, а не о всяких пустяках. Хорошо, что хоть Скады нет и некому ее отругать.

Но время караула без Скады тянулось долго, и Дженна, несмотря на зарок не думать о Мартине и Гео Хосфеттерах – имена у них такие же глупые, как и повадки, – не могла думать ни о чем другом. Если бы она осталась со своей родной матерью, то, конечно, стала бы такой же, как они. И Дженна без конца расплетала и заплетала свои белые косы, размышляя о жизни, которой никогда не жила.

Утро началось залиvistым, звонким и стройным щебетом из дюжины маленьких горлышек. Дженна села и стала слушать, стараясь отличить одного певца от другого.

– Щеглы, – шепнула ей Катрена. – Ну как, различаешь?

– Слышу того, которого Альна называла «птичка Салли», – вон там. – Дженна указала пальцем в сторону особенно мелодичных трелей.

– Хорошо! – кивнула Катрона. – А что скажешь о том, который на конце выводит «брррруп»?

– Желтогузка? – предположила Дженна.

– Молодец. Еще раз угадаешь – и я признаю, что в лесу ты не уступаешь мне. Вот этот! – Птичка пела тоньше двух других и более отрывисто.

– Желтогрудка? Нет, погоди... пожалуй, я еще с тобой не сравнилась.

– Это щегол Маргет, в честь которого Амальда назвала твою лучшую подругу. Отрадно знать, что я еще могу на что-то пригодиться. – Катрона улыбнулась. – Буди Петру, а я погляжу, что можно предложить на завтрак голодным путникам. – И она скрылась за большим дубом.

Петра, караулившая посередине ночи, зарылась в одеяло, и водопад волос закрывал ей лицо. Дженна легонько потрясла ее.

– Ну, маленький крот, вылезай-ка на свет. Перед нами еще долгий путь.

Петра потянулась, быстро заплела волосы в две косы и встала, ища глазами Катрону.

– Еда, – пояснила Дженна, указывая на рот. И Катрона, словно вызванная этим словом, тут же появилась – так тихо, что даже лошади не заметили. Она несла три яйца.

– Каждой по одному. Здесь неподалеку течет ручей – напойм лошадей и наполним свои фляги. Если поедем быстро, к середине дня будем в хейме. – Она вручила девочкам по яйцу, оставив себе самое маленькое.

Дженна достала из-за голенища метательный нож, пробила в яйце дырочку и отдала нож Петре. Когда та проткнула

скорлупку, Дженна уже высосала все из своей – яйцо проскочило легко, а голод помог преодолеть склизкий вкус.

– Я отведу лошадей к ручью, – сказала Катрона, – а вы соберите пожитки и постарайтесь убрать следы. С лошадьми это трудно, я знаю.

Дженна с Петрой, орудуя ветками, как метлами, двинулась вслед за Катроной. Со следами от костра возиться не пришлось, но то, что здесь паслись лошади, нельзя было полностью скрыть. Но все же следы можно было запутать, и Дженна сделала, что могла. Быть может, неискушенный следопыт сочтет, что на поляне паслось стадо оленей.

У ручья они наскоро искупались – не столько для чистоты, сколько для бодрости. Дженна наполнила кожаные фляги. Петра тем временем караулила лошадей, а Катрона пошла вперед разведать, нет ли кого на дороге.

Когда она вернулась, упирающихся лошадей увели от воды, ловко, хоть и не слишком грациозно взобрались в седла и отправились. Катрона снова ехала во главе.

Солнце стояло высоко над головой, и на дороге им никто не встретился. Городок, через который они проехали, показался им странно безлюдным – даже на мельнице у реки никого не было, хотя водяное колесо продолжало крутиться само собой.

– Странное дело, – заметила Катрона.

Дженну же одолели мрачные мысли – такое безлюдье и такую тишину она наблюдала только в Ниллском хейме, где

поселилась смерть. Но здесь на улицах не было мертвых тел, и кровь не струилась по мельничному лотку. Дженна принудила себя дышать медленно и мерно.

Лицо Петры было непроницаемым, и ее молчание беспокоило Дженну больше, чем тишина в городе.

Так они подъехали к переправе, за которой стоял хейм. Паром ждал на той стороне, но паромщика не было видно. Катрона с Дженной взялись за канат, и плоскодонка медленно двинулась через реку.

Путешественницы молча взвели на паром лошадей. Лодка, даже под грузом коней и всадниц, сидела в воде высоко.

«Видно, она построена не для такого груза», – подумала Дженна, но не высказала этого вслух – так давила на нее тишина. Однако, перебирая вместе с Катроной скользкую от воды веревку, она не переставала спрашивать себя: а могла ли переправиться здесь королевская рота? Двадцать солдат и Медведь. Или Кот. А то и сам лорд Калас.

Маленький ковчег прилежно пахал воду и скоро, заскрипев днищем, причалил к берегу. Лошади сошли с него куда более живо и охотно, чем всходили. Дженна с Петрой уже привычно сели верхом.

Дженна послала Долга вперед, и он пустился легким галопом по наезженной дороге. Гнедые кобылки Катроны и Петры приняли его вызов. Дженна, слыша их топот за спиной, улыбнулась краем рта. В этот миг не существовало ничего, кроме ветра в волосах, стука копыт и горячего весен-

него солнца над головой.

«Если бы я только могла остановить это мгновение, – думала она. – Если бы я могла задержать его навсегда, все было бы хорошо».

И тогда она увидела то, чего боялась: тонкую витую струю дыма, пишущую знак опасности в небе.

– Хейм! – крикнула она, и это было первое слово, произнесенное ими за целый час.

Двое других заметили дым одновременно с ней и преисполнились таким же страхом. Они пригнулись к шеям коней, и лошади без дальнейших понуканий помчались в сторону пожара.

* * *

Они обогнули последний поворот, и дорога вдруг круто устремилась в гору. Дженна чувствовала, как ее сердце бьется в такт трудному дыханию Долга. Преодолев подъем, они увидели перед собой хейм – разбитые в щепки ворота и проломленные стены.

Петра натянула поводья и вскрикнула, зажав рукой рот, Дженна же, заметив за стеной какое-то движение, привстала на стременах. Быть может, там идет бой и они прибыли не слишком поздно. Вынув меч и вскинув его над головой, она крикнула Петре:

– Стой здесь. Ты безоружна.

Катрона уже мчалась к воротам, и Дженна, не раздумывая больше, послала коня туда же, заставив его перескочить через рухнувшую стену.

Трое согбенных мужчин и женщина разбежались от него в стороны. Один, длинный и нескладный, словно цапля, уставился на Дженну. Она прокричала ему что-то без слов и хотела уже ударить, но женщина бросилась между ними, воздев руки.

– Mercí, – вскричала она с отчаянием, придавшим силы ее тонкому голосу. – Во имя Альты, ich srie mercí.

Эти слова преодолели ярость Дженны, и она медленно опустила меч – правая рука так тряслась, что пришлось придержать ее левой. Она увидела то, что должна была заметить сразу: длинновязый был безоружен, как и женщина.

– Стой, Катрона, – крикнула Дженна.

– Стою, – отозвалась та.

– Коли вы Альтины сестры, помогите нам, – сказала женщина.

– Да, мы сестры Альты, но кто такие вы? И что здесь случилось? – Дженна огляделась, но не увидела трупов. Однако стены и ворота были сломаны, и по всему двору валялось оружие: несколько луков, дюжина мечей и ножей, три кочерги и деревяшки, могущие служить дубинами.

– Мы жители города Каллы, что к югу отсюда, – сжимая руки, сказала женщина, – ежели вы едете с той стороны.

– Да, мы едем оттуда, – сказала Катрона, – и никого не

видели ни в городе, ни у переправы.

– Паром водит Хармон, мой муж, вот этот самый. Вот уж два дня, как мы с соседями хороним здесь убитых.

Высокий мужчина, положив руки на плечи жены, сказал Дженне:

– Грета верно говорит, девушка. Когда я был на берегу, мимо проскакали королевские конники. Они связали меня, а Грета, благослови ее небо, убиралась в погребе, как всегда по весне. Она услышала, как они дерут глотку, и затаилась, покуда они не уехали.

– Вылезать мне было незачем – я ведь не воин, – перебила Грета.

– Правильно. – Хармон стащил с головы бурую шапку, комкая ее своими длинными пальцами. – Она вылезла после, когда они переправились, и освободила меня. Вот, гляди – следы еще остались. – Мужчина вытянул руку, но Дженна не разглядела, есть ли там след от веревки.

– Не меньше сотни их было, – сказал второй мужчина, подходя. – Так говорит Хармон. Не меньше сотни, а то и поболее.

– Это Джерем-мельник со своим парнем, – пояснила Грета. – Их не тронули, потому что они дали конникам зерна для лошадей.

– А остальных горожан либо связали, либо убили, – сказал Джерем. – Только девушек забрали с собой. Мой парень прокрался туда ночью и видел.

– Май тоже, – сказал сын Джерема. Он говорил спокойно, но его темные глаза гневно сверкали из-под шапки желтых волос.

– Май – его милая, – объяснила Грета. – Ее увели вместе с другими, а ведь они обручились.

– Но что вы делаете здесь? – спросила Петра. Услышав голоса, она спешила и провела лошадь через груды камней. – Ведь у вас своего горя хватает. Вы пришли сюда за помощью?

– За помощью? – повторила Грета, качая головой.

– Нет, девушка, – сказал Джерем, – мы пришли, чтобы помочь. Это ведь наши матери и сестры, тетки и племянницы. Они приходили к нам и дарили нам сыновей.

– Джерем молот их зерно, – добавил Хармон, – и они хорошо ему платили – и урожаем, и работой. А когда я в прошлом году слег с кровавым поносом, пара женщин день-деньской работала, таская за меня паром. Ночью же работали четыре, еще одна лечила меня, а две за мной ходили.

– И платы за это не взяли, как не брали никогда, – прерывающимся голосом сказала Грета.

– Вот мы и поспешили сюда, как узнали, что творится в городе. – Хармон все комкал в руках свою шапку.

– Да только поздно было, – сказал Джерем. – Мы опоздали на несколько часов. Их всех либо перебили, либо увели в плен.

– Но где же... – начала Дженна, держа меч и поводья по-

прежнему дрожащими руками.

Грета кивнула на главное здание хейма.

– Мы снесли их в зал. Нам помогли сыновья, хоть и чудно им было оказаться тут – мужчин ведь сюда не пускали. Мы-то, бабы, бывали иногда – урожай убирать помогали, а девушки и учились кой-чему. Но парни все равно пришли, чтобы уложить сестер бок о бок. Их старая матушка была еще жива, когда мы пришли, хотя кровь хлестала из нее, точно из кипящего котелка. Она сказала нам, что нужно делать. «Плечом к плечу», – так сказали она.

Дженна медленно кивнула. Теперь понятно, почему на дворе не оказалось женских тел. – А что же мужчины? – спросила она. – Ведь они тоже должны быть здесь – и раненые, и убитые.

– В таком бою сестры, уж конечно, захватили с собой немало врагов, – добавила Катрона.

– Своих раненых они увезли с собой либо прикончили, – сказал Хармон. – Тут были и мужчины, все мертвые – человек тридцать. Мы сожгли их вон там. – Он указал за сломанную стенку, поодаль от дороги. – Иноземцы с виду. Чернявые, и глаза – что твои плоски.

– Молодые, – сказала Грета, – слишком молодые для того, чтобы так помереть – и так убивать.

– Однако они умерли. – Хармон водрузил шапку обратно на голову. – Не зря ведь говорят: «Воин умирает от меча, душитель от веревки, а король от короны». – Он посмотрел

через плечо и сказал Дженне: – Будем благодарны, ежели вы поможете нам.

Дженна молча кивнула, а Петра ответила дрожащим голосом:

– Конечно, поможем.

– Но долго задерживаться нельзя, – тихо сказала Дженне Катрона. – Надо предостеречь других.

Дженна кивнула и на это – на веревочке, что ли, у нее голова, если так легко ходит вверх и вниз?

– Какой-нибудь час дела не решает, – шепнула она в ответ. – Отыщем Селинду с Альной и простимся с ними.

– «Час потеряешь – жизнь сохранишь», – сказала Катрона. – Мы не раз убеждались в этом, когда служили в войске. Ну ладно, куда ни шло. Посвятим этот час Селинде и Альне.

Как и сказала Грета, сестры Калласфорда лежали плечом к плечу в полутемном зале. Дженна шла меж их рядами, то и дело опускаясь на колени, чтобы поправить прядь волос или закрыть распахнутые глаза. Женщин было так много, что она не могла их сосчитать, но плакать себе не позволяла.

Петра, стоя в дверях, плакала за них обеих.

– Эта последняя, – сказал Джерем, показывая на пожилую женщину в длинном платье и переднике, лежащую у дальней двери.

– Все ли мы сделали как надо? – спросила Грета.

– Мы позаботимся, чтобы все было как должно, – сказала Катрона. – Но вам лучше выйти, чтобы мы могли совершить

подобающий обряд.

Грета, кивнув, замахала руками на прочих горожан, собравшихся у порога. Сама она вышла последней и сказала шепотом:

– Мы вас подождем.

Дженна окинула взглядом зал. В сером сумраке тела женщин казались высеченными из камня. Горожане обтерли кровь с их рук и лиц, однако она обильно пятнала их рубашки и передники, юбки и штаны. В полутьме кровь была черной, а не красной. Тела лежали на камыше, пересыпанном сухой вербеной и розой, но резкий, ни с чем не схожий запах смерти пересиливал аромат цветов.

– Зажечь мне факелы? – спросила Петра так тихо, что Дженна с трудом расслышала ее. Не дожидаясь ответа, девочка прошла по темному коридору в кухню, вернулась с горячей свечой и начала зажигать факелы и свечи на стенах.

Между мертвыми стали медленно проявляться тела темных сестер, заполнившие вскоре всю комнату. Ковер смерти протянулся от стены стене.

«Они чужие мне – и все-таки не чужие, – думала Дженна. – Они мои сестры».

– Теперь нужно поджечь хейм и ехать дальше, – сказала Катрона.

– Но Альны и Селинды нет здесь, – заметила Дженна. – Как и других молодых девушек. Должно быть, их спрятали где-то, как детей в Ниллском хейме. Нельзя зажигать огонь,

пока мы не найдем их.

– Солдаты увели их с собой, – сказала Катрона. – Ты же слышала, что сказала Грета и ее муж. Увели вместе с городскими девушками, вместе с невестой того парня.

– Май, – вспомнила Петра, все еще зажигавшая факелы.

– Нет, – громко воскликнула Дженна, трясая головой. – Нельзя быть уверенными в этом. На что мужчинам столько девушек? Мы должны их поискать.

Катрона протянула руку к Дженне. Петра как раз зажгла свечу рядом с ними, и около Катроны возникла Катри, тоже с протянутой рукой.

– Таким мужчинам, как они, чем больше женщин, тем лучше, – сказала Катри.

– Своих-то у них не хватает, – добавила Скада справа от Дженны. – Гео Хосфеттер так сказал.

Дженна, не оборачиваясь к ней, упрямо сказала:

– Мы должны обыскать хейм. Мы никогда не простим себе, если не сделаем этого.

Они потратили на поиски час, но так никого и не нашли. Они перевернули зеркало в комнате жрицы, сорвали все гобелены, выстукивали стены в надежде обнаружить потайной ход – но его не было.

В конце концов Дженна согласилась с тем, что девушек увели – она уже не спрашивала зачем.

– А как же Книга? – Петра возложила руку на фолиант, переплетенный в кожу. – Нельзя оставлять ее тут, чтобы лю-

бой мог прочесть.

– У нас нет времени, чтобы ее зарыть, – сказала Дженна. – Придется сжечь ее вместе с сестрами.

Петра бережно снесла Книгу в зал, где уложила между жрицей и ее темной сестрой. Застывшие руки сестер она положила на Книгу ладонями вверх, чтобы видны были знаки Альты, и связала их запястья лентой из своих волос. А после странно знакомым голосом начала читать:

Во имя пещеры горной.
Во имя могилы черной.
Во имя всех, что упорно брели
К свету от света в муках...

– Не стану плакать, – сказала себе Дженна. – Ни за что не стану. И ни за кого. – Она потрянула головой, чтобы сдержать слезы. Скада сделала то же самое, и они не заплакали.

ЛЕГЕНДА

Жили как-то двенадцать сестер в городе Калле, у переправы – одна красивее другой. Но младшая, Дженнет, была всех прекраснее: высокая, с волосами как речная пена и глазами голубыми, как весеннее небо.

Однажды в город приехали сыновья короля, двенадцать красивых юношей. Но всех лучше был младший, Храбрый Кольм: высокий, с волосами как рассветные сумерки и гла-

зами темными, как древесная кора.

Тех двенадцать, и этих двенадцать: они могли бы пожениться честь по чести. Но королевские сыновья что кукушки: получают свое и улетают, чтобы любить снова.

Когда двенадцать принцев уехали, одиннадцать сестер бросились в реку чуть выше переправы. Меньшая, Дженнет, схоронила их и отправилась во дворец короля. Она излила свое горе в песне у королевского стола, а после взошла на самую высокую башню. И бросилась вниз, издав крик, словно лесная птишка, зовущая своего друга.

Кольм услышал ее, и бросился наружу, и принял в объятия бедное разбитое тело, и запел ту же песню, что она пела на пиру:

Одиннадцать красавиц жили,
И чести каждую лишили.
Они реке себя вручили,
Стыда и горя не снеся...
А с ветром обвенчалась я!

В конце песни Дженнет открыла глаза и назвала Кольма по имени. Он поцеловал ее в лоб, и она умерла.

– Я – этот ветер, – прошептал Кольм, и обнажил свой меч, и вонзил себе в грудь. Потом лег рядом с Дженнет и умер.

Говорят, что каждый год, по весне, жители города Каллы разводят большой костер, чтобы отогнать духов одиннадцати сестер, которые поднимаются над рекой подобно ту-

ману, чтобы заманивать мужчин к себе в глубину. А Кольма и Дженнет, сказывают, схоронили в одной могиле, и могила эта выше, чем руины королевской башни. Во всех Долинах только на этом кургане растет цветок, называемый «горем Кольма». Лепестки его светлы, как волосы Дженнет, сердцевина темна, как глаза принца, и всю долгую весну он роняет лепестки, словно слезы.

ПОВЕСТЬ

Пожар занялся быстро, и тонкий столб дыма поднялся в весеннее небо, словно памятник сестрам. Катрона и Дженна смотрели на дым сухими глазами, но Петра рыдала, укрыв лицо в ладонях, и горожане шумно вторили ей. Только сын Джерема стоял тихо, глядя на запад, где небо оставалось ясным.

Наконец Дженна отвернулась и направилась к Долгу, который терпеливо ждал ее у сломанной стены. Дженна погладила его по носу так, словно на свете не было ничего, кроме этих бархатных ноздрей, и вдохнула острый конский запах.

Катрона, подойдя, положила руку ей на плечо.

– Надо ехать, Дженна. И поскорей. – Дженна по-прежнему смотрела на лошадь.

– Вы едете сражаться? – спросил сзади сын Джерема. Маленький, но жилистый, он так и дышал решимостью.

– Мы едем, чтобы предостеречь другие хеймы, – отрезала

Катрона.

– И сражаться тоже, если придется, – тихо сказала Дженна – то ли коню, то ли юноше.

– Возьмите меня с собой, – взмолился сын мельника. – Я должен – и ради Май, и ради себя.

– Ты нужен своему отцу, мальчик, – сказала Катрона.

– У него будет меньше работы теперь, когда столько народу пропало. А если вы меня не возьмете, я все равно пойду. Стану вашей тенью. Обернетесь назад, на повороте ли, на прямой ли дороге, – и увидите меня.

Дженна, не отнимая руки от морды Долга, обернулась к нему и встретила сверлящий взор его темно-зеленых глаз.

– Он и правда пойдет, – сказала она Катроне. – Я уже видела такой взгляд.

– Где?

– В зеркале, – сказала Петра, подойдя к ним.

– И у Пинты, – добавила Дженна.

Катрона молча подошла к своей лошади и села в седло. Она дернула поводья, и испуганная кобыла повернулась к разбитым воротам хейма.

Лошадь Петры стояла смирно, пока всадница взбиралась в седло, только холка чуть подрагивала, как вода в пруду.

Дженна медленно, властно провела рукой по шее Долга, взялась за луку и одним махом взлетела в седло.

Катрона только хмыкнула, глядя, как девочки рассаживаются, но улыбка все же мелькнула на ее лице, прежде чем

смениться хмуростью.

Всадницы некоторое время не двигались с места – потом Дженна нагнулась с седла и подала юноше руку. Он с усмешкой сжал ее, и Дженна втащила его на коня за собой. Он уселся плотно, как будто привык ездить таким манером.

– Джарет, мальчик, куда это ты? – Джерем подбежал к ним и схватил сына за коленку.

– Он едет с нами, – сказала Дженна.

– Нельзя ему. Он совсем еще юнец.

– Юнец! – засмеялась Катрона. – Да ведь он уже жених. Раз он дорос до женитьбы, то и до боя дорос. Сколько, потвоему, этим девочкам?

Петра, привстав на стременах, обратилась к остальным горожанам

– Нас ведет Анна, Белая Дева, имевшая трех матерей и трижды осиротевшая.

Люди собрались вокруг них. Грета с мужем стояли впереди. Джерем – у колена своего сына. Все молча смотрели на Дженну.

– Мы следуем за Ней, – с выразительным жестом продолжала Петра, – ибо Гончая и Бык уже склонились перед нею. Кто осмелится отрицать ее божественную суть?

Дженна, чувствуя, что настал ее черед, вскинула меч над головой. Ей хотелось надеяться, что вид у нее при этом не глупый, а героический.

– Во мне конец и во мне начало, – крикнула она. – Кто

со мной?

– Я, Анна, – откликнулся сзади Джарет.

– И я! – воскликнул длинноногий парень.

– И я! – К нему присоединился еще один, по виду его близнец

– И я!

– И я! – Последним отозвался Хармон – он сорвал шапку у себя с головы и подкинул вверх, заставив кобылу Петры тревожно прыгнуть назад. Грета, воспользовавшись замешательством, сгребла мужа за рукав и дернула к себе.

Наконец решено было, что поедут трое юношей, и Джерем благословил своего сына, а Грета и Хармон дали двум своим припадающего на ноги отцовского мерина. Братья сели на него вдвоем и пустились за всадницами по дороге на запад.

МИФ

И сказала Великая Альта: «Вы поедете на север и поедете на юг, поедете на восток и поедете на запад. И несметные рати встанут рядом с вами. Вы и ваши соратницы будете драться плечом к плечу и клинок к клинку, чтобы пролитая вами кровь смыла зло, причиненное неразумными мужами».

Книга вторая

ДОЛГАЯ СКАЧКА

МИФ

И Великая Альта достала из колодезя ночи трех младенцев мужского пола. Один был светел, двое темны, и они, слабые, тянулись к ее солнечному лику.

– Вы будете расти, расти и расти, – сказала она, – и станете могучими великанами. Вы придете в мир, и зло убоится вас.

И стала Великая Альта тянуть их за волосы и за ноги, и сделались они высокие, как башни. Тогда она поставила их у речного брода и оросила их лбы водой, а ноги осыпала пеплом, чтобы укрепить их для долгого пути.

ЛЕГЕНДА

Трое героев явились с востока. Один был светел, как утро, другой ярок, как полдень, третий темен, как вечер. Такими же были и их кони: один серебристый, как рассвет, другой золотистый, как полдень, третий черный, как ночь. Они везли с собой корону, ожерелье и кольцо.

Мечи их сверкали, и лес звенел от их боевой песни:

Послужим же Светлой Владычице мы.
Послужим Владычице Ночи и Тьмы,
И долгою будет скачка...

Куда бы они ни держали путь, они несли смерть врагам
Анны, Белой Девы. А имя им было – Трое.

*Гобелен, висящий в одном из залов городской ратуши Кал-
ласкросса (см. рисунок), относится к периоду возрождения
ткаческого искусства. Легенда гласит, что он был закончен
через неделю после того, как Трое проехали мимо, что вряд
ли возможно – такие гобелены создавались годами. Обра-
тите внимание: на нем изображены трое рыцарей в полных
доспехах, с поднятыми мечами, скачущие прямо на зрителя.
Один, в серебряных доспехах, едет на сером коне, другой, в
темных, на вороном, а третий, в золотых, – на коне масти
старого золота. Забрала их подняты, и мы видим их глаза,
имеющие весьма веселое выражение.*

ПОВЕСТЬ

Ночь настала быстро, и они проехали всего несколько
миль, но Катрона созвала всех к себе.

– Эй, парень! – сказала она сыну мельника.

– Это Джарет, – напомнила Дженна.

– Джарет так Джарет. Слезай и дай бедной лошади отдох-
нуть. Перейди ненадолго к Петре.

Юноша соскочил наземь легко, как кошка, и подошел к Петре. Она подала ему руку, но он, не взяв ее, разбежался немного, прыгнул и с ухмылкой вскочил на лошадь у Петры за спиной.

– Я ходил за лошадьми, – застенчиво пояснил он, – когда хозяева приезжали к нам молотить зерно. Один человек сказал мне, что лошадь делает коротышку великаном, – тогда-то я и понял, что должен ездить верхом.

Дженна, втиснувшись между двумя лошадьми, тихо спросила Катрону:

– Зачем ты заставила его пересесть? Долг еще не устал.

– Скоро взойдет луна, – шепнула в ответ Катрона, глядя на вечернее небо, – а с ней придут наши темные сестры. Ни к чему нам пугать этих парней и перегружать Долга.

– Совсем из головы вон. – Дженна прикусила губу. – Как я могла забыть?

– Ты всего несколько дней как обрела свою темную сестру, – улыбнулась Катрона. – Даже я, прожившая бок о бок с Катри тридцать лет, порой забываю. Не о Катри, но о том, что она должна появиться, и эта моя лучшая половина всегда застает меня врасплох.

– Нужно предупредить мальчишек. Только что мы им скажем?

– Скажем то, что всегда говорим, будь то в войске или в постели – ведь мужчины видят и слышат только то, что хотят. Не беспокойся. В Нижних Долинах говорят: «Мужской

глаз больше брюха и меньше мозга». – Катрона со смехом направила лошадь к Петре и к мерину, на котором, болтая длинными ногами, ехали сыновья Греты и Хармона.

– Скоро мы встретимся еще с двумя сестрами, – непри-
нужденно сказала она. – Они наши подруги и путешествуют
вместе с нами, но они приходят и уходят, когда хотят, и не
любят дневного света. Пока они с нами, они надежные наши
союзницы и милые наши спутницы – понятно?

Мальчики закивали – Джарет сразу, а двое других с за-
минкой, словно до них это дошло чуть погодя.

– Мы уже видели таких ночных сестер, – сказал Джарет. –
Они как-то помогали моему батюшке на мельнице, а отцу
Сандора и Марека – на пароме. Они приходят, когда в них
нужда, хотя никогда не откликаются на зов.

– Вот и ладно. Значит, вы не испугаетесь и не смутитесь,
когда явятся эти две. Их зовут Катри и Скада. Катри старшая
– она даже старше меня, – улыбнулась Катрона.

– Катрона! – с укором сказала Петра.

– Самую чуточку, – не уступила та.

– Не будем мы ни пугаться, ни смущаться, – торжествен-
но пообещал Джарет, – ибо с нами Анна. Сандор и Марек
поддержали его кивками, с обожанием глядя на Дженну.

– Давай спешимся и пустим лошадей попасться, – сказала,
слезая, Катрона. – Да и сами перекусим.

– Так ведь нечего, – сказал Сандор.

– Лес – наша кладовая, – с коротким смешком сказала

Дженна, – и голод нам не грозит.

ПЕСНЯ

Долгая скачка

Всадники мчатся – вперед и вперед.
Трое несутся – под снегом и градом.
Мчатся в долины, где ветер поет,
Мчатся во тьме, где не видно ни зги.
Мчатся в леса, где таятся враги.
Трое несутся по весям и градам —
В самое сердце Ада.

Всадники мчатся – вперед и вперед,
Мимо домов, где ни сладу, ни ладу.
Мимо красотки, что косы плетет.
Мимо лощины, где воин погиб.
Мимо пещер, где таятся враги.
Трое несутся, средь трудного смрада,
В самое сердце Ада.

ПОВЕСТЬ

Мальчикам показали, как отыскивать пропитание в лесу,

и Джарет нашел птичье гнездо с тремя яйцами. Двое других пришли с пустыми руками, зато Дженна нашла много вкусных грибов, а Катрона – ручей, вдоль которого в изобилии рос зеленый салат. Петра, сторожившая лошадей, представила самое большое сокровище – охалку крапивы, изжалившую ей все руки.

Дженна с Джаретом как раз вышли из леса, и Петра не замедлила пожаловаться им.

– Крапива! – воскликнула Дженна. – Теперь мы сможем заварить чай.

– Так ведь костер разводить нельзя, Анна, – напомнил Джарет.

– Можно развести его в ямке – только чтобы воду вскипятить. Пусть только твои друзья наберут сухих листьев.

Они поели салата с крутыми яйцами и грибами, попили чаю – получился настоящий пир.

– Остатки чая я солью в свою флягу, – сказала Катрона, когда они засыпали костер. – Крапивный чай и холодный хорош, не только горячий. А сейчас я вам что-то покажу. – Достав из сумки холстину, она развернула ее – внутри оказалась большая лепешка.

– Откуда? – изумилась Петра.

– С кухни хейма. Они все равно дали бы нам что-нибудь на дорогу. Всякий старый солдат знает: бери что попало, а раскаяние прибереги до утра.

Все согласились с ней и протянули руки за своей долей.

Темные сестры так и не пришли, потому что полнолуние кончилось, а света одних звезд, без костра, им было мало. Дженна, лежа на своем одеяле, перечисляла имена созвездий в надежде, что это ее усыпит: Альтин Ковш, Рог Хейма, Кошка, Большая Гончая. Но сон не шел, и она, наконец, встала и босиком прошла туда, где дремали стоя белый мерин и его гнедые подружки. Когда она положила руку на мягкий храп Долга, тот вздохнул – это был непривычный, но все же успокоительный звук.

– Анна? – тихо сказал кто-то. Дженна обернулась – к ней шел Джарет.

– Анна, это ты?

– Да.

Он зашел с другой стороны, чтобы лошадиная голова оказалась между ними, и тоже стал гладить Долга.

– Я караулил и услышал тебя. Что-то не так?

– Нет. Просто мне не спится.

– Ты думаешь о Калласфордском хейме?

Она, помедлив, кивнула.

– Я думаю обо всех хеймах, Джарет. Но сон не потому бежит от меня.

– Почему же тогда, Анна?

– Ради Альты, не называй меня так, – сердито сказала она.

– Как – так?

– Анной. Это не мое имя. Я Джо-ан-энна, а друзья зовут меня Дженной.

Джарет помолчал немного.

– Но я думал, что... Она сказала, что...

– Да, наверное, так и есть. Но это только титул, который мне навязали. На самом деле я не такая.

Джарет помолчал еще и прошептал:

– Какая же ты по правде?

– Обыкновенная девочка. И дочь многих матерей.

– То же говорят и об Анне. У нее было три матери.

– У меня тоже.

– И волосы у нее белые.

– Как у меня.

– И Гончая с Быком...

– Да, все так. Но я ем, как и ты. И пускаю ветры, если в жарком попадают бобы. А когда много пью, ищу местечко в лесу, чтобы...

– Анна. – Джарет через морду Долга коснулся ее руки. – Нигде не сказано, что ты – не человек. Нигде не сказано, что ты богиня, которая не отливает и не пускает ветры. Анна... она как ось, как чека, которая соединяет старую повозку с новым колесом.

– Но оси и чеки делают люди. Не Альта.

– Так и есть. Только пророчество принадлежит Богине.

Дженна помолчала, думая над словами Джарета, и, наконец, вздохнула.

– Спасибо, Джарет. Пожалуй... пожалуй, я теперь посплю немного.

– Разве что после. Теперь твой черед караулить, – Джарет обошел коня и со смехом протянул ей руку, – Дженна.

Дженна пожала эту руку – такую же твердую, как у Катроны или Скады.

Они пустились в путь еще до света, миновали лес и проехали один за другим три городка, где еще не зажигали огня, и только стук конских копыт нарушал тишину. За окраиной последнего городка Дженна, Петра и Катрона подождали парней, которые отправились за провизией – у Джарета была здесь родня.

Однажды они остановились, чтобы умыться в придорожном ручье, и раз пять или шесть – чтобы облегчиться и дать лошадям попасться. Ночью они спали беспокойно – шел дождь, который промочил их, несмотря на шалаш, сооруженный из молодой поросли. Не считая этих кратких передышек, они все время ехали – и этот день, и следующий.

– Я вся пропахла лошадью, – пожаловалась Петра, когда они встали.

– Можно подумать, что ты сама лошадь, – подтвердила Дженна.

Все от души посмеялись на этом – впервые с тех пор, как увидели разоренный хейм. И стало как-то веселее, хотя мускулы у всех ныли, а Марек и Сандор натерли себе ляжки.

К вечеру второго дня они въехали на пригорок, под которым начинался большой лес. Он тянулся на многие мили по обе стороны извилистой дороги.

– Королевская дорога, – сказала, указывая на нее, Катрона. – Другого пути через эту чащобу нет. Перекресток Вилмы находился там, за лесом.

– А не опасно ли ехать... – начал Сандор, запустив пальцы в спутанные волосы.

– ...по этой дороге? – довершил его брат.

– Опасно не столько на ней, сколько за ее пределами. Эти места известны лишь немногим, и эти немногие – Зеленый Народец. А они, – Катрона сплюнула между безымянным пальцем и мизинцем, – они нам не помощники. Скорее они могут снять с нас головы или отрезать пальцы. Они любят мелкие косточки – вставляют их себе в уши.

Марек и Сандор тревожно переглянулись, Джарет же засмеялся.

– Мой батюшка часто рассказывал про Зеленый Народец – он называет их греннами. Но он не говорил, что они собирают человеческие кости. Они живут обособленно – вот и все.

– Верно, – улыбнулась ему Катрона, – они живут обособленно. Этот лес они считают своим и не терпят, когда к ним вторгаются чужие.

– Но это еще не значит, что они заберут наши кости, – сказала Дженна.

– Я пошутила.

– И не слишком удачно.

– Расскажи нам еще что-нибудь о Зеленом Народце и этой дороге, – поспешно вмешалась Петра. – Только не шути

больше – ведь кто-то и испугаться может.

– Добрая королева Вилма построила эту дорогу задолго до того, как Гаруны вторглись на нашу землю, и заключила договор с советом Зеленых – ведь у них ни королев, ни королей нет.

– Тем лучше для них, – пробормотала Дженна.

Кобылу Катрены пробрала тревожная дрожь, всадница же продолжала:

– Договор был такой: лес остается Зеленому Народцу, а дорога – нам.

Джарет подался вперед, весь обратившись в слух.

– Об этом мне батюшка не рассказывал. Чем же скрепили договор?

– Вилма предложила им железо, сталь и золото, но они не взяли ничего.

– Ничего? – хором повторили братья, а Сандор спросил: – И что же дальше?

– Они сели в круг на самом высоком холме и...

– Нет здесь никакого холма, – перебила Дженна. – Вот и верь после этого сказкам. – Она повела рукой с востока на запад. – Смотрите сами: никаких холмов, только лес.

– Смотри на все вприщурку, Дженна, – посоветовала Петра. – Так учила моя Мать Альта. Вприщурку.

– Я рассказываю эту историю так, как слышала сама, Дженна, – сказала Катрона. – Они сели на высоком холме – которого Дженна не видит, – и отведали вместе хлеба, и по-

клялись, что договор, запечатленный в их сердцах и подтвержденный устами, останется нерушим. Они не знают письма и все передают из уст в уста. – Катрона, привстав на стременах, оглядела дорогу.

Все повторили это за ней, словно темные сестры за светлой.

– Но теперь, когда три последних Гарунийских короля сулят настроить вдоль дороги крепости и постоянные дворы, на договор полагаться не приходится.

– Я никаких построек не вижу, – сказала Дженна.

– Их пока нет, но они появятся. Когда я была в войске, об этом часто говорили. Мужчинам эта затея пришлась по душе. «Стань на пути колесницы, – говорили они, – и на тебе останутся следы от колес».

– Негоже это, – сказала Дженна, – нарушать договор с теми, кто честно его соблюдает.

– Если б я был королем... – начал Джарет.

– А если б лошади умели летать, – со смехом перебила Петра, – мы перелетели бы через лес и были бы у Перекрестка Вилмы еще дотемна.

– Но мы летать не умеем, – сурово одернула Катрона, – и не поедем по этой дороге при свете одних только звезд. Найдём тихое местечко, переночуем, а на рассвете отправимся в путь. Это будет долгая скачка, встретим мы кого-то на дороге или нет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Зеленый Народец, Добрый Народец или гренны – все эти наименования, принятые в Долинах, эквивалентны Гарунийским эльфам или гномикам. Несмотря на отчаянные попытки историков типа Мэгона доказать, что в Старом Лесу над рекой Вилем действительно обитала некая пигмееобразная раса, проведенные там обширные раскопки ничего не обнаружили. (См. мою монографию «По следам мифического народа: раскопки на реке Вилем», Пассанат-Пресс, № 19.)

Углеродное датирование вне всякого сомнения установило, что остатки поселений, найденные в том регионе, не менее чем на тысячу лет старше эпохи Межполовых войн. Немногочисленные человеческие кости разбросаны, а не захоронены – это доказывает, что там обитали племена охотников и собирателей, не дозревшие еще до идеи о загробной жизни. К периоду правления Добродруга эти племена должны были давно исчезнуть.

Однако многочисленность преданий о «зеленых людях» заставила даже такие авторитеты, как Темпла и Кован, подойти к вопросу с двух сторон. Легендами о великодушии Зеленого Народца по отношению к сторонникам Белой Богини изобилуют все города в долине реки Вилем. В работе Доил («Зеленые как трава: необычайная частота цветковых фамилий вдоль реки Вилем», Изд. Хангерского колле-

джа) весьма убедительно доказывается, что во всякой лесной общине естественны родовые прозвища, связанные с лесом или зеленью. Во всяком случае, это куда убедительнее измышлений Мэгона, уверяющего нас в действительном существовании волшебного гуманоидного народа, не знавшего письменности, поддерживавшего свою кандидатку в королевы с помощью магии и уносившего людей для жертвоприношений в несуществующие Вилемские холмы.

ПОВЕСТЬ

Королевская дорога была хорошо уезжена, словно по ней прошло много путников и мало дождей, однако лес подступал к ней вплотную. Ежевика, крапива и шиповник боролись за место между могучими стволами, и растительность была необычайно разнообразной.

Первые часы всадники нещадно погоняли лошадей, но когда мерин братьев остутился в выбоину, чуть не сбросив седоков, Катрона скомандовала остановку.

Спешившись, они отвели лошадей на край дороги, и Катрона осмотрела левую переднюю ногу мерина.

– Вывиха, похоже, нет.

– Может, дать ему отдых? – предложила Петра. – На всякий случай.

– Да и поесть бы не мешало, – сказал Джарет, и братья поддержали его.

Но Дженна воспротивилась:

– Нет. Надо ехать. Надо добраться до хейма Вилмы, прежде чем... – Она не договорила, но всем и так было ясно. – Кроме того, у меня какое-то странное чувство...

– Как будто за нами следят? – тихо спросила Катрона.

– Да, что-то вроде.

– Уже много миль?

Дженна угрюмо кивнула.

Все быстро расселись по седлам, невзирая на пустые желудки, и погнали коней дальше. Лошади повиновались охотно, словно тоже чувствовали неладное. Мерин рванулся вперед, доказав свою полную годность. Катрона обогнала его, но Дженна осталась позади, чтобы защищать тылы.

Оглядываясь через плечо, она не видела ничего, кроме лесной зелени. Однако ей показалось, что она слышит тихую барабанную дробь, сопровождаемую тонким свистом. И лишь проехав около мили, она смекнула, что это копыта стучат по дороге и ветер свистит у нее в ушах.

Они ехали еще несколько часов, то шагом, то галопом, пока Катрона опять не скомандовала привал. На этот раз они увели лошадей в сторону от дороги, в рощу трепещущих осин.

– Не нравится мне это, – прошептала Катрона Дженне. – Сколько мы уже едем, а до сих пор никого не встретили.

– Я думала, это к лучшему, – сказала Дженна.

– Обычно на этой дороге кого только нет. Тут тебе и кон-

ные, и телеги, и пешие. А нынче – никогошеньки.

– Надо сказать остальным.

– Нет. Погоди. Зачем тревожить их до времени?

– Как мне сказали в Ниллском хейме, «не знать плохо, но не желать знать еще хуже». Они наши друзья, Катрона. Наши спутники. Мы доверяем им свою спину.

– Какие из них бойцы. Я доверяю свою спину только Катри и тебе.

– Но других у нас нет, – заметила Дженна.

– Верно, – вздохнула Катрона. – Тем большими дурами это нас делает. – Она вложила пальцы в рот и свистнула, подзывая остальных.

Собравшись в кружок, они выслушали соображения Катроны. Джарет при этом морщил лоб, а Сандор с Марекком раскачивались, как будто помогая себе думать. Петра, замерев, дышала медленно, способом латани. Дженна, начав дышать с ней в лад, вдруг ощутила знакомую легкость и поднялась над собственным телом.

Голос Катроны жужжал, словно назойливая муха. Прозрачные пальцы Дженны коснулись черепа каждого там, где под хрупким покровом кожи и костей билась жилка.

При этом касании Дженну, как и прежде, втянуло внутрь каждого из попутчиков. Катрона горела ровным пламенем костра, Петра струилась, как вода по камню. Братья были теплыми, как парное молоко, но Джарет напомнил ей Карума – в нем тоже чередовались пазухи жара и льда. Однако этот

чуждый огонь не взволновал Дженну так, как памятный ей жар юного принца.

Она снова взлетела в воздух и вдруг увидела вокруг них большой круг огней – пляшущих огоньков, подступавших все ближе и ближе. Она скользнула в свое тело, точно в знакомую одежду, и крикнула:

– Ко мне!

Катрона мигом выхватила меч и стала с ней спина к спине. Джарет тоже не мешкал.

– Нож! – крикнул он Сандору и Мареку.

Они достали ножи и сомкнулись вокруг Петры. Все замерло – ни звука, ни шороха, как будто сам лес затаил дыхание. Дженна внезапно вскинула голову.

– Вон там!

Поначалу путники не увидели ничего, но потом разглядели, что их окружили около тридцати человечков в зеленых камзолах и штанишках, точно по волшебству возникшие из деревьев и кустов. Они были в половину человеческого роста, и полупрозрачная зеленоватая кожа обтягивала их тонкие косточки, но они не казались слабыми. Сила самой земли словно воплотилась в них, приняв человеческий облик.

Долг тревожно заржал, за ним гнедые. Только старый мерин молчал, долбя копытом землю.

Один из человечков вышел вперед, нарушив круг, и стал футах в трех от Дженны. Она могла бы дотронуться до его макушки, но не двинулась с места. Человечек приветственно

поднял руку и сказал на странном певучем языке:

– Ав Анна регенс, ав Анна квонда э футура.

– Говори так, чтобы мы могли тебя понять, – крикнул Джарет, по-мальчишески дав петуха.

– Я поняла, – тихо сказала Петра. – Моя Мать Альта учила меня древним языкам. Он сказал: «Славься, Белая королева, славься во веки веков».

– Это хорошо, – подал голос Марек. – Наш батюшка говаривал: «Если человек зовет тебя хозяином, верь ему один день; если он зовет тебя другом, верь ему год; если он зовет тебя братом, верь ему всегда». – Это была самая длинная речь, которую когда-либо слышали от Марека.

– Но он не называл меня такими словами, – сказала Дженна. – Он назвал меня Анной. Сколько же, по расчету твоего батюшки, можно доверять ему?

– Сколько лес растет, Анна, – внезапно сказал человечек на их языке.

– Почему... – начал Джарет, но Дженна остановила его.

– Сколько стоят небеса. Мы ждем тебя от начала времен, запеленутые в кокон времени. О твоём рождении говорили у множества костров, о твоём царствовании – под многими звездами. Сперва Альта, потом Анна. Круг замыкается.

«От начала времен... – повторила про себя Дженна. – Круг замыкается... Что все это значит?» Вслух она сказала:

– Ты назвал меня моим титулом, но друзья зовут меня Дженной. А ты мне друг?

Человек широко усмехнулся, показав ровные белые зубы на зеленом лице.

– Мы твои братья, – с поклоном сказал он.

– Навсегда! – торжествующе сказал Марек.

– Может, оно так, а может, и нет, – проворчал Джарет.

Человечек, не отвечая им, по-прежнему обращался к одной Дженне.

– Его, – указал он на себя, – ты можешь звать Соррелом. Это не настоящее его имя, но настоящего твои уста не выговорят и сердце не запомнит.

– Понимаю. У меня тоже есть тайное имя. Так что же, Соррел, ты король этого Зеленого Народца?

– Нет у нас ни короля, ни начальника. Есть только круг.

– Почему же ты говоришь за весь... круг? – вмешалась Катрона.

– На этот раз Соррел первый в кругу.

– На этот раз я прячу оружие, – сказала Дженна, убирая меч в ножны. – И моя сестра Катрона тоже.

Катрона подняла бровь и очень медленно вложила в ножны свой меч.

– А мои мужчины спрячут свои ножи, – добавила Дженна. Она прикусила губу, но больше ничем не выказала своей тревоги.

Джарет, слегка нахмурясь, сунул свой нож за голенище, а когда Марек с Сандором замешкались, прикрикнул на них:

– Ну же.

– Мы делаем это, – медленно произнесла Дженна, – потому что вы пришли к нам без оружия.

По кругу человечков пробежал смешок, и Соррел снова поклонился.

– По правде сказать, Анна, мы никогда не носим оружия, кроме вот этого. – Он вскинул вверх руки. Пальцы на них были очень длинные, с бледно-зелеными ногтями.

– А велика ли его сила? – учтиво осведомилась Петра. – Потентас мание кви?

Соррел рассмеялся тоненько, словно птица пропела.

– Трес. Очень велика, маленькая Мать. – Он сломал зеленую ветку, завязал ее петлей и с улыбкой отшвырнул прочь.

Катрона цокнула языком, и Дженна поспешно сказала ей:

– Они наши братья, Катрона. Хотя бы на время. Катрона медленно кивнула, не сводя глаз с рук Соррела.

– Для наших сестер наши руки – как сладкая трава алтея, мягкие и нежные. Смотри. – Соррел быстро переместился к Долгу и погладил его по носу. Конь глубоко вздохнул и склонил голову к человечку.

– Зачем вы так долго выслеживали нас? – спросила Катрона, не отнимая руки от меча.

Соррел вскинул на нее глаза и тут же прикрыл их веками.

– Да-да, – сказала Катрона, радуясь, что огорошила его своим вопросом. – Не вы одни умеете читать книгу леса. Мы, сестры из хеймов, тоже славимся этим.

– Мы слышали – и это делает нас, братьев и сестер, еще

ближе.

– Я спрашиваю снова – как сестра брата. Зачем вы нас выслеживали, будто враги, если называете себя нашими друзьями?

– Не друзьями. Братьями! Мы наблюдали за всеми, мы должны знать, кто едет через наш лес. Мы должны были увериться, что это Анна. Звезды сказали нам, что близится срок, когда круг замкнется. Но по этой дороге ездят многие. Мы должны были знать твердо, что это Анна, прежде чем приветствовать ее. – Другие человечки одобрительным гулом подтвердили слова Соррела.

Петра и мальчики завертели головами: этот гул шел отовсюду, охватывая их как петлей.

– Зачем вы окружили нас? – спросила Петра, обводя взглядом каждого из человечков.

– Разве круг – не самая совершенная из форм, маленькая Мать? – ответил ей Соррел. – Перфас, на старом языке. В нем нет высших и нет низших, нет первых и нет последних.

– Но разве ты не первый в кругу? – спросила Дженна, понизив голос, чтобы никого не обидеть. – Ты сам сказал: «На этот раз Соррел первый». И говоришь только ты – остальные молчат.

– Квис воксен? – тихо сказала Петра на старом языке.

– Такие вопросы недостойны тебя, Анна, – и тебя, маленькая Мать. Они скорее пристали старой Кошке или ее Котяттам. – Соррел кивнул на Катрону и мальчиков.

Катрона, словно по сигналу, повторила вопрос Петры:

– Квис воксен? – Произношение ее было ужасающим.

– Сегодня говорит Соррел, завтра другой. Круг постоянно движется.

Дженна подошла к Соррелу поближе. Будучи гораздо выше его, она, однако, почему-то не опустилась на колени – это значило бы умалить их обоих. Она лишь слегка склонила голову, отдав этим единственную дань его малому росту.

– Мы тоже входим в ваш круг, Соррел?

– Как и все живое, – кивнул он.

– Однако меня ты выделил, назвав меня Анной и королевой.

– Регенс, – шепотом подтвердила Петра. – Хороший вопрос, Дженна!

– Мы ждем тебя с начала начал, – сказал Соррел. – Твое пришествие тоже входит в круг. Ты возвещаешь конец, завершение. – Он соединил большие и указательные пальцы в кольцо, и Дженна заметила, что пальцы у него на один сустав больше.

– Какой конец? Конец чего я возвещаю?

– Конец всего, что нам знакомо. Этого времени.

– То есть того, что знакомо ему и другим Зеленым? – недоуменно спросил Марек.

– Или того, что знаем мы? – подхватил Сандор.

– Мы уходим. И вы с нами, – сказал Соррел.

– Ну нет. – Джарет снова достал нож из-за голенища. –

Анна едет, чтобы спасти своих сестер, и мы с ней. Мы с вами не пойдём. Мой батюшка говорил мне: кто уходит с гренами, остаётся у них на долгие годы – пока все, кого мы знали, не умрут и трава не вырастет на их могилах. Ты сам так сказал – мы все слышали. Ты сказал, что вы запеленуты во время, как в кокон.

– Да ведь это просто сказки, Джарет, – сказала Дженна, протянув ему руку.

– Но мы не должны забывать о сестрах. – Рука Джарета, держащая нож, дрожала, и он придержал её левой рукой.

– А ведь он прав, – сказала Дженна Соррелу. Тот покачал головой.

– Спасать сестер поздно, Анна. Единственный путь – это круг. Вы выйдете из него сильнее, чем вошли.

– Поздно?! – Голос Дженны сорвался. Чтоб успокоиться и подумать как следует, она сделала три глубоких вдоха латани и начала дышать в такт с Соррелом. Но он дышал так медленно, что у неё сразу закружилась голова. Закрыв глаза, Дженна повторила про себя его слова: «Спасать сестер поздно». Она знала, что это чистая правда – но ведь хеймов осталось ещё пятнадцать, считая её родной, – и четырнадцать, которые нужно предостеречь. Не может она бросить их на произвол судьбы. Дженна открыла глаза и вновь встретила непоколебимый зелёный взгляд Соррела.

– Да, Анна, поздно – их больше нет, – сказал он, словно прочтя её мысли. – Малас пропас.

Дженна, вздернув подбородок, нащупала на левой руке кольцо Матери Альты, вспомнила ее слова: «Близится последний срок», – и мгновенно приняла решение:

– Мы идем с греннами.

– Но, Дженна... – начал Джарет.

Петра тронула его за плечо:

– Не спорь – нас мало, а их много.

– Много-то много, да зато они маленькие. У меня есть нож, и я не боюсь умереть за Анну.

– А у меня есть меч, – сказала Катрона, – и я никогда не боялась умереть за своих сестер. – И она решительно, с громким скрежетом достала из ножен свой клинок.

– Мы идем с Соррелом, – повторила Дженна. – В его круг. И я никому не позволю умирать за меня. Соррел назвал меня сестрой и королевой, и он обещает дать нам силу, которая так нужна нам для грядущих испытаний. Я ему верю.

– Надолго ли? – хриплым шепотом спросил Джарет. – Долго ли ты будешь верить ему, Дженна? День? Год? Всю жизнь? Или пока другой не начнет говорить от имени круга?

– Я буду верить ему, пока не завершу свое дело, сколько бы времени на это ни ушло. Идешь ли ты со мной, Джарет? Если да, скажи.

Он молчал, но Марек и Сандор ответили вместе:

– Мы с тобой, Анна.

– Я тоже, регенс, – сказала Петра.

Катрона спустя мгновение сказала так тихо, что Дженна

едва расслышала:

– И я. – Однако меча не убрала. Джарет тяжело вздохнул:

– Хорошо, я иду – только потому, что ты просишь, Дженна. Ты, а не они. – Он кивнул через плечо на зеленых чело-вечков.

Дженна взяла Долга за повод и потянула за собой, порадовавшись тому, что конь ей не противится. Она шла за зеленым камзолом Соррела и дивилась, что не теряет его среди сплошной зелени леса. Другие шли за ней по пятам, и в их шагах звучало эхом: «Поздно спасать».

СКАЗКА

Жила-была девушка Дженни, и пасла она своих овечек на зеленом лугу. Пока овечки паслись, она сплела себе венок из ромашек, но, найдя его слишком простым, сорвала оди-нокую дикую розу, чтобы украсить ею венок, как вдруг сре-ди ясного неба блеснула молния.

И перед Дженни явился прекрасный юноша в зеленой одежде.

– Кто ты? – вскричала она.

– Я король этого луга и пришел на твой зов.

– Но я не звала тебя, – сказала Дженни.

– Ты сорвала розу и этим вызвала меня из-под зеленой травы.

Он взял ее за руку своей зеленой холодной рукой и увел

в глубину холма, и там они пели и танцевали, пока не стемнело, и звезды не усыпали небо, как снег. Тогда Дженни сказала:

– Я должна вернуться к своим овцам.

Он отпустил ее, и она вышла на широкий луг – но все ее овечки уже разбежались.

Печальная Дженни спустилась к своему дому, чтобы рассказать о пропаже – но не узнала своей деревни. Она остановилась у первого же дома и постучалась в дверь.

– Кто ты? – спросил открывший ей старик.

– Я Дженни, дочь Дугала и Ардин. Дома ли они? – спросила девушка.

– Увы, – сказал старик, – я единственный потомок Дугала. Что до бедняжки Дженни, то мать ее Ардин умерла с горя, когда девушка пропала со всеми своими овцами. Было это лет сто назад, а то и больше.

Тогда Дженни опустила голову и запела:

Синим взором, дивным пеньем.

Сладким медом нежных слов —

Так сманил с собою Дженни

Молодой Король Лугов.

День пройдет в подземной зале —

Над землей бежит сто лет.

Лишь до ночи я плясала,

А глядишь, всей жизни нет!

И ушла Дженни обратно за холм, и никто ее с тех пор не видел.

Эту сказку рассказывают в Вилемской долине. Известны двадцать семь ее вариантов.

ПОВЕСТЬ

Долгие часы шли путники вслед за греннами, пока солнце не склонилось к закату и даже тени не стали зелеными. Никто не разговаривал, словно лес отнял у них все слова, кроме тех, что неумолчно звучали у Дженны в голове:

«Поздно спасать... поздно спасать».

Но что поздно? Предостеречь или помочь? Поздно для сестер постарше, умерших без погребения, или для молодых, уведенных в плен? Для Перекрестка Вилмы или для всех хеймов? Однако Дженна ни о чем не спрашивала Соррела, боясь услышать ответ. «Не знать плохо, но не желать знать еще хуже».

Пусть так. Надоели ей эти изречения, придуманные в спокойные времена. Надоели предзнаменования и пророчества, которые нужно читать вприщурку. Ей хотелось, чтобы только ветер свистал в ее волосах и... и чтобы губы Карума касались ее губ. Дженна закрыла глаза и продолжала путь вслепую, надеясь, что не сообразится.

– Дженна!

Произнесенное кем-то имя вернуло ее в лес. Она открыла глаза и увидела перед собой ход, ведущий куда-то в скалу. Круглые дубовые двери стояли полуоткрытыми и походили на разрезанную надвое крышку бочонка.

– Дженна, посмотри на эту дверь! – сказала Петра. Дженна посмотрела и увидела резьбу: реку, яблоко, ягоды, цветок, камень, птицу, полумесяц, радугу, дерево, рыбу – все знакомое. Дженна потрогала каждый знак по очереди.

– Духовный Глаз, – прошептала она.

– Но почему здесь? – отозвалась Катрена.

Весь круг гренов уже прошел в дверь, оставив за собой только тени. Долг тихо заржал, и этот звук, уйдя в черноту за дверью, вдруг затих, как отрезанный.

Дженна и Катрона медлили на пороге. Другие тоже не трогались с места.

– Еще не поздно повернуть назад, – прошептал Джарет. – Ты, Катрона и Петра, скачите в хейм, а мы с Марекком и Сандором будем удерживать дверь.

Братья согласно кивнули.

– И долго вы намерены ее удерживать, Джарет? – насмешливо спросила Катрона. – День, год или всю жизнь?

Он стиснул губы и ответил ей сердитым взглядом.

– Старая Кошка, одно слово! – уважительно шепнул Марек Сандору.

– Малас пропас, – тихо сказала Петра. – Так сказал Соррел: малас пропас. Это значит – поздно, но также нечто

неблагоприятное, зловещее, грозящее бедой.

– Беда или счастье зависят только от нас, – сказала Катрона. – А трое зеленых юнцов нипочем не удержат гренов за дверь. Да может, в этой горе и не одна дверь. Может, они вроде хорьков. Запрещь их тут, а они вылезут с другой стороны.

Дженна коснулась каждого по очереди: Петру тронула за щеку, Катрону за плечо, Марека и Сандора за макушки, Джарета за руку – и долго не отнимала пальцев. Он улыбнулся ей.

– У нас ничего нет, кроме друг друга, – сказала она. – И нам нельзя разлучаться. Неужто мы побоимся поверить гренам? Неужто побоимся темного хода? Дайте мне ваши руки. Мы вместе войдем в эту черную дыру и обретем великую силу. Так обещали нам грены.

Катрона первой положила руку на руку Дженны, за ней Петра, Сандор и Марек. Чувствуя тяжесть и теплоту этих рук, Дженна глубоко вздохнула и передала свое чувство руке Джарета, которую все еще держала в своей. Так, вместе, они и вошли во тьму.

Но мрак оказался не черным, а зеленым: мерцающие пятна на стенах давали слабый свет. Единственный, ведущий под уклон ход был слишком узок, чтобы повернуть лошадей, если бы им вдруг пришла такая мысль.

Никто не разговаривал – теснота и мрак не располагали к разговору. Даже лошади молчали, и только копыта глухо постукивали по каменному полу. Этот тихий мерный звук

успокаивал Дженну – он походил на биение сердца.

Внезапно узкий ход разветвился на три пошире. Дженна и Катрона остановились в недоумении, а за ними и остальные, шедшие следом. Они стали шептаться, а гулкое эхо, путая слова, мешало им понимать друг друга.

Наконец Катрона указала вправо, заметив:

– Зеленые пятна есть только там.

Все молча последовали за ней по правому ходу, который все круче и круче спускался вниз.

Дженна коснулась каменной стены, но та была скользкой и холодной – мерзкой, как внутренности дохлой рыбы, змеи или тритона. В детстве, когда они с Пинтой ночевали в лесу, Дженна попробовала съесть тритона – это было малоприятное блюдо. Содрогнувшись, она вытерла руку о рукав, но так и не избавилась от ощущения сырости, как будто та въелась ей в ладонь и оставила свой след навсегда.

Внезапно одна из лошадей фыркнула – в темноте это прозвучало так громко, что все вскрикнули от испуга, кроме Катроны, которая издала точно такой же звук, как ее кобыла. Эхо чуть их не оглушило, но Дженна утихомирила всех, показав вперед.

Ход после долгого спуска круто поднимался вверх, и в конце его виднелось бледно-зеленое сияние.

– Я пойду вперед, – шепнула Катрона. – Возьми мою лошадь, Петра.

И Катрона, не дав Дженне времени удержать ее, устремил

лась с мечом в руке прямо на зеленый свет. Свет охватил ее фигуру еще более бледной каймой. Катрона вскинула меч, то ли с угрозой, то ли в знак приветствия – и вдруг исчезла. Не прыгнула за край и не упала сраженная – просто исчезла.

– Катрона! – хором вскричали Марек и Сандор, а стены стократ повторили это имя. Братья позвали снова, но не тронулись с места.

Джарет же с криком ринулся в зеленый свет, окунулся в него и тоже пропал.

– Погодите! – сказала Дженна не столько властно, сколько с мольбой, протянув руку к остальным. – Пойдите, надо подумать.

Однако Петра, Марек и Сандор, ведя за собой лошадей, один за другим двинулись к свету, словно влекомые им. И один за другим на глазах у Дженны превратились в рой зеленых искорок, растворившись в сиянии.

Дженна погладила Долга, дунула ему в нос.

– Мой Долг. Мой долг обязывает меня идти за ними. Я не могу тебе приказать следовать за мной – ведь я сама не знаю, куда иду. – И она двинулась к свету.

Когда она приблизилась, высокий голос сладостно запел что-то у нее в голове. Свет слепил глаза. Она слышала, что конь идет за ней, но не находила в себе сил обернуться и прогнать его. Свет звал ее к себе, и ничего на свете ей так не хотелось, как войти туда. Она дошла до вершины подъема и замешкалась, чувствуя, что стоит на самом краю, но свет

вдруг охватил ее со всех сторон, теплый и холодный, мягкий и колющийся кристаллами, пахнувший цветами и болотной капустой. Она закрыла глаза, чтобы лучше проникнуться всем этим, а когда открыла их вновь, то увидела, что парит над зеленым лугом, где цвели белые лилии и маргаритки, а по краям атели красные лилии. Да, она парила в воздухе!

И тут она бухнулась на четвереньки в мягкую траву, как будто с большой высоты. Дженна оглянулась – Долг тут же мирно щипал траву. Позади не было ни скалы, ни обрыва – только луг с разбросанными там и сям кучами деревьев и холм на дальнем его краю. Благодатная, неподвластная времени земля.

Из ближней рощицы вился к зеленовато-голубому небу тонкий дымок. Дженна поднялась и пошла туда медленно, как во сне.

Подойдя поближе, она увидела справа Петру и Катрону, а слева мальчиков.

– Ступай ты первая, Анна, – сказал Марек.

– А мы за тобой, – добавил Сандор.

Дженна кивнула и вошла в рощу.

Здесь росли самые разнообразные деревья, как будто их насадили нарочно: береза, осина, лавр, тополь, терновник, рябина, ясень, ива и дуб. Деревья были высокие, как колонны, и Дженне вспомнилась «Песня дерев», которую ей, маленькой, так часто пели в хейме. Говорили, что ее сложила сама Великая Альта, а припев ее был такой:

Дивны древа, что носят зеленый наряд.
Но лесные над древами всеми царят.
Их кроны огромны, их шелест – как смех.
О, древа лесные – прекраснее всех!

И далее в песне перечислялись деревья всякого рода. Дженна, проходя, замечала, что здесь растут точно такие же деревья, как в песне. Уж не сон ли это, спросила она себя – и вдруг остановилась, ибо в середине рощи, откуда поднимался дымок, чей-то тихий, проникновенный голос пел эту самую песню.

Дженна подняла руку, и все остальные, идущие за ней, остановились. Она поднесла ладонь к уху, сделав им знак прислушаться.

– Этот голос... – проронила Катрона и умолкла.

Дженна поманила всех к себе.

– Это не гренны, – шепнула она, и все согласно закивали.

– Знаешь ли ты эту песню? – спросила Катрона у Джарета.

– Мне ее пела матушка, но немножко по-другому, вот так:

Дивны древа, что носят зеленый наряд,
И в Джарете-крошке признают царя...

Моя матушка пела «Джарет», а чья-то другая, наверное...

– Марек, – сказал Марек. – И Сандор.

– Она пела о нас обоих, когда мы болели корью, – кивнул

Сандор.

– Что будем делать дальше? – спросила Дженна Катрону.

– Я умею драться и находить дорогу в лесу, могу быть хорошей подругой солдату и промышлять съестное, но в таких делах я не сильна. Тут нужна жрица.

– Я слышала эту песню в хейме, – сказала Петра, – и Мать Альта учила меня значению каждого дерева, как это записано в Книге Света. Береза – исцеление, лавр – ясный свет, ясень – память. Но я не знаю, где мы и кто это поет. Быть может, Анна знает?

– Анна знает не больше твоего, – пробормотала Дженна, – если я вправду Анна.

– Будь уверена, – сказал Джарет. – Даже гренны называли тебя так.

– Кто же тогда? – И Дженна умолкла, прикусив губу.

– Есть только один способ выяснить это. – И Катрона вскинула меч.

Дженна ее удержала.

– Кто бы она ни была, она поет песню, знакомую и сестрам, и им. – Она кивнула на мальчиков. – Она хочет сказать нам, что она и сестра нам, и мать.

– Нам всем, – добавила Петра.

– Кто же это, как не сама Альта? – заключила Дженна.

– Говорила же я, что ты должна знать, – улыбнулась Петра.

– Это всего лишь догадка, сделанная наобум. Давайте-ка я пойду вперед и посмотрю.

– Мы пойдем вместе, – сказал Джарет.

И они двинулись толпой через подлесок, ведя за собой лошадей.

Пока они шли, деревья как будто вырастали все выше и выше – вот они достигли небес и сплелись в зеленую кровлю, едва пропускавшую солнечный свет. Стволы превратились в колонны из пестрого мрамора с темно-зелеными прожилками, а земля под ногами – в гладкий пол, однако с тем же узором из травы, лепестков и листьев.

В самой середине зала стоял большой очаг, а перед ним – зеленая колыбель. Ее качала женщина, одетая в светло-зеленое шелковое платье, вышитое по подолу темно-зелеными листьями, а по лифу – золотым плющом. Белые, как снег, волосы были заплетены в две косы. Голову ее украшала корона из шиповника, руку – браслет из диких роз, шею – ожерелье из репейника, перехваченное золотыми кольцами. Ноги женщины были босы.

– Да ведь это... твоя мать, Анна, – прошептал Марек.

– У нее твои волосы, твои глаза и твой рот, – подтвердил Сандор.

Джарет молчал, не сводя с женщины глаз.

Но Петра уже опустилась перед ней на колени, воздев вверх ладони, еще не отмеченные голубыми жреческими знаками. Катрона последовала примеру Петры, сложив свой меч к босым ногам женщины.

– Нет, – заявила Дженна. – Ты не моя мать. И я никогда

здесь не лежала. – Она сорвала с зеленой колыбели покров из плюща – колыбель была пуста.

– Я родилась в крови и муках от слипскинской женщины. Повитуха унесла меня в горы, а сестра из Селденского хейма спасла. В это я верю. Это я могу принять. Я убила человека по имени Гончий Пес скорее волей случая, чем умышленно, и отсекала руку другому, по имени Бык. Если это сходится с пророчеством – тем лучше. Но не просите, чтобы я верила в эту... эту подделку. – Дженна чувствовала, как натянулась кожа у нее на лице. Она была слишком зла, чтобы плакать.

Женщина с медленной улыбкой склонилась и подняла на ноги Петру и Катрону, велев Петре стать по правую руку от себя, а Катроне по левую, а после взглянула Дженне в глаза.

– Хорошо. Очень хорошо. Я разочаровалась бы в тебе, если бы ты приняла все безоговорочно. – Она обвела рукой зал, и он опять превратился в рощу.

Джарет шумно вздохнул.

– Безоговорочно? Да у меня сотни вопросов, – воскликнула Дженна. – Не знаю, с которого и начать. Кто ты? Что это за место? Куда подевались грены? И...

– И что с твоими сестрами? – подсказала женщина.

– Это прежде всего.

– Тогда сядьте, и я расскажу вам все, что могу.

– Но как нам тебя называть? – спросил Джарет.

Женщина с улыбкой протянула ему руку.

– Можете называть меня Альтой.

– Нет. Я, как и Анна, не верю...

– Но меня в самом деле зовут так, – с улыбкой пожала плечами она. И опустила на землю, а путники расселись вокруг нее. – Так меня называли – в честь Богини, как и многих девочек моего времени.

– Когда же оно было, твое время? – спросила Дженна, отпихнув Долга, который тыкался мордой ей в ухо. Он встряхнул головой, отошел и стал возле огня.

– Придется тебе отложить свою подозрительность, Дженна, – сказала Альта.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– А гренны его откуда знали?

Дженна умолкла, жуя сорванную травинку.

– Я та самая Альта, которая собирала жатву в горах и от которой пошли все хеймы. Это я написала Книгу Света и научила женщин, как правильно дышать, и играть в «Духовный Глаз», и вызывать темных сестер.

– Значит, ты – сама Великая Альта, – прошептала Катрона.

– Нет, Кошечка моя. Я не танцую на радуге и не способна пересечь мост из лучей света. Я была замужем за королем, но не могла рожать, и он прогнал меня и взял вторую жену, а там и третью. В своем горе я начала собирать девочек, оставленных на погибель в Долинах. Я настроила множество тележек и тащила их за собой в помрачении ума, сама не зная, куда иду.

Гренны нашли меня, обезумевшую, влачащую за собой семь возков с плачущими, обмаранными детьми, и привели нас сюда – в Зеленый Мир. Они научили меня ходить за детьми, играть в прутья, находить дорогу в лесу. Рассказали о том, что ждет нас в будущем. Научили управлять дыханием и вызывать своего двойника. А потом они отправили нас обратно в Долины. Но я пробыла у них не день, не месяц и не год, а полных сто лет. И моим именем в Долинах пугали детей: «Будь умницей, не то Альта тебя заберет».

С нашим возвращением сказка началась сызнова, и к нам стали стекаться нежеланные женщины – бесплодные, бездомные, одинокие. И мы построили здесь поблизости первый хейм. Перекресток Вилмы. А за ним появились и другие. Я записала все, чему учили меня гренны – по крайней мере то, что мне запомнилось, – вперемешку с мудростью Долин, и назвала то, что получилось, Книгой Света. А потом... – Альта глубоко вздохнула.

– Потом ты вернулась сюда? – подсказала Дженна.

– Нет, это случилось намного позже, когда я завершила свою работу и собралась умирать. Мои женщины принесли меня ко входу в пещеру, как я им велела, и оставили здесь. Когда они ушли, я спустилась вниз и с тех пор живу здесь.

– Но, Альта, ведь с тех пор прошли... – начал Марек.

– ...сотни лет, – завершил Сандор.

– Здесь время течет по-иному. – Альта сняла с себя венок из шиповника и отложила в сторону. – Здесь я дожидалась

прихода Анны.

– Были и другие до нее? – спросил Джарет.

– Были, хотя и немногие. Они тоже видели зал и колыбель и слышали песню. Они ели мой хлеб и пили вино, но потом оказывались, бледные и одинокие, на склоне холма, а их близкие давно уже покоились в могиле. Они не знали меня – знали лишь свою мечту. – Альта сняла с себя ожерелье и положила его рядом с короной.

– Но почему я? – спросила Дженна. – Почему мы? Почему теперь?

– Потому что начатое мной должно завершиться. Пришло время миру сделать новый оборот, чтобы сердцевина стала корой, а кора – сердцевиной. Гренны называют это очищением, и случается это каждые несколько столетий.

– Несколько столетий? – вне себя, пораженная, вскричала Дженна.

– Думаешь, наши Долины – это весь мир? – засмеялась Альта. – Мы лишь яблочко на огромном дереве, одно дерево в громадной роще, одна роща... – Альта махнула рукой.

Дженна, вспомнив луг без конца и края, прошептала:

– ...на огромном лугу.

– Да, Дженна. Ты и хочешь, и не хочешь быть этой Анной. Но Анн много. Они были и будут. Не все они будут зваться Аннами – у них будет много имен. – Альта коснулась губ Дженны холодным пальцем. – Но на этом повороте дороги Анна – это ты. И тебе еще многому придется учиться. – Аль-

та встала и сказала голосом ласковым, но не допускающим слушания: – Пойдемте. – Корону и ожерелье она взяла с собой.

Все последовали за ней к огню – Дженна рядом, остальные вереницей позади. Когда они подошли, огонь словно отступил перед ними.

– Так здесь и со временем, – сказала Альта, продолжая идти прямо в огонь. Наконец, как будто достигнув одной ей известной цели, она остановилась и повела рукой вокруг.

Они очутились в уютной кухне, точь-в-точь как в Селденском хейме. Дженне показалось, что сюда вот-вот вбегут Дония, Дойя и их помощницы. Сальные свечи в железных стальных подсвечниках горели ярко, и жаркое на вертеле поворачивалось само собой над жарким огнем. Но эта картинка, четкая в середине, по краям была размыта, как то, что видишь краем глаза, и было в ней что-то чуждое, несмотря на всю видимость уюта. Дженне стало не по себе, она сделала три глубоких вдоха и сказала:

– Это все ненастоящее – так же, как зал и колыбель.

– Ненастоящее? – опечалился Марек. – А поглядеть – прямо как батюшкин дом.

– Точь-в-точь, – согласился Сандор.

– Это одна только видимость, – остерегла их Дженна. – Посмотрите на свечи. Посмотрите на огонь. Теней-то нет.

– И темных сестер нет, – добавила Катрона.

– Вы правы, – кивнула Альта. – Правы по-своему и в то

же время неправы. Это и верно видимость, но создана она из вашей памяти, ваших желаний, вашей мечты. Это сделано не для того, чтобы искушать или отвлекать вас, а чтобы вас утешить и напомнить вам.

– Здесь так странно, – поежилась Дженна. – Я не чувствую покоя – только пустоту.

– Покой придет. Сядь и впусти эту картину в свое сердце. Петра села первая, придвинув к себе тяжелый дубовый стул.

Он был так высок, что ноги ее едва доставали до камыша на полу, усыпанного сухими розами и вербеной.

Дженна вдохнула сладкий аромат, вспоминая. Точно так же пахло в Большом Зале ее хейма. Она потрясла головой и осталась стоять.

Мальчишки растянулись перед огнем на животе, словно щенята после долгой пробежки. Сандор тыкал в очаг палочкой, Марек мечтательно смотрел на огонь. Джарет, опустив подбородок на руки, с беспокойством оглядывал комнату.

Катрона, глубоко вздохнув, уселась в кресло с мягкой подушкой, протянула ноги к огню, откинула назад голову и с улыбкой уставилась в потолок.

Дженна провела пальцами по спинке ее кресла. Там был вырезан знак Альты: круг с двумя пиками, почти сходящимися в крест. «Слишком уж все хорошо», – подумалось Дженне. Она не доверяла совершенству. В Долинах говорят: «Совершенство – конец роста». Иными словами – смерть. Не

для того я привела их сюда, чтобы они умерли в довольстве, подумала Дженна и сказала вслух:

– Ты сказала, что нам еще многому нужно учиться. Научи же нас – и мы пойдем.

– Ты и без того уже многое знаешь, Дженна, – улыбнулась Альта. – Игра «Духовный Глаз» приучила тебя к лесу, игра в прутья укрепила правую руку. И ты вызвала свою сестру еще до первой крови. Тебе равно дороги женщины и мужчины – это тоже приготовило тебя к грядущему. Но, Дженна, Джо-ан-энна, во многом ты еще ребенок. Ты боишься своей судьбы. Боишься власти. Боишься покинуть свой очаг

– Нет, не боюсь – ведь я здесь, а не дома. – Дженна спокойно переступила с ноги на ногу.

– Аннуанна, – резко сказала ей Альта.

Дженна замерла. Ее тайное имя, известное только ее приемным матерям, давно умершим, да жрице Селденского хейма. Она почувствовала, что дрожит – не снаружи, а внутри, не от страха, а от собранности, как кошка, крадущаяся к добыче.

– Когда окажешься в широком мире, помни, как горит мой огонь – он все время отступает, всегда под рукой и все же неуловимый. Так же и наши мечты, так же и наши желания.

Дрожь внутри прекратилась, сменившись ледяным спокойствием. Опять загадки, сердито подумала Дженна и повторила это вслух.

– Нет, не загадки. Это лишь ключ к пониманию, вроде по-

словicc Долин, которые ты и твои путники так любите поминать. К пониманию и к памяти. Память для тебя главное, Дженна. Помни мой огонь. Помни зеленый луг. – Альта провела рукой над столом, и на нем вдруг явились кубки, чашки и тарелки.

Петра, Катрона и мальчики, будто пробудившись ото сна, подсели к столу и стали шумно, с наслаждением есть. Чего там только не было: пирог с голубьями, зеленый салат, фрукты, кувшины с вином, густо-красным, бледно-золотым и сладким розовым, которое Дженна любила больше всего.

– Но пойдет ли нам впрок эта волшебная еда? – спросила Дженна, взяв в руки витуку булку.

– О да, – сказала Альта. – Ведь мой огонь вас греет, и мои стулья дают отдых вашим ногам.

Катрона, опрокинув второй кубок красного вина, добавила:

– А это вино веселит мое сердце.

– Вино тебе вредно, – воскликнула Дженна, схватив ее за руку. – Ты же знаешь, что оно вредит твоему желудку. Недоставало нам еще, чтобы у тебя начался понос.

– Это вино ей не повредит, – сказала Альта, – напротив, оно укрепит ее для грядущих сражений.

Джарет встал из-за стола так резко, что опрокинул свой кубок, и вино пролилось. На дубовой столешнице в мерцании свечей оно приобрело цвет запекшейся крови, а после золотистой стружкой стекло за край.

– Что это за сражения? Ты знаешь больше нашего – так скажи же и нам, наконец.

– Это война, которая началась в мое время, а закончиться должна в ваше, – еле слышно произнесла Альта. – Это война, которая все время идет по кругу. Война, которая несет с собой и мрак, и свет. Война, которая сведет вместе мужчин и женщин.

– А если мы победим, то уж навсегда? – тихо спросила Дженна.

– Одно яблочко на огромном дереве, – напомнила Альта. – Одно дерево в огромном лесу.

– Одна роща на огромном лугу, – заключила Дженна. – Я помню. Я все помню, но счастья это мне не прибавляет. – Она встала, а следом и другие. – Должна ли я усвоить что-то еще?

– Только одно. – Альта сняла с руки браслет и положила на стол рядом с короной и ожерельем. – Возьми корону, юный Марек.

Юноша бережно взял ее в ладони, и Альта сжала его руки своими.

– Ты увенчаешь короля. Ты, Сандор, возьми браслет. Тот положил браслет на правую ладонь, и Альта прикрыла ее своей.

– Ты станешь по правую руку короля.

Альта взяла со стола ожерелье и устремила пристальный взгляд на Джарета.

У Дженны внутри сперва стало горячо, потом похолодело. Она прикусила губу. Если Марек должен увенчать короля, кем бы тот ни был, а Сандор – хранить его правую руку, что же может означать ожерелье? Ошейник королевского раба? Или петлю на шее?

Только не Джарет, подумала Дженна, не мой верный друг – и простерла руку к Альте.

– Нет! Не давай ему ожерелья. Если оно несет с собой смерть, лучше дай его мне.

– Ты, Катрона и Петра знаете, в чем состоит ваш долг, – с грустной улыбкой ответила Альта. – Это записано в ваших сердцах – вы прочли это в Книге Света, когда были еще детьми. Но мужчинам, которые пока еще этого не знают, я должна дать эти памятки. Ожерелье предназначено для последнего из героев. Я должна вручить его, Дженна. Должна.

– Пусть вручает, Анна, – сказал Джарет, и взгляд его был тверд. – Я не боюсь. Я иду за тобой и изведаль уже столько чудес, что и за всю жизнь не узнал бы, сидя на мельнице около своего старика. Если Анна пожелала умереть за меня – чего же мне больше?

«Не Анна – Дженна», – хотела сказать она, но поняла, что для такого случая «Дженны» будет недостаточно, и промолчала.

Альта надела ожерелье на шею Джарету, и оно стало зеленым, как чистейшей воды изумруд.

– Ты не промолвишь ни слова, пока корона не увенчает

короля и правая его рука не одержит победы. После этого люди будут чтить каждое твое слово. Но если ожерелье будет разорвано до времени, твои речи посеют раздор, и король не сядет на трон, и круг никогда не замкнется. Ибо с этим ожерельем ты обретешь дар читать в сердцах и мужчин, и женщин – но никто не захочет услышать, что они думают и что чувствуют друг к другу.

Джарет, держа руку на горле, обвел взглядом всех по очереди, и глаза его при этом то расширялись, то уменьшались, как луны. Напоследок он вперил взор в Дженну, и она потупилась, не в силах смотреть в эти всевидящие очи.

– Бедный мой Джарет, – прошептала она, протянув ему руку.

Он открыл рот, но вместо слов у него вырвались лишь сдавленные звуки. Не взяв руки Дженны, он отошел и стал плечом к плечу с двумя братьями.

– А теперь вам пора, – сказала Альта. – Я дам вам хлеба и вина на дорогу, ибо между нынешним и завтрашним днем лежит долгий путь. Если же вы станете рассказывать о том, что видели и слышали здесь, в зеленом мире, веры вам будет не больше, чем Джарету теперь. Прощайте. – Она подняла руку, и лошади, словно по зову, подошли к ней. Она взяла их поводья.

Всадники стали рассаживаться по коням – Дженна первая, за ней Катрона с обнаженным мечом в руке. Джарет, взобравшись на гнедую кобылу, помог сесть Петре. Марек и

Сандор сели последними.

– Увидимся ли мы снова? – спросила Дженна Альту.

– Да, в конце твоей жизни, – улыбнулась та. – Приходи к моей двери, и она откроется перед тобой. С тобой может прийти еще один человек.

– Один? – шепотом повторила Дженна и, не получив больше ответа, повернула коня в указанную Альтой сторону, к дальнему горизонту. Остальные последовали за ней.

Поначалу они ехали медленно, словно не желая покидать луг Альты, но потом один за другим послали коней в галоп. Сначала солнце, потом звезды мелькали мимо, как снег, но это был не день и не ночь, а какие-то вечные сумерки. Весна сменилась летом, осень зимой, а они все ехали по той же дороге туда, где небо сходилось с землей.

Дженна, оглянувшись назад, увидела Альту, стоящую около своей роши в кругу греннов. Когда она оглянулась опять, все исчезло – Альта, роша и человечки.

МИФ

И сказала Великая Альта: «Корона – для чела, дабы править мудро; браслет – для руки, чтобы придать ей ловкости; ожерелье же для языка, ибо без языка мы не люди. Как без него рассказать о том, что было, или воспеть славу? Как нам плакать или проклинать без него? Потому-то ожерелье – самый дорогой из всех даров».

Книга третья

СОРАТНИКИ

МИФ

И Великая Альта раздвинула завесу своих волос и показала им поле брани. По правую руку стояло войско света, по левую – войско ночи. Но солнце село, и взошла луна, и оба войска стали как одно.

– Они соратники, – сказала Великая Альта. – Друг для друга они как щит и меч, как тень и свет. Я велю вам познать войну, чтобы вы могли жить в мире.

И она опустила их на кровавое поле, чтобы они могли постичь эту науку.

ЛЕГЕНДА

Есть посреди Долин бесплодная пустошь, где растет только один цветок – Роза Жатвы. Трава там скудна, да и та бурая, воды мало, да и ту нельзя пить. Только пыль, щебень и Роза Жатвы.

Говорят, что когда-то на этой равнине рос лес, такой высокий, что доставал до самого неба, и дикие кошки жили там в мирном соседстве с кроликами.

Но однажды сошлись на равнине два великана, нагие, в одних только шлемах. Три дня и три ночи боролись друг с другом. Их ноги превращали плодородную землю в пыль, руки вырывали из земли деревья. Этими деревьями они молотили один другого, словно дубинами. Наконец они при последнем издыхании повалились бок о бок и сорвали с себя шлемы и оказались схожими, словно близнецы.

Кровь, пролитая ими в бою, впиталась в изрытую землю, и из каждой капли расцвела Роза Жатвы. На каждом из ее кроваво-красных лепестков видно белое лицо, и все эти лица одинаковы.

ПОВЕСТЬ

Когда они миновали последнюю из рощ необъятного луга, над головой светила полная луна.

– Луна? – удивилась Дженна. – Когда мы уходили, еще не настало новолуние.

– С тех пор минула не одна луна, сестра, – шепнул ей кто-то на ухо. Дженна повернула голову и увидела сидящую позади себя Скаду. Та сильно похудела и казалась много старше.

– Сколько же их прошло? – Дженна оглянулась на своих спутников. В шапке коротких волос Катроны появилась заметная проседь, как и у Катри. Джарет, в своем тугом зеленом ошейнике, как-то осунулся. У Марека появились усы, у

Сандора пробивалась бородка. Но больше всех изменилась Петра – из девочки она превратилась в молодую женщину с округлой грудью под камзолом.

Дженна коснулась собственного лица, ища перемен, но пальцы ни о чем ей не сказали.

– Подумать только! – басовито воскликнул Марек.

– Я... – начал Сандор и умолк, словно смутившись от густоты своего голоса.

Джарет не смог произнести ни звука и затряс головой, в досаде колотя себя кулаком по бедру.

– Легенды не лгут, – сказала за всех Петра. – Гренны сказали, что живут в конце времени – но не сказали, сколько времени мы...

Дженна слезла с коня вместе со Скадой и спросила ее:

– Сколько лун прошло, Скада?

– Не знаю. Много. Я потеряла им счет.

– Но мы в пути не ели и не спали, – сказала Катрона. – Мы не видели, что время идет. Как это возможно?

– Это все Альта, – сказала Петра.

– Да. И гренны.

– Все дело в Анне, – хором сказали Марек и Сандор. Все спешились, и юношей наскоро представили Катри и Скаде.

Но тайна появления темных сестер померкла перед лицом еще большей тайны. Всех занимало, сколько же времени прошло.

– Быть может, год, а может... – произнесла Катрона.

– ...сотни лет, – закончила за нее Катри.

– Сотни? – удивился Марек. – Ну нет. Что же стало тогда с нашей матушкой?

– И с батюшкой?

– А наши сестры? Должны мы предупреждать их или нет? – спросила Петра.

Дженна повернула на мизинце кольцо жрицы. Судьба сестер заботила и ее – но сначала нужно узнать, в каком месте и времени они оказались. Глядя на Джарета, она прошептала:

– Они не вспомнили о твоей Май. – И о Пинте, и об Аме, и обо всех сестрах Селденского хейма, сказала она про себя. Что толку вспоминать, когда они так далеко? А о Каруме она и думать не хотела, боялась представить себе его лицо. Но Скада, зная все, тихо тронула ее за руку.

Они не устали, но все же решили остановиться на ночлег. Днем они поищут дорогу, найдут, быть может, знакомые приметы. Кроме того, лошадям будет легче ехать без темных сестер, а люди получают время, чтобы подумать.

– Чтобы сосредоточиться, – сказала Катрона точно так же, как когда-то в Селденском хейме, когда учила девочек жизни в лесу.

Для начала они, усевшись в кружок у костра, показали мужчинам, как дышат в лад. Катрона так нуждалась в свете, что развела огонь вопреки опасности. Она рассказала юношам сказку о пяти зверях, которые поспорили, что в жизни главное, и оказалось, что дыхание. Дженна вспомнила, как

монотонно рассказывала эту историю Мать Альта – у Катроны получалось куда веселее. Мальчики смеялись от души, и Джарет тоже, только беззвучно.

Марек и Сандор в свою очередь вспомнили стихи, которым научил их отец, – о том, как тянуть паром через реку. Катрона сказала, что эти стихи говорятся неспроста, а для науки.

– Для каждого ремесла есть такие. И для пекарей, и для пастухов, и для мельников.

Джарет, тронув Катрону за руку, показал на себя.

– Он ведь тоже мельник, – подсказала Катри.

Все, смутившись, умолкли, но тут Петра запела колыбельную, и все принялись тереть глаза.

– Встать надо со светом, – сказала Дженна.

– До света, – поправила Катрона.

ПЕСНЯ

Колыбельная сестер

Спи-усни, моя малышка.

Видишь – мир оделся тишью,

Неприступны наши стены,

Супостату хейм не взять.

Сон спорхнет тебе на веки,
Будешь счастлива вовеки,
Для тебя, укрыты тенью.
Станут птицы распевать.

Спи, дитя, не думай даже:
Сестры сильные – на страже.
Сестры с луками тугими
Зорко смотрят с высоты.
Сестры все ночной порою,
Как одна, готовы к бою.
Счастлива и невредима,
На заре проснешься ты.

Спи-усни, моя малышка.
Видишь – мир оделся тишью.
Улыбнется Альта сверху.
Альту сердцем позови.
Сестры будут все добрее.
Защитят и обогреют...
И на темных, и на светлых
Хватит Альтиной любви.

ПОВЕСТЬ

Путники один за другим уснули – только Дженна и Скада не спали, лежа бок о бок на Дженнинном одеяле.

– Я скучала по тебе, – сказала Скада. – И по этому миру, такому яркому и звучному.

– О чем же ты скучала больше?

– Обо всем поровну, – засмеялась Скада. – Однако тебе сильно досталось.

– Другим пришлось еще тяжелее. И вина за это...

– ...лежит не на тебе, милая сестра. Просто кругу пришла пора замкнуться – и то, что ты оказалась пряжкой, не твоя вина, а случайность.

– Джарет назвал меня колесной чекой.

– Нам будет недоставать его звонкого голоса.

Дженна чувствовала то же самое, но не смела сказать это вслух.

– Я...

– Не «я», Дженна, – «мы». Разве тебе так трудно запомнить, что ты не одна? Что мы все разделяем твое бремя?

Дженна вдруг вспомнила слова Альты: «Ты и хочешь, и не хочешь быть Анной». Как легко Альта их произнесла, и как трудно принять их. Она не прочь быть серединой, пряжкой, чекой, но не хочет нести на себе столь непомерную тяжесть. Одно без другого невозможно, но тяжестью можно поделиться. «Не я, а мы». Дженна тронула Скаду за руку. Больше они не говорили, а просто лежали рука об руку, пока сон наконец не сморил их.

– Дженна! Дженна! – звал чей-то далекий голос. Дженна, вздрогнув, проснулась, и уши ее наполнил птичий щебет.

Катрона трясла ее за плечо. Дженна села, неохотно расставаясь с успокоительным забытием, и увидела, что их лошади щиплют траву у торной дороги, а все остальные еще спят.

– Катрона, мне снился очень странный сон. Там был огромный луг... – начала Дженна и умолкла. В волосах Катроны появилась седина, и морщины на лбу умножились.

– Это был не сон, малютка Джен. Луг, роща, зал и очаг – не сон, разве что нам обеим приснилось то же самое.

Дженна медленно поднялась. Если им и приснился одинаковый сон, это не объясняет, отчего Катрона так постарела. Да и у Долга, который только что поднял голову от травы, вся морда седая. А у Джарета на шее появилось зеленое ожерелье.

– Да, это не сон, – согласилась Дженна. – Но если это правда, где мы? И который теперь год?

– Где мы, я знаю. Это дорога к Перекрестку Вилмы. Она не так уж изменилась за тридцать лет, что я здесь не бывала.

– Тридцать лет?

– Я побывала здесь во время своих странствий. Это был мой последний хейм – и мой подвиг.

– Почему подвиг?

– Потому что это так далеко от моего родного хейма, и дорога к нему ведет через знаменитый лес гренов, и это самый первый хейм. Пришлось идти – слишком уж я нахвасталась, что ничего не боюсь.

– А сама боялась?

– Еще бы, – засмеялась Катрона. – Я ведь хоть и хвастунишка была, но не дура. Греннов я, правда, в глаза не видела и не слишком верила, что они существуют, зато тумана и мужчин боялась ужасно. С мужиками мне пришлось-таки сразиться пару раз, и я заявила в Перекресток Вилмы с подбитым глазом, но невинность свою уберегла. – Катрона хмыкнула, вспомнив об этом.

– И что же?

– Сестры посмеялись надо мной, выкупали в горячей бане и поведали кое-что о женской жизни – моя Мать Альта мне это тоже говорила, да я пропускала мимо ушей. На следующей неделе пришла моя первая кровь, а по дороге домой я повстречала своего первого мужчину. Катри мне так и не простила, что я ее не дождалась.

Дженна покраснела до ушей.

– Конечно же, это дорога к Перекрестку Вилмы. Здесь она опять ныряет в лес. А вот это – Булавки Альты. – Катрона указала на пару длинных, поросших травой дюн, тянущихся почти на милю. – Они одни такие во всех Долинах.

– Тридцать лет, – задумчиво произнесла Дженна. Она расчесала волосы пальцами и заплела, перевязав темной лентой.

– Если не больше, – сказала Катрона.

– Да, но намного ли?

– Кабы знать, дитяtko. Я всю ночь ломала над этим голову. – Катрона крепко обняла Дженну. – Что до сна, который мы обе видели, то там, помнится, была и еда. – Катрона

открыла седельную суму, служившую ей подушкой. – Так и есть. Вот бы все сны были такими! – Она извлекла наружу две витые булки и кожаную флягу. – Давай подкрепимся, девочка. Не зря же говорили у нас в войске: «Кто первый встал, тот и пенки слизал». – Она отломил кусок булки и подала Дженне. – Помнится мне, ты всегда любила горбушки, еще сызмальства.

Дженна с благодарностью набила рот хлебом и вздохнула, почувствовав запах каких-то сладких трав.

Катрона хлебнула из фляги и ухмыльнулась.

– Красное. Она налила нам красного, благослови ее Небо.

– Только ты, Катрона, способна благословлять кого-то за вино, – засмеялась Дженна, однако и сама отпила глоток. И не сказала Катроне, что вино вовсе не красное, а розовое, Дженнино любимое. Либо Катрона утратила вкус, либо тут какое-то волшебство. В любом случае лучше помолчать.

Остальные, поднявшись вскоре, доели весь хлеб и допили флягу. Дженна подметила, что Петра пила из нее молоко, а парни – что-то темное, видимо чай.

Они оседлали коней и отправились в путь, как только солнце встало между холмами, которые Катрона назвала Булавками Альты.

– Сколько я помню, от хейма до них недалеко, – сказала Катрона. – Мы будем на месте еще утром.

– Коня свежие – быстро доскачем, – согласилась Дженна. Следуя гуськом за Катроной, они миновали Булавки и про-

ехали через топкий луг, полный весенних цветов – белых, желтых и голубых. И увидели на светло-сером небе зубчатые руины

– Поздно, – шептала себе Дженна, приближаясь к разрушенному хейму, готовя себя к неизбежному зрелищу мертвых тел и к страшному запаху смерти. – Поздно. Их больше нет. – Ей показалось, что это шепчет не она, а Соррел, и она прокляла себя и своих спутников за то, что они так задержались в Альтиной роще.

Спешившись у разбитых ворот, они вошли в тихие развалины. Камни поросли плющом, и сорная трава пробилась в трещинах. На дорожках рос лен, качая голубыми цветами на ветру, но ни трупов, ни костей нигде не было.

– Однако это не вчерастряслось, – заметил Марек, поглаживая свои новые усики.

– И не позавчера, – добавила Петра, сорвав и смяв в ладони желтый цветок. – Но давно ли?

Катрона, присев, провела рукой по разрушенной стене.

– Год или два, а то и больше. Нужно не меньше года, чтобы укоренилась вся эта поросль – лен, пижма и лебеда. Да и плющ меньше чем за год не вползет так высоко.

Джарет измерил высоту плюща растопыренными пальцами и насчитал пять раз.

Дженна, тяжело опустившись на камень, стала дышать способом латани. Решив, что достаточно владеет своим голосом, она сказала:

– Надо узнать, который теперь год. Сколько лет прошло – один... – Дженна покосилась на Джарета, – или пять. Мы должны знать, долго ли нас не было.

– И какая судьба постигла другие хеймы, – добавила Петра. Дженна кивнула.

– А уж тогда...

– Тихо! – Катрона, сидевшая на корточках, приникла к земле, прислушиваясь, потом села и шепнула: – Всадники!

– Наши лошади! – вскрикнула Дженна, тоже распласталась на земле и услышала грохот копыт. Всадники приближались. Не вставая, она достала меч. В своем гневе, страхе и горе она даже радовалась предстоящему бою. Топот предвещал немалое число конных.

Петра и мальчики тоже бросились наземь, и парни достали ножи.

Дженна смотрела между двух упавших камней, словно в амбразуру. Сперва она видела только деревья через дорогу, потом их заслонило поднявшееся облако пыли. В пыли обозначились силуэты передовых всадников, и Дженна разглядела, что один из них скачет на сером коне.

– Серый! – крикнула она Катроне, не зная, расслышит ли та ее за громом копыт. – Королевская рота.

Катрона кивнула.

Дрожь прошла у Дженны по спине, как будто что-то холодное стекло вдоль шеи. Она потрясла головой, и это чувство прошло. Дженна поглядела на остальных, и парни кив-

нули ей, но Петра смотрела перед собой широко открытыми, невидящими глазами. Дженна догадалась, что она молится.

Да, молитва нам пригодится, подумала Дженна, стараясь вспомнить хотя бы одну. Но грохот копыт, пыль, солнце, пекущее голову, и страх, что друзья умрут из-за нее, не давали сосредоточиться, и в голове стучало только одно: вот сейчас... сейчас... сейчас.

Потом Катрона вскочила с поднятым мечом, и Дженна ринулась за ней, изливая в вопле остатки своего страха. Лицо горело, розовое вино угрожало покинуть желудок, и над правым глазом дергалась жилка.

Но передний всадник вдруг осадил на скаку своего вороного, а за ним остановились серый и все прочие. Всадников было куда больше, чем двадцать один.

Меч задрожал в руке у Дженны, и она придержала правую руку левой. Слыша странные звуки со стороны Катроны, она рискнула метнуть туда быстрый взгляд.

Катрона, опустив меч, смеялась.

Мужчина на вороном коне вторил ей. Отсмеявшись наконец, он сказал:

– Ну и ну, кошечка моя. Ты точно старый медный грош – нет-нет да и появишься. – Он ухмыльнулся, показав щербатый рот. Борода у него была как серебро с чернью, глаза пронзительно-голубые, как небо в холодный весенний день, а выговор резал Дженне ухо.

Катрена вдела меч в ножны.

– Да уж, Пит, тебе я подворачиваюсь то и дело. – Мужчина по имени Пит спешился. Он был высок и почти грузен, но двигался с кошачьей грацией.

– Не скажи, девочка. Я уж давненько не держал тебя в руках.

– Разве? – небрежно бросила Катрона. – Сколько же это лет мы не виделись?

Дженна затаила дыхание.

Пит сощурил глаза и усмехнулся. Настороженность Катроны не ушла от его внимания.

– Хочешь услышать, как ты еще молода, кошечка? – Его смех, вопреки ожиданиям Дженны, оказался не холодным и язвительным, а теплым и звучным. – А где же твоя темная плутовка сестра?

– Где-то поблизости. – Катрона протянула Питу руку, и он сжал ее в своей. Дженну удивило, что Катрона позволила так завладеть своей рукой.

– Я скучал по тебе, девочка, – можешь не сомневаться. Ни с кем мне так не пилося после жаркого боя и ни с кем так сладко не спалось под одним одеялом.

Катрона засмеялась легким веселым смехом, которого Дженна никогда не слышала от нее прежде.

Дженна, прочистив горло, подошла к старшей подруге, Петра стала рядом, а парни, все еще с ножами в руках, сгрудились тут же.

– Экие боевые котята, – сказал Пит, отпустив, наконец,

руку Катроны. – Представь нам свой выводок.

– Мальчики родом из города Каллы, – начала Катрона. – Сандор и Марек, как ты сам видишь, братья. А тот, что поменьше, – Джарет.

Пит подал руку каждому по очереди, повторяя вслух их имена. Сандор и Марек поздоровались с ним, но молчание Джарета его озадачило.

– Он немой, – пояснила Катрона.

– От рождения, что ли? Как же он объясняется – знаками?

– Бог отметил его, – сказала Петра, выступив вперед. – Совсем недавно.

– Ага, ожерелье, – неожиданно произнес Пит. – А тебя, дитя, как зовут?

– Я не дитя, а будущая жрица. И зовут меня Петра. – Девушка с вызовом взглянула мужчине в глаза.

– Для меня ты дитя, хотя бы и общалась каждый день с богами. Добро пожаловать, Петра. Я люблю детей и жриц тоже люблю. Они всегда говорят загадками, от которых даже такой детина, как я, чувствует себя маленьким. – Он усмехнулся, и Петра невольно улыбнулась ему в ответ. – А это что за красотка? – спросил он, повернувшись к Дженне.

– Придержи свой язык, не то она его отрежет, – сказала Катрона. – Она у нас главная – это из-за нее вы все оказались здесь.

Усмешка Пита мигом погасла.

– Это Джо-ан-энна. Белая Дева. Анна.

Некоторое время Пит мерил Дженну взглядом и наконец расхохотался.

– Белая Дева? Сбрендила ты, что ли? Раньше ты таких глупостей не говорила. Это всего лишь девчонка.

– И все же... – начала Катрона.

Всадник на сером коне спешил к ним, сильно прихрамывая из-за негнувшегося правого колена.

– Ты назвала ее Джо-ан-энной. Нет ли у нее другого имени, детского или ласкательного? – Он выглядел измученным, видимо, из-за раны, но Дженне показались ужасно знакомыми эти черты, длинные ресницы и волосы.

– Дженна, – ответила она шепотом, не сводя с него глаз, – Друзья зовут меня Дженной. – Хромой и походил, и не походил на Карума. Но кто знает, сколько лет прошло? Он выше, темнее, и она ровно ничего не чувствует, стоя рядом с ним. Возможно ли это?

– Так ты – Белая Дженна Карума? – Его лицо словно сузилось и приобрело коварное и хищное, лисье выражение Карум таким никогда не был.

Дженна медленно перевела дыхание, которое так долго сдерживала, сама того не замечая.

– Ты не Карум, – сказала она, но в тоне ее все-таки слышался вопрос.

Он усмехнулся и стал больше похож на волка, чем на лиса.

– Карум? Ну и порадуя я его при встрече. Прошло каких-то пять лет, а его возлюбленная принимает его старшего

брата за...

– Старшего брата! – с облегчением вскричала Дженна. – Неудивительно, что вы так похожи. Так ты, – она порылась в памяти и вспомнила, – так ты Пайк?

– Пайк... Давненько меня так не называли.

– Это Горум, – вмешался Пит. – Король Горум. Король в изгнании, но тем не менее...

– Значит, уже пять лет, как он в изгнании? Пит, нам о многом нужно потолковать, – сказала Катрона.

– До темноты мы успеем наговориться. Да и после нам никто не помешает, верно?

Катрона потрепала его по плечу.

– Но почему ты зовешь эту малютку Белой Девой? С чего ты это взяла? Уж ты-то, Катрона...

Около сорока солдат, спешившись, с шумом столпились вокруг. Катрона, оглядев их, фыркнула.

– Я все расскажу, когда кони наедятся вдоволь, а мы закусим и разопьем бутылочку. Найдется у вас поесть и выпить?

– В каком войске не найдется? – отозвался Пит.

– Хорошо войско. Оборванцы, один щит на троих. Ни шлемов, ни копий – да простит меня его величество. – И Катрона насмешливо поклонилась королю.

– Мы здесь не все, – сказал Пит.

– А где остальные?

– В набеге. Его брат их ведет.

– Его брат? – У Дженны в животе вдруг заныло.

– Да, тот, что зовется Длинный Лук.

– Длинный Лук? Карум? В набеге? Быть того не может.

Он ученый, а не воин.

– Может, до войны он и был ученым, девочка. Может, он по книгам наострился так стрелять, не знаю. Он хороший лучник, хотя с мечом не слишком ловок. – Пит снова окинул Дженну испытующим взглядом и сказал Катроне: – Пошли в хейм, девочка. От него, правда, остались одни стены, но кухня уцелела. У нас там припрятаны и бутылки, и хлеб, и пара оленьих туш.

– Ну-ну. Стало быть, у вас есть где подкрепиться между боями? – Катрона ткнула Пита в живот. – Ты его уж верно не за пять лет отрастил.

Он, смеясь, взял ее за руку.

– Нет, девочка, не за пять, и ты это знаешь. Но за последние месяцы я здорово отошал. Ты тоже невелика красотка – вон как поседела.

– Зато волосы все целы.

– У меня тоже немало осталось, – засмеялся он.

Дженна плотно сжала губы и сощурила глаза.

– А часовых вы разве не выставяете?

– Эта дорога принадлежит нам, – надменно бросил король.

– Нас-то вы пропустили, – заметила Петра.

– С чего ты взяла, что пропустили? – спросил Пит.

– Мы просто не сочли вас достойными внимания, – про-

ронил король.

– Быстро же вы забыли сестер, которые жили здесь прежде, – сказала Дженна.

– Это старая история, – отозвался Пит, все еще держа за руку Катрону. – И невеселая.

– Расскажи нам ее. Расскажи сейчас же.

– Ты сама должна знать, раз ты Анна, – сказал кто-то из солдат.

– И где вы были все эти годы? – подхватил другой, со шрамом, пересекающим правый глаз. – В глубине холма сидели, что ли?

Джарет схватился за ожерелье, а Сандор пискнул, точно испуганная галка.

– Да, – медленно произнесла Катрона, отняв руку у Пита и обернувшись к тому, кто задал вопрос. – Именно там мы и были. В глубине холма.

Пит коротко рассмеялся.

– Ты всегда была неважной рассказчицей, девочка, – и самым здравомыслящим воином из всех, кого я знал. Но теперь... Пять лет тебя не было. Я ездил за тобой в твой хейм – мы позарез нуждались в бойцах, но тебя и след простыл. А нынче ты являешься с детскими сказками и хочешь, чтобы мы в них поверили.

– Она так и сказала: никто, мол, вам не поверит, – пробормотал Сандор.

– Правильно сказала, – молвил король. – В глубине холма!

Разве в такое можно поверить?

– Однако постарайтесь, – сердито сказала Дженна. – Хотя нам, честно говоря, и самим не верится.

Расседланных и спутанных лошадей пустили пастись за стеной, а люди собрались на кухне, откуда торчала в небо уцелевшая печная труба. В очаге развели огонь, поставили вариться похлебку, и Пайк, король в изгнании, начал свой рассказ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Так называемые Межполовые войны длились от пяти до двадцати лет, если верить Книге Сражений. Расхождение в датах объясняется тем, что Г'руны вели счет времени по годам правления того или иного короля. А поскольку годы, когда трон занимал узурпатор К'лас, в счет не шли, остается неясным, сколько в точности продолжались боевые действия. Король в изгнании (или Король Холмов, как переводит Доил) мог править либо одновременно с К'ласом, либо после него. В континентальных источниках того периода почти не упоминается о событиях в Долинах, словно завеса тумана окутала островное королевство. Если после К'ласа и остались какие-то летописи, они скорее всего были сожжены его врагами. История, как известно, пишется победителями.

Мэгон, разумеется, не преминул воспользоваться этим

пробелом в летоисчислении, чтобы сослаться на легенды о пребывании людей «в глубине холма». Но такие сюжеты столь распространены в мировом фольклоре (см. его же статью «Отсчет времени в волшебной стране», Журнал международного фольклора, т. 365, № 7), что фантазии Мэгона мало что могут добавить к сведениям об этих жестоких разрушительных войнах.

Можно с уверенностью сказать, что война велась за престол, а не за господство одного пола над другим, несмотря на дошедшее до нас из глубины веков название. Из Книги Сражений мы видим, что оба пола сражались на одной стороне. Войны в ее настоящем понимании, собственно, не было – она состояла из серии мелких стычек, когда на шаткий трон садился то один, то другой король.

Семена подобной анархии были посеяны, когда Г'руны, патриархальные завоеватели с Континента, столкнулись с матриархальным, высокоразвитым обществом сторонниц Альты. За четыреста лет своего господства Г'руны начали вырождаться, поскольку заключали браки только между собой, не смешиваясь с низшими, завоеванными классами. И когда один из королей вторично женился на женицине из Долин, объявив своего сына от нее законным наследником, некогда единые Г'рунийские кланы начали бороться за власть. Предводитель одного могущественного северного клана, прославленный воин по имени К'лас, сумел совершить бескровный переворот. Ему было на кого опереть-

ся, поскольку он был одновременно и потомственным начальником кланового войска (Людей Короля), и губернатором провинции. Правил он, как почти все вожди такого рода, железной рукой. Как сказано в Книге Сражений, «рука его никогда не простиралась из дружбы, но только во гневе». Но поскольку эта книга написана представителем оппозиции, нам приходится читать между строк, как и поступили ее первоначальные исследовательницы Доил и Кован. (Особенно рекомендуем интереснейшую работу Кован «Восстановление Калласа», Журнал островов, сер. История, IV, 7)

Есть известная легенда «Король в глубине холма», насчитывающая тридцать три варианта и в Верхних, и в Нижних Долинах. В ней повествуется, как некий король был убит прямо на троне, а трем его сыновьям удалось бежать. Одного убили ударом в спину, второго тяжело ранили, третий же жил в глубине холма у Зеленого Народа, пока его сторонники не собрались и не вызвали его назад. Мэгон усиленно хлопочет о том, чтобы совместить эту легенду с известными нам историческими фактами. Но опирается он все на ту же сомнительную теорию о Белой Деве, Белой Богине или Анне, исторической якобы личности, сражавшейся на стороне короля. Мэгон хочет состряпать суп из двух ингредиентов – фольклора и истории, но этому блюду недостает как мяса научных исследований, так и острой приправы народного творчества. Кован, с другой стороны, пользуется солидной исторической базой, напоминая нам, что в конти-

нентальных источниках того периода говорится об одном сыне, а не о трех – он скорее всего и был сыном второй жены короля, женищины из Долин. Полезно также помнить, что без магического числа «три» не обходится ни одно предание.

Если верить Кован, борьба за трон захватила не только сторонников свергнутого короля, но и значительное количество жителей Долин. После четырехсотлетнего подчинения завоевателям коренные жители (овцеводы и рыбаки Верхних Долин, горожане и ремесленники Нижних) вдруг решили, что с них довольно. Молодые люди, называвшие себя дженнитами (в честь мученически погибшего вождя, как с полным основанием предполагает Кован), опустошали округу, разрушая города и хеймы, которые считали гнездами Г'рунов. Руины одного из таких разрушенных поселений все еще можно видеть в долине Вильгельма. По словам Кован – которую я поддерживаю целиком и полностью, – это место не было снесено до основания и засеяно травой, как другие, лишь потому, что почиталось священным. Легенда гласит, что именно здесь погиб мученик Джен и был коронован король.

Впоследствии молодые дженниты перешли на сторону нового Г'рунийского короля в обмен на обещание жениться на местной жительнице. В этом сходятся и Кован, и Мэгон, ибо в Книге Сражений сказано ясно: «И тогда было обещано, что темный король женится на светлой королеве, замкнув день и ночь в единый круг, а править страной будет народ».

Однако многое в Книге Сражений пока остается неясным. Мало что можно сказать, например, о ее заключительных строках:

*Взгляни на дорогу – тут шла королева во мраке.
Куда ни шагнет – расцветали пунцовые маки.
Они, как следы, уводят к холмам далеким,
Куда брела королева путем одиноким,
К холмам, где она исчезла в пещере глубокой —
К пещере, где станет спать королева до срока.
Ждать короля своего, что бился бесстрашно.
Ждать своих верных соратниц, в бою отважных.*

Ни Доил, ни Кован не могут предложить окончательной разгадки этих строк. Нельзя же, в самом деле, согласиться с гипотезой Мэгона о том, что стихи следует понимать буквально и что некая королева (предположительно та самая, родом из Долин) по-прежнему живет где-то в глубине холма, ожидая, когда ее вновь позовут на битву.

ПОВЕСТЬ

– Мой отец, – сказал король в изгнании, – был хорошим и добрым человеком. Но он не умел скрывать своих мыслей и говорил всегда то, что думал. Это хорошо для крестьянина, но не для короля. Хитрость была ему чужда, и он не признавал уступок. Он шел туда, куда вело его сердце. – Лицо Пай-

ка смягчилось, когда он вспомнил об отце.

– Его жена... – подсказал воин со шрамом на глазу, и кто-то помешал кочергой в очаге.

– Его первая жена, моя мать, умерла, когда рожала меня. Ей пришлось очень тяжело, когда она рожала моего старшего брата, Джорума, и лекари сказали, что ей не следует больше иметь детей. Джорум был так велик, что разорвал ее изнутри. Но королевству нужны наследники, а один сын – не сын. И в изрытую почву снова бросили семя, и выросший плод, выходя, убил мать – Король, видимо, рассказывал это уже много раз, и скорбная повесть не вызывала в нем особых чувств.

– Я убила свою мать таким же образом, – тихо сказала Дженна. – Свою первую мать.

Воины стали переговариваться, и кто-то один повторил вслух:

– Первую мать?

Горум смотрел в огонь и казалось не слышал ее, а после продолжил:

– Повитухой была женщина из Долин, маленькая, темная и приятная собой. Она пела мне песни голосом нежным, как у голубки, и нянчила меня весь тот суровый первый год, когда отец мой и смотреть не желал на меня – так был гневен.

– И моей второй матерью была повитуха, – прервала его Дженна. – Она погибла, когда несла меня на руках.

Солдаты закивали, словно соглашаясь с чем-то, но Горум только взглянул на Дженну и вернулся к своему рассказу:

– Но вот я научился ходить и заковылял к отцу из рук моей няни, и он простил меня. Я сказал ему «тятя», как няня учила меня, а он заплакал и назвал меня сынком. В тот же год он тайно женился на женщине, вынянчившей меня, – не столько по любви, сколько из благодарности. Любовь его упокоилась в могиле вместе с моей матерью. Когда три года спустя его жена без ущерба для себя родила здорового ребенка, король объявил всем о своем браке и сделал дитя полноправным наследником.

– Это был Карум? – спросила Дженна.

Горум улыбнулся ей, и впервые его улыбка была искренней.

– Да, это был Карум. Он уродился маленьким, как его мать, и потому, не в пример нам всем, научился уступать другим.

– Не такой уж он и маленький, – крикнул какой-то низенький крепкий солдат. – Он на голову выше меня – стало быть, коротышкой его не назовешь.

– Может, ростом он и невелик, – сказал другой, – но Длинным Луком его не зря прозвали.

Солдаты заухмылялись, даже Марек и Сандор хмыкнули. Дженна зарделась, сама не зная отчего, и Катрона, сидевшая рядом, взяла ее за руку.

– Не слушай их. К этому надо привыкнуть. Мужчины, когда их соберется много, несут такое, что только диву даешься.

– Мне до этого дела нет – я не понимаю даже, о чем они говорят.

– Чего ж ты тогда покраснела, как юная девица на придворном балу?

Дженна повернула на мизинце кольцо жрицы.

– Сама не знаю. И что такое бал, я тоже не знаю.

Король, посмеявшись со своими людьми, хлебнул вина.

– Этот брак был ошибкой, которой не замедлил воспользоваться Калас. Впрочем, не будь этого предлога, Калас сыскал бы другой.

Он начал распускать слухи, и в тавернах засверкали ножи, а в королевские ворота полетели камни. Калас обещал сохранить нашу породу от нечистой крови Долин. Нечистой! Точно мы все эти четыреста лет не плодили детей по всем Долинам! На этом острове не осталось ни одного клана с «чистой» кровью с тех пор, как наши предки впервые высадились здесь.

Я с юных лет разводил лошадей и знаю: всякая порода без притока свежей крови вырождается. Кости делаются хрупкими, а члены хилыми. Кровь Долин не ослабила, а укрепила наши кланы – и когда-нибудь мой дядя, лорд Калас, убедится в этом.

– За короля! – воскликнули разом двое воинов, подняв кубки.

– За королевство, – ответил Горум, поднимая свой.

– За Долины, – сказала Дженна, вставая. Предвечерний

свет окружил сиянием ее белые волосы, а ветер взвевял выбившиеся из кос прядки.

Все остальные тоже вскочили на ноги, а первыми Пит и король.

– За Долины! – грянули они так, что эхо отразилось от разрушенных стен. – За Долины.

В звенящей тишине они допили свои кубки до дна, и тут послышался другой звук – тихий, но настойчивый перестук копыт.

– Лошади! – крикнула Катрона и схватилась за меч, но Пит ее опередил, сказав:

– Это наши.

– Почему ты знаешь? – спросила Дженна.

– Иначе дозорные предупредили бы нас.

– Дозорные! – засмеялась Дженна. – Как же они нас-то проморгали?

– Какой от вас мог быть вред? Две воительницы, жрица да трое безоружных ребят.

– А что, если ваших часовых перебили? – Дженне вспомнились девушки, убитые в Ниллском хейме. – И некому нас предостеречь.

– Я вижу, ты ничего не смыслишь в лошадях, девочка. Человечий глаз обмануть можно, а вот лошадиный нос – никогда. Вражеские кони едят овес, а наши – траву. Они мигом почуяли бы чужих, между тем они и ухом не повели. – Пит кивнул на лошадей, все так же мирно щипавших траву за

стеной.

– А-а, – только и смогла сказать Дженна.

Пит с улыбкой хлопнул ее по спине.

– Да и откуда тебе это знать, раз ты всю жизнь провела в хейме. У меня-то был строгий учитель – Парк его звали. Мне частенько от него доставалось, зато свою премудрость он вбил в меня крепко – я и жив-то до сих пор благодаря ему. – Пит говорил весело, но, договорив, повернулся и вышел вон, держа руку поблизости от меча.

Все остальные воины, как по команде, стали по местам, а семеро кольцом окружили короля.

– Видите? – поспешно сказала Дженна юношам. – Станьте так же вокруг Петры.

– Я в охране не нуждаюсь, – заспорила та.

– Делайте, как я говорю, – настояла Дженна. Мальчики повиновались, достав ножи, а Дженна шепнула Катроне:

– Про Пита ты мне ничего не рассказывала.

– Потому что ты не спрашивала.

– Откуда я знала, о чем нужно спрашивать?

– Стало быть, и ответы тебе были ни к чему.

Дженна согласилась с этим. Катрона была ее наставницей, защитницей, сестрой и одной из многих ее матерей в Селденском хейме – но Дженна вдруг поняла, что ничего не знала о Катроне, да и не слишком стремилась знать.

– Ты тоже ничего не рассказывала мне об этом Длинном Луке, который зовет тебя Белой Дженной и любит уже пять

лет, – заметила Катрона.

– Потому что ты не спрашивала. Да и рассказывать-то не о чем.

– Однако! – рассмеялась Катрона и вдруг посерьезнела. – Тебе Амальда что-нибудь рассказывала о мужчинах и женщинах? Или Мать Альта перед началом странствий? – Тут Катрона издала звук, похожий на невеселый смешок. – Хотя она, как сказал бы Пит, в этом мало что смыслит. Она любит только себя да свою темную сестру. Может, меня послушаешь?

Дженна залилась краской.

– Я знаю все, что нужно знать.

– Ну и ладно, – кивнула Катрона. – А остальному научишься потом. Помни только, милая Джен: «Опыт редко бывает ласковым хозяином».

Приближающиеся всадники подняли такую пыль, что Дженне запорошило глаза. Протерев их, она увидела, что во двор въезжает сотня воинов на темных конях. Запах конского пота бил в нос.

Дженна разглядела в темной гуще единственного серого коня. Раз король ездит на таком, значит, и Карум тоже? Карум! Дженна принялась проталкиваться к серому скакуну.

Она распахивала лошадей, и они, в свою очередь, толкали ее. Они в лепешку меня расплющат, подумала она, и всю провоняют потом. Она вдруг вспомнила о своих волосах, об одежде, в которой спала много дней, о лице, которое за пять

лет должно было измениться. Ей захотелось повернуть назад, но обратной дороги не было – кони не пускали.

И вот перед ней возник серый. Дженна положила руку ему на шею и увидела, что рука ее дрожит. Конные вокруг нее спешили, дружески переругиваясь. Дженна не смела поднять глаз.

Только всадник, ехавший на сером, оставался в седле, и она наконец осмелилась взглянуть на него. Он высился над ней, как гора – бородатый, с длинными черными волосами, заплетенными в семь кос и перевязанными красной тесьмой. На лбу плотно сидел красный с золотом обруч, вымазанный грязью и кровью. Под правым глазом зияла рана. Глядя на Дженну, он скривил рот в улыбке, и она только теперь заметила, что руки у него связаны за спиной.

Она повернулась, чтобы уйти, а он сказал с грубым смехом:

– Гляди-ка, не все еще Альтины сучки повывелись.

Руки у Дженны похолодели, ладони взмокли. Она сделала три глубоких вдоха латани и заставила себя отойти молча. Она не поднимет на него меч. Кто бы он ни был, он ранен – и связан. Глаза ее увлажнились, как и ладони, – но это от гнева, твердила она себе, не от горя или страха. Ослепнув от слез, она наткнулась на кого-то из мужчин и пробормотала:

– Сожалею.

– А вот я – нет.

Голос был куда ниже, чем помнилось ей, словно время или

невзгоды придали ему глубины. Его камзол был надет прямо на голое тело, а мускулистые руки покрыты загаром. На кожаной тесемке вокруг шеи висел перстень с печатью. Непокрытые светло-каштановые волосы, почти до плеч длиной, растрепались от скачки. Памятные Дженне длинные ресницы делали взрослого мужчину еще привлекательнее, чем былого мальчика. Тонкий шрам под левым глазом придавал ему весьма залихватский вид, а голубые глаза походили на цветки вероники. Ростом он был точно с Дженну.

– Карум, – прошептала она, дивясь, как это сердце у нее не остановилось.

– Я же говорил, что мы еще встретимся, моя Белая Дженна.

– Ты много чего говорил, – напомнила она. – И не все было правдой.

– Нет, все. Я ждал тебя – я не мог поверить слухам о твоей гибели.

– А я вот слышала, что ты не зря зовешься Длинный Лук. – Дженна прикусила губу, жалея, что вспомнила эти слова.

В первый миг он опешил, но тут же усмехнулся.

– Я хорошо стреляю, Дженна, – только и всего. А шутки, как известно, кормят несытый желудок.

Но Дженна не спешила сменить гнев на милость. Карум отвел прядь волос, упавшую ей на лоб.

– Неужто мы поссоримся, не успев встретиться? Расстались мы с поцелуем.

– С тех пор много воды утекло. Оставив тебя в безопасном месте, я вернулась в хейм, полный мертвых сестер.

– Я знаю. Я не смог оставаться там, когда к Пайку стали приходить вести из других хеймов. Я отчаянно боялся за тебя, но мне нельзя было сразу бросить раненого Пайка. Однако я всем рассказывал о тебе – о том, что ты Белая Дева из пророчества, Анна, и о том, как Гончий Пес и Бык склонились перед тобой. И все, кто меня слышал, готовы были полюбить тебя.

– А ты сам?

– Я уже любил тебя – такой, как ты была.

– Ты не знаешь, какая я была, и не знаешь, какая я теперь.

– Я знаю все, что нужно знать, Дженна. – Он застенчиво улыбнулся, и сквозь облик взрослого мужчины проглянуло лицо мальчика – но Дженна почему-то упорно не желала помириться с ним.

– Откуда ты можешь это знать?

– Я знаю это сердцем, Дженна. Знаю с тех самых пор, как воззвал к тебе о помощи. И я снова взываю к тебе – здесь и сейчас.

– Я вижу, твой язык вырос вместе с тобой. Пристала ли такая просьба меткому стрелку?

– Карум! С благополучным возвращением, – сказал подошедший король, обнимая брата. – Ты знаешь, как я всегда волнуюсь за тебя. Никак не могу забыть, что он мой младший братишка, – с улыбкой сказал Горум Дженне.

– Я не только вернулся благополучно, Горум, – мы перебили целую вражескую роту и взяли в плен человека на сером коне. – Карум отвязал что-то от своего седла и подал брату. Это был шлем.

Дженна похолодела. Она уже видела похожий, держала его в руках, а потом бросила в открытую могилу. Шлем в руках Карума был покрыт темной мохнатой шкурой, сверху на нем торчали уши, а впереди скалилась морда с кровавыми клыками.

– Медведь! – прошептала Дженна.

– Волосы Альты! – вскричал король. – Ты поймал опасного зверя. Честь и хвала тебе, брат. – Он взял шлем у Карума и вскинул его над головой, крича: – Медведь! Мы взяли Медведя!

Весь лагерь подхватил его крик, и все повалили к ново-прибывшим, торжествуя победу.

БАЛЛАДА

Король Калас и его сыновья

Их четверо было, сынков короля,
Под чьими шагами стонала земля,
По северным землям блуждали они.

Смятение и страх порождали они.
По северным землям бродили-блуждали.
Чего пожелают – то силою брали,
И сеяли горе, и сеяли смерть —
Гончая, Бык, Кот и Медведь.
Охотник был тот, кто звал себя Гончей,
И стрелы пускал всех скорее и звонче.
Он был следопытом, лазутчиком был
И в цель, хоть за лигу, без промаха бил.
Охотился он в отдаленных лесах,
Убили его, точно дикого пса.
И кровью его обагрилась трава,
И Гончей не стало – а песня жива!
И трое осталось сынков короля,
Под чьими шагами стонала земля,
Но так же – все трое – блуждали они,
Смятение и страх порождали они.
По северным землям бродили-блуждали,
Чего пожелают – то силою брали,
И сеяли горе, и сеяли смерть —
Были то Кот, Бык и Медведь.
Был воином тот, кто себя звал Быком,
И страх отродясь ему не был знаком.
Рожденный в кольчуге, из шлема он пил,
И был он могуч, и безжалостен был.
Убили его, как скотину на бойне,
На землю он рухнул, хрипящий от боли,
И некому было по нем горевать...
Не стало Быка – ну а песня жива!

Лишь двое осталось сынков короля,
Под чьими шагами стонала земля.
Но так же – лишь двое – блуждали они,
Смятение и страх порождали они.
По северным землям бродили-блуждали,
Чего пожелают – то силою брали,
И сеяли горе, и сеяли смерть —
Звались те двое Кот и Медведь.
И Кот был как призрак, и Кот был – как тьма:
Возникнет, ударит и юркнет в туман.
Его не заметишь – хоть в шаге пройди.
Следа не найдешь – хоть глаза прогляди.
Но как ни невидим – не скроется боле.
Как хищную кошку, его закололи.
Убитого даже – сыскали едва...
Не стало Кота – а вот песня жива!
Один лишь остался сынок короля,
Под чьими шагами стонала земля.
По северным землям один он блуждал,
Но вчетверо ужас и страх породил.
По северным землям скитался-блуждал,
Чего пожелает – то силою брал,
И сеял он горе, и сеял он смерть —
И имя последнему было Медведь.
Медведь был силач, горлопан, забулдыга,
Он ссоры искал, как желанного мига.
Медведь был не в силах свой норы сдержать -
Грозил, и сражался, и дрался опять.
Медведь был гневлив и хвастлив, и в итоге

Убили его, точно зверя в берлоге.
Упала на камни его голова -
Медведя не стало, а песня жива!
Погибли, погибли сынки короля!
Под шагом железным не стонет земля!
Уж некому стало бродить и блуждать,
И страх, и смятенье, и смерть порождать!
Но из дому в дом пробирается шепот:
В безлунные ночи в безлюдных чащобах
Выходят из мрака на мир поглядеть
Гончая, Бык, Кот и Медведь.

ПОВЕСТЬ

Расседлав, вычистив и пустив пастись лошадей, вновь прибывшие собрались в лишенной кровли кухне хейма. Дженна, безмолвно стоявшая рядом с Карумом, слышала обрывки рассказов о недавнем сражении. Принц чувствовал себя вполне свободно и участвовал в разговоре, не гнушась вольными шутками. Что приключилось с тихим ученым мальчиком, которого Дженна знала так недолго? С ним приключилась война, подумалось ей – и не только это. О том, что в перемене повинны пять прошедших лет, ей не хотелось и думать.

Врага они встретили близ какого-то городка – Карентона, как говорили воины. Численный перевес и неожиданность

были за ними. Врагу не на что было надеяться. Кое-кто готов был даже сдаться, но не пощадили никого. Только Медведя взяли живым – Длинный Лук велел доставить его связанным к ногам короля.

Рассказам о злодеяниях Медведя не было конца. Его называли «убийцей тысячи женщин» и «разорителем Бертрамова Приюта», но Дженне во всем этом слышалось невольное восхищение. Вся во власти страшных сказок о Медведе, она вышла и направилась к дереву, где он был привязан, – посмотреть, не отпечаталось ли такое душегубство у него на лице.

Одна из его кос расплелась, но в остальном он был таким же, как когда сидел на коне. Большой, волосатый, с широкой ухмылкой, он, однако, не больше походил на зверя, чем все мужчины вокруг.

Его охраняли двое часовых с мечами наголо.

– Ты лучше не подходи к нему близко, – сказал один, вытирая нос рукавом.

– Он большой ловкач, – сказал другой, со шрамом на глазу.

– Да ведь он связан, – заметила Дженна – Что он мне сделает, если не может шевельнуть ни рукой, ни ногой?

Медведь на это разразился громким гоготом и сказал первому часовому

– Она хочет знать, что я с ней сделаю без помощи рук и ног? Может, ты ей скажешь – или мне самому сказать?

Часовой ударил его по лицу так, что разбил губу, и рот Медведя наполнился кровью.

– Не смей говорить так с Белой Девой.

– С Белой Девой?

– Да. Это Анна. Та, что заставила твоих братцев Гончего и Быка склониться перед собой.

Медведь пососал кровоточащую губу и уставился на Дженну, ощерив в ухмылке измазанные кровью зубы.

– Так это ты – та девчонка, что забыла свою куклу у могилы Гончего Пса? Это ты отсекала руку Быку и обрекла его на долгую мучительную смерть от гнилой горячки. Вот, значит, кто ты. Что ж, для тебя я приберегу нечто особенное.

На этот раз его ударил воин со шрамом, и Медведь засмеялся опять.

– Чужая смерть не доставляет мне удовольствия, – сказала Дженна.

– А мне – да. И не только смерть.

Если Дженна надеялась, что ее простят и поймут, то напрасно – не только Медведь, но и часовые смотрели на нее с недоумением.

– Смерть этих двоих была сущим благодеянием, – сказал человек со шрамом.

– Едва ли смерть можно назвать благодеянием. Правду говорит старая пословица: «Убьешь однажды – каяться станешь всегда», – сказала Дженна и пошла прочь.

Медведь проревел ей вслед:

– У нас к этому прибавляют: «Убьешь дважды – не каешься никогда». Я кое-что приберег для тебя – и уж это ты точно будешь помнить всю жизнь.

Дженне померещился звук нового удара и смех, но она не обернулась.

Карум стоял со своим братом, Питом и Катроной в стороне от шумного воинства и, увидев Дженну, пошел ей навстречу. Она остановилась, он тоже – между ними не было и нескольких дюймов, но они не касались друг друга.

– Дженна... – начал он и потупился.

– Когда-то ты рассказывал мне, что есть такой народ – забыла, как он зовется, – который верит, что «любовь» было первым словом, изреченным богом, – прошептала Дженна, смущаясь многолюдства вокруг.

– Каролийцы, – шепнул Карум в ответ, по-прежнему не глядя на нее.

– Я много думала об этом, стараясь понять, – и, кажется, поняла тогда, но теперь опять не понимаю.

– Так много времени пролегло между нами, – кивнул, подняв глаза, Карум.

– И так много крови.

– Значит, все кончено? – с мукой в голосе спросил он. Она отвела прядь волос с его лба, как прежде сделал он.

– Последние пять лет ты жил, Карум Длинный Лук, – но я не жила.

– Что ты такое говоришь?

– Если я расскажу, ты не поверишь.

– Расскажи. Я поверю.

И Дженна рассказала ему о греннах, о пещере и о роще. Описала Альту в зеленом с золотом платье, поведала об ожерелье, браслете и короне. Все это время Карум качал головой, словно не веря своим ушам.

– Я же сказала, что ты мне не поверишь.

Карум взял ее руки в свои, потрогал кольцо жрицы на мизинце и переплелся с ней пальцами.

– В нашем клане говорят: «Коли нет мяса, ешь хлеб». В то, что ты говоришь, Дженна, поверить невозможно – но иного объяснения у меня нет. А лгать мне ты бы не стала. Все эти пять лет тебя не было – только слухи о тебе ходили. Ты говоришь, что провела их в глубине холма вместе с греннами и Альтой, и что эти пять лет уместились в один день и одну ночь. Ты предлагаешь мне хлеб вместо мяса – и мне ничего не остается, как только принять его из твоих рук. – Он прижал ее руки к своей груди, и она почувствовала, как бьется сердце под его кожаным камзолом.

– Тебе семнадцать и еще пять, и ты все эти годы прожил. Мне тринадцать и пять, но я по-прежнему чувствую себя тринадцатилетней.

Он поцеловал ее в лоб.

– Ты никогда не была тринадцатилетней, Дженна. У тебя нет возраста. Но я терпелив, как дерево. Я подожду.

– Как долго?

– А как долго ждет лавр? Или дуб? – Он отпустил ее руки, но Дженна по-прежнему чувствовала тепло его кожи.

Бок о бок они вернулись к королю, Питу и Катроне.

Солнце опускалось, заливая небо красным пламенем, и холодный ветерок гулял в развалинах, поднимая маленькие вихри пыли из-под ног. Вечерние трели птиц за дорогой от-теняли басовитые голоса мужчин.

Петра и мальчики, подойдя к Дженне, стали плечом к плечу, и король вполголоса обратился к ним:

– Мы долго ждали вас, Дженна, – или кого-то вроде вас. Наши люди бьются доблестно, но мы так одиноки.

– Тут все наше войско, – вмешался Пит. – Славные ребята, храбрые и верные, – но, кроме них, у вас нет никого.

Катрона, подсчитав, видимо, их численность, кивнула.

– Но что же мы можем? – сказала Дженна. – Нас всего-то шесть человек. Однако мы готовы помочь вам, если это поможет сестрам.

Пит прочистил горло, но король его опередил:

– Люди уже говорят о тебе – Белой Деве, Анне, которая заставила преклониться Быка и Гончую. Старые предания у всех на устах.

– Они хорошие ребята, – добавил Пит, – но готовы верить во что угодно.

– Однако ты не веришь, что я Анна, – со смесью облегчения и досады сказала Дженна.

– «Вера – это старая собака в новом ошейнике», – ответил

Пит.

– Но ведь есть знаки, – сказал Карум и продолжил, загибая пальцы: – Три матери, белые волосы, Бык и Гончая...

– Меня не надо уговаривать, братец, – сказал король. – Я и без того знаю, как сильно мы в ней нуждаемся. И Пит тоже. Мы и без веры обойдемся. Что же до наших людей...

– Если Анна будет с нами, – подхватил Пит, – многие, думаю, примкнут к нам, чтобы следовать за ней.

– Но прежде чем начать сызнава, я должна покончить со старым, – заметила Дженна. – Не забывайте – об этом тоже сказано в пророчестве.

– От старого и без того осталось не так уж много. – Король хлопнул себя по больной ноге. – Мой отец убит и мачеха тоже. Моего старшего брата злодейски зарезали в ванне, выпустив его кровь в мыльную воду, и я теперь по праву король. Но на троне сидит эта жаба, Калас, отравляя самый воздух, которым он дышит, вонью своего пиджи, мы же вынуждены обитать в этих развалинах, где тронном мне служит камень. – Голос короля стал хриплым от гнева, и глаза превратились в узкие щели.

Дженне снова подумалось, что он похож на волка или на одичавшую в лесу собаку.

– Да и ваша старая жизнь кончилась, – мягко напомнил Дженне Карум.

Она содрогнулась, вспомнив мертвых сестер в залитых кровью камзолах и передниках.

– Да, – точно спохватившись, добавил Горум, – женщины в десяти хеймах зверски перебиты, а их дочери подверглись насилию. – Он выговаривал слова медленно, но хрипота в его голосе не проходила. – Не кажется ли тебе, Анна, что это и есть конец?

– В десяти? – глядя перед собой невидящим взором, повторила Катрона. – В десяти хеймах?

– Я не знаю. Не знаю, конец это или нет, – прошептала Дженна, кладя руку ей на плечо.

Горум улыбнулся своей волчьей улыбкой.

– Для моих людей и этого довольно. И потому они охотно пойдут за своим королем и своей королевой – ведь в пророчестве сказано и об этом.

– Нет! – вскричал Карум, раньше других поняв, о чем речь.

– Людям нужен какой-то знак, – терпеливо, словно говоря с детьми, сказал король. – Нужен прямо сейчас. А что же может быть лучше свадьбы? Мой отец женился на женщине из Долин – почему бы и мне не сделать того же?

– Никогда! – снова воскликнул Карум. – И думать не смей!

– Мне приходится думать о многом, брат, ибо я, как подobaет королю, думаю о благе моего королевства. Из тебя поэтому вышел бы скверный король – счастье для Долин, что я еще жив.

– Но не можешь же ты ее принудить.

– Я сделаю то, что должен сделать. – Горум больше не улы-

бался. – Так же поступишь и ты. И она.

В наступившей тишине птичий щебет прозвучал, как боевой клич, и Дженна сказала:

– Никогда! Здесь для тебя нет ничего. – Она ударила себя кулаком в грудь.

– Милое мое дитя, – сказал, подавшись к ней, Горум. – Первое, что преподал мне отец как будущему властителю было: «В совете королей сердце не имеет голоса». Здесь, – он стукнул себя в грудь, – тоже нет ничего для тебя. Я люблю тебя лишь глазами моего младшего брата. Зато мой народ полюбит тебя – за твои белые косы и твою историю. Всякое царствование – это чередой символов и знаков.

– Нет! – сказала Дженна. – Ты меня не принудишь. А если ты это сделаешь, то будешь не лучше той жабы на троне, хоть твое дыхание и чище. Зачем тогда власть, если сердце не смеет высказаться?

– Она права, – сказала Катрона. – И мне ты ни слова не сказал о женитьбе, хотя много чего наговорил.

– Брачные намерения короля не касаются тебя, женщина из хейма, – бросил король.

Но тут, не дав Катрене ответить, в круг вышла Петра и заговорила подвывающим жреческим голосом:

– Пока мужчина говорит так с женщиной, о конце не может быть и речи, сколько бы хеймов ни погибло – один, десять или все до единого.

– Верно! – воскликнул Марек.

– Эта война не только твоя, но и наша, государь, – сказала Катрона. – Даже больше наша, чем твоя.

– Ваша, хотя Калас украл у меня трон? Никогда! – вскричал Горум.

– Началось все с того, что Гаруны украли у нас землю, – брякнул Сандор, сам не меньше других изумившись собственной смелости.

Джарет, схватившись рукой за горло, тоже пытался что-то сказать, но слова его так и остались произнесенными.

– Чьей бы, ни была эта война, – сказал Карум, положив руку на плечо Дженны, – негоже выкупать королевство такой ценой.

– Это мое королевство, брат. Не твое. Не забывай об этом. Оно мое, пока жив я и мои наследники.

– Не стану я женой короля и не дам ему наследников, – сказала Дженна. – Не стану, что бы там ни говорилось в пророчестве.

– Вприщурку, – тем же вещим голосом изрекла Петра. – Пророчества следует читать прищурясь, иначе мы прочтем их неверно.

– Но должен же быть какой-то знак, – сказал король, пытаясь вернуть себе главенство. – И этот знак...

– Я знаю, какой знак нужен людям, – сказал внезапно Пит. – И это не свадьба. – Он оставил своих собеседников и крикнул воинам: – Все сюда. Сейчас вы убедитесь, что Белая Дева вернулась.

Войско собралось в круг около короля и остальных. Пит шепнул что-то одному воину, и тот отошел куда-то с серьезным лицом.

– Скажи им слово, – тихо сказал Пит королю. – Скажи, кто она, и прибавь, что скоро они увидят это воочию.

Король вскинул руку, и тут же настала тишина. Дженна никогда бы не подумала, что столько мужчин могут вести себя так тихо.

– Все вы слышали о Ней, – начал король. – И говорили о Ней.

Дженна невольно расправила плечи и вскинула голову.

– Это Белая Дева.

Петра подхватила высоким, всем слышным голосом:

– «И сказал пророк: „Белое дитя с черными глазами родится от девы в зимнюю пору. Бык в поле, гончая у огня, медведь в берлоге, кошка на дереве – все склонятся перед нею и воспоют...“

Воины, происходящие из Гарунов, подхватили нараспев:

– «Славься, славься, славнейшая из сестер, ты, что бела и черна, ты, что сочетаешь в себе свет и тьму, чье пришествие означает и начало, и конец».

Петра завершила пророчество:

– «Трижды ее мать будет умирать, и трижды она осиротеет, и будет она отделена от других, дабы все могли узнать ее».

– Верно, она бела и черна, – крикнул кто-то.

– И я слышал, как она говорила о трех матерях, – подхва-

тил другой.

– И это ее меч сразил Гончего Пса, – сказал король, – и уложил его в безымянную могилу, и спас принца Карума.

Воины после мгновения тишины взревели в один голос:

– Гончая!

– И это ее меч отсек руку Быку, большому бугаю Каласа, который после умер от гнилой горячки, – сказал король.

– Бык! – в тот же миг взревели воины.

Посланник Пита вернулся, расталкивая толпу. Он тащил за рубаху связанного пленника.

Пит пошептал что-то на ухо королю, и тот медленно улыбнулся. Дженне не понравилась эта улыбка.

– В пророчестве сказано: бык и гончая, медведь и кошка склонятся перед нею и воспоют...

– Преклонись. Преклонись, – заявили хором воины, а Пит толкнул Медведя на колени перед королем, распахнув рубаху пленного так, что открылась поросшая черными волосами грудь.

– Пой, ублюдок, – приказал король. – Пой.

Медведь, подняв голову, плюнул на руку короля, и все умолкли. Пит выхватил меч. Медведь встретил это ухмылкой, а Пит протянул меч Дженне.

– Убей его. Убей его, девочка. Тогда они все пойдут за тобой, как один, и ты сможешь выйти, за кого хочешь!

Дженна взяла меч обеими руками – он был вдвое тяжелее ее собственного – и приблизилась к коленопреклоненному

пленнику.

– Что ты скажешь на это? – шепнула она в его запрокинутое лицо.

– Скажу, что ты Альтина сука и ничем не лучше кобелей, которые бегают за тобой. Бей – другого случая у тебя не будет.

Она подняла меч над головой, сделала три вдоха латани и начала стократ читать заветный стих, чтобы успокоиться. Досчитав до десяти, она ощутила знакомую легкость и вылетела из тела, глядя на сцену внизу. Коленопреклоненный узник смеялся ей в лицо. Позади него стояли Пит, Карум и король, а впереди – оборванное королевское воинство и ее друзья. Чуть подальше, чуя людское волнение, топтались стреноженные кони.

Дженну влекло к троим за спиной у Медведя, прочь от слитного жара толпы. Ее прозрачные пальцы поочередно коснулись головы каждого из троих. Пит горел ровным белым огнем, не меняясь. Король был вместилищем синевато-белого обжигающего льда. А Карум...

Дженна не сразу решилась коснуться его. Она живо помнила тот раз в Ниллском хейме, когда обнаружила у него внутри неистовый, чуждый ей жар. Тогда она отпрянула, убоявшись его неведомых страстей.

Но теперь она стала крепче. Дженна коснулась Карума и позволила себе погрузиться в него.

Он показался ей более глубоким, чем прежде, и у него

стало больше потаенных мест. Были среди них и тревожные, и боязливые, и полные чего-то странного и манящего, незнакомого ей. Чуждый жар остался там, где был, но теперь он почему-то не путал Дженну. Она опускалась все ниже, не находя дна, – и могла бы так опускаться вечно...

Но вечности у нее в запасе не было. Руки ее ныли, и она вдруг вспомнила о том, что держит меч. Она рывком вернулась в свое тело и увидела перед собой ухмылку Медведя.

– Убей... убей... убей... – повторяли воины. Руки у Дженны задрожали, и она медленно опустила меч. Она приставила его к груди Медведя над сердцем и нахмурилась.

Воины умолкли. Медведь широко раскрыл глаза, готовясь встретить смерть. Казалось, что все затаили дыхание.

– Я... Я не могу убить его вот так. – Дженна отступила на шаг и опустила меч к земле.

Медведь залился громким хохотом.

– Ну и дура же ты, сучонка. Что, по-твоему, сделают теперь с тобой твои псы?

– Пусть делают что хотят. Но если я стану такой же, как ты, значит, конец и правда близок – только никакого начала после не будет. – Дженна бросила меч и пошла прочь.

Карум последовал за ней. Люди расступались, пропуская их, а Джарет, единственный из всех, улыбался.

Они молча вышли за разрушенную стену и перешли через дорогу в лес. Дженна, закусив губы, прислонилась к толстому дубу и отпрянула, когда Карум протянул к ней руку.

– Нет.

– Я тебя понимаю.

– Что ты можешь понять, если я сама себя не понимаю.

– Дженна, тебе давно уже не тринадцать. Разве можно убивать безоружного человека?

– Он не человек. Он чудовище.

– Да, он душегуб, он убийца женщин и детей, которого ничто уже не исправит, – и все-таки он человек.

– А я – всего лишь слабая женщина?

– Нет. Ты Анна. Ты лучше его, лучше Горума, лучше всех нас.

– Неправда. Я Дженна, Джо-ан-энна. Женщина из хейма, женщина из Долин. Не приписывай мне чужого. Моя Мать Альта как-то сказала, что я дерево, затеняющее маленькие цветы, – но я не такая.

Карум улыбнулся, и она увидела перед собой памятное ей мальчишеское лицо.

– Для меня ты не дерево, не цветок и не богиня. Ты Дженна. Я целовал тебя – мне ли не знать, кто ты. Но для всех остальных ты Анна. И когда ты облачаешься в Ее мантию, ты уже не просто Дженна.

– Дженна не способна убить связанного, чего бы там ни ожидали от Анны.

– Джен, Анна – это лучшее, что есть в тебе. Она бы тоже не смогла.

Дженна, подавшись вперед, быстро чмокнула его в губы.

– Спасибо тебе, Карум. Твой брат неправ: это тебе следовало бы быть королем. – И она, прежде чем он успел ответить, пошла обратно через дорогу. Ему пришлось бегом догонять ее.

Большой круг разбился на множество малых, и в каждом шел яростный спор. Пленника не было видно. Катрона стояла среди самых громогласных спорщиков, всю размахивая руками.

Дженна окликнула ее, и мужчины, расступясь, оставили их лицом к лицу.

– Один удар, Дженна, – сказала Катрона. – Один удар, и они были бы наши. Не я ли учила тебя, как это делать? – Катрона потрясла правой рукой. – Выходит, вся моя наука пошла насмарку.

– Ты также учила меня тому, что написано в Книге Света: «Убить – не значит исцелить». И это, уж конечно, относится к убийству безоружного.

– Нечего тыкать меня носом в Книгу – ты не жрица. В Книге также сказано: «Один удар может спасти пораженный член». В священной книге всякий находит то, что ему угодно. – Катрону трясло от гнева. – Подумай, Дженна. Подумай. Нам нужны эти люди. Нам нужен этот король. Я не стала бы гнать тебя за него замуж, но Пит был прав. Был способ вернее и лучше. Мужчины все равно убьют Медведя – вон как они злы на него. Если бы ты сделала это хладнокровно, о тебе слагали бы легенды.

– Не надо мне никаких легенд. Я живая. У меня есть сердце. Я не могу убивать без зазрения совести.

– Воин вспоминает о совести, когда война окончена, – сказала Катрона.

Дженна закрыла лицо руками и разрыдалась, а Катрона отвернулась от нее.

Бледный месяц, взойдя над разрушенным хеймом, уселся на печную трубу. Дженна стояла одна, а споры в лагере все не утихали.

– Ты была права, – сказал чей-то голос сзади. Дженна обернулась и увидела Скаду.

– Но и неправа тоже.

– Как можно быть и правой, и неправой?

– Ты правильно сделала, что не убила его, но надо было найти такие слова, которые убедили бы всех и без этого.

– Какие еще слова?

– Ты могла бы сказать: «Медведь склонился передо мной, и ему нет нужды умирать от моей руки».

– Ага. И прибавить заодно, что луна черная. Что подделаешь – оплошала.

– Верно, оплошала, – засмеялась Скада. – И теперь, милая моя Анна, темная, – она указала на себя, – и светлая, – она указала на Дженну, – дела твои куда как плохи.

– Не мои, а наши.

– Ах, теперь уже наши? Наконец-то ты позволила мне разделить с тобой вину.

– Как можешь ты смеяться в такое время?

– Дженна, для смеха всегда есть время. И что-то в тебе смеется, раз я это делаю. Я ведь не чужая. Я – это ты.

– Но мне ничуть не хочется смеяться, – с несчастным видом сказала Дженна.

– Зато мне хочется. – Скада откинула голову и расхохоталась.

Дженна помимо воли присоединилась к ней.

– Ну как, полегчало теперь? – спросила Скада.

– Не совсем.

– Так-таки и ни чуточки?

– Скада, ты просто невозможна.

Скада покачала головой в подражание Дженне.

– Это потому, что я голодная. Пойдем-ка подкрепимся чем-нибудь.

И они рука об руку отправились на кухню.

На полдороги их остановил Джарет. Он делал руками отчаянные знаки, пытаясь что-то передать. Его пальцы плели в воздухе самые замысловатые узоры, но Дженна поняла только, что он о чем-то предостерегает.

– Кошка... – разгадала она.

– И бык... – добавила Скада.

Джарет смотрел на них с мольбой, и горло его напрягалось от усилия что-то сказать.

– Мы будем осторожны, – сказала Дженна. – Не беспокойся. Спасибо, что предупредил нас. – Но, отойдя, она шепнула.

ла Скаде: – Жаль, что я не срезала с него это ожерелье и не дала ему высказаться.

– Несмотря на все последствия? – спросила Скада.

– Да! – сердито сказала Дженна. – Как может волшебство Альты быть добрым, если оно вредит Ее сторонникам не меньше, чем Ее врагам? Десять хеймов погибло, Джарет лишился дара речи, а мы все стали убийцами во имя Ее.

– Но и героями тоже, – сказала Скада.

Дженна повернулась к ней лицом.

– Погляди вокруг, сестра. Погляди хорошенько. Где ты тут видишь героев?

Они поглядели вместе. У трубы стоял король с кубком в руке, мрачно глядя в него, словно читая там свое незавидное будущее. Рядом несли караул двое солдат в грязных бурых камзолах и рваных штанах. Один чистил клинок рукавом. Вокруг костров пили и болтали воины. Огонек у ворот высвечивал чумадые лица Петры и мальчиков. Она рассказывала им что-то, помогая себе руками. В дальнем углу, около пяти уцелевших еще ступенек разрушенной лестницы, сидели Пит с Катроной по одну сторону и Катри по другую. Они шептались ему что-то в оба уха, а он с улыбкой обнимал их. Потом они встали и ушли куда-то по освещенной луной дороге.

– А каким, по-твоему, должен быть герой? – спросила Скада. – Блестящий шлем, свежий камзол, чисто вымытые волосы и рот, полный белых зубов?

– Во всяком случае, не таким, как они.

Скада потрясла головой, словно ветерок дунул в лицо Дженне.

– Ошибаешься, сестра. Мы здесь все герои.

СКАЗКА

Жил-был однажды тиран, и ему было предсказано, что победит его только герой, который родится не от женщины и явится не пешком и не верхом, без меча и копья.

Тиран правил долго, и много мужчин, женщин и детей пали жертвами его кровавого гнева.

Но вот в одной деревушке родилась девочка – повитуха извлекла ее на свет из чрева мертвой матери, взрезав живот ножом, а вскормила ее коза вместе со своими козлятками.

Так они и выросли вместе – девочка, козлик и козочка. Вместе они и играли – бодались, взбирались на пригорки и скакали друг через дружку. И девочка росла высокой и красивой, хотя ее жизнь началась столь печально.

Шли годы, и тиран состарился и сам был не прочь умереть, но пророчество оставалось в силе, и не находилось ни одного воина, который мог бы его убить, хотя многие пытались.

Однажды девушка со своими козами отправилась в столичный город. Играючи, она ехала то на козлике, то на козочке, перебирая ногами по земле.

Тиран, выйдя прогуляться, увидел девушку, которая, хоть и ехала, все равно, что шла пешком. Он остановил ее и спросил:

– Скажи, дитя, – как ты родилась на свет?

– Я не родилась – меня вынули из мертвой матери.

– Ага, – сказал тиран. – А каким же это манером ты едешь?

– Я не еду на них по-настоящему – ведь это мои братик и сестричка. Мы просто играем так.

– Ну, тогда выходи за меня замуж, ибо так мне суждено, – сказал тиран.

И они поженились, и он умер в свою брачную ночь, умер с улыбкой, побежденный любовью. Так сбылось предсказание. И верно говорят мудрецы: не так-то просто распознать героя. Им может быть и девушка, едущая на двух козах, между тем как brave воины с мечами терпят неудачу.

ПОВЕСТЬ

– Дженна! – окликнул из темноты Карум.

Дженна обернулась, и Скада вместе с ней. Карум вытаращил глаза.

– Так это правда. Не близнецы, но светлая и темная сестры. Никогда не смел в это поверить.

– Но это правда, – хором сказали обе.

– И вы все время вместе?

– Ты же видел, что прежде я была одна, – сказала Дженна.

– Нужна луна, чтобы я появилась, – сказала Скада. – Или яркий огонь.

Озадаченный Карум молчал.

– Или свечка у кровати, – засмеялась Скада. – Карум, у тебя лоб, точно пруд, в который бросили камень. Не тревожься так. Задуй свечу, и я исчезну.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, сестра, – сказала Дженна, взяв ее за руку.

– Придет время – захочешь, – тихо ответила Скада. – Но потом снова захочешь, чтобы я пришла. Я знаю ее мысли и ее сердце, – сказала она Каруму, – ведь они и мои тоже. Ступай в лес, юный принц, туда, где ветви переплетаются, не пропуская луну. Ни одна темная сестра не сможет сопровождать там светлую.

– Но ты все равно будешь знать.

– Такова уж Дженна, – пожалала плечами Скада. – Ты полюбил ее, зная об этом, – и целовал ее.

– Я не знал.

– Я такая, как есть, – сказала Дженна, – и ты знал.

– Ну да, знал, – с несчастным видом сознался Карум. – И не знал в то же время.

Что же теперь, когда ты знаешь? Скада не спросила об этом, но Карум услышал и шепнул:

– Пойдем в лес, Дженна. Там мы сможем поговорить наедине.

Дженна посмотрела на Скаду. Та кивнула, Дженна медленно кивнула в ответ, и они втроем перешли через залитую луной дорогу. В лесу Скада стала дрожать, как лист на ветру, хотя ночь была теплая. В ближнем пруду квакали лягушки. Скада улыбнулась дрожащей улыбкой, заколебалась, как тень, и исчезла.

– Скада... – оглянулась Дженна.

Ладонь Карума легла на ее руку.

– Не оборачивайся. Не зови ее. Не сейчас.

И они ушли еще дальше во мрак, уже вдвоем, не касаясь, однако, друг друга.

Дженна ни с кем еще не вела таких долгих задушевных разговоров. Они рассказали друг другу всю свою жизнь: Дженна – о своем детстве в хейме, Карум – о годах, проведенных в Гарунийском дворце. Она пересказала ему памятные сызмальства сказки и песни, он ей – сказки с Континента, сильно изменившиеся за четыреста лет в Долинах. Они говорили обо всем, кроме будущего. Сначала следовало разделаться с прошлым, с теми годами, когда они еще не знали друг друга. Поначалу они вели себя осторожно, предлагая другому каждую частицу прошлого, будто подарок, который, чего доброго, не будет принят, но скоро уже трещали вовсю, перебивая один другого и переплетая одно прошлое с другим.

– И со мной так было, – то и дело восклицала Дженна.

– И со мной, – вторгался в ее рассказ Карум.

Было так, словно обе их жизни слились – здесь, в темном лесу, так далеко от дома.

Когда Карум рассказывал что-то о своем отце, человеке, который не допускал свой королевский титул к домашнему очагу, в руинах хейма вдруг поднялся крик и послышался громкий лошадиный топот. Дженна и Карум вскочили разом, хотя и не могли разобрать того, что кричат.

– Случилось несчастье, – сказала Дженна.

Карум схватил ее за руку, и они побежали на шум.

Когда они оказались на дороге, луна, почти уже закатившаяся за хейм, вернула им бледный силуэт Скады.

– Что там стряслось? – на бегу спросила Дженна свою темную сестру.

– Я знаю не больше твоего, – тенью голоса ответила та. Они вбежали в разбитые ворота. Вокруг очага с гневными криками клубились воины. Карум врезался в толпу, Дженна и Скада следом.

– Что случилось? Король? – крикнул Карум.

Ему ответили хором, так что ничего нельзя было разобрать.

– Медведь! – расслышал наконец Карум.

– Медведь сбежал.

– Экий ублюдок. Убил насмерть.

– Теперь он расскажет, где мы.

– Ну нет, Хенк его догонит.

– Где там. Он взял коня. И король.

– Где король? – Карум скреб солдата за плечо. – Он что, ранен? Пайк ранен?

– Да нет же. – Солдат затряс длинными черными лохмами. – Вон, гляди.

Люди расступились, и Дженна увидела короля и Петру, склонившихся над чем-то. Потом она различила, что это Пит, – он сидел у сломанной лестницы, держа кого-то на руках. Дженна окликнула его, и он взглянул на нее, открывая и закрывая щербатый рот, как рыба. Глаза его цвета весеннего неба потемнели.

Дженна стала на колени по одну его сторону, Карум по другую. Здесь было темно, и Скада пропала. Коснувшись тела на руках у Пита, Дженна не смогла выговорить имя, Карум же шепнул:

– Катрона.

Катрона открыла глаза и попыталась улыбнуться Дженне. Кровь промочила ее камзол и стекала по правой руке.

– Мы были так заняты, что не слышали... не заметили... Я проглядела нитку, Дженна.

– Как это – «проглядела нитку»? – спросил Карум.

– Она обучала меня игре «Духовный Глаз», – шепотом ответила Дженна. – Игре для упражнения памяти. Там была нитка. Я заметила ее, а Катрона нет. Как же давно это было.

– Дженна... нить... – напряглась Катрона.

– Тише, девочка, тише, – шептал Пит. – Побереги дыхание.

Дженна взяла безжизненную правую руку Катроны в свои и вспомнила, как та учила ее колоть мечом. Тот клинок был слишком тяжел для Дженны, но она упрямо не желала сознаться в этом. «Сила твоя в руке, – говорила Катрона, – но это сердце наносит удар».

– Что случилось? – шепотом спросила Дженна.

– Медведь – который должен был умереть от твоей руки – вырвался на волю, – пояснил король. – Он задушил часовых и взял их мечи. Пробираясь к лошадям, он наткнулся на Пита и его подругу, удалившихся в сторону. Он заколол Катрону сзади, чуть не задев и Пита, и бежал. За ним погнались, но вряд ли они найдут его в темноте. – Он повествовал об этом сдержанно, почти бесстрастно.

Дженна потупилась. «Он должен был умереть от твоей руки». Это правда, и ей нечем обелить себя.

– Какой же мне от тебя прок, Белая Дженна? Из-за тебя погибло трое хороших бойцов, и никто теперь за тобой не пойдет. – Король говорил тихо, и только те, кто склонился над Катроной, слышали его.

Катрона, вырываясь от Пита, пыталась сесть.

– Нет. Это правда она. Вприщурку. Слушай, что говорит жрица. Впри... щурку. – И она, обессиленная, повалилась назад.

– Катрона, кошечка моя, не уходи, – беззвучно рыдая, взмолился Пит.

– Я не дам ей умереть, – сказала Дженна.

Пит взглянул на нее, перебарывая рыдания.

– Поздно, девочка. Она уже мертва.

– «Не отмеряй саван, пока нет покойника», – сказала вдруг Катрона. – Разве не так говорят в Долинах? – Она кашлянула, и кровавая пена выступила у нее изо рта.

– Я отвезу ее в пещеру Альты, и она не умрет. Альта сказала, что я могу привести назад одного человека, и это будет Катрона. – Дженна поддела под нее руки, чтобы вырвать ее из объятий Пита.

Катрона втянула в себя воздух и проглотила вновь подступившую кровь.

– Позволь мне умереть здесь, Дженна, у Пита на руках. В роще Альты нет теней, а жизнь без Катри – это не жизнь. – Она с улыбкой посмотрела на Пита. – Ты молодчина, мой Пит, – для мужчины, конечно.

– Я всегда любил только тебя, девочка. С того первого раза. Первого для тебя и для меня – мы ведь были детьми. Я мечтал отыскать тебя, когда король займет свой трон. Чтобы состариться с тобой, моя девочка. Чтобы состариться... – Пит нагнулся и стал что-то шептать ей на ухо. Она улыбнулась и закрыла глаза. Какой-то миг Пит сидел не шевелясь, прижавшись губами к ее уху, потом приник щекой к ее щеке. Все замерли без движения.

Наконец Пит выпрямился.

– Ну вот и все. Кончено. – Глаза его были сухи, но на лицо легла тень.

Петра приложила ладонь ко лбу Катроны и начала говорить тихим ровным голосом:

Во имя пещеры горной,
Во имя могилы черной.
Во имя всех, что упорно брели
К свету от света в муках,
О Альта, молитве нашей внемли.
Женщину эту,
Бесстрашную эту.
Сестру нашу эту
Прими под свою руку.
Одень в свои косы, как в день и в ночь,
Тенью смежи ей веки.
Чтоб стала младенцем она вновь...

Солдаты, молча выслушав молитву, начали роптать. Некоторые открыто ругали Дженну, обзывая ее «проклятой чистюлей» и «пособницей Каласа».

Петра отвернулась от Катроны, обвела их взглядом и воздела руки, призывая к тишине. Солдаты, как ни странно, умолкли.

– Глупцы, – воскликнула Петра. – Глупцы все до одного. Разве вы не поняли, что это значит? Катрона сама сказала, что на ее смерть нужно смотреть вприщурку.

– О чем ты толкуешь? – крикнул кто-то.

– Кто только что умер здесь? Катрона. Воительница из

хейма, прозываемая также Кошкой. Кошкой! Кошка погибла первой, ибо Анна не пожелала убить Медведя.

– Так ведь кошка-то не та! – заявил воин со шрамом на глазу, проталкиваясь вперед.

– Почему ты знаешь, какую кошку подразумевала Альта? – возразила Петра. – Или о какой кошке сказано в Гарунийском пророчестве?

– Но я думал...

– Нечего тут думать. Когда пророчество сбывается, это ясно всем. – Голос Петры звенел от переполнявших ее чувств. – Сама Катрона... сама Кошка напоминала нам об этом перед смертью, сказав: «Это правда она». Та, что заставила склониться Гончую и Быка, а теперь и Кошку.

– Нет! – вскричала Дженна, ударив кулаком оземь. – О смерти Катроны ничего не сказано в пророчестве. – Но громогласный рев мужчины заглушил ее голос.

– Анна! Анна! Анна! – гремел хор, и Петра, воздев над головой кулаки, задавала тон. – АННА! АННА! АННА!

«Нет! – мысленно взывала Дженна. – Только не это. Не принимайте меня за нее». Но крики не унимались.

– Толпа так непредсказуема. Ею так легко управлять, – прошептал король. Взяв Дженну за локти, он поднял ее с земли. – В этот миг ты для нее негодяй, в следующий – святой. Теперь, дитя, тебе незачем выходить замуж за короля. Ты Анна – они сами так сказали. На этот миг ты Анна.

«На этом повороте дороги». Дженна безвольно стояла ря-

дом с королем среди неумолкающих криков:

– АННА! АННА! АННА!

На небе забрезжил рассвет. Птицы, отчаявшись перекрыть людей, кружили в небе. Даже Карум присоединился к общему хору, гремевшему эхом среди разрушенных стен. Молчали только Джарет, который не мог издать ни звука, да Пит, прижимавший к груди тело Катроны.

БАЛЛАДА

Смерть Кошки

Еще были темны и леса, и поля,
И заря начинала путь,
Когда вонзилась вражья стрела
В Кошки высокую грудь.
Милый успел ее поддержать —
Умерла, не упав из седла...
И в землю ее уложили мы спать,
И была холодна земля.
Уже светлели луга и холмы,
Но была наша скорбь черна,
Когда над могилой запели мы,
Как Кошка была рождена.
До срока у Кошки отняли мать,

До срока и Кошка ушла...
И в землю ее уложили мы спать,
И была холодна земля.
О братья! Хотите ль счастливыми быть?
Мою вы запомните речь:
Страшитесь отважную деву любить,
Что носит на поясе меч.
Недолгою, горькою будет страсть,
Погибнет та, что смела...
И в землю ее вы уложите спать,
И холодной будет земля.

ПОВЕСТЬ

Двух часовых схоронили у разбитых ворот, но Катрону Дженна и Петра распорядились уложить между двух больших костров, пока они не найдут погребальную пещеру хейма. Пит исполнил их наказ. Когда зажгли второй костер, рядом с Катроной возникло тело Катри, и Марек, который прежде не плакал, вдруг разразился неудержимыми рыданиями – даже брат не сумел успокоить его.

К вечеру мальчики нашли пещеру и проводили туда Дженну, Петру и Карума, которые несли на носилках тело Катроны. Король и Пит остались в лагере, чтобы справить вместе с остальными поминки по убитым часовым.

– Эта тризна посвящается Кресу, богу сражений, – объяс-

нил Карум, пока они взбирались в гору со своей скорбной ношей.

Дженна, вспомнив, что он рассказывал ей когда-то, добавила:

– Пусть они едят вдоволь мяса и пьют его крепкие вина...

– И бросают через плечо кости псам войны, – завершил Карум.

– Какая жуткая молитва! – содрогнулась Петра.

– Потому-то я предпочитаю обходиться вовсе без них, – сказал Карум.

Они поставили носилки перед входом в пещеру, и Дженна прошла вперед, чтобы зажечь факелы на стенах. В пещере, сухой и холодной, лежало множество закутанных в саваны тел, и нужно было ступать осторожно. Когда Дженна зажгла огни, стало еще теснее – пещеру заполнили спеленатые тела темных сестер.

Выйдя наружу, Дженна испустила долгий вздох. Кости мертвых сестер ее не пугали: в своем хейме она не раз присутствовала на похоронах и знала, что это – всего лишь покинутые дома женщин, которые теперь живут в блаженстве и сосут грудь Альты. Но останки, которые лежали теперь у ее ног, завернутые в разорванную сорочку и одеяло, принадлежали Катроне – ее сестре, ее наставнице, ее подруге, жертве ее шепетильности.

Став на колени, Дженна положила руку на грудь покойницы.

– Клянусь тебе, Кошка, – Медведь не уйдет от расплаты. И тот, кто зовется Котом, тоже умрет. Не знаю, есть ли это в пророчестве, но отныне это написано в моем сердце. – Дженна поднялась и сказала: – Мы с Петрой отнесем ее в пещеру одни. Это священное место и священный час.

– Мы понимаем, – сказал Карум, и мальчики согласно кивнули.

Дженна и Петра подняли тело Катроны.

Назад они возвращались уже ночью, и на небе не было луны.

Молчаливое войско покинуло разрушенный хейм на рассвете. Петра взяла себе лошадь Катроны, и теперь только Марек и Сандор ехали вдвоем, ничуть, впрочем, этим не смущаясь.

Король, Карум и Пит ехали во главе войска, но Дженна отказалась занять место рядом с ними, и направила Долга в середину рядов. Солдаты улыбались, думая, что она делает это из любви к ним, и не зная, что она всего лишь хочет отогнать воспоминание о мертвой руке Катроны в своей.

«Один удар, Дженна, – вспоминалось ей на каждом повороте. – Один удар... а теперь вся моя наука пошла насмарку». Ее невинность умерла вместе с Катроной. Что из того, если она уже убила одного человека и изувечила другого в пылу боя? Что из того, если она схоронила сотню мертвых сестер? Только эта смерть не давала ей покоя. Дженна чувствовала, что стареет, что годы несутся мимо холодным по-

током, и она бессильна их удержать.

Она ни с кем не разговаривала в пути, но мертвая Катрона продолжала корить ее: «Один удар... всего один удар».

Дженна все еще чувствовала в своей руке меч, тяжелый клинок Пита. Вернуть бы тот миг, вогнать бы лезвие в мохнатую грудь Медведя. С каким удовольствием она погрузила бы теперь острую сталь сквозь мякоть, минуя кости, прямо в трепещущее сердце. Как брызнула бы из этого сердца кровь, как побежала бы по мечу, вдоль голубых жилок ее руки, за локоть, чтобы, проложив путь под правой грудью, проникнуть к ее собственному сердцу.

Дженна смотрела на свою руку как зачарованная, словно по ней и правда бежала кровь Медведя, словно в ней еще отдавался удар, поразивший Медведя в сердце.

Рука бессильно опустилась. Один удар – но Дженна не смогла его нанести. Она на это не способна. Даже ради того, чтобы вернуть Катрону назад, она не смогла бы убить связанного человека. Не смогла бы, и все. Анна никогда бы так не поступила – а она и есть Анна. Дженна больше не сомневалась в этом. Ее убедило не пророчество, не страстная вера Карума, не мягкие увещевания Альты в роще греннов, не домогательства короля и не ликующие крики солдат. Просто кровь, бегущая от руки к сердцу, напрочь отвергла зверство, присущее Медведю и его братьям. Она – Анна. На этом повороте, в этот час, в этот миг.

Дженна послала Долга вперед. Всадники расступились пе-

ред ней, и она заняла место во главе отряда, между королем и Карумом, чуть впереди них.

Книга четвертая

ВОЙНА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

МИФ

И Великая Альта подняла павших воинов по лестнице своих волос – темного по золотой стороне, светлого по черной, и приложила их к своей груди, и сказала: «Вы мои милые дети, родная моя кровь, и отныне вы будете со мною навеки».

МИФ

И Великая Альта ударила светлую сестру по одной щеке и по другой – за смерти, в которых та была повинна. И ударила ее по спине – за смерти, в которых та была неповинна. И обратила ее лицом к солнцу, и сказала: «Ты будешь ехать долго и скоро, пока не начнешь сызнова то, что пришло к концу». И она посадила светлую сестру на большого серого коня и дунула ей в спину, чтобы та ехала скоро, не вспоминая о пережитом.

ЛЕГЕНДА

Эта история записана в Альтене, в деревне Верхний Перекресток. Ее рассказала Дженни Бардлинг, старая кухарка, известная под именем Матушка-Утешительница.

«Моя двоюродная бабка, сестра матери моей матери, была воительница. В войске она спала под одним плащом с последней из славных жительниц гор, которую звали Светлая Сестра. Эта женщина, говорила бабка, была почти шести футов вышиной, с длинными белыми косами – белыми, а не седыми, – которые закалывала на макушке, как корону. В косах она прятала запасной кинжал, а в случаях, когда была нужда в тишине, теми же косами душила врагов. Она поражала бесшумно, как Демон Тумана.

Никто не мог победить ее в бою, потому что она носила в кожаном мешке у себя за спиной Темную Сестру – тень, которая была точным ее подобием, только вдвое больше. В тех редких случаях, когда Светлая Сестра терпела поражение, она развязывала мешок и выпускала тень на волю. Темная Сестра двигалась быстрее, чем видит глаз, и тише растущей травы. Про нее говорили.

Как заклятье, сильна,
Точно лед, холодна,
Точно ярость, груба —
И страшна, как судьба.

Вот какой была Темная Сестра.

Светлая Сестра выпускала ее только в самом крайнем случае – ведь тень пожирала ее изнутри, как водится у всякой нечисти. Моя бабка никогда эту тень не видела, да и никто не видел – но все знали, что она есть.

В конце концов, Светлая Сестра погибла в жестоком бою – он длился месяц, и все это время солнце не хотело выходить на небо. А какая же тень без солнца? Она могла вылезать из своей котомки, только когда солнце ярко светило – разве я не сказала?

Через месяц, когда бой кончился, эту котомку нашли – она лежала на белых косточках Светлой Сестры. Длинные у нее были кости, говорила моя бабка. Кто-то открыл котомку, думая, что там может быть золото, и тень вылезла на волю. Она поглядела вокруг своими черными, полными лютой ненависти глазами – и увидела опустошенную, истоптанную в пыль землю, а от Светлой Сестры остались одни кости. Тень задрала голову вверх и завывала – этот вой и сейчас слышат в том безлюдном месте.

Бабка рассказала мне перед смертью, что Темная Сестра до сих пор блуждает там, когда солнце светит ярче всего, – ищет, должно быть, свою подругу или еще кого-нибудь, кто носил бы ее с собой. За кого она могла бы сражаться и поедать его изнутри.

На этих горных пустошах надо быть осторожным, особен-

но в полуденную пору. В тех краях говорят: «Не дружись с тенью. Она съест тебя заживо, дай ей только волю».

ПОВЕСТЬ

Первый день их долгого пути утомил всех, кроме Дженны, в чьих ушах не переставал звучать голос Катроны. Дорога шла через березовые и ольховые перелески, через дубравы, через отлогие зеленые холмы и пару ручьев. По обе стороны брода были глубокие заводи, где под темными гранитными глыбами мелькала форель, но король не позволил остановиться. День был безветренный, и туча пыли из-под копыт стояла серыми письменами на голубом небе. Когда они, наконец, остановились, чтобы дать роздых лошадям и сварить на кострах еду, король выслал вперед трех разведчиков.

– Катрона давно уже устроила бы привал, – заметила Дженна Петре и мальчикам.

– А вот разведку высылать рано, – добавил, качая головой, Марек. Как видно, он мало доверял походным навыкам короля, хотя сам обрел их совсем недавно.

Однако через час разведчики вернулись с благоприятными вестями. Они сказали, что дорога впереди свободна от людей Каласа, а в ближних крестьянских усадьбах и слухом не слыхивали о войне. Один пастух, недавно побывавший в большом рыночном городе – город называется Новая Усадьба и до него не меньше суток езды на север, – сказал даже,

что и постоянно стоящая там королевская рота уехала куда-то. Бежавший Медведь поехал явно не этой дорогой, иначе он поднял бы на ноги всех людей Каласа.

Король угостил посланных из своей фляги и обнял их, но Дженна заметила, что ни глаза его, ни рот при этом не улыбались. Вернувшись к кружку, состоявшему из Дженны, Карума, Пита, Петры и мальчиков, король сказал.

– Думаю, что Калас хочет дать нам бой в Долине Креса. Это ворота к его замку, и людей у него больше, чем у нас. – Король стоял нахмуясь, сцепив руки за спиной. – Он будет ждать нас там, зная, что иначе как в бою нам победы не одержать. Не станет он гоняться за нами по всем Долинам, распыляя свои силы.

Пит, сидевший на корточках перед костром, кивнул. Он ничего не ел, а только смотрел в огонь, как будто хотел разглядеть в нем что-то.

– Дурак он будет, если решит ждать так долго, – сказал Карум, запустив пальцы в волосы. – И если позволит нам собраться с силами. Мы, может, еще несколько лет не придем туда.

– Согласна, – сказала Дженна. – Он, конечно же, нанесет удар раньше, если будет знать, что перевес на его стороне. Он ничего не выиграет, дав нам собрать побольше мужчин и женщин. Не так он глуп.

– Это верно, он не дурак, – ответил король, – но он верит, что его кавалерия с легкостью разобьет мое необучен-

ное войско, сколько бы народу в нем ни было.

– Но ведь твои необученные люди только что побили Медведя, – заметила Петра.

– Потому-то, милочка, мы и скачем так быстро и останавливаемся только, чтобы не дать людям и коням взбунтоваться – или не уморить их. Нам нужно набрать побольше войска, пока наша приманка еще свежа.

– Приманка? – повторил Сандор.

– Анна, мой юный друг, Анна, – с небрежным жестом пояснил король.

– Я! – вместе с ним сказала Дженна, стукнув себя кулаком в грудь.

– А потом мы пойдем в ту Долину? – спросил Марек, которому не терпелось сразиться.

– Не-ет! – подал голос Пит, поднявшись на ноги.

– Пит прав, – сказал король. – Нужно окружить эту Долину со всех сторон, набирая повсюду народ под знамя Анны. А когда мы достаточно окрепнем, мы двинемся на Каласа разом, сжимая петлю вокруг его мерзкой шеи. – Пальцы короля медленно сжались в кулак.

– Но пока мы будем медлить, Калас убьет еще больше женщин и сожжет все остальные хеймы. – Казалось, будто Катрона говорит устами Дженны. – Так нельзя.

– Спасая малую толику, мы потеряем многих, – возразил король. – Ты еще слишком молода, чтобы это понимать.

– Мы с тобой почти ровесники.

– Я старше тебя лет на десять, если не на все сто. На то и война, чтобы одни умирали за других. И у короля нет возраста – ведь это он решает, кому жить, а кому умереть. Король – а не жена его, не брат, не военачальник и не друг. Решения принимаю я один. Мы поедem на север, в Новую Усадьбу, и там начнем набирать свое войско.

Джарет, схватив короля за руку, повернул его к себе, и Дженна едва удержала Пита, помешав ему ударить юношу. Из горла Джарета вырывались сдавленные звуки, скорее животные, чем человеческие. Поняв, что никто его не слышит, Джарет стал сердито теревить короля за рукав.

– Он что-то знает, – шепнула Дженна Питу. – Мы должны выслушать его.

– Так ведь не слышно ничего, – пожал плечами, освобождаясь от нее, Пит.

Король отпихнул Джарета.

– Ничего он не знает да и сказать ничего не может.

– Он хочет сказать, что нельзя допускать новых смертей ради того лишь, чтобы последнее слово осталось за тобой, – гневно произнес Карум.

Горум с хитрой улыбкой, которой Дженна уже стала бояться, ответил:

– Брат мой, последнее слово всегда остается за королем. Ты читал только старые книги, я же читаю в людских сердцах. Мы пойдем из города в город, набирая большое войско, и весть об этом дойдет до Каласа. Он начнет лютовать еще

пуще и позаботится, чтобы весть об этом дошла до нас. Но каждое его новое злодейство привлечет к Анне еще больше сторонников. И когда мы будем готовы помериться с ним силой...

– Так тебе все равно, сколько еще людей погибнет от его руки? – опешил Карум.

– Чем больше, тем лучше. Я ужасаю тебя, брат? – Король стал угрюм. – В Долинах говорят, Длинный Лук: «Нельзя перейти реку, не промочив ног».

– Значит, ты ничем не лучше Каласа, – сказала Петра и отвернулась.

– Нет, я лучше его, потому что дело мое правое. Он думает только о себе, а я пекусь о народе. – Король говорил спокойно, без злости. – Это мой народ, а не его.

Карум прочистил горло.

– Горум, в этих старых книгах, которые ты так презираешь, говорится, что малое войско не раз побивало большое с помощью хитрости. Не забывай же об этом и не полагайся на одну только грубую силу. Помнишь сказку о коте и мышке, которую рассказала нам моя мать в тот день, когда этот скот Варну разбил тебе нос?

– Варну теперь мертв, – улыбнулся король.

– И убила его Дженна

– Он мертв, а я жив. И из нас двоих хитростью наделен я, а не ты, братец. Не забывай об этом. Все эти сказки о победе слабых над сильными выдуманы побежденными народами.

Твоя мать из Долин, и в тебе половина ее крови, я же чистокровный Гарун.

– Ты... – сердито начал Карум.

– Нет, братец, поговорим о тебе. Ты для меня – открытая книга. Люди – вот книги, которые читаю я. Когда я верну себе трон, ты станешь моим придворным философом, моим сказочником, моим дураком – и уж тогда будешь мудрствовать вволю. Тогда-то ты вспомнишь все сказки, которые рассказывала нам твоя мать, и все сказки из твоих книжек, украшенных картинками кошек и мышек. Но теперь мы солдаты и хотим слышать только истории о великих победах. – Король потрепал Карума по плечу – так ласкают животное или малого ребенка – и крикнул своим воинам: – По коням. Мы едем в Новую Усадьбу, чтобы показать Анну народу. – Он вскинул руку, и солдаты взревели:

– АННА! АННА! – Удовлетворенный король кивнул, подмигнул Каруму, словно желая подчеркнуть свою власть над людьми, и резко опустил руку. Воины сели на коней.

Последним в седло поднялся Карум, едва сдерживавший свою ярость. Дженна направила коня к нему.

– Он прав в одном, – шепнула она. – Твое лицо – это чистая доска, на которой все твои мысли пишутся большими буквами.

– Он не видит во мне никакой пользы, – горестно прошептал в ответ Карум, – и ни от кого этого не скрывает. Даже от тебя.

– Нет. Правда за тобой, а он на наших глазах превращается в такое же бессердечное чудовище, как та жаба на троне. Ты должен рассказать мне свою сказку.

– Какую сказку?

Дженна, протянув руку, погладила шелковистую шею его коня.

– О коте и мышке. Если слабый правда может победить сильного, мне нужно знать, как это делается, прежде чем я попытаюсь.

– Прежде чем мы попытаемся, – просияв улыбкой, сказал он.

Пока Дженна держала руку на шее его коня, Карум вкратце рассказал ей сказку. Она кивнула, и он, с силой стиснув коня каблуками, послал его вперед.

На следующий день к вечеру они въехали с юга в Новую Усадьбу. День был рыночный, и на лотках вперемешку, без всякого порядка, еще продавались фрукты, хлеб и шелка. На мощеных улицах, полных народа, звенели зазывные крики торговцев. Дженна даже сквозь топот копыт различала: «А вот кому свежую пикшу... Хлеб, горячий хлеб... Целебные корешки, только-только из леса... Покупайте мои ткани, мои узорные ткани...»

Дженна, никогда еще не видевшая такого многолюдства, беспокойно оглянулась на своих друзей. У Петры глаза стали круглые от удивления, Марек с Сандором разинули рты. Только Джарет сохранял спокойствие, заключенный в кокон

своего молчания.

Войско ровными рядами двигалось по главной улице. Солдаты на ходу кидали взгляды в переулки, где громоздились высокие узкие дома, но никто не отставал. Король был доволен – и народом, и своими людьми, и стройностью своего въезда. Это отражалось у него на лице.

Долг, шедший впереди, вдруг заплясал, и Дженна никак не могла с ним справиться – оказавшись перед многочисленной публикой, он, как видно, вспомнил былую выучку. Дженна чуть не свалилась, когда он прынул вбок. Она натянула поводья, а конь выгнул шею, едва не упершись мордой в грудь. Дженна что было сил стиснула его бока, но Долг в ответ стал еще выше задирает ноги.

Дженна чувствовала себя крайне глупо, ерзая на глазах у всех по широкой конской спине, но народ подбадривал коня криками, а король улыбался во весь рот. Никто, похоже, не считал прыжки Долга смешными или опасными, и Дженна угрюмо вцепилась в поводья, сжимая конские бока что есть силы, – лишь бы удержаться в седле и сохранить достоинство. Солдаты позади нее снова завели: «АННА! АННА! АННА!» – и эхо запрыгало среди каменных фасадов. Дженна дивилась тому, что простое эхо создает такой шум, – но после увидела, что горожане, высовываясь из окон, машут руками и тоже кричат:

– АННА! АННА! АННА!

Непонятно было, знают ли они, что кричат и почему, но

шум стоял оглушительный, и кони начали беспокойно шарахаться и фыркать. Всадники натягивали поводья что есть мочи, а иные прибегали к хлысту, что еще пуще горячило лошадей. Один Долг, ничуть не пугаясь, продолжал свое представление.

Главная улица кончилась у широких каменных ступеней, ведущих к зданию наподобие дворца. Долг, вскинув передние ноги на первую ступень, остановился, и Дженна чуть не перелетела ему через голову. В последний раз она сердито рванула поводья, задрав голову коня вверх, а Долг громко заржал и забил передними копытами в воздухе. Дженна удержалась, и детишки, уже собравшиеся на ступенях, восторженно завопили.

Когда Долг угомонился, Дженна спешила, вся дрожа, и вручила поводья подскочившему к ней мальчонке. Ноги у нее болели так, что она чуть было не упала. Но Дженна чуть не до крови прикусила губу и заставила себя обернуться лицом к народу.

Король тоже спешил, и несколько человек в толпе сразу узнали его, несмотря на потрепанную одежду.

– Это сын старого короля, – крикнул кто-то.

– Стало быть, новый король, – заявила женщина невероятной толщины.

– Горум! – выкрикнул чернявый парень. Его друзья подхватили имя, а один добавил:

– Пайк.

Весть о прибытии короля привлекла новых горожан, и скоро вся площадь кишела народом, причем все клялись, что сразу признали Горума.

Горум не спешил высказаться – Дженна невольно восхищалась его выдержкой и тем, как медленно он поворачивается лицом то в одну сторону, то в другую, чтобы все могли его рассмотреть. Видя, что толпа растет, он стал плавно подниматься по ступеням, оставляя Дженну по правую руку, Карума по левую, а Пита позади. Так они поднялись к самому дворцу, а солдаты выстроились по сторонам клином, верхушкой которого оказались король и Дженна. Наверное, Горум долго обучал своих солдат такому маневру, если они действуют столь слаженно, подумала Дженна, – или у королей это в крови? Она покосилась на Карума – тот кивнул ей, но не сказал ничего.

Король вскинул руки, и все затихли – но не сразу, а так, словно волна пробежала от верхушки клина к его основанию. Дождавшись полной тишины, Горум заговорил с подъемом, столь несвойственным его обычной речи:

– Ты знаешь меня, добрый мой народ.

– КОРОЛЬ! КОРОЛЬ! – раздалось в тишине. Горум выждал, когда утихнет эхо, и улыбнулся.

– Но не король Калас. Не эта кровожадная, жрущая пиджи жаба, обманом севшая на трон. Отнюдь нет.

Каждая его фраза сопровождалась смехом и рукоплесканиями.

– Я истинный король, Горум, сын Ордрума и госпожи Джо-эль-эан. – Дав утихнуть одобрительному ропоту, он продолжил: – Король, лишенный трона, который освободился вследствие безвременной гибели моего бедного, злодейски убитого отца и его жены, вашей сестры из Долин.

Толпа издала стон, словно впервые услышав об этом злодеянии. Горум снова дождался наступления тишины и добавил:

– А после был предательски убит мой брат, святой жизни Джорум, который должен был стать королем, наследуя отцу.

Толпа снова застонала. Дженна заметила, что Карум качает головой, но не поняла, к чему это относится – к хитрым речам короля или к объявлению их брата Джорума святым.

– Я прибыл сюда ради твоего блага, мой добрый народ. И, как видите, я прибыл не один. – Он снова помолчал, хотя никаких возгласов за этим не последовало, и Дженне показалось, что он весьма доволен, неясно только чем.

– Вы видите Ее. Вы знаете Ее. Вы сами назвали Ее по имени. – И он простер правую руку к Дженне.

Мальчик, державший под уздцы Долга, закричал тонким пронзительным голосом, который разнесся по всей площади:

– Белая Дева!

Дженна неожиданно для себя вложила свою руку в руку короля и стала с ним бок о бок. Его ладонь была холодна как лед, пальцы тверды как железо. Дженна, спохватившись, хо-

тела освободиться, но он не пустил ее. Не желая вырываться от него при всем народе, Дженна замерла на месте с застывшим, как маска, лицом.

– Да, мой добрый народ, – как ни в чем не бывало продолжал король, – это Белая Дева. Та самая, которую мы ждали. Она имела трех матерей, и все они умерли. Она убила Гончегу Пса, чтобы спасти моего брата Карума. – Король указал на Карума левой рукой, но тот не шелохнулся, и Дженна почувствовала благодарность к нему за то, что он держится с таким достоинством. – Она убила Быка ради спасения собственной сестры. В доказательство мы можем предъявить его кольцо. – Король протянул левую руку, словно ожидая, что Карум положит в нее кольцо. Но тот остался недвижим, и король после мгновенного замешательства отпустил руку Дженны и снял с шеи брата кожаный шнурок с тяжелым перстнем. Дженне внезапно вспомнилась отрубленная рука, которую этот перстень украшал. Король с улыбкой поднял кольцо над толпой, и народ разразился радостными криками.

Вернув кольцо Каруму, король спокойно пережил шквал восторгов и в какой-то момент разом пресек их рубящим движением руки.

– А два дня назад Белая Дева стала причиной смерти женщины по имени Кошка. – Сказав это, король умолк, ожидая неизбежных вопросов.

– Это не та Кошка, – не замедлила отозваться толстуха. – Кот, о котором сказано, еще жив и пьет молоко из Каласовой

миски.

Медленно обернувшись к ней, король сказал учтиво, но твердо:

– Я вижу, ты, добрая женщина, знаешь толк в пророчествах? Быть может, ты Гарунийская ведунья или жрица из хейма Альты?

– Что я знаю, то знаю, – буркнула в ответ толстуха.

– Так узнай еще одно, добрая женщина: пророчества так запросто не читаются. Их следует читать вприщурку! – Последнее слово Горум проревел так, чтобы слышали все. Он сошел на три ступени вниз, оставив позади Дженну, Карума и мрачного Пита, и стал в самой середине клина, видный всем. – В пророчестве сказано: кошка. Не та или иная кошка – просто кошка. И Кошка погибла. Вот вам уже трое. – Король поднял руку и стал загибать пальцы. – Один – Гончая. Два – Бык. Три – Кошка. Все они, как и сказано в пророчестве, убиты Белой Девой, Анной, которую мы столь долго ждали. Остался только один, Медведь, – и пророчество исполнится. Ибо Анна возвещает конец ложного царствования и начало нового. – Он указал правой рукой назад, на Дженну.

– То, что ты зовешь новым, прежде было старым, – проворчала толстуха, но всем стало ясно, что победа осталась не за ней. Предприняв последнюю попытку, она сказала громко, чтобы слышали соседи: – Да и негоже это, когда девушки наряжаются мужчинами и играют в войну. У нас такого не водится. – Но ее голос потонул в криках «ура»: первыми на-

чали дети, а взрослые подхватили. В радостном хоре поми-
нались король, Анна и Карум.

ПЕСНЯ

Сердце и корона

Они повстречались однажды в весну.
И солнце сияло в лицо.
И руку она протянула ему,
А он протянул ей кольцо.
Сердце ему подарила она.
Корону свою ей – он,
И навсегда задержалась весна
Для тех, кто навеки влюблен.

Был бел ее конь, подуставший в пути,
И серым конь его был.
Она от него попыталась уйти —
Остаться он умолил.
Сердце ему подарила она,
Корону свою ей – он,
И навсегда задержалась весна
Для тех, кто навеки влюблен.

Был взор его ясен, как утренний свет,

Как ночь, черноока она.
И он для нее и силен был, и смел,
Она ж – и верна, и нежна.
Сердце ему подарила она,
Корону свою ей – он,
И навсегда задержалась весна
Для тех, кто навеки влюблен.

Красотка, что сладкой томится тоской,
Ты вслушайся в песню мою.
Когда ты желаешь, чтоб твой дорогой
Был смел и в любви, и в бою,
Милому сердце свое подари —
Корону отдаст тебе он.
Вовеки весна не устанет царить
Для тех, кто навеки влюблен!

ПОВЕСТЬ

Городские старшины Новой Усадьбы дали королю ужин в открытом портике ратуши. Пир вышел на славу, и это, по мнению Дженны, было тем замечательнее, что его пришлось устраивать в такой короткий срок.

При всей своей настороженности Дженна вскоре поняла, что никто не ждет от нее особых речей. Горожанам даже от ее присутствия за столом было не по себе, и они почти не заговаривали с ней, но зато не сводили с нее глаз – так, буд-

то хотели запомнить все до мелочей для будущих баллад и преданий.

– Как по-твоему, о чем они сложат песню? – уныло осведомилась Дженна у Петры. – «Как Анна ела яблоки» или «Как Белая Дева омыла руки»?

Петра, смеясь, тут же сочинила:

Тут Дженна, крепко голодна,
Отужинала лихо:
Умяла каравай она —
И сыра с ним толику.
Мед Дженна кубками пила,
Все не могла напиться,
А после в кустики пошла —
Затем, чтоб...

– Хватит, – взмолилась Дженна, зажимая рот рукой, чтобы не засмеяться громко. Заняв место во главе стола, рядом с королем, она вдруг поняла, что есть ей не хочется. Пляски Долга, чуть было не скинувшего ее, память о холодной руке Горума и о похоронах Катроны, пристальные взгляды горожан – все это не давало ей проглотить ни куска.

Старейшины заметили, что она ничего не ест, и кто-то даже высказался на этот счет.

Король заметил вполголоса, но достаточно громко, чтобы слышали соседи по столу:

– Пища смертных не создана для богов.

Его замечание мигом обежало весь стол, на что он и рассчитывал, и некоторые даже поверили ему.

Петра не стала передавать дальше слова короля и шепнула Дженне, едва удерживаясь от смеха: «А после в кустики пошла...»

Дженна опустила глаза и не заметила, как Петра спрятала в салфетку куриную грудку, большой ломоть кукурузного хлеба и немного зеленого лука. Джарет же, сидевший рядом, заметил и добавил Петре в узелок белых грибов и ржаного хлеба.

После ужина король обратился к старейшинам с просьбой дать ему людей.

– Чтобы сразиться с жабой, – сказал он.

Долго просить не пришлось – старейшин вдохновляло присутствие Анны и немалое количество выпитого ими красного вина. Горожане даже составили бумагу, в которой обещали дать королю двести молодых парней с полным вооружением. Король за такую щедрость поцеловал каждого в правую щеку и поручился, что Новая Усадьба не будет им забыта.

Дженна дождалась подписания бумаги, но во время взаимных славословий встала. Всякое движение при этом прекратилось, и даже служанки с тяжелыми подносами замерли на месте. Дженна не знала, что бы им такое сказать. Король был мастером говорить, она же была напрочь лишена этого дара. Охваченная внезапной завистью к нему, Дженна хоте-

ла хотя бы поблагодарить, но не нашла слов и закрыла рот, не желая показаться душой.

На другом конце стола поднялся Карум.

– Мы долго ехали, – сказал он, – а завтра снова отправимся в путь. Даже Богиня должна иногда отдыхать. Человеческая плоть, хоть и служит лишь оболочкой божественного духа, устает так же, как наша. – Подойдя к Дженне, он медленно поднес ее руку к губам и приложился к ней. У него и рука, и губы были теплыми.

Дженна с улыбкой, плавно и грациозно отняла у него руку.

– Спасибо, – просто и без затей сказала она горожанам, – спасибо за все. – Потом кивнула королю, Питу, Петре и мальчикам и направилась к двери. Карум последовал за ней.

– Не волнуйся, – шепнул он. – Я с тобой.

В темноте они ощупью добрались до первого поворота и принуждены были повернуть назад.

– Хуже, чем в хейме, – проворчал Карум.

Дженна промолчала, вспомнив, каким нашла тот хейм по возвращении. Она не знала, куда ведут все эти двери, но полагала, что подойдет любая – лишь бы скрыться от докучливых любопытных глаз.

– Сюда, – внезапно сказала она.

Они вошли и оказались в большой комнате. Слабый свет чуть сочился в закругленные окна, выходившие на широкие ступени крыльца. Должно быть, это был зал совета – здесь стоял большой стол, окруженный тяжелыми стульями. Вдоль

стен стояли еще стулья и несколько лежанок. Дженна с глубоким вздохом опустилась на одну из них.

– Что бы я без тебя делала, Карум?

– Надеюсь, тебе больше не придется обходиться без меня.

– Не надо играть словами. Я не дама из рода Гарунов и не торговка из Новой Усадьбы.

– Но это совсем не игра, Дженна.

– Все вы, Гаруны, мастаки играть словами, а пуще всего твой брат.

– Ну а ты ни в какие игры не играешь? – резко спросил обычно мягкий Карум.

– Нет. Никогда.

– Значит, ты не играла, когда нынче вечером подала руку моему брату?

Он маячил перед Дженной, как тень, и она не видела его лица.

– Я этого не делала, – отреклась она, снова ощутив железную хватку холодных пальцев.

– Полно – я все видел.

– Он сам схватил меня и не отпускал.

– От меня ты в трапезной освободилась довольно легко.

– Но ты сам отпустил меня. И не принуждал.

– Я никогда и ни к чему не стану тебя принуждать.

– О чем же мы тогда спорим? – Ей вдруг вспомнилось то, что он сказал недели, месяцы – годы назад, и она только теперь поняла это. – Ты ревнуешь. Вот в чем дело. Ревнуешь.

Дженна думала, что он будет отпираться, но он присел рядом с ней и сказал вновь потеплевшим голосом:

– Да, ревную. Это правда. Ужасно ревную.

– А как же дуб? – засмеялась она. – Как же лавр? Разве деревья умеют ревновать?

– К каждому порыву ветра, – засмеялся он в ответ. – К каждой птице. К каждой белке на ветке и каждой лисице в дупле. Ко всему, что способно приблизиться к тебе.

Дженна в темноте нащупала его лицо. На лбу пролегли морщины – Карум всегда хмурился, когда думал о чем-то. Она разгладила морщины двумя пальцами.

– О чем ты думаешь?

– О том, как люблю тебя, несмотря на все смерти, которые легли между нами.

– Тише, – шепнула она. – Не оскверняй свой рот, упоминая о них. Не думай о Гончем Псе. Не думай о Быке. Не вспоминай Катрону или женщин из погибших хеймов. Мы не позволим, чтобы их кровь разделила нас. – Дженна вдруг спохватилась, что ничего не сказала о любви – заметил ли это Карум?

– Я видел больше смертей, чем даже ты, Джо-ан-энна, и не могу не думать о них. Не могу не думать о своей вине во всем этом. – И Карум умолк, вновь погрузившись в себя.

Они долго сидели так, и пальцы Дженны лежали на лбу Карума. Потом его руки нашли ее лицо, медленно провели по косам и начали расплетать их. Дженна сидела не шеве-

лясь, и скоро распущенные волосы, пахнувшие ветром и скачкой, легли ей на плечи.

Она едва помнила, что надо дышать, и вот его губы прижались к ее губам. Теперь они оба лежали, укрытые плащом ее волос. Она чувствовала, что должна подарить ему что-то очень дорогое, хотя и не могла выговорить слова «люблю».

– Мое настоящее имя, – прошептала она, – Аннуанна. Его никто не знает, кроме моей Матери Альты, моей темной сестры и тебя.

– Аннуанна, – сладко выдохнул он ей в губы.

И вот так, губы к губам, язык к языку, не говоря слова «люблю», они познали намного больше, чем рассказывали ей, и чем вычитал он в своих книгах. Они познавали это вместе, далеко-далеко за полночь.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Сексуальные табу Гарунов и жителей Долин были столь различны, что они едва ли могли прийти к согласию. Гаруны представляли собой высокоразвитое общество, щедро заимствовавшее с Континента и гетеро – и гомосексуальные обычаи. Ко времени завоевания Островов они успели сменить множество чередующихся периодов распутства и целомудрия. Об этом широко свидетельствует континентальный источник. (См. самую раннюю работу Доил, ее докторскую диссертацию: «Обеты и действительность»,

позднее превратившуюся в популярную книгу «Как я, так и ты: нечто о Гарунийских обычаях».)

Но о Гарунах после завоевания Долины мы знаем гораздо меньше и можем лишь строить догадки, хотя и на научной основе. Доил не без основания полагает, что они перевезли с собой через Залив Всех Душ идею группового брака, столь популярного тогда на Континенте. На этом основании она выдвигает опять-таки логичную гипотезу о том, что Гарунийские вельможи брали жен, как из своих кланов, так и из высшего общества Долин. Король мог жениться несколько раз, не нарушая этим строгого брачного кодекса, принятого в Долинах.

Долины в то время были матриархальными (см. блестящую работу Кован «Мать и сын: передача титулов в Долинах», Демографический ежегодник, Изд. Пасденского ун-та, № 58), поэтому все имущество, земли и титулы передавались по материнской линии, и вторжение патриархальных Гарунов должно было внести большую перемену. Есть даже свидетельства о том, что жители Долины не понимали роли мужчин в рождении детей, веря в некую разновидность женского клонирования, в «зеркальных близнецов», столь дорогих сердцу Мэгона. (Диана Бэрроуз Джонс рассматривает этот вопрос в «Энциклопедии Долин», глава «А был ли папа?».) Но, как ни трудны были новые понятия для психики коренных жителей, на протяжении четырехсот лет все, похоже, шло довольно гладко. Гарунийские

короли брали жен из Долин, не вступая с ними в физическую близость, но заключая, таким образом, союз с местными племенами. Женам из Долин, по предположению Залмона и Зигеля, жаловали сан жриц, и они становились почетными матерями или Матерями Альтами, хотя свидетельства этого являются весьма фрагментарными.

Мэгон, разумеется, не упустил своего, пытаясь доказать, что многие из последних королей (особенно Оран, отец Добродруга, и сам Добродруг) были и фактическими мужьями своих местных жен и имели от них потомство. В доказательство он приводит старые и весьма вольные стихи:

*И извлек тогда Добродруг инструмент,
Чтоб младенца из дерева выстрогать
Сотворил мальшиа в единый момент,
Дурацкое дело – быстрое*

Цитирует он также нежное посвящение, начертанное (неизвестно кем) на единственном имеющемся у нас экземпляре Книги Сражений: «Дарю эту книжонку тебе, Аннуанна, любовь моя, мой свет». Оставляя в стороне тот факт, что Гарунийскую жену Добродруга звали Джо-эль-эан (та самая пресловутая Джо-эль-эан, которая отказалась сесть рядом с мужем и тем опозорила его и погубила его королевство), имя Аннуанна, несмотря на свое женское окончание, долго считалось мужским, будучи сокращенной формой имени Аннуаннатан. Даже если посвящение сделано

рукой Добродруга, не логичнее ли предположить, что свою Книгу Сражений он посвятил другу-мужчине. Аннуаннатан скорее всего был его гомосексуальным любовником и в армии спал с ним под одним плащом. Если бы доктор Мэгон потрудился проделать этот анализ сам, он не выставил бы себя на посмеище в ученых кругах.

ПОВЕСТЬ

В Новой Усадьбе они оставались еще два дня – столько времени ушло у них на набор и оснащение двухсот молодых парней. Под конец выяснилось, что их, собственно, двести тридцать семь – в их число входил и старший сын бургомистра. Кроме того, старых солдат короля снабдили новой одеждой, и отцы города принесли им в дар множество мечей и копий. Карум был великолепен в винно-красной паре и белоснежной, шитой золотом рубашке. Король облекся в золотую парчу целиком. Даже Пит обрел приличный вид, хотя выбрал для себя зеленые и бурые цвета, неприметные, по его словам, в лесу, и сказал при этом: «Золото хорошо для церемоний, мой государь, но война – дело иное».

Горум посмеялся над ним.

– Где король, там и церемонии.

– Где король, там война, – возразил Карум, но на него не обратили внимания.

Дженна отказалась наотрез от предложенных ей женских

юбок и корсажей, расшитых бисером. В юбке трудно ездить верхом, а бусинки будут цепляться за каждую ветку и сыпаться, оставляя след. Она лишь вычистила свой старый кожаный наряд да залатала в нем свежие прорехи. В украшениях она не нуждалась. На войне надо быть одетой по-военному. Катрона не раз говорила ей: «В драке все сойдет за меч».

Но помыться Дженна согласилась охотно и больше часа мокла в горячей воде. При этом она жалела только о том, что запах Карума уйдет с ее кожи, хотя и продолжала чувствовать его, закрывая глаза, – глубокий и пряный. Ей казалось, что теперь она узнает Карума где угодно по одному запаху. А ванна была истинным наслаждением. В пути приходилось довольствоваться холодными ручьями. Дженна, закаленная лесная жительница, не боялась холода и мылась всякий раз, как ей попадалась хоть какая-нибудь вода, но она как-никак выросла в хейме, знаменитом своими горячими банями, и это было единственное удобство, которого ей недоставало.

Когда же это она мылась в бане последний раз? Целую вечность назад, вместе с Петрой. Впрочем, в Долинах говорят: «Вечность – недолгий срок».

Но этот срок был долгим. Петра сильно изменилась – да и Дженна тоже. Тогда они с Карумом вышли из зала совещаний, держась за руки, но у входной двери расстались и на городской площади показались отдельно.

Петра стояла у стены, закрыв глаза, и грызла куриную косточку.

– Петра! – шепнула ей Дженна, и она медленно, почти неохотно открыла глаза.

– Куда это вы подевались?

Карум без лишних слов повернулся и ушел, а Дженна даже не посмотрела ему вслед.

– Ты ничего не ела, – сказала Петра, точно Карума и не было тут только что. – Вот я и набрала тебе еды, на потом.

Кража далась мне нелегко – я ведь готовлюсь стать жрицей, а тебя и след простыл.

– Я... – начала Дженна и вдруг поняла, что Петре ничего нельзя говорить. Петра еще девочка, а Дженна теперь стала женщиной. Как ни внезапно совершилась эта перемена, от нее уже не уйти. Дженна удивлялась, как этой перемены не видно по ней – по ее лицу, по ее глазам, по ее губам, еще не остывшим от поцелуев. Она взяла у Петры кусок цыпленка. – Вот спасибо. Я прямо умираю с голоду.

– Если боги не могут есть нашу пищу, неудивительно, что они ходят голодные.

– Она просто не создана для них, – поправила Дженна. – Он так сказал!

Петра предложила ей зеленый лук, но она отказалась, и Петра сжевала его сама.

– Они хотят, чтобы я осталась здесь.

– Кто? – спросила Дженна.

– Да все. Бургомистр, к примеру...

– Может, так и правда будет лучше, – медленно сказала

Дженна, хотя эта мысль ужаснула ее.

– Они говорят, что женщины не должны воевать. Что мы слабее мужчин. Так говорят у них в городе.

– А как же я? Анна?

– Ты богиня. Это дело иное.

– Женщины Альты делают что хотят. Мы приучены к войне не меньше, чем к мирной жизни.

– Я знала, что ты так скажешь, – усмехнулась Петра. – И сказала им то же самое. И еще, что жрица Альты должна всегда быть рядом с Анной. Немало женщин отдало жизнь за то, чтобы ты могла воевать, а я – быть с тобой рядом.

– Они не за это отдали жизнь.

– Но ты понимаешь, о чем я.

– Держись своих стихов – они у тебя как-то проще. – Тут Дженна прикусила губу – как могла она сказать такие жестокие слова?

Но Петра только посмеялась, то ли не поняв ее жестокости, то ли простив ее.

– Правда твоя. Если я стану твоей жрицей, я должна быть яснее ясного – или темнее темного. Лишь бы мне верили. – И она обняла Дженну.

– Фу-у! – сказала та. – Если ты будешь есть зеленый лук, то одним духом сшибешь с ног пятерых мужчин, даже уступая им в силе.

На этот раз они посмеялись вместе и вернулись в ратушу. Наконец они выехали из Новой Усадьбы на восток, и по-

всюду их встречали ликующие толпы народа. Дженна больше не позволяла Долгу плясать – один солдат показал ей, как надо управляться с конем. Она ехала рядом с Карумом, но близость их с того памятного вечера этим и ограничивалась. Оба были слишком заняты и всегда окружены людьми.

Однажды под стук копыт и утихающие позади крики Дженна спросила:

– А ты еще... – И осеклась – разве можно было сказать это во всеуслышание?

Карум скривил рот, и шрам под его левым глазом взлетел вверх, будто подмигивая.

– Конечно же, я все помню, если ты это хотела сказать. Все до последней мелочи. Как дуб. А ты?

Она улыбнулась ему.

– Джо-ан-энна значит «любимая белыми березами».

– Что? – Он не расслышал ее за стуком копыт. Она повторила, добавив:

– Если ты дерево, я тоже дерево.

– Нет, я не дерево. Я живой.

– Я знаю, – шепнула она. – Теперь я хорошо это знаю.

И их кони, подгоняемые задними, перешли на крупную рысь, положившую конец разговорам.

Они остановились еще в двух городках, набрав там с дюжины охотников. Король везде показывал Дженну, как диковинного, завезенного с Континента зверя. Карум громко роптал по этому поводу, но и он должен был признать, что

это идет на пользу делу.

Пит тоже ворчал:

– Двенадцать человек, когда нам требуется двенадцать сотен – да и двенадцать тысяч не помешало бы.

– Ну а женщины? – спросила Дженна. Они как раз остановились передохнуть, и новобранцы спешили познакомиться с остальными, пока лошади щипали траву у дороги. – Тут поблизости непременно должен быть какой-нибудь хейм. Уцелевший хейм, – тихо добавила она. – Вы сказали, что десять хеймов уничтожено, но ведь их было... семнадцать.

Пит проворчал что-то неразборчивое, король же сказал:

– У нас не регулярное войско, привыкшее воевать вместе с подругами из хеймов. Наши ребята пришли к нам прямо с полей и из отцовских лавок. Женщины, по их мнению, должны стряпать и шить – других они не видели. Если мы не хотим, чтобы они побросали свои новые мечи...

– Женщины из хеймов тоже умеют владеть мечом. И им есть за что...

– Есть тут недалеко один хейм, – вмешался Карум, достал из седельной сумки карту. Прислонив ее к боку своей лошади, он провел пальцем по извилистой черной линии. – Мы теперь где-то здесь...

– Вот тут! – ткнул пальцем Пит.

– Верно. А вот здесь находится хейм под названием М'дора.

– М'дора? – Дженна припомнила перечень, который на-

звала ей Катрона в начале их рокового путешествия: Селен, Калласфорд, Перекресток Вилмы, Джосс, Каламери, Карпентерс, Крисстон, Западная Долина, Аннвилл, Кримерси, Ларин Колодец, Саммитон, Восточный Хеймс, Джон-о-Милл, Картере, Северный Ручей, Нилл. Память о Нилле заставила ее стиснуть зубы. Но никакой М'дору там не было. – Никогда не слышала о таком хейме, – сказала Дженна.

– Это странное место, Дженна, – задумчиво ответил Карум. – Не такой хейм, как все прочие, – так, во всяком случае, сказано в книгах. Они откололись еще во времена первой Альты и построили свой хейм на неприступной скале. Подняться к ним можно только по веревочной лестнице. Они не имеют никаких сношений с мужчинами, никогда не посылали своих воительниц в армию и никогда...

– М'дору, – прервала его Петра. – От них и странницы никогда не приходили. Моя Мать Альта грозила, что, если мы не будем слушаться, она нас самих пошлет в М'дору, когда придет время странствий: «В горный хейм, где даже орлы не смеют гнездиться». Я думала, что это просто сказка.

– Может, и сказка – но на карте он отмечен, – сказал Карум.

– Едем туда, – решила Дженна. – Если он и правда существует, его воительницы пополнят наши ряды. А поскольку они с мужчинами дела не имеют, то и твоим людям беспокойства от них не будет.

– Плохо же ты знаешь этих парней! – засмеялся король. –

Они способны сотворить женщину из цветов, из листьев, из мечты. Весенняя лихорадка их никогда не покидает.

Дженна залилась краской.

– Никого там нет, – буркнул Пит. – Нечего тратить время на сказки.

– Сказки тоже откуда-то берутся, – заметил Карум. – Нет дыма без огня.

– Выдумал кто-то спяну, а все и поверили, – не уступал Пит. – Да и женщин там мало.

– Судя по карте, до них меньше дня езды, – сказала Дженна. – И ты сам сказал, что бойцы нам нужны. Если вам так дорого время, давайте поеду я. Я их уговорю.

– Кого – орлов, что ли? – бросил Пит.

– Ты имеешь слишком большую ценность, чтобы тебя отпускать, – задумался король.

– Я поеду с ней, – вызвался Карум. – Мы вернемся.

Король, сверившись с картой, сказал Дженне:

– Мы остановимся на ночь вот здесь. – Он указал на место, откуда дорога поворачивала к М'доре. – У тебя есть время до утра. Спать тебе не придется, но на Континенте говорят: «Красивый сон стоит ночного отдыха». Пит поедет с тобой, но Карум останется здесь.

Он знает, подумала Дженна. Знает про нас с Карумом. Эта мысль сначала смутила ее, а после рассердила, будто Горум как-то запятнал их тем, что знал.

Карум заспорил было, но Дженна это пресекла.

– Хорошо, пускай Пит. И Петра. Мне понадобится помощь жрицы, чтобы убедить их примкнуть к нам.

– Пит для защиты, девочка для уговоров, – улыбнулся король. – Ну и парочка.

– Защитить себя я и сама могу – а Пит нужен для того, чтобы ты не сомневался.

Горум, мрачно кивнув, протянул ей руку.

– Дай руку в знак того, что вернешься

– Я даю тебе мое слово. Кроме того, у тебя остаются те, кто мне дороже всего на свете. – Она указала на Джарета, Марека и Сандора, но не упомянула о Каруме. Значит, она сказала королю не всю правду – но, в конце концов, здесь не было ни Пинты, ни Амы, ни прочих женщин Селденского хейма, а они уж, конечно, ей дороже всех.

Король, если и заметил ее упущение, ничего об этом не сказал. Дженне пришлось дать ему руку в знак обещания и снова испытать холод его пожатия.

Дорога в М'дору на поверку оказалась узкой, заросшей тропкой. Если бы не Пит, они бы ее не нашли, да и он впоследствии не мог объяснить Мареку, как отыскал ее.

Все войско по команде короля расположилось лагерем на лугу. Выслали разведчиков, чтобы отыскать воду и осмотреть дорогу впереди, а Пит, Петра и Дженна свернули на М'дору.

Дженна оглянулась, чтобы посмотреть на Карума, но его не было видно. Она поехала дальше, размышляя о коварстве

мужчин, для которых любовь и память ничего не значат.

Вокруг стоял высокий густой лес. Были здесь и береза, и дуб, и терн, и лавр, и вовсе неизвестные Дженне деревья: одни с пятнистой корой, другие хвойные, а у третьих корни свивались на землю, как плохо заплетенная коса. Пестрые птицы чирикали на ветвях и с шумом разлетались прочь. Если здесь водились какие-то звери, то Дженна их не заметила, а Пит вел их быстрой рысью по ведущей в гору тропе, точно знал, куда едет.

Через пару часов тропа стала еще уже, так что пришлось спешиться и вести лошадей за собой, а после пропала совсем. Всадники привязали коней к деревьям и дальше пошли пешком. Пит карабкался все выше в гору, и скоро все трое уже дышали с трудом. У Дженны кололо в груди, но она в этом не сознавалась.

Пит явно умел ходить по лесу, но Петре в новых пышных юбках приходилось нелегко. Она то и дело цеплялась за колючие кусты, и спутники теряли драгоценное время, выпутывая ее.

Дженна только языком цокала с досады, радуясь, что хотя бы сама осталась верна своей кожаной одежке.

Наконец лес поредел, и впереди показалось открытое место. Путники оказались на широком плоскогорье, где вместо деревьев стояли гигантские скалы. Одни были как иглы, другие как лезвия мечей, третьи как кособокие башни – и все вышиной в сотни фунтов. Приходилось задирать голову,

чтобы взглянуть на их вершины.

– Стало быть, это правда, – отдышавшись, сказала Петра.

– Насчет скал правда, – согласился Пит, – что же касается хейма...

– Смотри! – воскликнула, Дженна. Далеко к северу, на самой широкой из скал, виднелось какое-то строение. Подойдя ближе, они разглядели, что там лепится целая куча деревянных галерей, увенчанных кровлями наподобие гигантских грибов. Никакой тропы или лестницы на скале не было видно.

– Но должны же быть какие-то ступеньки, хотя бы на той стороне, – шепнула Дженна больше себе, чем другим.

– Поглядим, – сказал Пит.

Они потратили еще два часа в меркнушем свете дня, чтобы обойти скалу кругом, но ничего не нашли.

– Как же они туда забираются? – недоумевала Петра.

– Может, они летают, как орлы, – предположил Пит.

– Или путешествуют под землей, как кроты, – добавила Дженна.

Но тут футах в двадцати от них что-то свалилось со скалы – это была веревочная лестница с деревянными перекладинами.

– Там наверху кто-то есть, – сказала Петра, заслонив рукой глаза.

– И этот кто-то знает, что мы здесь, – сказал Пит, вынимая меч.

Дженна удержала его руку

– Погоди. Это женщина. Наша сестра.

По лестнице кто-то спускался. Пит спрятал меч обратно, но продолжал держаться за него.

В густеющих сумерках было трудно разглядеть спускающуюся вниз фигуру. Она была плотной, и казалось, что на спине у нее горб. Быть может, здесь селятся только калеки – или полоумные? – подумала Дженна. Но потом ей вспомнилась Мать Альта из Ниллского хейма – слепая, шестипалая и параличная, но жившая вместе со всеми, а не отдельно. «Мы, женщины, не оставляем в беде своих близких, – подумала Дженна, – может, этот хейм сделан таким для защиты от врагов».

Тень сошла с лестницы и оказалась женщиной, что было ясно по ее плотному шерстяному корсажу, а горб у нее за спиной...

– Да это ребенок! – сказала Петра.

Дитя за спиной у женщины весело запищало, размахивая ручонками.

– Я Илюна, а вы кто будете? – осведомилась женщина.

– Я Пит, военачальник ко...

Женщина повернулась к нему спиной. Дитя, увидев его бороду, перестало смеяться и съежилось в своей котомке.

– Вы кто? – обратилась Илюна к Дженне и Петре.

– Я Петра из погибшего Ниллского хейма, будущая жрица.

– А ты?

– Я Джо-ан-энна из...

– Это Белая Дева, Анна, – объявила Петра. – Та, о ком возвестила Великая Альта, о ком говорит пророчество.

– Вздор! – Илюна поправила котомку за спиной.

– Что-о? – опешила Петра.

Дженне же Илюна сразу понравилась.

– Я сказала – вздор. Она такая же женщина, как ты или я.

Это даже в темноте видно. Но она пришла сюда даром.

– Так ты знаешь... – начала Петра.

– Иначе вы бы сюда не явились. Никто не приходит в М'дору просто так – только по делу или с известием. – Илюна взялась рукой за лестницу. – Пошли. Когда я поднимусь до половины, придержите лестницу и забирайтесь. Бородатый останется здесь.

– Я пойду с ними, – возразил Пит.

Илюна повернулась – ее лица нельзя было разглядеть в сумерках.

– Попробуй только – лестницу обрежут, когда ты будешь у самой верхушки, и ты брякнешься с высоты сто футов, а кости твои так и останутся лежать внизу. Ни один мужчина не войдет в М'дору живым. Если бы ты голодал, мы бы сбросили тебе хлеб. Если бы тебя ранили, мы послали бы к тебе лекарку. Но поднимись по этой лестнице – и мы скинем тебя вниз, не раздумывая. Можешь мне поверить.

– Мы верим, – поспешно сказала Петра.

– Я вернусь, Пит, клянусь могилой Катроны. И мы вместе возвратимся в лагерь, – пообещала Дженна.

Дождавшись, когда Илюна поднимется до половины, Петра полезла следом, цепляясь за хлипкую лестницу потными руками. Когда пришла очередь Дженны, стало совсем темно, и на небо высыпали звезды, не дающие света. Она перебирала перекладыны на ощупь. Легкий ветер швырял растрепавшиеся волосы ей в глаза. Дыша по-паучьи, как полагается при трудном подъеме, Дженна поднималась плавно, хотя не видела даже скалы перед собой. Лестница перестала трястись, и она поняла, что Петра добралась до вершины. Еще двадцать ступенек – и Дженна услышала сверху подбадривающие ее голоса. Последние ступеньки были прочными – железные кольца прикрепляли их к скале.

– Добро пожаловать, сестра, – сказал чей-то голос. Наверху стояла женщина с фонарем, освещая лестницу. – Или мне следует сказать – добро пожаловать, сестры?

– Спасибо, – сказал кто-то рядом с Дженной, – хотя темнота избавила меня от необходимости лезть с самого низа.

– Скада! – воскликнула Дженна, с удивлением увидев свою темную сестру на теневой лестнице сбоку от себя.

– Ну, Джен, что ты поддельвала в эти последние дни? – При свете фонаря на лице Скады ясно виднелась насмешливая улыбка.

Дженна невольно покраснела.

– Не надо краснеть из-за меня, сестра, – шепнула Скада. –

От него и правда хорошо пахнет.

– Скада! – шикнула Дженна, но тут же засмеялась. Конечно же, Скада знает все.

– Нет, не все, сестра, – словно читая ее мысли, засмеялась в ответ Скада. – В той комнате было очень темно, а свечей вы не зажигали. У меня есть только твоя память...

– Я никогда не стану зажигать свечей! Да и Карум этого не позволит!

– Гм-м, – протянула Скада, – а ты его спрашивала? – Но тут же засмеялась, видя смущение сестры, а Дженна вместе с ней.

– Поднимайтесь, сестры, – поторопила их женщина, – на лестнице беседовать неудобно. Разделите нашу трапезу. Она проста. Но на вас троих достанет.

– Еда! – вскричала Скада. – Да я умираю с голоду!

Они взобрались наверх, и женщина повела их в дом. Хейм, увешанный теперь легкими фонариками, которые покачивались на ветру, был построен из камня и дерева так, чтобы наилучшим образом прилепиться к скале. Но камень – это не земля, где можно воздвигнуть все что угодно, и строителям пришлось приспособливаться к выступам и трещинам. Поэтому здание, на взгляд Дженны, вышло причудливым, и даже в одной комнате встречалось по несколько ярусов.

В трапезной этих ярусов было три. На самом верху располагался большой стол, вокруг которого стояло больше двух

десятков стульев. Пониже помещалось с полдюжины столов поменьше с четырьмя – восемью стульями у каждого, а в самом низу стояли кухонные столы с едой. Подойдя поближе, Дженна разглядела, что столы и стулья сколочены из мелких кусков дерева.

Блюда подавались большей частью знакомые: яйца вкрутую, лесные травы, грибы, жареная зайчатина и птица – но были и ягоды, незнакомые Дженне, и пироги с начинкой странного цвета. Вино отсутствовало – здесь пили только воду да голубоватое снятое молоко.

– А как же Пит там, внизу? – спросила Дженна.

– Мужик что скотина – пусть пасется, – сказала одна из женщин.

– Будь он голоден, мы бы сбросили ему еду, – сказала другая, – но Илюна говорит, что он не похож на голодающего. – Она выпятила руки перед животом и рассмеялась.

Остальные подхватили ее смех, поднимаясь с полными тарелками к большому столу. Дженну, Скаду и Петру тоже снабдили едой. Когда все расселись, хозяйки представились гостям, но так быстро, что даже Дженна никого не запомнила.

– Итак, – сказала Шеллина, женщина с фонарем, одна из немногих, чье имя застряло в памяти у Дженны, – какую весть вы принесли нам?

– Я .. – начала Петра, но Дженна и Скада остановили ее, придерживав за руки.

– Мы из разных хеймов, но весть у нас одна, – сказала Дженна. – Мы возвещаем о войне. – Она сняла с мизинца кольцо. – Это дала мне Мать Ниллского хейма.

– Моего хейма, – тихо добавила Петра.

– Перед тем как Мать и все прочие сестры погибли от руки мужчин, – сказала Скада.

– От руки людей Каласа, – поправила Дженна и продолжила в полной тишине: – Мать Альта велела мне идти из хейма в хейм и везде говорить: «Близится последний срок». Она сказала, что Матери хеймов поймут, что это значит. Но вы...

– И Дженна опустила глаза, охваченная воспоминаниями.

– Что мы? Продолжай, дитя, – мягко сказала Феллина.

Тронутая этим ласковым обращением, Дженна обвела глазами стол. Лица были незнакомые, но чем-то родные, как лица сестер Селденского хейма. Дженна сделала вдох латани, медленно сосчитала до десяти и заговорила:

– Ваш хейм пока что – единственный уцелевший, который мне удалось найти.

– В скольких же ты побывала?

– В двух. Но...

– Но нам сообщили, что погибло десять хеймов, – подхватила Петра.

– А сколько их всего?

– Семнадцать.

– С М'дорой будет восемнадцать, – добавила Скада.

– М'дору никто не считает, – сказала Илюна. Она отвязала

ребенка со спины с помощью своей темной сестры и качала его на руках.

– Да, до вчерашнего дня я ни разу не слышала о М'доре, – призналась Дженна.

– Я слышала, но думала, что это сказка, – сказала Петра.

– Десять. Десять хеймов погибло. – Эта весть, быстро оббежав вокруг стола, достигла даже женщин, сидящих внизу, и они, поднявшись на четыре ступеньки, стали рядом со своими сестрами.

Дженна дождалась полной тишины и заговорила громко и раздельно, как король у ратуши Новой Усадьбы. Это был ее народ, и пришел ее черед говорить.

– Меня называют Белой Девой, Анной, хотя я на это и не напрашивалась. Верите вы в это или нет, поверьте тому, что я скажу вам. Идет война. Мужчины воюют с женщинами и с другими мужчинами, но женщины страдают все равно. Что-то кончается, как и сказано в пророчестве. Не знаю, конец ли это света, но миру хеймов уж точно приходит конец.

– Они гибнут безвозвратно, – промолвила Петра. – Продолжай, Дженна.

– Нельзя позволить этому миру погибнуть, не попытавшись удержать хоть немного. Должно остаться что-то из учения Великой Альты. Должно остаться место для сестер и в новом мире.

– Сестры плечом к плечу, – сказала Илюна, и эхо побежало вокруг стола.

– Что же ты хочешь от нас? – спросила соседка Илюны.

– Спуститесь из своего уединенного хейма. Сражайтесь бок о бок со мной, как поется в старых балладах. Не одни же мужчины должны драться за нас. Если они будут сражаться одни, победа тоже будет принадлежать им.

– Ты хочешь, чтобы мы покинули свое убежище и умерли среди чужих? Среди мужчин? – откликнулись несколько голосов и сами же ответили: – Нет!

– Нет! – загремело вдоль всего стола. Дженна не видела, кто издает эти крики.

– Скажи за всех, Мальтия, – попросил кто-то. Какая-то женщина поднялась на том конце стола вместе со своей темной сестрой – обе высокие, с черными, седыми внизу косами, словно макушки у них были моложе концов волос. Через весь стол они уставились на Дженну.

– Я – Правдивый Голос этого хейма, – сказала наконец одна из них, – а это моя сестра Тессия.

Дженна со Скадой кивнули.

– У нас нет Матери Альты, как у вас, – продолжила Мальтия. – Нет единоличной правительницы. Я – Правдивый Голос, но иной властью не обладаю. Когда-то давно мы откололись от ложного учения Альты и поселились здесь, на чистом воздухе, среди орлов, поклоняясь единственной, истинной Альте. Она ждет нас в своем зеленом чертоге, ибо сказано: «Во всяком конце содержится начало», и еще: «Там, где все стоят рядом, нет высших и низших».

– Дженна, – шепнула Петра, – да ведь и гренны этому учат. Дженна поджала губы и встала рядом со Скадой.

– Нам доступно больше, чем ты думаешь, Правдивый Голос. Мы были в этой роще вместе с Зеленым Народцем. Мы стояли в их кругу. Мы видели и чертог, и колыбель.

– Ах-х! – пронеслось вокруг стола.

– Но... – Дженна многозначительно помолчала, – там были не только мы, женщины. Мужчины тоже. Петра, я и... – Теперь Дженна умолкла уже без умысла.

– И твоя темная сестра? – подсказала Тессия, чье лицо в отличие от Мальтии выдавало хитрость.

– В той роще нет теней, – спокойно ответила Дженна, – хотя ты надеялась, что память мне изменит и я отвечу «да».

– Ах-х!

– Что за мужчины были там с вами? – внезапно спросила Илюна.

– Илюна! – одернула ее Тессия. – Не забегай вперед Правдивого Голоса.

Илюна сжалась, прижимая ребенка к груди, словно щит.

– Кто были эти мужчины? – как ни в чем не бывало повторила Мальтия. – Тот пузатый бородач, что остался внизу, тоже был среди них?

На миг Дженна заколебалась, не солгать ли, сказав, что Пит был с ними, – это могло помочь и ему, и их общему делу. Но она отбросила эту мысль как недостойную – недостойную тех, кто слушал ее, и самого Пита. Как-никак она говорила с

Правдивым Голосом, а значит, и сама должна была придер- живаться правды. Поступить иначе означало бы стать на од- ну доску с королем.

– Нет, – ответила она, глядя прямо на Мальтию, – с нами были не взрослые мужчины, а мальчики. Одному Альта дала корону, другому браслет, а третьему... – Дженна поднесла руку к горлу, на миг лишившись дара речи.

– А третьему – ожерелье? – спросила Мальтия.

– Да! – прохрипела Дженна. – И он из-за этого онемел.

– И хорошо, что он не может произнести страшную прав- ду, – сказала Тессия. – Это обрекло бы на гибель всех. Прав- дивый Голос говорит всю правду, которую может вместить человек, но он лишь тень Герольда.

– Так вы знаете... – начала Скада.

– Их трое, – сказала Мальтия. – Трое Юных Герольдов. Вестников. Мы это знаем, но откуда это известно вам, после- довательницам ложной Альты? Это превышает мое понима- ние. Об этом не сказано нигде, кроме Второй Книги Света.

– Вторая Книга? – прервала Петра. – Никакой Второй Книги нет.

– Это книга М'доры, – сказала Мальтия. – Ее написала сама истинная Альта, когда покинула свою рощу и пришла в эту горную твердыню, чтобы построить убежище, куда даже орлы не смеют залетать.

– Куда даже орлы не смеют залетать... – шепотом повто- рила Петра. – Дженна, Альта говорила, что к ней в рощу при-

ходили не только мы.

Мальтия и Тессия тяжело опустились на свои места.

– Мы должны подумать.

– Нет у нас времени на раздумья! – вскричала Скада, стукнув кулаком по столу. – Пора действовать. Надо спуститься вниз и вернуться к нашему войску до восхода солнца.

– Скада! – с укором произнесла Дженна, хотя сестра сказала лишь то, что она сама боялась сказать.

Но Мальтия и Тессия уже не слышали их – закрыв глаза ладонями и дыша способом латани, они погрузились в размышления.

Илюна внезапно поднялась вместе со своей темной сестрой, прижимая ребенка к груди, и объявила:

– Я пойду с ними, даже если никто больше не пойдет.

– И я! – воскликнули хором две длиннолицые молодые женщины.

– И я! – медленно встала с места пожилая женщина с глубокими морщинами от носа до рта. Вместе с ней встала другая, с морщинами, больше похожими на тени.

Мальтия подняла глаза.

– Подождите! Быть может, этот конец и это начало к нам не имеют отношения. Не торопитесь. Вспомните: «Кто встанет слишком рано, может вымокнуть в росе». Не подвергайте М'дору такой купели.

– Где другие знаки? – поддержала Тессия. – У нас есть только один, да и он может быть скорее желаемым, чем на-

стоящим.

– Ты говоришь правду, – сказала пожилая женщина, – как подобает темной сестре Правдивого Голоса. Но Белая Дева знает о Трех Герольдах. Этого довольно.

– В Книге сказано ясно: «Одно не составит множества», – тихо возразила Мальтия.

– Каких еще знаков вы ждете? – спросила Скада. – Скажите нам.

– Стало быть, ты их не знаешь, раз спрашиваешь, – засмеялась Тессия.

– Что это за знаки, Правдивый Голос? – поднялась Петра. – Мы видели их много, но не знаем, о каких говорите вы. Мы готовы отдать вам все, но поделитесь и вы с нами хоть немного. – Голос ее звучал сильнее, чем помнилось Дженне, гораздо сильнее, чем в Селденском хейме.

– Кто поручил ей это? – шепнула Мальтия, а Тессия повторила громогласно:

– Кто поручил Белой Деве делать то, что она делает?

Петра на миг закрыла глаза, и Дженна увидела чуть ли не воочию, как работает ее память. Потом глаза Петры открылись, и она устремила взгляд в окно, мимо Мальтии.

– Моя Мать поручила ей. Моя Мать с шестью пальцами на каждой руке, которая видела без глаз и стояла...

– ...без ног, – дрожащим голосом закончила Мальтия. – Которая говорила без голоса...

– Без голоса?! – шепнула Дженна Скаде. – Это еще что,

во имя Великой Богини?

– Вприщурку, Дженна, – шепнула в ответ Скада. – Тихо. Они наши.

Все женщины повскакивали на ноги, повторяя за Мальтией ее небывальщину. Воздух уже потрескивал, точно перед грозой – так казалось Дженне.

– ...и была рождена без отца. Она укажет Единственную. – Мальтия простерла руку к Дженне. – Ты – Единственная. Прости, что мы не признали тебя.

Дженна кивнула – не столько прощая, сколько с облегчением, но этого никто не заметил.

– Мы готовы, – сказала Мальтия. – М'дора завершит эту ночь, как предсказано в Книге, а последующее мы напишем вместе.

Остаток короткой ночи ушел на сборы. Женщины брали с собой мечи, деревянные щиты, котомки с едой. В хейме было всего трое младенцев, собранных, как сказали сестры, со всей округи вплоть до Торга, где бы он ни находился. Приемные матери привязали их себе за спину.

– Где стоит ваше войско? – спросила Мальтия, укладывая корзину.

– В том месте, где дорога из М'доры выходит на дорогу к Новой Усадьбе, – сказала Дженна. Видя, что никто ее не понял, она начертила карту пальцем на полу.

– А-а, Новая Усадьба, – сказала Илюна. – Мы ее зовем Торгом. У нас туда ходят только самые молодые – доставать

то, чего у нас нет.

– Что же может быть в вашем орлином гнезде? – спросила Петра.

– Мы охотимся и разводим птицу. У нас есть сад, – сказала Мальтия.

– Где? – спросила Дженна. – Мы никакого сада не видели.

– Он у нас хорошо укрыт от посторонних глаз, – улыбнулась Тессия.

– А детей вы, значит, берете в Новой Усадьбе – в Торге? – спросила Петра.

– Мы берем только брошенных, ненужных, нелюбимых, – ответила Илюна.

«Как я», – подумала Дженна.

– Как моя Скиллия, – сказала Илюна. – У нее нет одной руки.

«А у меня были обе, – подумала Дженна, – и все-таки от меня отказались».

– Они знают, что мы возьмем то, что им не нужно, – сказала Тессия, – и оставляют рядом с младенцами деньги или зерно. Если они оставляют вино, мы его не берем. В Книге ясно сказано: «Сок винограда – это медленная смерть».

– И они никогда не говорят о М'доре, – добавила Мальтия. – Мы уносим прочь их позор, а они делают вид, будто нас вовсе не существует. М'дора для них точно сказка. Им кажется неестественным, когда женщины живут одни.

– Они не признают нас, но все-таки оставляют нам дань

из своего скудного урожая, – сказала Тессия.

– В других хеймах дело обстоит точно так же, – засмеялась Скада. – Это еще не причина, чтобы затвориться так, как вы, сестры.

– Наша Альта запретила нам всякое общение с мужчинами до пришествия Трои. Ваша же Альта жила среди мужчин и заключала с ними сделки. Наша Альта сидит в кругу – ваша на троне. Наша...

– У Альты много лиц, – прервала Петра, – но, в конце концов, мы все будем лежать у ее груди. Разве не так?

– Да, в конце концов – и в начале начал. Когда вы пришли, мы поняли, что это конец. Потому мы и покидаем М'дору, это высокое священное место. – Лицо Мальтии выражало бесконечное уныние.

Дженна посмотрела кругом. У всех женщин, завершающих свои сборы, были такие же скорбные лица. Словно они оплакивают смерть, подумала она, – смерть своей М'доры.

Сестры подожгли свой хейм, передавая друг другу факел, – эту скорбную обязанность должны были разделить все. Это сопровождалось жалобным пением:

Вышли из тьмы ненастья.
Из дальних буковых рощ,
Вышли из пламени страсти —
К высям гранитных толщ.
Снова уйдем в ненастье.
Снова – под буковый кров,

Ибо лишь в пламени страсти
Сходит на землю любовь.

А после, гонимые пламенем пожара, они сбросили с утеса целую дюжину лестниц и стали спускаться.

За краем обрыва, куда огонь не отбрасывал тени, Скада и другие темные сестры исчезли, и количество женщин уменьшилось вдвое. Ни разу за последние дни Дженна не чувствовала себя такой одинокой.

Внизу, скрестив руки, ждал Пит – как будто простоял так всю ночь.

– Что это за огонь? – спросил он, как только Дженна ступила на землю. – Все небо в зареве. Я уж хотел лезть наверх, да не нашел опоры.

– Это горит М'дора. Вот все, что я могу сказать. И в войско Пайка придет еще сто воинов.

– Я насчитал только половину.

– Когда взойдет луна...

– До полнолуния еще долго.

– Тогда их число удвоится.

– Ну а до тех пор?

– До тех пор придется обходиться теми, кто существует при свете дня. В этом орлином гнезде больше никого не осталось.

Пит кивнул и повернулся было к женщинам, но Дженна его удержала:

– Погоди, Пит. Они не станут слушать никого, кроме меня.

– Королю это не понравится.

– Придется ему с этим примириться. – Дженна махнула рукой, и женщины последовали за ней через каменистую равнину. Никогда еще Пит не видел такого тихого войска. Даже трое малюток за спинами своих матерей не подавали голоса.

Дойдя до места, где они оставили лошадей, Пит сел верхом, но Дженна и Петра остались пешими.

– Поезжай вперед, Пит, и скажи королю Горуму, что мы ведем с собой двенадцать дюжин женщин.

– Ну нет, я вас не брошу.

– Так надо – иначе мы не успеем к сроку. – Пит согласился, и Дженна сказала, положив руку ему на колено: – И еще, верный Пит, у меня есть поручение для тебя одного. Король не должен знать об этом.

Пит нагнулся, придерживая поводья правой рукой, и Дженна прошептала:

– Эти женщины пошли с нами не потому, что верят в меня, а потому, что верят в трех герольдов, трех посланников своей Альты. В герольдов, которые носят на себе корону, браслет и ожерелье.

– Мальчишки... – произнес Пит.

– Так вот, скажи им об этом. Предупреди их.

– Скажу.

– И еще. – Дженна замялась. – Скажи Каруму, что я...

– Он знает, девочка.

– Знает?

– Как и я. Мы все знаем. Что ж у нас, глаз нет? А Кошка знала еще раньше тебя.

– Ну, уж раньше меня никто не знал.

– Первый раз самый трудный, – усмехнулся Пит. – И самый дорогой. И самый лучший. – Он посмотрел на Дженну так, будто простил ей все, выпрямился, тряхнул поводьями и скрылся в лесу.

Дженна долго еще слышала, как скачет его конь.

У пеших женщин ушло на дорогу еще несколько часов. Дженна примечала впереди следы Пита и надеялась, что он уже добрался до короля, ибо солнце уже проглядывало сквозь ветви. За ними оставался куда более заметный след.

– Войско не может пройти по лесу незамеченным, – пробормотала Дженна.

– Не след, а целая дорога, – согласилась Петра.

– Какая разница, что остается за нами? Главное то, что лежит впереди. – Глаза Илюны сверкали от волнения.

– Впереди у нас война, – заметила Дженна, – многие погибнут на ней. – Она непроизвольно охватила пальцами рукоять меча, вспомнив ощущение разрушаемой человеческой плоти, и содрогнулась. – Очень многие.

Петра крепко сжала ее руку.

– Но многие и выживут, Дженна. Ты должна помнить, что

после конца приходит начало. Так предсказано.

– Предсказания нужно читать вприщурку, Петра, как мне часто твердили в последнее время.

И они продолжили путь.

Они уже прошли лес до половины вслед за Питом, когда Дженна вскинула руку. Женщины остановились, как одна, и стали прислушиваться.

– Слышите? – спросила Дженна.

– Но что? Я слышу только птиц и ветер в листве, – сказала Петра. – Ага, еще ребеночек смеется.

Илюна через плечо сунула малютке свой палец, и та принялась его сосать.

– Теперь дитя утихло, – сказала Петра, – и птицы тоже.

– Нет, другой звук. Он глубже и не имеет отношения к лесу.

– Да, я слышу. – Илюна подошла к Дженне. – Но это не один звук. Их несколько – высоких и низких. И это не лесные звуки. Я часто охотилась здесь и знаю.

Мальтия и еще несколько женщин приблизились к Дженне, тихо ступая по опавшим листьям и сухим веткам. Одна ветка все-таки хрустнула – очень громко в полной тишине. Женщины обступили тесным кругом Дженну, Петру, Илюну и лошадей и замерли, обратившись в слух.

– Ну вот, слышите? – спросила через некоторое время Дженна.

– Да, – сказала Мальтия, а остальные закивали.

– Знаете, что это такое? – глубоко вздохнув, сказала Дженна. – Я, кажется, знаю. Это сталь лязгает о сталь и кричат мужчины. Я не раз слышала это во сне. Там идет бой – а меня нет с ними. Надо ехать. – И Дженна положила руку на Долга.

– Я с тобой, Дженна, – сказала Петра.

– Нет, Петра. Ты не владеешь мечом, и этим женщинам ты нужнее.

– Зачем я им, Дженна? Они знают этот лес лучше, чем я.

– Ты лучше знаешь мир, Петра, – и должна им показать. Поспешите. Да возьми вот это. – Дженна сняла с пальца кольцо жрицы и надела на руку Петре. – У тебя есть карта хеймов, а теперь и кольцо. Если со мной что-нибудь случится, обойди остальные хеймы – пусть женщины М'доры идут с тобой.

– Ничего с тобой не случится. Ты Анна.

– Я, прежде всего Джо-ан-энна – а с ней может случиться что угодно. – Дженна села на коня.

– Нельзя же идти в бой одной.

– Я буду не одна. Мужчины уже сражаются, а там и вы подспеете. Притом у нас только две лошади, а верхом ездить умеешь только ты.

– Я тоже умею! – крикнула Илюна. – Я как-то раз ездила. Дай мне ремешки, – сказала она Петре.

– Ремешки?

– Она хочет сказать – поводья. – Дженна натянула свои, и Долг взвился на дыбы, едва не сбросив ее. – Да возьми у

нее дитя.

– Я не расстанусь с моей Скиллией. Разве у сестер твоего хейма не так заведено?

Дженна, кивнув, успокоила Долга, а Мальтия, Петра и еще две женщины подсадили Илюну на другую лошадь. Садиться в седло Илюна за свой единственный урок не успела научиться. Но на лошади она держалась крепко, то ли благодаря умению, то ли страху. Дженна повернула Долга вправо и сказала женщинам:

– Шагайте как можно скорее. Ваши мечи там лишними не будут. Король хотел дать решительный бой, но людей у него пока недостаточно. Эту битву ему, как видно, навязали. Мы с его братом хотели уговорить его прибегнуть к хитрости – мышинная смекалка против кошачьих когтей. Будем надеяться, что не все мыши еще перебиты.

Мальтия положила руку на шею Долга.

– Но если там одни мужчины, как мы узнаем, где свои, где чужие?

Этот простой вопрос поставил Дженну в тупик. В самом деле, как? Для этих женщин все мужчины – враги. Как отличишь в бою одного от другого?

– Тот, кто будет нападать на тебя, Правдивый Голос, – твой враг. Тот, кто встретит тебя с радостью, – свой, – сказала Петра.

Дженна кивнула, но этот ответ ее не совсем удовлетворил – ей вспомнились слова женщины из Новой Усадьбы: «Него-

же это, когда девушки наряжаются мужчинами и играют в войну. У нас такого не водится». Вслух она сказала:

– Петра права. Помогайте тем мужчинам, которые встретят вас, как своих. – И она, ударив Долга каблуками, послала его вперед.

Лошадь Илюны побежала следом. Илюна крепко вцепилась в поводья, а малютка подпрыгивала у нее за спиной, весело махая ручонкой пешим.

Они быстро продвигались по лесу, следуя на звуки битвы. Дженна проклинала себя. Застолье в М'доре, споры и уговоры, медленный поход через лес – все это, как нарочно, помешало ей поспеть к началу боя. Пусть она всего лишь лишний меч – этот меч мог бы спасти жизнь Джарету, Мареку или Сандору. О Каруме она не позволяла себе думать, именуя его мысленно Длинным Луком, словно он был рядовым воином короля, и что есть мочи погоняла Долга.

Наконец лес расступился, и шум битвы оглушил их. Дженна осадилла коня, увидев прекрасную еще недавно поляну. Илюна последовала ее примеру.

На левом краю луга, под деревьями, трое наседали на одного. Он всю махал тяжелым мечом, удерживая их на расстоянии. В середине поля сцепились в схватке около тридцати человек – они давно растеряли свои мечи и тузили друг дружку кулаками и коленями. Справа, где бродили потерявшие всадников кони, стояли плечом к плечу, с мечами наголо, около дюжины воинов. В кругу, образованном ими, ле-

жало несколько их павших товарищей. Один из них перевязывал раны другому. Все поле усеивали тела – ив мундирах, и в обычной одежде. Дженна с тревогой искала глазами винно-красный камзол. Таких было несколько, но она находилась слишком далеко, чтобы разглядеть их владельцев.

Отпустив поводья, она прошептала:

– Опоздали. Опять опоздали. Гренны были правы. – Бессильно уронив руки, она впала в какое-то странное оцепенение.

Но Илюна прищпорила лошадь и понеслась к рощице, где один человек отбивался от троих, крича на скаку:

– М'дора!

Трое разбежались в разные стороны. Илюна, натянув поводья, соскочила наземь и хотела сказать что-то большому воину, которого спасла. Он же на глазах у Дженны поднял свой меч и вонзил его в грудь Илюны. Она упала, успев в последний миг повернуться на бок, чтобы не придавить ребенка за спиной. Мужчина сел на нее верхом и загоготал – Дженна слышала его через все поле.

Вялое безразличие уступило вдруг напору ледяной силы. Выкрикивая имя Илюны и молотя Долга каблуками, Дженна помчалась к роще.

Мужчина ждал ее, ухмыляясь. Уже на полпути она узнала его, и охвативший ее ледяной холод сменился жаром. Ей вспомнились слова Альты: «Память для тебя главное, Дженна». Она вспомнила пожар на вершине скалы, и этот огонь

влился в ее жилы. На лбу и под мышками выступил пот.

У самой рощи она спрыгнула с коня. Долг метнулся вправо, Дженна откатилась влево и тут же вскочила с поднятым мечом, дивясь тому, что ее жар до сих пор не сжег врага.

– Ну что, Альтина сучка, теперь у тебя хватит духу сделать то, чего ты не сделала раньше? Хотя мои руки теперь развязаны? – Держа меч обеими руками, он вскинул его над головой и с ужасающим свистом рассек им воздух. Меч был намного тяжелее, чем у Дженны, и кровь Илюны еще не высохла на нем, но мужчина, похоже, орудовал им с легкостью. Дженна не надеялась победить его в единоборстве – тут нужна была хитрость, а не огонь в жилах, хитрость мыши против кога.

Что-то зашуршало в траве позади нее, но она не стала оглядываться. Должно быть, это те трое, что разбежались при виде Илюны. Они дрались с Медведем – значит, свои.

– Назовитесь, – крикнула им Дженна, не сводя глаз с Медведя

– Анна, это я – Марек.

– И Сандор.

Сдавленный звук сказал Дженне о том, что третий – это Джарет. Так они живы – все трое!

– Слава Небесам, – прошептала она, а вслух сказала: – Молодцы, мои мальчишки!

– Мальчишки и есть, – отозвался Медведь. – Щенки! Но меня бы и трое взрослых псов не свалили – и мать их сука

в придачу.

Один из парней за спиной у Дженны ахнул и рванулся вперед.

– Нет! – крикнула она. – Пусть сотрясает воздух сколько душе угодно. Не кидайтесь на него – у него длинный меч.

– Еще какой длинный, – подтвердил Медведь. – Вот перебью щенков, а потом преподам урок суке. Ты его надолго запомнишь – на всю оставшуюся жизнь. – Медведь снова зареготал. – Ну, стало быть, не так уж надолго.

– Анна... – сказал Сандор.

– Нет. Я потом расскажу вам сказку, которую слышала от Ка... от Длинного Лука. Про кота и мышку. А сейчас я напомним вам про греннов и про то, как они живут.

– О чем это ты... а-а! – Кто-то, видимо, пихнул Сандора в бок – не иначе как Джарет. Джарет понял ее сразу.

Парни стали широким кругом – без высших и низших, без ближних и дальних. Джарет молча направлял их – все, как у греннов.

До слуха Дженны, не сводившей глаз с Медведя, донесся новый звук. По звуку и по тому, как расширились глаза Медведя, она предположила, что свалка в середине поля наконец рассыпалась или круг воинов с мечами одержал победу. Число окружавших Медведя удвоилось – если бы хоть у кого-то остались стрелы, он был бы уже мертв.

– Слушайте Джарета, – предупредила Дженна. – Не лезьте Медведю под меч.

– Сюда, щенки, сюда, большие псы, – подзадоривал Медведь. – Надо же кому-то напасть первым. Пусть кто-нибудь наберется смелости и покажет другим, как надо умирать. – Он все время поворачивался, водя мечом слева направо. – Ну, кто первый? Ты, в красивом зеленом ошейнике? Или ты, голенастый? Или Альтина шлюха? Давай! Я отрежу твою белую косицу и привяжу на шлем. – Он обращался ко всем сразу, но воины, памятуя слова Дженны, не приближались к нему.

– Пусть устанет, – сказала Дженна. – Не позволяйте ему сразить еще кого-то из нас.

– Ну нет, я не устану, – откликнулся он. – Я вас всех одолею.

Если она надеялась вынудить его сделать ложный шаг, он был для этого слишком хитер и опытен. Он продолжал кружить вокруг тела Илюны, не оступаясь и не спотыкаясь об него, а иногда пинал убитую, как бы желая показать, что скоро расправится с ними со всеми по очереди.

Дженна начала входить в его ритм. Катрена учила ее следить за ритмом движений животных в лесу. Следи за шагом и за манерой, наставляла Катрона. Только так охота может закончиться успешно. Это тоже охота, подумала Дженна, – охота на Медведя.

Как же он работает мечом, Медведь? Финт, финт, финт – выпад. Финт, финт, выпад. И каждый раз перед выпадом едва заметное сокращение его правой руки предвещает удар.

Дженна понаблюдала еще несколько минут, чтобы увериться, не забывая удерживать мужчин на расстоянии. Ожидание давалось им тяжело, но и Медведю приходилось не легче.

Когда он на миг повернулся к ней спиной, она пригнулась и достала нож из-за голенища. Несколько человек в кругу видели это, и один невольно вскинул брови. Это насторожило Медведя, но он не понял, в чем дело. Потом он повернулся к Дженне, увидел нож и ослабился, уверенный, что угадал ее намерение. Его плечо дернулось, но она, вопреки его ожиданиям, метнула меч острием вперед, как при игре в прутья.

Медведь, хоть и не ожидал этого, отбил меч рукой и снова изготовился. Но в это время Джарет, следивший за каждым движением Дженны, тоже метнул свой меч. Он никогда не играл в прутья и не знал, как надо уравнивать тяжелую витую рукоять. Меч полетел косо и попал в грудь Медведю эфесом. Медведь со смехом поймал его левой рукой.

Но в тот же миг взвилась в воздух Дженна. Не успел Медведь поднять ни один из мечей, как она обрушилась на него и вогнала ему нож между глаз. Он повалился навзничь, увлекая за собой Дженну. Она повернула нож вправо, и он заскрежетал о кость. Правая рука Медведя, все еще сжимавшая меч, сама собой поднялась вверх. Кто-то из мальчиков вскрикнул, и Дженна понадеялась, что Медведь никого не задел.

Глядя в лицо Медведю, она видела, как стекленеют его глаза. Было что-то ужасающе знакомое в этом скрежете но-

жа о кость и в меркнувших человеческих глазах, глядящих на нее, – но она не могла вспомнить, когда испытывала это прежде.

– За Катрону! – прошептала она в его обвисающий рот. – За Илюну. За всех женщин, которых ты убил. – Его тело под ней затрепетало, застыло и расслабилось, и на нее последний раз пахнуло его нечистым дыханием.

Дженна медленно поднялась и еще медленнее вытерла свои окровавленные руки о камзол. Ее трясло, как в лихорадке. Джарет обнял ее, но дрожь не унялась.

Тогда она услышала чей-то тоненький крик, от которого резало уши.

– Скиллия! – шепотом сказала Дженна, и ее дрожь мигом утихла. – Бедняжка. Теперь ты моя.

Она отвязала девочку от спины Илюны и прижала к себе, но дитя не унималось, продолжая плакать без слез.

– Пусть поплачет, – сказала Дженна. – За один день она лишилась и дома, и матери. Если уж из-за этого не плакать, то из-за чего же тогда?

– Да она просто голодна, – рассудил Сандор.

– Или мокрая, – добавил еще кто-то.

Дженна, не слушая их и держа ребенка на левой руке, шла через поле, мимо мертвых и умирающих.

На ходу она вглядывалась в их лица. Большею частью это были мальчишки из Новой Усадьбы, встретившие смерть в своих ярких нарядах и при новеньких мечях, так и не выну-

тых из ножен. Среди мертвых почти не было знакомых лиц, но ей от этого почему-то стало еще грустнее – ведь эти мальчишки умерли, так и оставшись ей чужими, без единого слова утешения. Она давно пообещала себе не плакать по мертвым, но не могла удержаться и плакала тихо, чтобы никто ее не слышал. Девочка, видя ее слезу, перестала кричать и стала ловить слезу, бегущую по щеке. Дженна поцеловала крошечную ручонку.

Карума среди павших не было. Дженна убедилась в этом, прежде чем подойти к воинам с мечами, теперь разомкнувшим круг. Один вышел ей навстречу, и она узнала Джилеаса со шрамом на глазу.

Он поприветствовал ее и торопливо сказал:

– Анна, идем скорее. Король умирает.

– А его брат? – тихо спросила Дженна, разглядев чьи-то еще тела в кругу. – Карум Длинный Лук? С ним что случилось?

– В плену! – ответил Джилеас. – Как и многие другие. Они протрубили победу, дуя в свои проклятые роги, взяли пленных и ушли, бросив своих убитых и тех, кто еще продолжал драться.

В плену! Это не умещалось у нее в голове. Она повторяла это снова и снова, но никак не могла понять. В плену!

Солдат подвел ее к Горуму, лежавшему на коленях у Пита. Губы короля окаймляла засохшая кровь, и он больше не улыбался. Чего бы Дженна не отдала теперь за его волчью улыбку!

– Пайк, – шепнула она, убеждаясь, что прощать очень легко, и опустила рядом с ним на колени. Дитя у нее на руках заворковало и потянулось к королю.

Горум, все так же без улыбки, поднял руку и потрогал растопыренные пальчики.

– Дженна, – сказал он тенью своего бывшего голоса. – Найди его. Найди Карума. Приведи его ко мне. Я должен ему сказать. Теперь он будет королем.

Дженна удивленно подняла глаза.

– Разве ему не сказали?

Пит покачал головой.

– Что не сказали? – Былой огонь вернулся к королю и тут же угас.

– Что Карум...

Пит приложил палец к губам.

– Что Карум... еще сражается. Храбро сражается. Не только луком, но и мечом.

– Выходит, я ошибался. Из него получится славный король. – Горум прикрыл глаза и тут же открыл их снова.

– Пока ты жив, ты король, – шепнула ему Дженна. – Ты еще долго будешь жить. Я знаю.

– Ты девушка из пророчества, но сама не пророк. Я уже мертвец. Король... – Он закашлялся, и свежая кровь, пенясь, выступила у него изо рта. – Король знает больше других, потому-то он и король. – На этот раз ему удалось улыбнуться. – А из тебя, Дженна, выйдет славная королева. В этом я был

прав, хотя в другом и заблуждался.

– Заблуждался? В чем же?

– Тише, побереги дыхание, – вмешался Пит.

– На что оно мне? Не хлопочи, как глупая нянька. Я должен ей сказать. – Король хотел приподняться и снова повалился на руки Питу. – Я был неправ. Нет у нас такого войска, чтобы выйти против Каласа, и никогда не будет. Вспомни сказку о коте и мышке, которую мать... он тебе рассказывал? У меня, боюсь, дыхания не хватит.

– Рассказал.

– Так помни же... – еле слышно прошепел король.

– Я помню.

– Ты и правда вестница конца – по крайней мере моего. – Его глаза закрылись.

– Я убила Медведя, – прошептала Дженна, уверенная, что говорит с мертвым.

– Как же иначе, – сказал король, не открывая глаз. – Это было предсказано. – И больше он не шелохнулся.

Они еще долго сидели так. Пит держал короля на руках, и все молчали, разве что кашель нарушал тишину. Дитя, устав лепетать, уснуло, и Дженна осторожно уложила его рядом с Горумом.

– Скончался, – сказал наконец Пит.

Нет больше короля, твердила про себя Дженна. И Карума нет. Один умер, другой пропал. Обоих нет. Она хотела сказать что-то, но Сандор закричал:

– Глядите-ка, целое войско! Там, в лесу.

– Тише, ты, – сказала Дженна. – Это женщины, сестры из М'доры. Не видишь разве – Петра впереди?

– Гляньте-ка, бабы! – воскликнул мальчишеский голос, и воины загудели.

– А ну, захлопни пасть, – сказал Пит. – Не видал еще, как женщины дерутся? Ну а я дрался с ними плечом к плечу. Они бьются лучше нас – и уж точно лучше тебя, парень. И Анна – лучшая из них. Разве она только что не свалила Медведя? Так чего же ты тьявкаешь?

– Я ничего. – Парень потупился, и те, кто поддерживал его, смолкли.

– Ну так встречайте их. Разевайте рты и кричите: добро, мол, пожаловать. Девушкам это нравится.

Мужчины закричали, хоть и не слишком радостно, и замахали руками, а сестры М'доры двинулись через залитое кровью поле к ним навстречу.

Своих похоронили в одной братской могиле, людей Каласа – в другой. Короля и Илюну погребли отдельно. Над могилой короля поставили столбик, на котором Сандор, обладавший некоторым умением, вырезал его имя и корону. На столбике Илюны Сандор вырезал знак Богини, скопировав его с кольца Петры.

Сестры М'доры оказались хорошими врачевательницами и перевязали раны тем, кто еще мог сесть на коня. Остальных раненых Пит решил вернуть в Новую Усадьбу. Из веток

соорудили сани, устлали их одеялами, запрягли в них лошадей, и трое женщин постарше, которые все равно не могли воевать, вызвались довести раненых до места и рассказать о том, что случилось.

– Отправим детей с ними, – сказала Дженна. – Если это и правда конец, надо покончить и с обычаем брать с собой детей, идя в бой.

– Но мы так всегда поступали, – возразила Мальтия. Женщины дружно закивали, подтверждая:

– Всегда.

– В Книге сказано: «Глупая преданность – худшее из зол». Об этом напомнила мне та, что указала мне путь. Не станете же вы спорить с нею?

Женщины смотрели друг на друга, и Дженна видела, что далеко не все с ней согласны.

– Глупую преданность можно питать не только к людям, но и к старым привычкам, – сказала Петра.

– Верно, – твердо сказала Дженна. – Покончим же с одной из них здесь и сейчас. Я уверена – когда-нибудь об этом сложат песню. – Она подала маленькую Скиллию Правдивому Голосу, и девочка, переходя с рук на руки, захныкала. – Но я вернусь и возьму это дитя себе.

– Она наша, Анна, – сказала Мальтия. – Она принадлежит М'доре.

– М'доры больше нет, – мягко сказала Дженна. – Когда я взяла девочку от Илюны, мои руки еще были красны от кро-

ви убившего Илюну человека. Скиллия моя, и я буду любить ее всем сердцем.

– Я сохраню ее до твоего возвращения, – сказала Мальтия. – Тогда ты и скажешь мне, как будешь любить ее – без ветра войны во рту.

Дженна кивнула.

Двух других малюток, нежно простившись с ними, тоже отдали сестрам. Мальтия и еще две женщины, многократно обнявшись со всеми, привязали детей себе на спину и повели запряженных в сани лошадей по дороге в Новую Усадьбу.

– По коням! – скомандовал Пит, когда они почти уже скрылись из виду.

– Мы не умеем ездить верхом, – крикнула одна из женщин.

– Вы научитесь, – бодро заверила Дженна, – как я научилась.

– Лошади! – плюнула розовощекая девушка. – Мерзость какая.

– Зато они сокращают путь, – сказала Петра. – Если Анна выучилась этому, то и вы сможете.

Женщины, после нескольких неудачных попыток и одного падения, которое претерпела кряжистая пожилая сестра, расселись по седлам.

– Куда теперь? – спросила Дженна у Пита.

– Дальше на север. Враг ушел туда – во владения Каласа, как мне сдается. Вряд ли они оставят пленных, особенно мо-

лодого принца, в старом королевском дворце – там все еще живет немало его сторонников. Притом у Каласа темницы вместительнее.

Дженна, пораздумав, спросила:

– А не вернуться они сюда, чтобы завершить свое кровавое дело?

– Они думают, что завершать уже нечего, – с кривой усмешкой ответил Пит. – Мне и самому так казалось, девочка. Медведь сразил короля, а Длинного Лука и еще добрую сотню наших взяли в плен. Они верят, что Медведь покончит с остальными и догонит их.

– Ты, правда, так думаешь?

– Головой ручаюсь.

– Что ж, поручись заодно и моей. – Дженна махнула рукой остальным, и все, по трое в ряд, двинулись на север.

СКАЗКА

Было семеро мышек, и жили они в своей норке за кухонной стеной. Матушка не раз говорила им, пока не пропала: как подрастете, детки, и начнете выходить из норки, будьте осторожны и ходите все вместе, а не поодиночке.

– Ведь если вы будете выходить по одному, – говорила она, – большой кот, который живет у плиты, переловит вас всех и съест.

Больше матушка ничего не сказала. Но как могли мыш-

ки бояться кота, если никогда его не видели? И вот они подросли и стали выходить из норки один за другим, и один за другим пропадали. Наконец остался только самый маленький мышонок, которого так и звали – Малыш.

В один ясный весенний денек настала очередь Малыша. Но он слышал, как бегают кот около норки, и был хоть и маленький, да хитрый. Он выглянул наружу и сразу увидел большого страшного кота: тот храпел у плиты, приоткрыв один глаз.

– Тут надо подумать, – сказал мышонок и стал искать под полом, пока не нашел все что нужно. Он работал много дней с утра до вечера, потому что всякий замысел требует времени и терпения... И вот, наконец, он смастерил целых двадцать мышек из палочек и серой шерсти, с изюминками вместо глаз и веревочками вместо хвостов. Он связал одну с другой, а последнюю привязал к своему хвосту.

– В доме никого! – крикнул он погромче, чтобы кот услышал. – За мной, ребята! – И он выскочил из норки, таща вереницу поддельных мышей за собой.

Кот кинулся на них, радуясь сытному обеду, и стал хватать задних мышек: одну, вторую, третью... Но они были все связаны между собой, и кот запутался в них когтями. Он взвыл от злости и проглотил двух мышек разом. Фу-у! Тьфу-у!

Тут Малыш отвязался, добежал до двери, стал на пороге и запел:

Я – Малыш, но всех хитрее:
Обманул кота-злодея!
Жаден глаз, жаднее – пасть,
Лапам да когтям увязть!

И он побежал на весенний луг искать свою матушку.

МИФ

И Великая Альта трянула волосами и уронила на землю свой дар. Это было дитя, которое держало в правой ручонке звезду чистого серебра, а левую прятало позади.

– Эта звезда твоя, хотя ты и не родилась с нею. А в левой руке у тебя золотая звезда. Та, которую ты выберешь, будет сиять ярче другой. Она будет твоей защитой и твоим горем, твоим светом и твоей потерей. Она никогда не покинет тебя.

Дитя бросило серебряную звезду в ночное небо, и она засияла там, осветив все земные пути.

Тогда дитя с улыбкой разжало левую ручонку. В ней не было звезды.

Великая Альта тогда улыбнулась, и заплела свои волосы, темные и светлые, и уложила их на голове короной. В середине венца сияла золотая звезда.

– Ты выбрала, и да будет так, – сказала Великая Альта. – Благословляю тебя.

Книга пятая

ТЕМНАЯ БАШНЯ

МИФ

И Великая Альта воздвигла на одном конце равнины столб мрака, а на другом – столб огня. Между ними лежала тропа, узкая, как лезвие бритвы, и столь же острая.

– Ту, которая пройдет по тропе и займет обе башни, я буду любить больше всех на свете, – сказала Великая Альта. – Но горе женщине, которая оступится на тропе или дрогнет сердцем близ башни, ибо ее неудача обречет весь мир на гибель.

ЛЕГЕНДА

Недалеко от Нового Торга есть голая равнина, где не растут ни деревья, ни трава. Зато там стоят скалы, огромные каменные башни, до нескольких сот футов вышиной. Но две башни возвышаются над всеми: одна стоит на севере, другая на юге.

Скала на севере как будто обожжена огнем, а на южной виден след морского прилива.

На Огненной скале находят странные вещи: золу, костя-

ные пуговицы, рукоять ножа, где вырезаны круг и половина креста. На Морской скале ничего такого нет.

Жители Нового Торга говорят, что когда-то в этих двух башнях жили две сестры – черноволосая на Огненной, беловолосая на Морской. Они не разговаривали друг с другом пятьдесят лет. Они и сами уже забыли, из-за чего поссорились, но гнев так и не прошел.

Однажды на равнину на большом сером коне приехал ребенок. Он был красив – с ослепительно золотыми волосами и лицом, как у самой Великой Альты.

Обе сестры увидели его сверху и захотели взять его себе.

Они спустились вниз и стали его переманивать.

– Я дам тебе золота, – сказала темная сестра.

– Я дам тебе дорогих камней, – сказала светлая.

– Я дам тебе корону, – сказала одна.

– Я дам тебе ожерелье, – сказала другая.

Но мальчик печально покачал головой.

– Если бы вы предложили мне любовь, я бы охотно осталась, вы же сулите мне камень вместо хлеба и камень вместо подушки.

Гнев, который сестры таили друг на друга, вскипел с новой силой, а желание завладеть ребенком еще подогрело его. Темная сестра схватила мальчика за правую руку, светлая – за левую, и они стали тянуть его в разные стороны, пока не разорвали надвое. Тогда они вернулись каждая на свою скалу, и прижимали половинку ребенка к груди, и пели ей ко-

лыбельные песни, пока сами не умерли от горя.

Их слезы и кровь ребенка омыли верхушки скал, и там расцвел прекрасный цветок. В Новом Торге его называют «раздор» или «детская кровь». Настой из него облегчает родовые муки.

ПОВЕСТЬ

Войску Каласа не было нужды замечать следы, и преследовать его не составляло труда.

– Все дальше и дальше на север, – заметила Дженна.

– К замку, – добавил Пит.

– И к темницам, – мрачно прошептала Дженна. – Неужели они так страшны, как ты говоришь?

– Еще хуже, девочка. Их называют Каласовой Преисподней – и не зря, ты уж мне поверь.

Пит позаботился о том, чтобы в немногочисленных селениях вдоль дороги их не заметили. Для этого он разбил свой отряд на части, хотя женщины М'доры наотрез отказались ехать рядом с мужчинами. Марек, Сандор и Джилеас скакали впереди, каждые несколько часов возвращаясь с докладом. Дженна досадовала на их медленное продвижение, но соглашалась с Питом, который говорил: «Быстрая скачка приметнее».

Пропитание они без хлопот добывали в лесу, хотя их было немало. Женщины М'доры были умелыми охотницами, а

поздняя весна в изобилии дарила им папоротник, грибы и съедобные ягоды. Половину пути дорога шла вдоль реки, и мехи были полны свежей водой. Даже когда речка свернула на восток, остались пруды и ручьи, где водилось много рыбы.

Один воин захворал, поев пурпурных ягод, а семеро парней из Новой Усадьбы как-то ночью сбежали. Две м'дорианки в кровь стерли себе ляжки верховой ездой. Больной поправился, хотя в течение дня сам желал умереть. Парни ушли насовсем, но другие не последовали за ними. Женщины не могли больше сесть на коня, и их оставили в одинокой усадьбе у старухи, которая не слишком им обрадовалась, однако обещала ходить за ними.

Воинов осталась едва ли сотня – но все они были хорошо вооружены мечами, ножами, луками и щитами.

Дженна, никогда не бывавшая так далеко на севере, дивилась тому, как изменился лес. Привыкшая к лавру, вязу и дубу, она почти не узнавала здешних деревьев – только горделивые сосны устилали землю своей ароматной хвоей. Когда они впервые разбили лагерь, Дженна сказала Петре:

– Кабы не нужда, это путешествие было бы даже приятно.

– Оно и так тебе приятно, – ответила Петра, приподнявшись на локте. – Хотя ты знаешь, что в конце пути нас ждет кровопролитие.

На другой день в дороге Дженна все время думала над этими словами. Права ли Петра? А если права, то что же у нее, Дженны, за натура? Как ей может нравиться путешествие, в

конце которого их ждут кровь и смерть? Как может она любоваться видами, когда в этой земле лежит столько славных мужчин и женщин? Как может перебирать ароматные сосновые иглы, когда ее любимый брошен в зловонную темницу? Как может отличать леса от лугов, когда те и другие скоро станут полями сражений. Эти вопросы кипели у нее в голове, как суп в котелке. Но дорога не давала ответов, а ровный скок Долга лишь приближал ее к кровавому концу, о котором говорила Петра.

Пит сказал, что дорога займет семь дней.

– Мы уложились бы в четыре, если бы не приходилось соблюдать осторожность.

– В три, – сказала Дженна, – если бы мы ехали с тобой вдвоем и совсем не спали.

– Да, девочка, время не мешало бы сократить, но, с другой стороны, спешить нам незачем. Замок Каласа почти что неприступен. Это настоящая скала с двумя воротами – внешними и внутренними, железными, а между ними еще три подъемные решетки. И все это хорошо охраняется. Замок выстроен на утесе, так что сзади к нему не подобрешься – да и спереди тоже не возьмешь.

– Одно хорошо, – сказала Дженна.

– Это что же...

– М'дорианки отлично умеют лазать по скалам.

– Я сам об этом думал. – В голосе Пита впервые прозвучало одобрение.

– Они будут мышками, которых я потащу за собой... – задумчиво сказала Дженна.

– Чтобы кот первым делом бросился на них? – хмыкнул Пит. Видя удивление Дженны, он пояснил: – Это наша семейная сказка. Матушка рассказывала ее мне с сестренкой, а сестра рассказала своим сыновьям.

– Сыновьям? – Дженне показалось странным, что Пит упомянул об этом вот так, мимоходом, и она спросила напрямик: – Так ты доводишься королю дядей?

– Дядей? – засмеялся Пит. – С чего ты... Нет, девочка, нет. Они Гаруны, а мы спокон веку живем в Долинах. Во мне нет чужой крови. Но моя сестренка и матушка Карума в детстве были подружками. – Пит почесал бороду. – Я познакомился с этими мальчуганами, когда Каруму было пять годов. Чудный был малютка. Весь двор в нем души не чаял, а уж умный какой...

– Так ты не дядя ему. – Это почему-то разочаровало Дженну.

– Я только что вернулся с Континента. Жуткое место. Одни иноземцы, – с хохотом поведал Пит.

– Ты всех их знал? Даже святого Джорума?

– Это Джор-то святой? Откуда ты это взяла? Хитрый – это да. Вечно попадал в передряги и вечно наушничал на других. А Карум всегда брал вину на себя. Если в этой семейке и был святой... Короли они были хорошие, но не слишком-то думали о жителях Долин. Первым делом Гаруны – а здеш-

ними и пожертвовать можно. Но ко мне и к моим родичам они были добры, а Карум и вовсе наполовину наш.

– А хорошо ли будет... – Дженна запнулась. – Хорошо ли будет пожертвовать другими ради того, чтобы пробраться в замок и освободить Карума?

– Это не жертва, девочка. Это военная хитрость. – Пит снова почесал бороду и глянул на Дженну как-то странно. – Молодой Карум теперь король. Мы должны сделать все, чтобы вызволить его, и кто-то при этом непременно погибнет. Война – она и есть война.

Дни стояли теплые, но вечера по мере продвижения на север становились все холоднее, а ночи были и вовсе студеные. Север весне не подчинялся. Для тепла все спали попарно: мужчины с мужчинами, женщины с женщинами.

Когда Дженна и Петра впервые легли вместе, подстелив одеяло Дженны и укрывшись Петриным, Дженна не могла уснуть. Она смотрела в небо, считая звезды и слушая, как ровно дышит Петра.

Досчитав до тысячи, она решилась, откинула одеяло и встала тихо, чтобы не разбудить Петру. Показавшись часовым, она вышла на опушку, футах в пятидесяти от лагеря. Кто-то уже сидел там – Дженна узнала одну из м'дорианок, молодую женщину, имя которой так и не запомнила.

– Тебе тоже не спится?

Девушка буркнула что-то в ответ и вдруг зашептала, заплетая и расплетая одну из дюжины своих тонких косичек:

– Спать? Как могу я спать? У меня горе. Илюна была моей подругой. Самой близкой, ближе даже, чем темная сестра. А теперь она ушла. Ушла туда, куда не могу последовать за ней.

Дженна кивнула. Ей было нечего на это ответить, но она знала, что горе порой можно облегчить хотя бы тем, что выскажешь его.

– Не понимаю, – продолжала девушка. – Мы были так... – Она задумалась в поисках нужного слова, все так же теребя косу. – «Счастливы», «несчастливы» – эти слова не годятся для нашей скалы. – Она дернула себя за косу, словно нашла наконец, что искала. – Мы были довольны. Вот что. А потом пришла ты, с пророчеством, которое мало кто из нас слышал, и в которое многие не верили. И слово стало плотью. – Ее лицо скрывала тень, и казалось, будто она в маске.

– Но ведь... ведь вы прочли пророчество хором – я думала, это и убедило вас.

– Слова! – дрожащим голосом воскликнула девушка. – Слова, и только. А вот Илюна была настоящая, из плоти и крови. Кровь от крови моей и плоть от плоти. Мы поклялись вечно любить друг друга. Даже порезали себе пальцы и смешали кровь, когда были детьми. Вот смотри. – И она протянула руку Дженне.

Дженна взяла ее в свои, словно читая по ней, но рука была как рука – такая же, как у всех.

– Слова – это для старух. Мы с Илюной хотели уйти из М'доры. Поглядеть мир, а нагледевшись, вернуться – но вме-

сте. Вместе. А теперь она... она... – Девушка начала всхлипывать, зажав рукой рот.

– Я понимаю, – сказала Дженна. – Ты хочешь взять ребенка себе.

– Ребенка?

– Скиллию.

– О нет. Я говорила Илюне, что не надо было ее брать – это было единственное, в чем мы не соглашались. Нет, Белая Дева, оставь ребенка себе. Мне нужна только... – всхлипывания начались снова, – только Илюна.

Дженна обняла девушку, не мешая ей плакать, но собственные мысли не давали ей покоя. Что, если Карум скажет то же самое, когда узнает о ребенке? Что, если заявит: «Мне нужна только ты»? Оставит ли она у себя однурукую крошку, если он откажется? Дженна прикусила губу, напоминая себе, что для начала ей нужно найти Карума живым. Она взяла девушку за плечи и встряхнула.

– Довольно! Илюна не хочет, чтобы ты плакала по ней. Она хочет, чтобы память о ней придавала тебе отваги.

Девушка, освободившись, вытерла лицо краем рубашки и громко высморкалась, а после пошла прочь, смущенная, видимо, тем, что Дженна видела ее плачущей.

Дженна какой-то миг думала, не пойти ли за ней, потом пожалала плечами и вернулась в лагерь. Джарет, который как раз нес караул, посмотрел на нее, прижав руку к горлу.

– Перед боем я чувствую себя в точности так, как и дума-

ла, – сказала Дженна, откинув прядку со лба. – Ох, Джарет, как же я устала. Я хочу домой. Хочу... хочу поговорить с тобой. Ты так хорошо утешал меня прежде.

Пристально глядя на нее, он отнял руку от горла. Шея была голая.

– Джарет! Где ожерелье?

Он сделал движение, как будто ударил мечом снизу вверх, и ей вспомнился сдавленный вскрик в то мгновение, когда она вонзила нож между глаз Медведя.

– Так ты теперь можешь говорить? И все эти дни мог?

Он замотал головой, указывая на свой рот.

– Нет? – прошептала она. – Ожерелья не стало, а голоса у тебя все нет? Неужели все это ложь, как чертог и колыбель? Катрона погибла, Карум в плену, столько людей полегло там, на поле – и все это ради лжи? – Она протянула к Джарету руку, оглянувшись, услышав шорох, и увидела позади Марека и Сандора.

– Он может говорить, но не станет, Анна, – произнес Сандор. – Он не смеет заговорить, чтобы не посеять раздор между нами.

– Было бы что сеять, – процедила Дженна. – Женщины не разговаривают с мужчинами, мужчины смеются над женщинами. Воин из Долин справедливо винит меня в смерти своей любимой, а трое мальчишек почитают испуганную дурочку чем-то вроде богини.

– Ты забыла про Петру, – заметил Сандор.

– И еще жрица-рифмоплетка, которую стошнит, если придется убить кого-то.

– Мы все такие, – сознался Марек. – Ну как тебе, легче теперь?

– Нет, – отрезала Дженна.

– И все-таки мы все – соратники, – сказал Сандор.

– Это точно, – улыбнулся Марек.

– Но что, если все это – ложь? – прошептала Дженна.

– Он все равно не станет говорить, Анна, – он верит, – сказал Марек.

– Я тоже верю, – заявил Сандор. – Пока король не будет коронован и его правая рука не одержит победы.

– Его правая рука – это ты, – заметил Марек.

– А король теперь Карум. Я этому рад, – заключил Сандор.

– Верные вы мои, храбрые мальчишки, – прошептала Дженна, вспомнив вдруг Альтин огонь, который отступал все дальше и дальше. – Куда более верные и храбрые, чем я.

И они обнялись, все четверо, думая о том, что сбылось, и о том, что еще сбудется. Дженна, Сандор и Марек вспоминали былое, словно рассказывая чудесную сказку – но тихо, чтобы не потревожить спящих. Наконец они расстались, с лицами, горячими от непролитых слез, темнея на ночном небе, и Дженне показалось, что над каждым из юношей сияет звездный венец.

Петра успела плотно завернуться в одеяло. Дженна, не желая будить ее, легла рядом на холодную землю и заставила

себя погрузиться в глубокий, без видений, сон.

ПЕСНЯ

Сестра, отдохнем перед боем

Сестра, отдохнем перед боем!
Восходит заря златоперстая,
И небо еще голубое,
И поле еще не истерзано.
Сестра, в тишине перед боем.
Ни телом, ни духом не ранены,
Пока еще можем с тобою
Мы петь о великих деяниях...

ПОВЕСТЬ

Они приближались к Северным Владениям Каласа по дороге, обогрелой кровью, – так сказал Пит, хотя ничто не указывало на это: ни кости, ни разбитые доспехи, ни могилы павших. К этому времени вновь настало полнолуние. По ночам женщин стало вдвое больше, от чего даже Питу сделалось не по себе. Мужчины обменивались самыми невероятными мыслями о том, откуда берутся лишние женщины.

– Из лесу, – говорил Джилеас парням из Новой Усадьбы. – Они все это время шли за нами.

– А может, они живут здесь поблизости, – предположил кто-то.

Другие сочли это глупостью и не преминули высказать это вслух.

– Нет, – сказал Пит. – Это подружки наших. А может, двоюродные сестры. Гляньте, как они похожи одна на другую.

Суть заключалась в том, что увеличившееся, хотя бы в ночное время, войско стало труднее скрывать. Пит, прослуживший год на севере и хорошо знавший эти места, прятал их в лесу так глубоко, как только позволяли лошади. Под густым покровом листвы их снова становилось меньше. Мужчины если и дивились этому, то молча.

Оставив лошадей в лощинке, последнюю милю до замка Каласа они прошли пешком. Шли гуськом, не разговаривая. На краю леса Пит дал сигнал остановиться, и все рассыпались по опушке, прячась за деревьями.

Под изрытым оспой ликом луны замок был точно огромный черный коршун, тень от которого накрывала всю равнину. Он имел два каменных крыла, а зубцы стен походили на перья. Единственная башня торчала, как голая шея стервятника, и единственный огонь в окне горел, словно злобный глаз.

– Значит, так, – сказал Пит. – Девочки лезут на скалу вон там, а мужчин я поведу вон туда, к воротам. Шуму от нас

будет много. Если они откроют ворота, чтобы разделаться с нами, кто-нибудь да прорвется, а если нет, мы сами перелезем.

Дженна кивнула.

– С этим котищем две связки мышей лучше, чем одна, – добавил Пит.

– А темницы?

– В них можно попасть только изнутри. Потому-то ты и лезешь на башню. – Палец Пита переместился на две ладони влево, где прямо из земли поднималась неприступная скала.

– Башня Каласа! – прошептала Дженна.

– Как же ты заберешься, Дженна? – спросила Петра. Над скалой выростала кирпичная вышка. Нет, это не шея стержня, подумалось Дженне, – это копье, целящее прямо в небо.

– Медленно, – ответила она Петре. – И с большим трудом. Но все-таки заберусь.

– Если это кому-нибудь и под силу, так только тебе, – шепнула Петра ей на ухо. – Пророчество не может лгать, и Альта тебя не оставит.

В башне было не менее сотни футов высоты, и Дженна про себя помолилась о том, чтобы рука Альты оказалась подлиннее.

– Когда я доберусь до Каласа, – твердо сказала она, – я приставлю нож к его горлу и заставлю лично проводить меня в темницу, чтобы освободить короля. Если чья-то кровь и

прольется нынче ночью, это будет кровь Каласа. – Она говорила вдохновенно, научившись этому от Горума, но сердце ее при этом билось неровно. Она была совсем не так уверена, как хотела показать.

– На этот раз преимущество внезапности будет за нами, – угрюмо сказал Пит. – Они думают, что мы все мертвы.

– Да и дело наше правое, – добавил Марек.

– Эх, парень, на Континенте говорят: «У мышки право, у кошки – когти». Право может обеспечить победу разве что в сказке – на это не рассчитывай. Король Горум полагался на свое право, и мы его схоронили. Я не хочу похоронить заодно и тебя.

– Мы тебя тоже, Пит, – сказала Дженна.

Дождавшись, когда облако закрыло луну, женщины бросились к ближней стене, а мужчины направились к единственным воротам.

Дженна отделилась от других, стараясь не смотреть на Петру. Если она будет думать о Петре и обо всех, кого могут убить при попытке взять замок, ее скует паралич, и она никуда не сможет взобраться. Дженна заставляла себя думать только о скале перед собой.

Вблизи высота этой отвесной стены ошеломила ее. Вверху и по бокам не было видно ничего, кроме сплошного гладкого камня, и в темноте она не различала никаких зацепок. Но тут луна внезапно вышла из-за облака, и Скада, возникнув рядом, сказала:

– Вон туда!

– Могла бы и поздороваться, – проворчала Дженна, засовывая косу за ворот рубашки.

– На любезности у нас нет времени. Посмотри, как ты пыхтишь, хотя еще и не начинала взбираться.

– Если бы я то являлась, то пропадала, как ты, мне и во все не надо бы было дышать. – Впрочем, замечание Скады пришлось кстати – Дженна совсем позабыла первое правило, преподанное ей Матерью Альтой, – о том, как нужно дышать. При лазании на скалы полагается дышать по-паучьи. Дженна так и сделала, а рядом тут же послышалось слитное дыхание Скады.

Перебирая руками и ставя ноги в трещины, они медленно полезли вверх. Каждые несколько мгновений они делали передышку, чтобы собраться с силами, и лезли дальше. Их мягкие сапожки ободрались, кожаные штаны лопнули на правом колене, но делать было нечего.

Луна скрылась снова, и Скада пропала, но Дженна, поглощенная восхождением, даже и не заметила этого.

Через минуту луна вышла, и Скада вновь прилипла к скале рядом с Дженной.

– Как тяжело ты дышишь, сестра.

– Ты говоришь это мне назло. Замолчи, ради Альты. – Однако Дженна все же занялась своим дыханием, и ей сразу стало легче.

Иссеченная тенями щербатая стена обманывала и руку,

и глаз. Мнимая выбоина оказывалась гладким камнем, мнимая опора осыпалась из-под пальцев И каждая ошибка стоила им драгоценных минут. Дженна не знала, добрались ли другие до своей цели – женщины до верха стены, мужчины до ворот. Но стоило ей подумать о них, как правая рука соскользнула, Дженна отчаянно вцепилась в осыпающуюся скалу. Острый камень вонзился ей в ладонь. Дженна выругалась, и Скада откликнулась ей, словно эхо. Собрав все внимание, Дженна нащупала другую опору и вздохнула с облегчением, как и Скада.

Над ними – очень высоко – светилось окно. Дженна знала, что они должны добраться туда еще до рассвета – ей нужна была Скада, ее верный клинок и ее ободряющее слово. Дженна сказала это вслух.

– Спасибо, – шепнула в ответ Скада, – но лучше не отвлекайся.

Дженна на миг остановилась и поднесла ладонь ко рту, чтобылизать ранку. Скада сделала то же самое, словно передразнивая ее. Но они даже не улыбнулись и снова полезли вверх.

Каждая пядь преодолевалась ценой нескольких минут. Стена не столько боролась с ними, сколько сопротивлялась им – собственное тело становилось худшим врагом. Все имело свой предел – растяжимость связок, гибкость мускулов, сила рук и ног. Но, в конце концов, рука Дженны уцепилась за верхушку стены.

– Здесь начинается башня, – шепнула она. Но луна опять скрылась, и ей никто не ответил.

– Волосы Альты! – выбранилась Дженна, что случилось с ней редко, и подтянулась, чтобы перелезть через стену. Даже кожаная одежда плохо защищала от камня – Дженна чувствовала все его неровности.

Хлопнувшись на колени, она увидела перед собой пару здоровенных сапог.

– Погляди-ка на меня, – сказал голос. – Хочу видеть твою рожу, прежде чем скину тебя вниз. Погляди на меня, покойничек.

Дженна медленно подняла голову, не переставая молиться о том, чтобы проглянула луна. И лицо часового предстало перед ней уже ярко освещенным. Дженна улыбнулась ему.

– Клянусь Кресом, да ты не мужчина, – опешил он, и губы его дрогнули в ответной улыбке.

Дженна скромно потупилась, как делала при ней одна служанка из Новой Усадьбы, и подала ему руку. Солдат непроизвольно нагнулся к ней.

– Давай! – крикнула Дженна.

Он в испуге отступил назад, но снизу ему нанесла удар другая коленопреклоненная фигура. Он рухнул и умер еще прежде, чем кинжал вышел из его сердца.

Дженна взвалила труп на плечо и перебросила через стену. Она не слышала, как он упал. Скада стояла как громом пораженная.

– Что с тобой? – спросила Дженна.

– Я... я никогда еще никого не убивала. Надо же – один укол, и он умер.

– Но мы ведь убили Гончего Пса. И Медведя. И отрубили руку Быку, отчего он тоже умер.

– Нет, Дженна, – это сделала ты.

– Ты моя темная сестра – ты чувствуешь то же, что и я, и знаешь то, что я знаю.

– Это... не... одно и то же, – ответила Скада, с трудом выговаривая каждое слово.

– Верно, – согласилась Дженна. – Ты права. С этим безымянным часовым я чувствую не то, что с другими. Моя рука не помнит, как он умер.

Руки сестер на миг соприкоснулись.

– Давай-ка подниматься на башню. Это только начало. Могут быть и другие стражники...

Скада кивнула.

– А когда рассветет, от тебя не будет никакого проку. И если я умру...

– Можешь не напоминать, – с угрюмой улыбкой сказала Скада. – Каждая темная сестра знает законы жизни и света. Я живу, пока жива ты, и умираю, когда ты умираешь. Давай лезь. Я не могу начать без тебя.

Дженна, задрав голову, взглянула на башню. Кирпич был не столь древним, как скала, на которую они только что взобрались, но буйный северный ветер уже порядком вышелу-

шил стену. Как она будет крошиться под рукой!

Они начали новый подъем, перешептываясь – но так тихо, что никакая стража не могла услышать. Временами они ругались – это подкрепляло их, как глоток вина, и напоминало о том, что гнев всегда поддержит там, где решимость слабеет.

Дженна первой добралась до окна. Из-под сорванного ногтя сочилась кровь, пораненная ладонь горела, ноги после долгого подъема тряслись, мышцы между лопатками точно в узел завязались. Но Дженна, несмотря ни на что, вся сосредоточилась на подоконнике и на свете, льющемся из окна. Мускулы под ее камзолом вздулись в последнем усилии, и она легла на широкий подоконник животом, задев ногами голову Скады. Она не чувствовала ничего, кроме великого облегчения и досады на сестру.

– Чего ты под ноги лезешь?

– Это твои ноги виноваты, – огрызнулась Скада. – Я под них голову не совала.

Дженна скатилась с подоконника внутрь, ухватившись по дороге за светильник. Он погас, и ей показалось, что падение длится вечно.

– Я держу его, – крикнул кто-то, и Дженну схватили за руки. Ее поставили на колени и сорвали с пояса меч. Борьба ни к чему не привела: ей только еще раз сильнее заломили руки назад, чуть не сломав их, и Дженна перестала биться.

– Зажгите факелы, дурачье, – приказал кто-то голосом

мягким, но властным. Над головой у Дженны вспыхнул факел, и тот же голос сказал из мрака: – Там в углу вторая, болваны. Светите туда.

Двое мужчин, один с факелом, другой с мечом наголо, ринулись в угол, но яркий свет рассеял тени, и только у дальней стены, куда не смотрел никто, кроме Дженны, мелькнуло согнутое колено и шевельнулась голова.

– Тут никого, лорд Калас.

– Игра света, – вставила Дженна. – Разве я далась бы вам так легко, будь у меня спутница? Я пришла одна. Я всегда одна... – Дженна помолчала, подбирая слова поубедительнее, – и горжусь этим.

Факел снова поднесли к лицу Дженны.

– Это Белая Дева, лорд Калас, – сказал человек, который его держал. – Если и она теперь у нас, заодно с принцем, бунту конец. Говорят, что...

– Мало ли что говорят, – перебил Калас. – Дайте-ка я на нее погляжу. Ба, да она совсем еще ребенок. Я думал, это взрослая женщина, – засмеялся он, – а тут такой длинноногий белый жеребенок.

Дженна в свою очередь разглядывала его, но ей мешал факел. Она много слышала о Каласе от Карума и Пита, и ни один не сказал о нем доброго слова. Но неужели этот потасканный хлыщ с крашеными рыжими волосами и бородой, от которой еще заметнее мешки под глазами, – тот самый зловещий лорд Калас из Северных Владений? Неужели это та

самая коварная жаба, которую все так ненавидят и боятся?

– Наговорить можно с три короба, но тебе, может быть, лестно будет узнать, что говорит о тебе несчастный, еще недавно бывший принцем Карум, неизвестно почему именующий себя Длинным Луком.

Дженна удержала язык, не преминув заметить, что Калас упомянул о Каруме в настоящем времени, а вот часовой нет. Жив ли Карум? Конечно, жив. Она непременно почувствовала бы, если бы он умер. «Еще недавно бывший принцем» относится скорее всего к титулу, а не к человеку. Гаруны любят играть словами. Она заставила себя улыбнуться врагу, не показывая ему своих чувств.

– А не хочешь ли послушать, что говорил о тебе еще недавно бывший живым Медведь, ты, петух крашенный?

– Нет, – прошептал Калас, – уже не ребенок. Вся женская злость налицо. Я узнал бы тебя, даже если бы ты перекрасила волосы сама. Белая Богиня Длинного Лука. Он говорил, что на язык ты такая же скорая, как и на то, чтобы лечь с мужчиной – как все бабы из Долин.

– Карум никогда бы... – И она осеклась, досадуя, что ее и правда провели, как ребенка.

– На дыбе говорят еще и не то, моя милая.

– Только вот правду говорят редко, – отбрила Дженна. Калас положил руку ей на голову, словно хотел погладить, но вместо этого вытащил косу у нее из-за ворота и дернул за нее.

– Девочки, играющие в женщин, по-своему милы. Женщины, играющие в девочек, тоже милы на свой лад. Но женщины, играющие в воинов, мне противны. – Он улыбнулся, показав пожелтевшие от пиджи зубы. – Притом у тебя, красавица, это плохо получается. Твой принц в темнице, а не на башне – зачем же было карабкаться так высоко. – Он плашмя хлопнул ее мечом по правой коленке. – Разве чтобы поупражнять эти прелестные ножки.

– Клянусь волосами Альты... – начала Дженна, надеясь за божбой скрыть свои чувства.

– Волосы Альты седы и слишком коротко острижены, чтобы ее согреть, – невозмутимо ответил Калас. – А мы тебя поймали за твои длинные! – Он посмеялся собственной шуточке. – Но если ты взялась играть в мужские игры, мы и поступим с тобой как с мужчиной. Вместо того чтобы греть мою постель – в этом ты, конечно, не мастерица, хотя юность имеет свои преимущества, даже у жительницы Долин, – ты будешь дрогнуть вместе с другими в темнице.

Дженна прикусила губу, стараясь показаться испуганной – ведь темница была именно тем местом, куда она хотела попасть. Предпочтительнее, правда, было бы оказаться там с мечом и кинжалом.

– Ага, вижу, ты слышала о моей тюрьме. Как, бишь, она у вас зовется? – Он намотал ее косу на кулак и приблизил ее лицо к своему. На миг она испугалась, что сейчас он ее поцелует. Его дыхание было тошнотворно-сладким, и при этой

мысли ее едва не стошнило.

– Преисподняя Каласа, – прошептала она.

– Ты оценишь ее по достоинству, как уже оценили другие. – Он отпустил ее, отвернулся, хлестнув себя плащом из кожи ящериц по лодыжкам, и ушел.

* * *

Стражники потащили Дженну вниз по лестнице. «Я спускаюсь куда быстрее, чем поднималась», – подумала она.

Руки ей так туго скрутили за спиной, что она перестала чувствовать пальцы уже на втором пролете. Единственным утешением было то, что человек с факелом шел впереди и тени от идущих падали назад. Если бы он шел позади, на лестнице появилась бы вторая связанная женщина, с темной косой вдоль спины, с дырой на правой коленке и с сильной болью в голове. Дженна пообещала себе, что нипочем не даст стражникам оглянуться и увидеть идущую за ними Скаду, не выдаст ее ни словом, ни движением.

Лестница сходила винтом все ниже и ниже. Когда она выпрямилась, Дженна поняла, что они спустились с башни в собственно замок. С каждым пролетом воздух становился все более холодным и затхлым. По обе стороны тянулись двери, каждая с зарешеченным окошком. В окошках мелькали какие-то пятна, и лишь на третий раз Дженна поняла, что это лица. Тогда она подняла голову, чтобы люди за ре-

шетками могли видеть ее и узнать. Она не желала, чтобы ее замуровали здесь тайно.

Но вот лестница уперлась в тяжелую дверь, и понадобились три ключа, чтобы отпереть засовы. Дженну бесцеремонно втокнули внутрь, и дверь снова заперли. За все время, что они сходили вниз, никто не произнес ни слова.

Темница вполне оправдывала свое название – здесь было темно, сыро и пахло, точно в стойле больного поносом вола. Дженна никогда в таком стойле не бывала, но запах узнала сразу.

Чтобы не задохнуться, Дженна повернулась и закричала вслед уходящим стражникам:

– Чтоб вас повесили на волосах Альты. Чтоб она вплела ваши кишки в свои косы, а ваши черепа...

– Никогда еще не слышал, как ты ругаешься, – сказал голос, почти неузнаваемый от усталости. – Могла бы по крайней мере выдумать что-нибудь поновее.

– Карум! – прошептала Дженна, оборачиваясь и пытаясь найти его в темноте. – Так нас посадили вместе?

– Это особое местечко, девушка, – сказал второй голос. – Хуже уже не бывает.

Здесь было не так уж темно – кое-какой свет просачивался в окошко на двери. Скоро Дженна стала различать какие-то тени, хотя не могла угадать, которая из них Карум. Скада исчезла, но Дженна и не ожидала увидеть ее при таком скудном свете. И не желала своей темной сестре той боли, которую ей

самой причиняли связанные руки.

Чьи-то пальцы коснулись ее плеча, спустились ниже и принялись распутывать веревки.

– Вообще-то полагается говорить, – прошептал ей на ухо Карум, – «чтоб вас повесили на воротах Альты». А не на длинных, как у тебя, волосах. Я вычитал это в Приюте Бертрама. Но я люблю твои волосы, и ты никогда не должна стричься. Мне не терпится распустить их опять, уже при свете.

Ему было трудно развязывать веревки, и Дженна стояла смирно, чтобы облегчить ему работу, несмотря на внезапную дрожь в ногах. От него пахло совсем не так, как ей помнилось, – впрочем, вряд ли и она сама благоухала.

Наконец он развязал узлы и растер ее онемевшие запястья.

– Ну вот. Теперь моя правая рука свободна.

– Свободна? – устало отозвалась она. – Это здесь-то? Но теперь я хотя бы знаю, что ты жив. Я намеревалась ткнуть Каласа ножом в пасть и вышибить его желтые зубы.

– Ты его видела? – насторожился вдруг Карум.

– Видела ли? Эта жаба поймала меня – запросто, как ребятки ловят головастика.

– Он... он тебя трогал? – Карум бережно обнял ее. Она мягко высвободилась.

– Он сказал, что, раз я взялась играть в мужскую игру, он поступит со мной как с мужчиной.

– Благодарю твою Альту за это.

– Разве его постель хуже этой темницы? – небрежно бросила Дженна.

Вместо Карума из мрака ответил кто-то другой:

– Гораздо хуже, девушка, если ты родом из Долин. Гарунийских женщин он боготворит и только их обходит своими гнусными ласками.

Дженна испустила сухими губами тихий протяжный вздох. Карум шепнул ей совсем тихо, чтобы никто больше не слышал:

– Ты одна?

– Пока темно – да.

– Я не про Скаду. Я знаю, что без света она не появится.

Но где другие? Неужели все...

– Нет, они живы. Вот только твой брат... о, Карум, ты теперь король. Мне очень жаль. – И она повернулась к свету, чтобы он увидел, что ей и правда жаль.

– Я так и думал, – прошептал он. – Калас намекал на это. И пророчество, увы, предвещало то же самое. Ты ведь должна стать королевой, а я больше никому не позволил бы жениться на тебе. Право же, я не удивлен.

– Пока мы в темнице, королем тебе не бывать. Но клянусь мечом, которого я лишилась, и кинжалом, который... – Она пошарила за голенищем, зная уже, что ничего там не найдет. – Клянусь всем святым – я не могу думать в темноте.

– Ты не могла бы думать со связанными руками, – сказал

Карум. – А темнота тебе как раз не мешает.

На миг она разозлилась на него за то, что он смеется над их любовью. Но смех заплескался в темноте, как вода по иссохшим камням, и она поняла, что эти мужчины смеются впервые за много дней. Они издавали эти звуки почти вопреки себе самим, но все-таки смеялись. Дженна почему-то знала, что мужчинам в таких обстоятельствах смех необходим – он перебарывает чувство беспомощности, которое иначе вконец сокрушило бы их. Она отбросила гордость и добавила от себя:

– Да и ты в темноте неплох, Карум Длинный Лук. – И тут же спросила – скорее себя, чем его: – Но почему тут так темно? Почему нет света?

Раздался шорох, и одна из теней встала.

– Шутка лорда Каласа, Анна. Он настоящий Гарун. Он говорит, что врагов надо хранить в темноте.

Запястья, натертые веревкой, болели, и Дженна покрутила ими, чтобы унять боль.

– А еду вам приносят тоже без света?

– Это бывает раз в день, – сказал Карум. – По-моему, утром – хотя тут не поймешь, ночь теперь или день.

– Я пришла сюда ночью, – сказала Дженна и добавила, как бы между прочим: – Когда светила полная луна.

– Скада? – шепнул Карум, но Дженна, не отвечая прямо, спросила:

– Ведь они же светят себе, когда сюда приходят?

– Они приносят факел, Анна, – сказал кто-то у нее за плечом, а другой добавил:

– И вставляют его в кольцо на стене, вон там, у двери.

– Не без пользы для себя, – с коротким гневным смешком сказал Карум. – При свете становится видно, до чего мы дошли за эти несколько дней – не знаю, за три или за десять. Не странно ли, что немного грязи, темноты и сырости да легкая пища способны довести мужчину до такого состояния?

– Карум, от тебя ли я это слышу? – свирепым шепотом бросила Дженна.

– погоди, ты меня еще не видела. Ох, Джен... король, настоящий король.

– Я видела тебя во всяких видах, Карум Длинный Лук. И не всякий раз ты был красавцем. Помнишь того мальчишку, который убегал от Гончего Пса, перепуганного и любопытного в то же время? Или того, в хейме, в девичьем шарфе на голове? Или мокрого крысенка из реки Халлы?

– Насколько я помню, крысенком-то была ты, а я тебя спасал, – почти, что прежним своим голосом заметил Карум. Но тут же снова приуныл: – И зачем я только дал Горуму уговорить себя...

Кто-то из мужчин тронул Дженну за руку.

– Они добавляют что-то в еду, Анна. Какую-то колдовскую ягоду. Она отнимает у человека волю. Мы все переживаем приступы такого вот отчаяния – а что делать, есть-то надо. Не суди его по его речам. Мы все такие – то полны

надежд, то пребываем в унынии. Скоро и ты такой станешь. Мы сами себе худшие палачи.

Дженна приложила ладонь к щеке Карума.

– Скоро все изменится к лучшему. Я обещаю.

– Женские обещания... – И голос его прервался, словно от муки.

– Что ты хотел сказать?

– Это старая шутка с Континента, девушка, – сказал чей-то голос. – Ну ее совсем.

– Я хочу знать.

– Не надо, Анна.

– Карум, что это за шутка?

Он вдруг сказал своим прежним голосом:

– Калас любит повторять ее. «Женский обет – что по камню вода: быстро стечет и пройдет без следа».

– Вода и камень... – задумчиво сказала Дженна. – Я уже слышала что-то похожее, но смысл был совсем другой.

– Не осуждай меня, Джен, – взмолился Карум.

– Я свои обещания держу, Карум, и ты это знаешь. Все, что мне нужно, – это свет.

Карум хотел ей ответить, но кто-то другой прервал его:

– От света тебе никакого проку не будет, Анна. Они подносят этот свет к окошку на двери, а потом заставляют нас ложиться друг на друга.

– Друг на друга? – повторила Дженна.

– Да, вот так – жестоко и унижительно, – сказал Карум. –

Так заведено в тюрьмах на Континенте. Это выдумали в замке Мишель-Руж, и почти все орудия пыток тоже заимствованы оттуда. У Каласа там родня. – Он помолчал и добавил: – У меня тоже.

– И они пересчитывают нас, девушка, прежде чем отпереть дверь. После каждого замка пересчитывают.

– Еще того лучше, – загадочно молвила Дженна.

– Если ты задумала что-то, скажи мне, – прежним, полным звучным голосом сказал Карум.

– Скажи, – поддержало его с дюжину голосов.

Дженна улыбнулась в темноте, но никто этого не видел, потому что она стояла спиной к единственному источнику света.

– Нужно только сделать так, – сказала она, – чтобы я оказалась на верхушке вашей кучи.

Послышались неохотные смешки, Карум же сказал, как будто понял что-то:

– Разве пристало нам класть Анну, Белую Богиню, вниз?

Дженна присоединилась к их смеху, поддерживая шутку:

– Ну, в другое время я, может, и не возражала бы... – Она была рада, что они не видят ее пылающего от смущения лица. Она поклялась, что, если Карум добавит еще хоть что-то, она убьет его прежде, чем это сделает Калас. Но он почувствовал ее смущение и не сказал ничего, прочие же веселились вовсю. Дженна поднесла руку к двери, и у дальней стены показалась чуть заметная рука Скады. Дженна махнула

ей, и Скада, к ее радости, помахала в ответ.

– Ну как, готовы? – спросила Дженна.

Мужчины хором ответили:

– Мы готовы, Анна.

– Чего бы ты ни потребовала от нас, – добавил Карум. Но Дженна смотрела только на руку у стены. Большой и указательный пальцы сложились в кольцо, знак Богини, и у Дженны впервые появилась причина надеяться.

Дженна принудила себя уснуть на холодных камнях, чтобы дать телу отдых после долгого подъема на башню. Она свернулась около Карума и стала дышать медленно, с ним в лад. Когда сон, наконец, пришел, ей стали сниться колодцы, пещеры и прочие темные сырые дыры.

Лязг меча о дверную решетку разбудил всех.

– Куча мала, – скомандовали из-за двери.

Узники, не смея жаловаться, соорудили корявую пирамиду у стены. Шестеро самых крепких, в том числе и Карум, легли на пол, а прочие стали укладываться на них сообразно со своим весом, наверх же взгромоздились два живых скелета, которых Калас, как видно, давно уже гноил здесь. Дженна видела все это ясно благодаря свету факела, проникавшего в окошко.

– Один, два, три... – начал считать стражник.

– Погоди! – прервал его чей-то голос, властный, но принадлежащий не Каласу. Дженна подосадовала, но не удивилась. Стал бы Калас сам спускаться в темницу!

Голос был мягкий, мурлыкающий.

– Эх вы, горе-счетоводы, – произнес он. – Не лишайте нас главного удовольствия. Король Калас с особой теплотой говорил о даме. Разве для нее не найдется местечка наверху?

– Найдется, – ответила Дженна совсем тихо, чтобы заставить говорившего подойти поближе к двери. Она видела только его тень, мелкую, почти мальчишескую.

– Как не найтись, – промурлыкал он, – ведь пирамида тем и хороша.

– Кот! – догадалась Дженна.

– Умные женщины меня раздражают, – засмеялся он. – Но тебя я могу не бояться, не так ли? Одну кошку ты уже убила, и у меня еще несколько жизней в запасе, верно?

Стражники загоготали.

– Взойди же на свой трон, прекрасная дама.

– Зачем это нужно?

– Спроси об этом мужчин, по чьим спинам будешь карабкаться.

– Мы пытались отказать ему в этом развлечении, – сказал Карум, – но они просто не дают нам есть, пока мы не ляжем друг на друга.

Дженна скинула сапоги, поставила ногу на чей-то зад и полезла наверх. Там она осторожно легла, стараясь распределить свой вес равномерно.

– Теперь они внесут факел внутрь? – шепотом спросила Дженна человека под собой.

– Да, – шепнул он в ответ. – Вот, уже идут.

В темницу вошли двое – один с факелом. Кот, не считая нужным обнажить свой меч, вошел за ними. Это был тощий человечек, весьма довольный собой – ни дать ни взять настоящий кот около блюда со сливками.

Факельщик подошел к куче и вслух пересчитал узников еще раз. Второй убрал меч в ножны и вывалил содержимое мешка, который нес за плечами, на каменный пол. Дженна, различив кучу черствых хлебов, сморщила нос и взглянула на стену у двери, где металась отбрасываемые факелом тени.

– Давай? – кивнула она, соскочив с пирамиды.

Она рассчитала свой прыжок так, чтобы врезаться в плечо стражнику с факелом. Факел взвился в воздух, осветив еще одно летящее тело, вышедшее словно из стены. Скада обрушилась на Кота, тянувшего меч из ножен.

Дженна завладела оружием стражника, Скада – оружием Кота, и обе, прокатившись по полу, встали.

В тот же миг пирамида рассыпалась. Самые сильные окружили стражника с мешком, отняв у него меч и забрав нож из-за голенища. Карум, высоко держа факел, рассмеялся.

– Одна из твоих жизней уж точно кончится здесь, Котик.

– Возможно, – улыбнулся тот. – Но позволь мне перед этим спросить у дамы: отчего это так? Вчера, согласно счету, тут было двадцать узников, стало быть, сегодня должен быть двадцать один – как раз для пирамиды. Откуда же взялся лишний человек?

– Из дыры, темнее которой ты не видывал, Кот, – рассмеялась сзади Скада.

Дженна шикнула на нее, и она умолкла, Кот же улыбнулся.

– Неужели, – он сощурил глаза, – неужели правду рассказывают о том, что вы, колдуньи, умеете вызывать из зеркал демонов? Уши могут лгать, но глаза...

Скада отвесила ему насмешливый поклон.

– У правды много глаз. Должен же ты верить тому, что видишь сам.

Дженна тоже поклонилась, а Кот в раздумье приложил палец к губам.

– Вы похожи на сестер, у которых мать одна, а отцы разные. Известно ведь, что женщины из горных кланов спят со многими мужчинами.

– Есть там и такие, что вовсе не спят с мужчинами, – ответила Скада.

В тот же миг Кот со смехом выхватил факел из руки Карума. Факел упал, зашипел и едва не погас. Без света Скада пропала, и меч Кота, выпав из ее руки, звякнул об пол. Кот тут же подхватил его.

– Я жую пиджи, – сказал он в темноте, – как и господин мой Калас. От этого портятся зубы, зато глаза прекрасно видят во тьме. – Его меч лязгнул о меч Дженны.

– В темноте или при свете, – крикнула она, – я все равно сражусь с тобой. Отойди, Карум, и вы все тоже. Не двигайтесь с места!

Маленький Кот был далеко не так силен, как Медведь, и не смог бы победить Дженну в честном поединке. Но он хорошо владел мечом, был проворен и хитер. Он дважды задел Дженну – один раз в щеку, другой в левую руку. Однако он слишком понадеялся на свое ночное зрение. Он не знал, что Дженну, как и всех воительниц хейма, учили играть в прутья и фехтовать и в светлой, и в темной комнате. Если она и уступала ему в остроте глаз, то на слух полагалась не меньше, чем на зрение. Она предугадывала выпад по колебанию воздуха, читала дыхание противника. И даже сквозь запах пиджи улавливала, что от Кота пахнет страхом – он успел понять, что преимущество не совсем на его стороне.

Дженна замедлила собственное дыхание, чтобы собраться с силами. Изогнув запястье, она выбила клинок из руки Кота и крикнула:

– Свет!

Карум поднял факел над головой, и тот снова вспыхнул дымным пламенем.

Кот стоял, подняв руки. «Сдаюсь» – словно говорила его насмешливая поза. Но эта насмешка никого не обманула – Дженна приставила ему меч к животу, а Скада держала свой у его спины.

– Если шевельнешься, – сказала Дженна, – я насажу тебя на вертел, как барашка, и буду вращать вертел очень, очень медленно.

Кот с нарочитой покорностью пожал плечами.

– Ты угадал – мы с Дженной сестры, – подхватила Скада. – И мы совсем непохожи. На моем клинке пока нет твоей крови, она же поклялась убить тебя.

– Держи факел высоко, мой король, – сказала Дженна Каруму. – И займи место во главе, а мы со Скадой будем замыкать.

Заперев Кота и двух его людей в темнице, они двинулись вверх по лестнице. Карум в одной руке держал факел, в другой меч стражника. За ним шли остальные. Дженна была последней. Царапины на ее лице и руке уже подсохли, хотя еще горели. Скада, пользуясь светом, не отставала от нее.

Проходя мимо дверей в темницы, они отпирали каждую ключами, которые сняли с пояса у Кота. Карум привечал каждого узника – и тех, кого взяли вместе с ним, и тех, кто давно уже томился в Преисподней Каласа.

Темниц было восемь, и у них набралось около сотни человек, почти все из которых еще могли биться, хотя оружия у них было всего-то три меча и девять факелов. Столов и стульев, которые могли бы пойти на дубинки, здесь не водилось.

– Господин мой Карум, – раздался чей-то тонкий голос.

Дженна напряглась, чтобы разглядеть говорившего в мерцающем свете. Карум первый увидел его и, передав кому-то свой факел, протянул ему руку. Человек был не толще своего голоса и мосласт: руки казались слишком большими для запястий, нос выделялся на тощем лице.

– В чем дело? – спросил Карум.

– Я хорошо знаю этот замок. Всю жизнь в нем прослужил – сперва поваренком, а после поваром.

– «Суди о поваре по его животу», – засмеялся кто-то, – а у этого одни кости.

– Я уж больше месяца сижу в темнице – вот и отоштал.

– А не меньше ли? – воскликнул кто-то еще.

– Это шпион, – добавил другой.

– Пусть говорит, – поднял руку Карум.

– Если я не могу сказать в точности, сколько здесь сижу, так это потому, что день тут похож на ночь и наоборот.

– Это верно, – сказал узник со светлой бородой.

– Ближе к делу, – поторопил Карум.

– Я знаю в этом замке каждый переход и каждую лестницу.

Дженна, выйдя вперед, взяла повара за руку, и его пробрала дрожь. Скада взяла его за другую руку, и он задрожал еще пуще.

– Тогда скажи, куда ведет эта лестница.

– Наверх из Преисподней, госпожа.

– Говорю вам – это шпион.

– Пусть скажет еще что-нибудь.

– А куда открывается дверь? – Дженне было ясно, что повар из тех людей, из которых все нужно тянуть клещами.

– Она выходит к портьеру.

– А это еще что за штука?

– Занавес, – пояснил Карум. – Портьера – это занавес.

– Шпион это. Коли его!

Дженна стиснула руку повара.

– Эти люди теряют терпение, и мы с Длинным Луком недолго сможем сдерживать их, если ты не будешь говорить прямо.

– Так ведь я же и говорю. Дверь выходит в Большой Зал, и она завешена портьерой.

Люди перестали роптать.

– Вот так-то лучше, – ослабила хватку Дженна.

– Гораздо лучше, – сказала Скада с другой стороны. Но повар, раз начав, уже не мог остановиться.

– Это тяжелый занавес. Один из красивейших в замке. На нем изображен Крес, пирующий со своими героями, и они...

– Бросают через плечо кости псам войны, – шепнула Дженне Скада.

Повар, не слышавший ее, продолжал своим тонким голосом:

– ...плотно завешивают дверь. Но король Калас часто...

Все снова сердито загудели, будто пчелы, но Карум унял их, махнув рукой.

– ...то есть лорд Калас. За обедом он часто велит убрать занавес, чтобы слышать крики, доносящиеся из Преисподней. Он говорит, что это хорошая приправа к еде.

Карум плотно сжал губы, но промолчал.

– Лорд Калас последнее время нечасто бывал в замке, но несколько дней назад спешно прибыл сюда, получив изве-

стие от одного из своих воевод.

– От Медведя! – сказал кто-то, взглянув на Дженну.

– Да он-то откуда может это знать? – спросил другой.

– От стражников, – быстро ответил повар. – Они пересказывали мне разные сплетни, чтобы помучить меня.

– Не нравится мне это, мой господин. Слишком уж все просто, – сказал кто-то, и другие поддержали его.

– Однако это правдоподобно, – заметила Дженна.

– Ну а кто охраняет этот твой занавес? – хриплым шепотом спросил Карум. – Сколько их и какое у них оружие?

– Эта дверь открыта, мой господин. Калас с похвальбой говорит, что из Преисподней никто не уходит живым. Иногда он показывает эту дверь дамам, чтобы попугать их немного.

– Каким дамам? – едва дыша, спросила Дженна.

– Пленницам, с которыми он спит. Некоторые из них совсем молоденькие – почти девочки.

Дженна содрогнулась, подумав об Альне и Селинде, о Май, невесте Джарета, о детях Ниллского хейма.

– Ты хочешь сказать, что дверь никем не охраняется?

– Но она выходит в Большой Зал, где всегда полно вооруженных людей, особенно когда Калас дома.

Люди, тесно сгрудившись, стали переговариваться:

– Ничего не выйдет.

– Гиблое наше дело.

– Лучше уж помереть сразу, чем гнить заживо тут.

– Погодите, – сказала Скада, вполне осязаемая при свете факелов. – Есть кое-что, чего вы не знаете.

Дженна кивнула.

– Сотня вооруженных женщин должна уже взобраться на стены замка.

– А у ворот стоят пятьдесят вооруженных мужчин.

– Между воротами и замком три подъемные решетки, – невесело засмеялся повар. – Им нипочем не пройти.

– Так или нет, а врага они отвлекут, – сказала Скада.

– Наши поддельные мышки, – крикнула Дженна Каруму.

– А Кот-то уже у нас! – обрадовался он.

– Послушайте меня, – продолжала Скада. – У нас почти нет оружия, кроме факелов.

– Хочешь выкурить его, – спросил кто-то.

– Доверьтесь мне. Поджигайте все, что возможно. Если теперь день, нашим женщинам легче будет сражаться около огня.

– Горячая женщина лучше, чем простывший обед, – отозвался кто-то.

Смеясь, все снова двинулись вверх по лестнице, но притихли, добравшись до последнего поворота и увидев перед собой выход из Преисподней.

По знаку Дженны и Скады они преодолели последние ступени – на удивление тихо для такого количества мужчин.

Карум, Дженна и еще один человек, вооруженные отобранными мечами, вышли вперед. Скада со своим теневым

оружием шла за ними. Карум потрогал занавес мечом, а Дженна, став на колени, попыталась приподнять гобелен, но внизу он был особенно тяжел. Дженна знаком попросила о помощи. Двое мужчин приподняли занавес, и Дженна со Скадой проползли под ним, просунув мечи вперед.

По ту сторону занавеса стоял белый день. Дженна заморгала, стараясь приучить глаза к свету, и обернулась к Скаде, но Скада исчезла. Дженна почувствовала себя ужасно одинокой, брошенной, хотя и знала, что эту шутку сыграло с ней солнце. Вечером Скада вернется – если они доживут до вечера.

Потом до Дженны дошло, что здесь очень тихо для главного зала. Она медленно осмотрелась – в зале не было никого.

– Пусто, – шепнула она в сторону приподнятого занавеса. Занавес приподнялся еще и еще, до человеческого роста, и узники хлынули в зал, шурясь на свет и растерянно глядя по сторонам. Если они и ждали чего-то, то явно не этого. Зал был совершенно пуст.

– Не понимаю... – начал Карум.

– Зато я понимаю, – сказала Дженна. – Слушай!

И все услышали гул голосов снаружи, где шел неравный бой.

– Нужно помочь им, – крикнул кто-то.

– Сначала подождем этот зал, – сказала Дженна. – Ты – этот гобелен, а ты – портьеру на том конце.

– Да ломайте стулья, – распорядился Карум. – Вооружимся хотя бы дубинками.

Занавеси тлели медленно, отказываясь загораться, но, наконец, вспыхнули, и огонь мигом поглотил Креса и его воинов. Люди вооружались ножками от столов и стульев, а подушками с сидений прикрывались, как щитами. Остатки мебели свалили посреди зала и подожгли. Когда костер запылал, рядом с Дженной явилась трепещущая Скада.

– Я буду с тобой, когда только смогу.

– Я знаю, – шепнула Дженна, спеша за Карумом и остальными к выходу.

Они неслись по коридору, следуя путеводным выкрикам повара и уже не боясь шуметь. Они наткнулись на двух часовых, но Карум и двое мужчин с дубинками мигом обезоружили и связали стражников. Еще двое взяли их мечи и кинжалы.

– Дайте мне кинжал, – попросил повар. – Следующего я порежу на порции. – И он хихикнул.

– Ты только выведи нас наружу, – крикнул Карум, – а там режь кого хочешь.

Повар привел их к широкой каменной лестнице с отполированными до блеска перилами по бокам. Внизу стояли, загораживая дорогу, двадцать замковых стражников с мечами и щитами.

– Как же быть? – спросила Дженна. – У нас всего-то пять мечей да пара ножей.

– Пусть поднимаются к нам, – сказал Карум. – На лестнице им будет труднее держать равновесие – хотя чего бы я теперь не отдал за лук. Зато нас больше и у нас есть дубинки.

Стражники, словно разгадав замысел Карума, не двинулись с места. Медленно тянулись минуты.

– Нельзя же вот так стоять и ждать, – сказала, наконец, Дженна.

– Если мы будем спускаться поодиночке, они нас перебьют. А если ринемся всем скопом, начнется бойня.

– Значит, надо надуть их с помощью фальшивых мышей.

– Поздно. Они уже сосчитали нас и видели все наше оружие. Время на их стороне.

– Эй, повар, – обернулась вдруг Дженна. – В коридоре было много дверей – есть там какой-нибудь выход?

– Это все кладовые, госпожа, – там хранится посуда, белье и...

– Ха! – крикнула Дженна Каруму. – Мы все-таки получим наших мышей! Возьми мой меч, – сказала она одному из узников. – А ты – меч Карума. – Мужчины заколебались, и Дженна сама сунула мечи им в руки. – А вы трое, – сказала она тем, что были послабее остальных, – идемте с нами.

Карум передал свои полномочия худому светлородому человеку и побежал за Дженной.

– Куда ты?

– За мышами.

Откинув пинком первую дверь, она принялась срывать с

полок тончайшую шерсть и полотно, знамена и полотенца.

– Берите все, – велела она мужчинам.

Во второй кладовой хранились кубки, блюда и, что важнее всего, столовые ножи.

Третья не открылась даже под самыми ожесточенными пинками, и они со своей добычей устремились обратно к лестнице. Стражники внизу держались спокойно, как коты, караулящие мышей, но люди на вершине лестницы были не столь терпеливы. Некоторые уже сошли на несколько ступеней вниз, а один попытался прорваться в одиночку, и его окровавленный труп наглядно доказывал всю глупость такого поступка.

– Он не из наших, мой господин, он уже долго сидит у Каласа, – сказал светлородый. – Вот выучки и не хватило.

– Все равно он наш, раз умер под мечами Каласа, – тихо ответил Карум.

– Вот что нужно сделать, – сказала Дженна, показывая, как связывать ткани попеременно с кубками, блюдами и чашами.

– Женские выдумки, – пожаловался кто-то.

– Нет, мышиные, – улыбнулся Карум. – Слушайте ее.

Солдаты внизу заволновались было, но по команде своего командира замерли снова, приготовив мечи.

Немало драгоценных минут ушло на то, чтобы приготовить «мышек», как называла Дженна свои диковинные связки. Она вручала мужчинам столовые ножи, а дубинки впле-

тали в свои узоры. Наконец она шепотом отдала последний приказ, велев всем стать по местам.

– По сигналу «за Длинного Лука» вперед! – предупредила она.

Дженна стала у перил, обвязав конец полотнища вокруг пояса. Карум поместился у других перил, обвязавшись другим концом. Оба вооружились мечами. Полотнище с вплетенными в него предметами лежало позади них на ступенях, а за ним сгрудились узники с ножами, факелами и тремя мечами.

– За Длинного Лука! – вскричала Дженна, и они с Карумом вскочили на перила, будто на коней. Полотнище между ними натянулось, и они поехали вниз. Узники с криками помчались следом. Солдаты в растерянности смотрели на них.

Полотнище врезалось в стражей на уровне шеи, и они запутались в нем, а Дженна с Карумом тем временем успели отвязаться. Люди Карума насели на спутанных врагов, не дав им пустить в ход мечи. Ножи, предназначенные для жесткой оленины, запросто резали мягкие человеческие шеи. Через несколько минут все было кончено, причем из людей Карума пострадал только один, порезавший себе подбородок о битое стекло.

Забрав оружие и щиты, победители, направляемые поваром, устремились к выходу. Дверь загораживал тяжелый деревянный брус, но они его сняли. Двери распахнулись, и перед ними предстал суший ад.

Женщины М'доры – одни только светлые сестры, – которых было куда меньше, чем врагов, стойко сражались под лучами полуденного солнца. Пита и его людей не было видно.

– Пит все еще за воротами, – крикнула Дженна.

– Или они попали в ловушку между решетками, – добавил Карум. – Заслоны нужно поднять.

– Я сделаю это, мой господин, – вызвался светлородый, – только возьму с собой несколько человек. – И охотники поспешили прочь, уворачиваясь от вражеских мечей. Дженна, следя за светлородым, поняла, что на него можно рассчитывать – его люди прикрывали его от ударов.

– А где же Калас? – крикнул Карум. – Где эта жаба? Я не вижу его здесь.

Дженна тоже не видела его.

– Он прячется там же, где и все жабы, – под камнем, – сказал повар, оскалив в улыбке зубы – желтые, как у Каласа или у Кота. Как может повар позволить себе столь дорогостоящий порок, подумала Дженна.

– В темнице, что ли? – спросил Карум.

– В своем убежище. Он будет сидеть там, пока ему не доложат о победе.

– Ты уверен? – спросила Дженна, не сводя глаз с его зубов.

– И ты знаешь, где это убежище? – осведомился Карум.

– Как не знать. Не я ли носил ему туда еду?

– На башню? – спросила Дженна. Он покивал своей высушенной головой.

– Точно, на башню.

– Веди, – сказал Карум. – Я должен с ним посчитаться.

– Я с тобой, – сказала Дженна. – Мы оба потеряли не одну семью.

Вслед за поваром они снова прошли по лестнице, по коридору и через главный зал. Огонь, зажженный ими, уже погас, а гобелен обгорел лишь частично. Дым еще стоял в воздухе и стлался по полу. Прикрывая руками лица, Дженна и Карум последовали за поваром к двери рядом с зияющим проемом, ведущим в темницы.

– Сюда, – сказал повар, открывая дверь на винтовую лестницу.

– Ступай впереди, – приказал Карум. – Я больше доверяю тебе, когда ты впереди, а не сзади.

– Он ведь ничего плохого не сделал, Карум, – заметила Дженна, хотя и ей было не по себе.

– Я, как и мои люди, считаю, что все слишком уж просто получается. В Ниллском хейме говаривали: «Готовься заранее...»

– «...чтобы нужда не застала врасплох». Да, ты прав. А у нас в хейме говорили: «Лучше лежать на земле, чем в ней». Пусть он идет впереди.

Повар двинулся вверх. Лестница вилась все выше, без площадок или окон и после дневного света казалась очень темной. Они шли на ощупь, попадая ногами в протоптанные на ступенях вмятины.

– Факел бы сюда, – шепнул Карум.

– Скада бы это оценила, – ответила шепотом Дженна. – И нам очень пригодился бы лишний меч.

Преодолев последний поворот, они увидели проблески света из приоткрытой двери. Дженна отпихнула повара и заглянула внутрь. Она видела только полосу света на блестящем полу, зато слышала голос Каласа – масляный, кого-то уговаривающий. Прошлой ночью она слышала его совсем недолго, но забыть уже не могла. Властный и слабый в то же время, он словно обещал что-то запретное и намекал на еще более запретные тайны.

– Ну, милочка, – говорил Калас, – не так уж все и страшно. Один разок, а потом и все. По крайней мере, со мной.

Дженна медленно перевела дух. Значит, он один – с ним только девушка.

После краткого молчания послышался женский голос – одышливый и до боли знакомый.

– Оставь меня. Ну пожалуйста.

– Альна! – одними губами проговорила Дженна. Да, это голос ее подружки по хейму Альны, которая начала свое странствие с Калласфорда и которую оттуда увели. А ведь прошли недели – да нет же, годы – с тех пор, как Дженна слышала ее голос. Дженне не терпелось посмотреть, точно ли это Альна. Но жар уже опалил щеки, желудок свело – тело первое поверило тому, во что не решался поверить разум – Калас там с девушкой, – шепнула Дженна Каруму. – Я сама

с ним управлюсь, а ты вернись к остальным.

– Нет. Я тебя не оставлю.

– Меч – мое оружие, не твое. И битва моя. С ним моя подруга по хейму

– Это и моя битва. Калас убил моих родных.

– Ладно, не будем считаться. Но если твои люди отправятся в чертоги Креса из-за того, что тебя с ними нет...

Карум поцеловал ее в щеку и ушел – так тихо, что она не слышала его шагов. Повар тихонько постучался в дверь.

– Нет! – крикнула женщина внутри и закашлялась. Дженна пнула повара в поясницу, и он упал на дверь, распахнув ее настежь.

– Это ловушка – крикнула женщина, но было уже поздно.

Дженна уже вошла. Альна со связанными за спиной руками лежала на большой кровати с балдахинном. Справа от нее сидел на резном стуле враскорячку, как жаба, Калас. Перед ним стояли семеро крупных, прямо-таки здоровенных мужчин. Семеро против нее одной, в комнате, где негде повернуться и где дверь уже закрылась за ней. Меч в ее руке был легче тех, к которым она привыкла, и эфес плохо приходился по руке.

Дженна поняла, что нужно тянуть время – а также избавиться от повара, предавшего их. Ступив полшага в сторону, она пнула его, распростертого на полу, в голову – достаточно сильно, чтобы утихомирить его на пару часов, но недостаточно сильно, чтобы убить. При этом она не сводила глаз с

Каласа и его людей.

– Дженна! – выговорила Альна. – Это и, правда, ты. Я не знала, верить или нет, – думала, это еще одна ложь.

– Альна! – Дженна не могла взглянуть на подругу даже краем глаза, но узнала ее сразу, как только вошла. Альна была старше и тоньше, чем в тот день начала их странствий, когда они расстались. А ведь я тогда думала, с горечью подумала Дженна, что этот день – худший в моей жизни; меня разлучили с лучшими подругами и одну отправили в чужой хейм.

– Вот ты и снова одна, Белая Дженна, – произнес Калас медленно, словно читая ее мысли. – Странную привычку ты приобрела – всегда являться без приглашения в мой скромный приют на башне.

– Не совсем без приглашения, – сказала Дженна. – Ты послал свое приглашение через эту тощую тварь... – Она снова пнула повара, на этот раз по ребрам, но он даже не шелохнулся.

– Ага, ты раскрыла мой маленький обман, – улыбнулся Калас. – Но, увы, недостаточно скоро.

– Повар-то он хотя бы хороший?

– Ужасный – но, как видишь, годится для иных целей.

– Вот чего я не понимаю. Почему ты дал нам уйти? Почему не убил нас прямо там, в Преисподней?

– Ну, это было бы скучно. Я стал таким знатоком смерти, что не люблю убивать людей просто так. Кроме того, –

он рассмеялся, снова обнажив свои уродливые желтые зубы, и запустил пальцы в редеющие рыжие волосы, показав темные корни, – я не верил, что даже ты, Белая Богиня нашего принца, способна взять замок в одиночку. Ты нужна мне как приманка для доблестного короля Пайка, который сейчас стучится в мою дверь.

Дженна широко раскрыла глаза, но больше ничем не выдала своего удивления. Итак, Калас не знает, что Карум теперь король, не знает о смерти Горума. Надо сохранить эту маленькую тайну про себя.

Калас снова улыбнулся, напомним Дженне Мать Альту перед тем, как та намеревалась сообщить особенно скверную новость.

– Да я и не ожидал, что ты убежишь – ведь за Преисподней бдительно следил мой Кот. Хитрая же ты мышка. Но я подрезал Коту когти – больше он своей ошибки не повторит.

«Пусть говорит подольше», – подумала Дженна, а вслух сказала:

– Но как ты узнал, что мы сбежали?

– Девочка моя, я знаю все. Этот замок весь пронизан тайными ходами и кишит ловушками. Нельзя спуститься с одного этажа на другой, чтобы я не узнал об этом.

– Значит, мы не смогли бы выйти, если бы ты не позволил?

– Никогда в жизни.

Дженна стояла спиной к единственному окошку башни, чувствуя солнечное тепло. В крайнем случае, она всегда мог-

ла прыгнуть вниз, но после мучительного ночного подъема хорошо знала, что прыжок будет смертельным. А без Анны Альна и все остальные навсегда останутся в руках Каласа.

И Скада ей не поможет. Солнце стоит как раз посреди небосклона, и Каласу незачем зажигать факелы. Карума она сама отослала вниз, и теперь его не дозовешься. А запас учтивых разговоров у Дженны кончился.

– Взять ее! – приказал Калас солдатам все тем же вкрадчивым голосом.

Они двинулись на нее боевым клином, и она отступила за кровать. Они разделились и пошли на нее втроем. Она вскочила на кровать к Альне и стала отбиваться, быстро, хотя и не слишком ловко орудуя мечом. Взмахом клинка она отсекла тяжелые парчовые занавески, и они упали на мужчин, запутав их.

Товарищи потерпевших бросились им на помощь, дав Дженне краткий миг. В большем она и не нуждалась. Она метнула меч прямо в грудь одному из солдат. Он был не так проворен, как Медведь, и меч пронзил его насквозь, пробив заодно руку другого, оказавшегося под ним. Тот завопил от боли.

Дженна, подпрыгнув, схватилась за перекладину балдахина и раскачалась, целя ногами в дверь.

– Держи! – вскричал Калас.

Но прежде чем солдаты успели выпутаться, в дверь вбежали Карум и две м'дорианки с мечами в руках. Следом бе-

жала третья женщина с мечом и факелом. Она швырнула факел на постель.

Простыни сразу вспыхнули, и Альна с неожиданной для Дженны быстротой скатилась с кровати к окну, перелезла через солдат и прижалась к стене.

Дженна оказалась между горящей кроватью и Каласом. Она была безоружна, он же держал в руке тонкую шпагу. Другая его рука лежала на тяжелом гобелене, висевшем позади стула.

– Держи, Дженна! – крикнул Карум, готовясь бросить ей свой меч.

Улыбаясь, она потрясла головой. Эту улыбку нельзя было назвать милой.

– Мне не нужен меч, мой король. – Последние два слова она произнесла с особым ударением, чтобы Калас понял, и добавила: – Вспомни то восточное племя, о котором ты рассказывал мне когда-то.

Резким движением Калас отдернул гобелен в сторону, и за ним обнаружилась дверь. Но Дженна перекинула вперед свою белую косу, держа ее обеими руками, как веревку. Позади горящая кровать бросала на стену скачущие тени. Одна из теней упала на порог за Каласом и приняла очертания женщины, сжимающей в руках черную косу.

Дженна, подставив грудь под шпагу Каласа, подалась вперед. Он с торжеством улыбнулся, но черная коса сзади внезапно захлестнула его шею. Он выронил клинок и схватился

за эту живую петлю, но Дженна и Скада затянули косы одновременно, скручивая их все туже.

Лицо Каласа налилось кровью, руки бессильно повисли, и ноги выбили по полу последнюю дробь.

– Аластеры! – сказал вдруг Карум. – Так называлось это племя. Они...

– ...никогда не были безоружными благодаря своим волосам, – завершила Скада, разматывая косу с шеи Каласа.

– Обещайте никогда не стричь волосы, – сказал Карум, и обе без улыбки кивнули ему.

ПЕСНЯ

Баллада о Добродруге

Когда стал править Добродруг, король минувших лет,
Навек исчезли силы зла, и воцарился свет.
И добрым он, и мудрым был, и был любим страной,
И Дженну светлокосую назвал своей женой,
И Анну светозарную назвал своей женой.
Как душу, он любил ее, был верен ей одной.
Была она прекрасней дня, и только одного
Любила в мире короля, лишь одного его,
Да – в целом мире одного, супруга своего!

Когда стал править Добродруг в далекие года,
То распахнул его приказ тюремные врата.
Он по двору тюремному шел, в злато облачен,
И отмыкал врата темниц серебряным ключом.
И выходили узники, что старились в тюрьме.
На солнце щурили глаза, привыкшие ко тьме,
И выходили, сгорбившись под тяжестью цепей,
Кого освободил король десницею своей.
Да – отворил врата тюрьмы десницею своей!

В года, когда стал Добродруг по праву королем,
Казнил он всех насильников, терзавших наших жен,
Велел повесить на стене жестоких тех зверей,
Что наших обесчестили прекрасных дочерей,
Что наших обесчестили племянниц и сестер,
И загубили младость их, и ввергли их в позор.
Похищенных, замученных – всех было их не счесть,
Но воцарился Добродруг – и возвратил им честь.

Да – благородный Добродруг, вновь ожила страна,
И вдосталь стало, что ни день, и хлеба, и вина.
Богаты стали города, возделаны – поля...
Так сдвинем кубки, о друзья, во славу короля!
За короля, вернувшего нам свет и мирный кров!
За Дженну венценосную и за ее любовь!
За силу длани короля, за меч, что был остер,
За славных воинов-мужей и воинов-сестер!
Да – пьем за воинов-мужей и воинов-сестер!

ПОВЕСТЬ

Карум снес тело Каласа по лестнице и швырнул на камни двора. Дженна стояла справа от него, сцепив руки.

Как только тело Каласа ударилось оземь, на замок опустилась странная тишина. Солдаты, почти все привезенные с Континента, побросали оружие, Гаруны же, упав на колени, подняли мечи вверх.

Карум заговорил так, словно эта присяга на верность подразумевалась сама собой:

– Я – единственный истинный король, ибо мой брат Горум умер. Здесь, – он указал на труп у своих ног, – здесь лежит тот, кто посеял раздор между нами. Даже Крес не возьмет его к себе, ибо только герои могут пировать в чертогах темного бога.

Коленопреклоненные встали, вложив оружие в ножны, и над зубчатыми стенами замка взошла луна. Дженна увидела ее и улыбнулась.

Карум снял с шеи кожаный шнурок и поднял вверх кольцо с гербом так, чтобы видели все.

– Это знак Быка, и я брошу его, как и обещал, на труп его хозяина.

Кольцо упало на грудь Каласа и свалилось на камни. Толпа молча ожидала продолжения.

Карум взял Дженну за левую руку и поднес ее ладонь к гу-

бам. Оглядев собравшихся мужчин и женщин, он, наконец, сказал:

– Рядом со мной стоит та, что была нам обещана, – Белая Дева древнего пророчества. Дочь трех матерей, она рождена для того, чтобы привести нас к концу нашего времени и к началу другого, ибо она есть и свет и...

В этот самый миг, как нарочно, полная луна поднялась над стеной, и рядом с Дженной возникла, мерцающая, как вода, Скада, чернотой своих глаз и волос оттенившая слова Карума.

Мужчины затаили дыхание, не заметив даже, что то же самое произошло со всеми женщинами. Только Карум, глядевший на них сверху вниз, и Пит, стоявший рядом с королем, увидели, что м'дорианок стало вдвое больше.

Карум простер руку, и настала полная тишина.

– Она и свет и тьма, и мы с нею будем править совместно. Она заставила Гончую, Быка, Кота и Медведя склониться перед собой. Она собственноручно убила Каласа, положив тем конец его гнусному правлению.

Слова его гулким эхом прокатились по двору, и Петра, взойдя на две ступени, стала перед Карумом и Дженной. Она склонила голову перед королем и воздела сложенные руки вверх, обернувшись к Дженне.

– Славься, славься, святейшая из сестер, – пропела она. Потом сделала знак Сандору и Мареку, и они поднялись к ней.

– И сказала Альта: ты увенчаешь короля.

– Первый Герольд! – выкрикнула одна из женщин.

Марек достал из-за пазухи чудом уцелевший веночек из шиповника и возложил его на голову Карума.

Толпа исторгла ликующий крик. Петра вскинула руку, и тишина воцарилась вновь.

– И сказала Альта: ты станешь по правую руку короля.

Сандор снял с руки браслет из диких роз и надел его на руку Дженны, слишком тонкую для него.

Мужчины и женщины во главе с Питом взревели снова, но Петра начала говорить, и все смолкли.

– И сказала Альта: ты будешь Правдивым Голосом, но не скажешь ничего, пока король не будет коронован, чтобы не посеять раздор в наших рядах. Говори же, Правдивый Голос, – время пришло!

Джарет вышел вперед, снял с шеи зеленую тряпицу, заменившую ему ожерелье, и сказал странным скрипучим голосом:

– Король будет жить долго, а королева еще дольше. И они всегда помогут нам в случае нужды.

– Да здравствует король! – крикнул Пит, и толпа подхватила:

– Да здравствует король!

– И его королева Дженна! – крикнул задыхающийся женский голос.

– Да здравствует королева! – откликнулась толпа.

Петра перемигнулась со Скадой и звонко завела на мотив

священного песнопения Альты:

И пред Длинным Луком склонится народ,
И отважная Дженна на трон с ним взойдет,
И станут царить они столько же дней,
Сколько листьев в лесах, сколько в небе – огней.

– А это еще что? – шепнула Дженна.

– Это баллада, которую будут петь в тавернах под звуки лютни и носовой флейты, – ответила Скада. – Она будет называться «Как Добродруг стал королем», или «Подвиги Дженны», или еще как-нибудь.

– Но петь ее будут с любовью, – усмехнулся Карум.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

*Директорам Института истории Долин.
Господа!*

Как двадцатисемилетний член Общества, бывший президент и избиравшийся на два срока ответственный секретарь, я нахожу для себя невозможным оставаться далее в рядах Общества, присудившего свою высшую награду шарлатану от истории Мэгону.

Оказав эту честь д-ру Мэгону, Вы тем самым легализовали его теорию о темных и светлых сестрах, его измышления о круге гренов и постулат о культурном превосходстве коренного населения Долин.

История должна быть беспристрастна, и нельзя не признать, что мифы, баллады и легенды представляют нам истину в сильно искаженном виде. Поверить им можно, только разве сильно прищурив глаза, как и поступает д-р Мэгон.

Честь, оказанная Обществом подобному историку, вынуждает меня подать в отставку до тех пор, пока сама история не объявит меня пророком, а Мэгона – лжецом.

Искренне Ваш...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Карум Длинный Лук правил в Долинах полных пятьдесят лет, пока его волосы не побелели, как у Дженны, и стан не согнулся под бременем лет.

Дженна не всегда была рядом с ним – она говорила, что на троне сидеть неловко, и не любила церемоний. Она часто отправлялась в долгие странствия по Долинам, взяв с собой свою однорукую дочь Скиллию или одного из двух своих сыновей.

Порой она возвращалась на юг, мимо Высокого Старца и Груды Альты, чтобы навестить своих старых подруг, Селденский хейм, где жили последние поклонницы Альты.

В Селдене больше не было жрицы. Последняя – памятная Дженне Мать Альта – умерла двадцать лет назад. М'дорианки, поселившиеся в Селденском хейме, избрали своим Правдивым Голосом одиночку, не имеющую темной сестры, – Маргу, известную Дженне как Пинта, и склонили женщин хейма на свой путь, но это уже другая история.

При дворе ближайшими друзьями Дженны были Петра и Джарет, которые поженились после долгого траура по Май, жене Джарета. Петра стала доброй мачехой пяти дочкам Джарета, старшую из которых называли Джен.

Но Дженна не оставалась долго ни в хейме, ни при дворе. Она странствовала по лесам, по полям, по горам и долинам,

словно искала что-то – и только Скада могла бы сказать, чего ищет Дженна: новых приключений. И, пожалуй, стоило прислушаться к Скаде, которая знала сестру как никто.

Однако дочь Дженны уверяла, что мать ее ищет простоты, а сыновья, Джем и Корри, – что красоты. Карум не строил догадок, но каждый раз встречал ее с распростертыми объятиями и спрашивал только об одном: «Счастлив ли мой народ?»

И народ был счастлив. Карум заботился о том, чтобы его подданные – и коренные жители, и Гаруны – были сыты, имели хорошие дома и не опасались чужеземного нашествия. Армией командовал Пит, и берега Долин были хорошо защищены, а в стране царил мир. Марек стал одним из советников Карума, но Сандор вернулся домой, водил отцовский паром и писал мелким почерком для собственных сыновей воспоминания о своей бурной юности.

Прошло пятьдесят лет и одна неделя после коронации, когда Дженна вернулась домой из очередной своей отлучки. В пути ей все время было не по себе, хотя она не могла сказать почему. Она путешествовала одна, взяв в котомку лишь мех молодого вина да ковригу хлеба. Дичи было много, и Дженна не испытывала недостатка в еде. Луна находилась на ущербе, и Скада появлялась разве что вечером, когда Дженна расстилала одеяло поближе к костру. Но они часто ссорились без причины – беспокойство Скады не уступало Дженнинному, – и Дженна не жалела, когда костер догорал и Скада уходила.

Дженна сократила свое путешествие и воротилась в замок, предполагая, что Карум нуждается в ней. Прожив с ним столько счастливых лет, Дженна стала понимать его не хуже, чем Скаду, – как и он ее.

Она ехала по длинной извилистой дороге на белой лошади, праправнучке Долга, – у этой кобылки была самая ровная рысь и самый нежный рот из всех известных Дженне лошадей. Ворота замка распахнулись, и навстречу Дженне выехал всадник. Она сразу признала Скиллию по отсутствию руки.

Они поздоровались еще издали, и Скиллия крикнула:

– Скорее, матушка. Отец болен, и лекари опасаются за его жизнь. Я поехала искать тебя.

Когда Дженна узнала причину своей тревоги, та сразу прошла, и они вместе с дочерью вернулись в замок.

Карум лежал в постели. При нем находились сыновья, лекари и бледная как мел Петра. Дженна, отослав всех, села рядом с Карумом на кровать и стала молча ждать, когда он откроет глаза.

– Вовремя ты, – прошептал он.

– Я всегда являюсь вовремя.

– Ich crie merci.

– Да, любимый, я спасу тебя. – Она взяла его руки в свои. – Я отвезу тебя к пещере. Альта сказала, что я могу взять с собой еще одного человека. Мы будем жить там до конца времен, вечно юные.

– Я не могу бросить свое королевство.

– Чепуха. Наши сыновья и дочь немало помогли тебе последние двадцать лет. И ты обучил их на славу.

– А ты научила их жизни в лесу.

– За чем же дело стало?

Он улыбнулся былой медленной улыбкой, и шрам под глазом скрылся в веселых морщинках.

– Все дело в том ... что я никогда по-настоящему не верил в эту твою рошу.

– Ты согласишься. – Она поцеловала его руки, коснулась губами лба и встала. – Путь будет недолог, Длинный Лук, и ты сделаешь его с удобствами.

Карета с мягкой постелью везла Карума по Королевской дороге, где по обеим сторонам все еще стоял нетронутый лес.

– Мы почти на месте, любовь моя, – шепнула ему Дженна, когда они остановились. – Теперь начинается самое трудное. Придется тебе оставить свою удобную постель и перейти на сани.

– Лишь бы ты была рядом, моя Джен, – сказал он еле слышно из-за неистового щебета птиц.

Дженна отпустила сопровождавших их мужчин и женщин и сказала Скиллии:

– Проследи, чтобы все вернулись в замок. Здесь не должно остаться никого.

– Знаешь ли ты, что делаешь, матушка? – спросила Скиллия.

Дженна поправила выбившуюся прядь ее волос.

– Знаю, дочка. Как знаешь это ты, и Джем, и Корри. Теперь ваше время, а будущее принадлежит вашим детям. Мы подошли к новому повороту.

– Опять загадки! Ты же знаешь, как я их ненавижу.

– Ах, Скиллия, я давно уже поняла, что в загадках есть своя правда. И вот тебе правда: мы с отцом положили начало, но...

– Увидимся ли мы снова?

– Каждый раз, как ты будешь смотреться в зеркало, дитя. Как будешь говорить со своими дочерьми и сыновьями. Поцелуй меня. Я буду с тобой всегда, когда ты будешь нуждаться во мне.

Они обнялись. Скиллия отвернулась, чтобы мать не видела ее слез, и увела за собой остальных. Дженна дождалась, когда они скроются из глаз, уложила косы короной вокруг головы и потащила сани с Карумом через зеленый луг.

Гренны встретили ее на середине луга. Она не знала, те же ли это ее знакомцы, но на вид они были точь-в-точь такие же: не имеющие возраста, с тонкими косточками и прозрачной зеленой кожей. Они сомкнули круг около Дженны и Карума, но помощи ей не предложили. Карум глядел на них как зачарованный и даже приподнялся немного.

Трижды круг останавливался, чтобы Дженна могла уложить Карума поудобнее и напоить его. Время от времени он заговаривал с греннами, но они молчали. Когда странная процессия вошла в лес, где даже тени были зелеными, один

из гренов сказал: «Сюда», – вот и весь разговор. Карум же погрузился в беспокойный сон.

Взошел новый месяц, но Дженна почти не видела его за кронами деревьев. Скада появилась лишь на поляне, у самой пещеры. Как только она показалась, грены снова скрылись в лесу, а Скада с кривой улыбкой взялась за другую оглоблю саней. Они пошли легче, и женщины быстро дотащили их до черного, снабженного дубовой дверью входа в пещеру.

Дженна потрогала резьбу в одном месте, Скада в другом.

– Яблоко, – шепнула Дженна, – птица.

– Камень, цветок, дерево, – перечислила Скада. – Ты должна сделать выбор, Дженна.

– Я знаю. Только об этом и думаю с самого начала пути.

– Альта сказала, что ты можешь привести в рощу только одного, Дженна. Одного.

– И там, внутри, нет теней. Не знаю, чем все это кончится.

Карум со стоном открыл глаза.

– Грены ушли, Джен? Мы на месте?

– Почти на месте, – ответила Скада.

– Хорошо, что и ты здесь, Скада. Или трое, или никого.

– Со свечкой у постели или без нее, я всегда любила тебя, мой король.

– А я всего больше любил тебя за твой правдивый язык.

– Ты что, подслушивал? – рассердилась Дженна.

– Привилегия короля. – Он хотел лечь поудобнее и снова застонал. – Путь был дальний, но я ни за что не отказался

бы от него. Дженна, тебе не нужно выбирать между нами. Я уже покойник. Пусть о нас рассказывают что хотят. Наши дети будут править мудро и справедливо. – Он снова закрыл глаза. – Не важно, как мы поступим теперь. Главное, что о нас расскажут.

– Знаю, любимый, – улыбнулась Дженна, – но мы все-таки должны слушаться велений своего сердца. Сестра, готова ли ты? – Дженна протянула к ней руки.

– Да, сестра, готова, – улыбнулась Скада, протянув руки ей навстречу.

ЛЕГЕНДА

Есть два рассказа о том, как Белая Дженна вернулась в пещеру Альты. Женщины рассказывают так, мужчины иначе.

Мужчины повествуют о санях, найденных у входа в пещеру, когда в долине Вильгельма начали искать золото. На санях лежал мужской скелет, привязанный к ним затканными золотом ремешками. А в лунные ночи, говорят мужчины, на поляне видят двух бегущих нагих женщин, созданных из воды и звездного света. Набегавшись вдоволь, они переступают через скелет и на рассвете уходят в пещеру.

Но женщины рассказывают иначе. Они говорят, что Белая Дженна на руках донесла короля Длинного Лука до роши в скале, где их встретила Альта. И они снова сделались юными и полными сил. Они и посейчас пируют там со своими весе-

лыми друзьями, ожидая, пока мир снова не потребует их к себе.

МИФ

И Великая Альта распустила свои волосы, и золотые, и черные, и подняла темную и светлую сестру из бездны мира, и сказала:

– Вот вы и пришли к последнему перекрестку. Куда бы ни пошли вы – вперед или назад, налево или направо, вниз или вверх, конец всегда означает начало. Каждая история – это круг, и у каждой жизни своя история. Конец, есть начало, и только я могу сделать конец, истинным и начать круг сызнова.

МУДРОСТЬ ДОЛИН

Сердце не колено, оно не гнется.

Лучше рассказать историю, чем пережить ее.

Не рыба всех в реке умнее.

Сухое дерево, падая, увлекает за собой живое.

Дерево может пролежать двадцать лет в воде и все-таки не сделаться рыбой.

Если твой язык обращается в нож, он может порезать тебе губы.

Чудеса приходят лишь к тем, кто их не ждет.

Лучше воду пролить, чем кувшин разбить.
От ненависти лекарства нет.
Слова – это всего лишь прерванное дыхание.
Солнце катится медленно, но всю землю обходит.
Ставь ловушку до того, как крыса пробежит, а не после.
Ягоды по весне либо красят, либо в гроб кладут.
Глупая преданность – худшее из зол.
Злой язык и жену делает злой.
Смейся больше – проживешь дольше.
Не знать плохо, но не желать знать еще хуже.
Не отмеряй саван, пока нет покойника.
Кто вперед ума забегает, непременно споткнется.
Голод – лучшая приправа.
Сон – младшая сестра смерти.
Сердце бывает жестоким хозяином.
Кошка, которая подала голос однажды, сделала это на один раз больше, чем следовало.
Лишь глупая стремится к концу – умная жаждет начала.
Воин умирает от меча, душитель от веревки, а король от короны.
Мужской глаз больше брюха и меньше мозга.
Час потеряешь – жизнь сохранишь.
Опыт редко бывает ласковым хозяином.
Не в чем обвинить – нечем пристыдить.
Убьешь однажды – каяться станешь всегда; убьешь дважды – не каешься никогда.
Вера – это старая собака в новом ошейнике.
В совете королей сердце не имеет голоса.
Красивый сон стоит ночного отдыха.

У мышки право, у кошки – когти.

Женский обет – что по камню вода: быстро стечет и пройдет без следа.